

Марьяна Брай

Увидимся
В НЕВСОМ СВЕТЕ

Мы с подругой вместе с самого детства, и ее ум всегда дополняли моя находчивость и безрассудность. Но когда вместо "того" света я попала в Новый свет, с его трудностями и опасностями, мне бы оченьгодились ее знания. История попаданок в Новом свете. Исторический подтекст. Времена освоения новых земель. Приключения, находчивость, и конечно бытовое историческое фэнтези. Острый язык, любовь и ситуации, из которых наши женщины выходят с высоко поднятой головой. Где наша не пропадала? Нет! Где наша не выживала!

Марьяна Брай

Увидимся в Новом Свете

Глава 1

— Еще одна святоша вернулась в этот чертов мир...

— Заставьте ваш грязный рот замолчать, иначе, я попрошу мистера Ланкриджа вышвырнуть вас за борт...

— Вы считаете, что он выкинет за борт свои деньги? Да мы стоим, как хорошая корова, — голос смеющейся женщины полностью привел меня в чувство. Говорили на английском, но язык был странным.

Я открыла глаза, и вместо каюты лайнера увидела ад, и, если это был не он, тогда это его филиал. Это было вонючим трюмом корабля, который я видела только в кино: полумрак, страшная качка, нечистоты, разлитые по полу, занятому лежащими людьми, тюки, сундуки и сетки. И страшный смрад. Пахло кислятиной, слежавшимися телами, мочой. Многие люди лежали без сознания, тут и там они стонали, метались в горячке. Нет, это, все же ад.

— Дитя, Бог услышал наши молитвы, и ты, наконец пришла в себя, — надо мной склонилась женщина лет пятидесяти, в грязном шерстяном платье, застегнутом под самый подбородок. Когда-то белый воротничок был страшно запачкан, как и белый чепец.

— Что за хрень здесь творится? — я говорила это тихо, но женщина, что сидела надо мной, услышала и свела брови так, что они стали почти единой линией. Я облизала пересохшие губы — на них была соль.

— Не смей перенимать эти гнусные выражения, ты светлая душа, которую Бог призвал на службу, и имей уважение к твоим сестрам, что вместе с тобой сейчас переживают эти тяготы, — она прошипела мне это прямо в лицо, и я решила не спорить с ней, пока не разберусь.

Я осмотрелась внимательнее, хоть голову и кружило, но глаза привыкли к полумраку. Мне ко рту прижали кружку с водой, и я жадно пила, чувствуя, как горло разлипается, язык становится мягким, податливым. Рядом со мной лежали и сидели девушки в таких же платьях, что и на той, которая пыталась объяснить мне какую-то ересь про Бога и тяготы. Тощие, с практически синими лицами, у них не было сил даже для того, чтобы стоять, если они поднимались для того, чтобы помочь, одной из них, когда тех тошнило.

В другой части трюма сидели совсем другие пассажирки. Если это карнавал, то им костюмы явно удались лучше, потому что это были женщины с распущенными, хоть и грязными волосами, в разноцветных жилетках, юбках и белоснежных когда-то рубашках под жилетками с корсетом. Таких я видела в каких-то фильмах. Некоторые из них тоже лежали, с трудом преодолевая постоянную тошноту, некоторые, судя по поведению, были пьяны. Они все говорили на английском, как и эти, в белых когда-то чепцах.

Я посмотрела на себя и увидела шерстяное платье, что раньше было темно синим, а сейчас блестело от затиров, на голове я нащупала чепец, под которым туго свернутые в пучок волосы превратились в колтун. Волос было так много, что, если бы я не чувствовала своим телом как руки проводят по голове, я бы думала, что касаюсь незнакомого мне человека.

— Если тебе лучше и больше не тошнит, нужно поесть, чтобы быстрее помогать тем, кто ухаживал за тобой, пока ты была в бреду, — девушка в таком же платье склонилась и подала миску, из которой пахло хреново. Это было месиво из рыбы, которая, скорее всего, разварилась и превратилась в клейстер, и каши, вроде сечки. Даже моя собака не стала бы

есть это под угрозой смерти. В животе заурчало, но я поняла, что вырвет меня раньше, чем эта дрянь упадет в мой желудок.

— Нет, спасибо, меня еще мутит, лучше отдай тем, кто действительно голоден, — я отстранилась от деревянной миски и прикрыла рот, показывая, что если она сейчас не уберет, то миска станет полнее.

— Хорошо, Лиззи, тогда, помоги мне. Нужно обтереть всем лица, так им будет легче, — она отставила миску и взялась за деревянное ведро с мутной водой, в котором плавали тряпки. К моему горлу снова подступила волна, но я решила, что нужно двигаться, осмотреться, иначе, я ничего не пойму. Какая нафиг "Лиззи"?

Я засунула руку в ведро и отжала одну из тряпок. Сначала я сидя дотягивалась до лежащих рядом девушек, что дышали надсадно, сипло. Одновременно я посматривала в сторону разноцветных девиц, что не забывали, судя по всему расчесываться. Они сейчас смеялись и сыпали тупыми пошлыми шутками, когда к ним подходили мужчины, что спускались в трюм, чтобы заняться другими больными. Только встав, я увидела, что там, возле тех женщин, на полу лежали человек пятнадцать мужчин, и, судя по накрытым лицам, некоторые были мертвы.

— Этот чертов новый свет берет большие взятки душами. Скажите, мистер, сколько живых довозит этот гроб к вашей обетованной земле? — самая громкая из них, рыжая, чуть полноватая, но ладная, поймала за рукав мужчину, что собрался зашивать в ткань одного из мужчин.

— Заткнись, Бетти, иначе, если ты подохнешь, мы сбросим тебя на корм рыбам без молитвы, — он отстранился и внимательно смотрел на мужчину, прежде чем соединить края ткани на его лице.

— Отвратительно, когда вы протыкаете им нос. Он и так мучился, прежде чем отдать душу вашему Богу, так вы еще над мертвым издеваетесь, — визгливым голосом озвучила его действия еще одна — тощая, белокожая, со впалыми щеками, и от этого кажущимися еще больше, карими глазами. На вид ей было лет тридцать, но, здесь все выглядели очень плохо.

Мне не видно было того, что мужчина делал с мертвым, но я вспомнила, как Лиля рассказывала мне о старинном правиле моряков, где последним стежком ткань прошивали вместе с крыльями носа. Потому что на корабле нельзя было долго держать мертвого, а так проверяли — не жив ли человек. Давно. Это было очень давно. Где я, и где Лиля? Это не может быть реконструкцией событий. Уж сильно реальны эти мертвые мужчины и женщины, эта вонь, этот запах смирения, который наступает только после страха смерти. Это не мое тело, это не мой голос и язык, это не мое время. К горлу подкатывала паника, и я поняла, что не смогу сдержаться — я теряла сознание.

— Детка, детка, нет, мы только вернули тебя, и теперь, когда ты пережила весь этот ад, ты обязана жить, — я думала это был сон, но надо мной снова склонилась эта женщина, она поила меня из большой деревянной ложки водой, и мне становилось лучше. Я пыталась не думать о том ведре с грязью, которой мы обтирали лица девушка.

— Кто вы? — я старалась говорить шепотом, чтобы не открыть себя. Мне было так страшно, что сердце билось, как птица в клетке, теперь я точно знала значение этих слов.

— Девочка моя, ты много пережила, неудивительно, что Бог пытается закрыть тебя от того, что ты здесь видишь. Я сестра Маргрет из прихода. Не помнишь? — она с испугом смотрела на меня, но отвечала тоже шепотом, боясь, что остальные девочки нас услышат. — Элиза, я сопровождаю вас, как невест для новых поселенцев в Новом Свете. Мы плывем на

корабле мистера Ланкриджа.

— Давно плывем?

— Почти три месяца, дитя мое. Ты начинаешь вспоминать? Ты росла в приходе вместе с этими девушками, твоими сестрами перед нашим Богом. Его Величество дал благословение, когда Вирджинская компания запросила невест для служащих в этих новых землях. Наш приход повиновался ему, и теперь вы станете достойными женами и помощницами тем, кто осваивает Новый Свет, — я видела в ее бесцветных серых, или когда-то голубых глазах безысходность и усталость.

— Все хорошо, сестра Маргрет, я приду в себя, не беспокойтесь, — я хотела кричать, пинать ногами все, что под них попадет, хотела плакать так громко, чтобы меня услышал их чертов Бог, но мне было жаль ее, а еще, жизнь научила меня быть сильной там, где кажется, что выхода нет совсем.

— Еды сегодня не будет, у нас заканчивается вода, поэтому, вам раздадут только сухари. Чистая вода только на питье, и советую вам ограничить ее для тех, кто уже точно не поправится, — мужчина, что зашивал саваны стоял посреди трюма с деревянным ведром, в который была погружена большая, вроде половника, деревянная ложка. Человек за его спиной держал в руках мешок, а этот, первый, запускал туда руку и по горсти насыпал в протянутые тут и там ладони. Я представила, как он закрывал глаза и протыкал толстенной иглой нос умершим. Этими руками. Руками, которые он вряд ли мыл, и волна удушья снова прокатилась к горлу, но меня уже не тошнило — желудок был пуст.

Когда к нам перевели Лилю, мне было семь. Я приехала сюда пару месяцев назад, но уже дала понять старшим, что выцарапать глаза я могу даже троим, и после моих укусов раны не заживают долго. Детский дом был моим постоянным домом, и я не знала другой формы жизни, не знала, как жить с родителями, и завидовала только одному — те, другие, домашние дети имеют свою личную комнату.

Лиля была тощая как щепка, с ободранными, крупными как у жеребенка, коленями. Ее жидкие косички были переплетены сзади и завязаны в бант. Она сразу подошла ко мне и спросила:

— Тебе больно? — потрогала пальцем шрам на виске, который я получила в честном сражении, отвоёвывая право на свою котлету в столовой. — Иди, я тебе подую, и все заживет. Бабушка так делала, и мне сразу помогало.

С этого момента этот чахнувший от горя потери цветок, занял ту часть сердца, которая, видимо, предназначалась для любви. Она на долгие годы заполнила мое сердце полностью. Мы стали сестрами, подругами, учителями и родителями друг для друга. Теперь мне приходилось драться в два раза больше, но Лиля дула на раны так, что они сразу переставали болеть.

Мы получили комнаты в одной коммуналке, и для этого мне пришлось объяснить директрисе, что, если она не поспособствует, ее дача перегреется на солнышке и сгорит к чертям собачьим, а где эта дача, я хорошо знала — именно туда нас привозили «отдохнуть на свежем воздухе» с тяпками и лопатами, когда дети директрисы купались в реке и жрали яблоки.

Мы влетели во взрослую жизнь как необъезженные лошади, и, если бы не Лиля, я давно попала бы в плохую компанию, но она «дула» мне в уши так же качественно, как и на раны, и находила слова, чтобы отговорить от дурного, заняться делом, пробиваться в этой жизни, которая была нам мачехой.

Только она называла меня Маней, остальным этого делать было нельзя. Для остальных я была Марией.

Мы объединили две комнаты в одну квартиру, угол у окна одной из комнат заняли кухней, у входа была прихожая. Рукастые парни из спортзала, в котором я, как говорила Лиля, «гасила гормональные взрывы», помогли с обустройством душевой здесь же. Мы зажили так, как рисовала мне в своих рассказах перед сном в детском доме Лиля.

Я работала везде, где можно, потому что любой институт отторгал меня как наш дом отторгал ежегодно обновляемую штукатурку. У меня было слишком много личного мнения, слишком твердые кулаки и слишком длинный язык.

К тридцати годам мы поменяли свои комнаты на квартиру, и для этого нам пришлось работать как на плантации — «отсюда и до заката».

Лиля получила три высших, защитила докторскую, и была научным сотрудником в таком количестве мест, что я уже не могла запомнить. Она была историком от Бога. Не было ни одних раскопок, где студенткой не влезла бы Лиля, не было ни одного исторического мероприятия где не выступала бы она со своими индейцами и пуританами.

Я ходила в спортзал, вела несколько групп — сама была тренером. Основной мой заработок — найти товары, которые кажутся людям не нужными, правильно представить их,

сделать рекламу и найти сбыт. Иногда не было денег по три месяца, а иногда за неделю нехитрых кликов в ноутбуке, и мы могли позволить себе поехать за границу.

В один из вечеров, когда мы планировали отмечать мою сделку, Лиля ворвалась домой, прыгнула ко мне на диван так, что тарелка с орешками, что я уплетала, смотря очередной бокс, вылетела из рук и покатила под столик:

— Маня, у меня для тебя преприятнейшее известие...

— К нам едет Поветкин?

— Кто это? — Лиля напряглась, не понимая о ком я говорю.

— Боксер. Лучший. Только это спасет тебя от того, что я сейчас устрою за просыпанные орехи, — я знала, что сейчас меня будут уговаривать пойти на очередной симпозиум, и в голове быстро искала причину, чтобы отказаться.

— Нет, нам и тебя здесь хватает, — она указала на угол в комнате, где висела «груша».

— Тогда, с чем связана эта волна счастья?

— Мы отправляемся в круиз, на настоящем трансатлантическом лайнере. Из Англии в Америку! Ты дыбын! — с этим звуком она достала из-за спины бумажки. На картинке был белый лайнер, вода, бокалы с шампанским и прочие регалии буржуйской жизни. — Даже не думай начинать придумывать что у тебя болит, потому что все оплачено, все оговорено.

— Там очередной слет зазнаек с пятью высшими, Кембриджем, членством в Масонской ложе и их женами на наркоте? — я скинула ее ноги со своих коленей, и полезла собирать орехи с пола, который час назад мыла.

— Нет, это поездка, дабы отдать дань тому, что я изучала все эти годы, Мань. Четыреста лет будет славному Дню Благодарения...

— Даже я, которая не помнит, когда День Конституции России, помнит, что этот праздник осенью, потому что мы его отмечаем пышнее, чем Рождество и Восьмое марта.

— Мань, — Лиля села прямо, положила руки на колени. Эта поза означала, что наша жизнь меняется. Такое уже было, когда она сама нашла квартиру, взяла кредиты в банке и подготовила документы на продажу, а рассказала мне уже в последний момент. Мне стало беспокойно. — Мань, я приняла предложение одной очень известной компании. Я стану руководителем нового университета — это филиал Американского. Я больше не буду ездить по раскопкам, сборам и всяким выставкам. Я поняла, что мне уже за тридцать, и пора сделать жизнь более домашней.

— Что? Ты отказываешься от открытий? Да перестань, это очередная уловка, чтобы заманить меня на лайнер со снобами, — я села рядом и взяла ее руку в свою.

— Все уже открыто. Только я как девчонка с горящими глазами скачу с одного места на другое.

— Лиль...

— Это правда. Мы поедем, и я подпишу там все необходимые документы, неделю покатаемся по Штатам, и приедем взрослыми и спокойными. Для новых дел.

— Ты говоришь сейчас как Маргарет Тэтчер. Это не похоже на тебя.

— Мань, нам за тридцать, а у нас ни родины, ни флага, как говорит соседка, «ни Богу — свечка, ни черту — кочерга». У нас не было времени даже на то, чтобы завести семьи. Ты в курсе, что все считают, что у нас однополая семья? — она смотрела на меня так, словно открывала мне страшную тайну.

— Пусть считают, что хотят. Я хочу жить так, как хочу. По-другому я не умею. И ты не умеешь, — я встала, и начала ходить из угла в угол, и Лиля мотала головой, смотря на меня.

— Нет, Мань, я устала. Правда. Я не выжму из камня воды. Такого предложения больше не будет. С первого же чека мы продадим квартиру и купим дом в Подмосковье. Я уже проверила — нам хватит. Мы будем жить медленно, радуясь каждому дню.

— Я не стану спорить с тобой, и надеюсь, ты получишь именно то, что ты хочешь, — я села обратно на диван, открыла бутылку шампанского и разлила по бокалам.

— Ты переживаешь, что это нас с тобой разлучит? — Лиля взяла меня под руку и положила голову на мое плечо. — Никогда, Мань, мы с тобой увидимся даже на «том» свете, вот увидишь.

Лайнер был эпически красив. Я никогда не видела их так близко. Дорога до Англии была не интересной. Мы летали туда много раз, а вот лайнер... Это как огромный дом на воде. Даже не дом, а жилой квартал. Люди на нем выглядели как спичечные головки.

Вода всегда пугала меня. Я начинала тонуть сразу, как только под моими ногами терялось дно. Купания в бассейне и лежание возле берега в набегающих волнах — были моими самыми экстремальными видами плавания.

— Восемь дней, о Святой Христофор Колумб, восемь дней мы будем спать в каюте с выходом на балкон, с видом на наш личный океан, Маня, мы поплывем как мать их, буржуи, — Лиля скакала по каюте, и постоянно открывала стеклянную дверь. Апрель здесь был много теплее, чем у нас.

— Не поплывем, а пойдем, Лиль, — однажды я чуть не вышла замуж за моряка, ну, не прям моряка с лентами по спине и танцем «Эх яблочко», просто парень служил на море. Скорее всего, красил там круглосуточно наш морской флот, потому что я лично ему ничего бы сложнее веника и кисти не доверила.

В первый вечер, в ресторане было шоу. Вечерние платья, фуршеты, огни на палубе. Мы шли дорогой гребанных пилигримов, и если бы они знали, как эту дорогу будем проходить мы, в какой роскоши и с какой скоростью, они «забили» бы на Америку.

— Смотри, нужно срочно найти эту песню, — я встала на нижнее перекрестие балкона, раскинув руки как в фильме «Титаник».

— Какую песню? — Лиля переодевалась в пижаму, танцуя, и на ходу отхлебывая шампанское.

— Ну, из «Титаника», иди, встань позади меня, жаль на нос не пускают, получилось бы лучше. Я поднялась еще на одну стальную перекладину, потом еще на одну. Платье запутывалось между ног, кричали чайки. Скоро их не станет, потому что они не могут покрыть эти расстояния. — Лиля, смотри, я лечуууу, — коленка подогнулась, и я поняла, что начинаю падать. Мысли понеслись с такой скоростью, что все происходящее было как в «слоу-мо». Под балконом еще палуба, там я точно переломаю спину. Если оттолкнуться и сместить центр тяжести, я упаду в воду.

Кажется, у меня получилось. Тело, привыкшее к спорту, быстро среагировало. Но я не помню момента погружения в воду. Лиля, прости, что оставила тебя. Кто будет заступаться за тебя, и кто будет теперь дуть на мои ссадины? Прости.

Даже когда мне разбивали губы в кровь, я не плакала, но сейчас больно было не телу, болело сердце. Болело так, что не хватало воздуха. Я ненавидела всех, кто был рядом в этом вонючем корыте. Я ненавидела каждое лицо, даже тех, что помогали мне.

Хоть я уже и могла ходить, я поднималась только для того, чтобы сходить за грязную тряпку, выполняющую роль шторки в нашем туалете. Ведро приходилось выносить самим.

Для того, чтобы выйти на палубу, нужна была причина. Ведро было единственной причиной для выхода, и я решила ею воспользоваться. Кроме этого, нужно было помыть здесь пол, потому что вонь не просто мешала дышать, я чувствовала ее даже во сне, когда забывалась на час максимум, чтобы вздрогнув, как от кошмара, проснуться в кошмаре еще худшем, чем приходили во снах.

— Ну, как тебе путешествия, бедная овечка? Думала, жизнь будет белой, как твой чепец, и ты такой же светлой выйдешь замуж за бумагомарателя, что строчит липовые отчеты в компанию, нарожаете детишек, и будешь счастливо жить? — та, которую матрос называл Бетти, с ехидной улыбкой встала на моем пути перед лестницей — единственным выходом из трюма.

— Если еще раз разинешь на меня свою вонючую дыру, которую ты считаешь ртом, я утоплю тебя в этом ведре, поняла меня? — я наклонилась и прошипела ей на ухо, показывая содержимое ведра. Она не столько испугалась того, что я действительно могу мокнуть ее рыжую голову в местный туалет, сколько оторопела от слов, что изрыгал мой пуританский рот.

Она отошла, и когда еще двое хотели пошутить надо мной, выставила руку вперед, не давая им пройти ко мне.

Первый глубокий вдох чистого воздуха сделал жизнь сносной. На палубе было тихо — паруса надувал ветер, и беготни, которая была пару дней назад не было. Мистер Ланкридж был на мостике, и чуть наклонил голову в знак приветствия. Я прошла в заднюю часть, вылила ведро за борт, и взяла чистое ведро, которое стояло тут же, с привязанной к нему веревкой. Скинула его, набрала воду, вытянула, перелила в мое, грязное, сполоснула и вылила снова. Набрала еще одно чистое ведро и попросила ведро, из которого можно было помыть пол у проходящего мимо.

— Бери любое, да хоть это отвяжи, — ответил мне проходящий мимо моряк.

— Но там на полу грязь, и, если потом использовать его здесь, эту грязь разнесем по всему судну.

— Делай как хочешь, — он не хотел говорить со мной, отмахнулся, и пошел мимо.

— А для питьевой воды у вас, надеюсь отдельная посуда? — я прокричала ему в спину, но он даже не обернулся. Но подошел мальчишка лет шестнадцати:

— Мэм, это Дики, он не будет с женщиной говорить, если не сидит с ней в таверне, предварительно заплатив за ночь вперед, — парнишка шурился на солнце, которое делало его рыжую голову почти медной, и у него не хватало зуба с левой стороны, и он старался улыбаться именно в эту сторону, наверно, хотел показать, что достаточно взрослый для драк.

— Хорошо, дай мне ведро для пола, нужно вымыть пол, потому что нечистоты уже въедаются в дерево, и запах там останется навсегда.

— Я сам вымою там, мэм, вам нельзя этого делать, если капитан увидит вас с тряпкой,

он велит выдрать всю команду.

— Как тебя зовут?

— Малкольм, мэ.м.

— А я Элиза, ну вот мы и знакомы, — я подала ему руку, чтобы по привычке пожать, но он расширил глаза, и стоял, не зная, как поступить в этой ситуации.

— Мне надо бежать, а то мистер Ланкридж уже смотрит на нас, — он снова посмотрел на мою ладонь, отвернулся и побежал от меня, как от огня.

Я стояла там часа полтора, смотря на горизонт со всех сторон. Да, разбейся эта посуда, никакой вертолет за тобой не прилетит. Капец в самом худшем его виде, Маня. Хорошо, что Лиля этого не видит. От раздумий меня отвлекло то, что я поняла, как чешется все тело. Платье было словно из картона, и «стояло» от грязи. Я расстегнула две мелкие пуговицы и дышать стало значительно легче. Было тепло и логично было раздеться, помыться и погреться на солнышке, подышать воздухом.

— Элиза, сейчас же вернись вниз, и застегнись. Я не замечала за тобой, чтобы ты раньше вела себя неподобающе, Бог смотрит на тебя. Мне сказали, что ты разговаривала с мужчинами? — ко мне, на всех своих возможных для этого тела парах, словно мина паровоз, неслась сестра Маргрет.

— Сестра Маргрет, здесь чистый воздух, нет вони и солнце, если девушки будут выходить хоть на пол часа, они быстрее выздоровеют, нежели в этой сточной канаве, которую тут именуют трюмом, — я и бровью не повела на ее истерику.

— Нет, нельзя, Элиза, и я тебя не узнаю. Ты никогда не спорила со мной. Если ты забыла и то, как себя вести, я постараюсь тебе напомнить, — она схватила меня за предплечье, так, что ногти впились в кожу. — Сейчас же, спускайся, — прошипела она мне, и я увидела, как меняется ее благолепное лицо, и я вижу уже не монашку, а мегеру.

— Сестра Маргрет, наш Бог не разрешает гневаться, злиться, и желать смерти, и он не одобрил бы ваше выражение лица, где ваше терпение и смирение? — я умела бить не только кулаками, потому что Лиля доказала мне, что слова ранят больше. Эта сучка не ломает меня, и я добьюсь того, чтобы нам разрешили выходить. Что-то мне подсказывает, что это именно ее приказ, а не мистера Ланкриджа, который любезно поздоровался со мной. Я посмотрела в сторону трапа — входа в трюм, там, с ехидной миной стояла Бетти.

Пока сестра Маргрет переваривала информацию, делясь между злостью и Словом Божьим, я подошла к Бетти.

— Ну что, овечка, поняла кто здесь волк? Будешь вести себя неподобающе, — она произнесла последнее слово голосом Маргрет. — Будем тебя воспитывать. Так что, в следующий раз, подумай, прежде чем отвечать мне, — она открыто улыбалась, поправляя корсет.

— В следующий раз, когда я посмотрю в твои глаза, сделай очень глубокий вдох, — я прошипела это ей, и начала спускаться.

— Зачем? — она смеялась уже без прежнего энтузиазма.

— Чтобы не проглотить содержимое ведра, когда твоя голова будет в нем, — я спустилась к девушкам, не смотря на этот сброд разномастных женщин. Я уверена, что не все они как Бетти, но пока проверять не стоит. Мои «сестры» — так себе тыл. И если эти «красотки» пойдут на нас, «сестры» бухнутся на колени и будут молиться — так себе помощь.

— Сестры, кто может встать, берите под руки сидящих, мы должны выйти на свет и

помолиться, должны возблагодарить Господа нашего за то, что сохранил нам жизни, — с этими словами я взяла под руку одну из слабых, и начала выводить на палубу. Тогда-то я и поняла, что с Бетти я не справлюсь. В этом теле хорошо работает только язык. Ну, хоть что-то. Спасибо молитвам, Элиза, но ты могла бы их читать приседая или подтягиваясь.

Девушек выводили на свет, и я, наконец, рассмотрела будущих жен. У меня был один вопрос — куда мы плывем, вернее, идем? А еще, какого черта все такие страшные? Мне стало интересно — как выгляжу я. Впервые я подумала о том, что даже не представляю своего лица.

— Сестра, а где мы должны высадиться, я не помню название. После болезни, словно по голове ударили — ни памяти, ни сил, — я спрашивала ту, что всматривалась в горизонт, и от того, что она не моргала, ее глаза, похожие на рыбы, слезились.

— Элиза, мы должны были прибыть в Джеймстаун пару дней назад, но берега все нет, и Бог оставил нас, — она собиралась плакать, но я взяла ее за плечи и повернула лицом к морю.

— Напомни свое имя, у меня голова до сих пор как в тумане, — я встряхнула ее, и она посмотрела на меня, наконец-то, осмысленно. — Отчаяние — грех, сестра, ты должна быть сильной, ведь ты несешь веру в новые земли. Смотри на море, дыши, ты чувствуешь, какой здесь чистый воздух! Не то что внутри. Теперь нужно выходить каждый день. И ноги окрепнут, и солнце вылечит все болячки на твоем лице.

— Я Айлин, — она посмотрела на меня снова, и я почти услышала скрип ее мозга, который переваривал информацию об отчаянии. — Да, спасибо, Элиза, я согрешила, отчаявшись...

— Но наш Бог милостив, и он улыбается сейчас, видя, что ты призналась в грехе, — сестра Маргрет, наконец, увидела во мне помощь, и "села" на свою любимую тему проповеди.

— Сестра Маргрет, теперь вы видите, что они начали улыбаться. Мы должны помочь им снова обрести надежду. Вы можете завтра провести здесь, на палубе, небольшое чтение псалмов? Думаю, этим нечестивым девкам будет полезно услышать слово Божье. А в трюме как раз повторяют уборку и там все просохнет, — я опустила глаза, взяла ладонь матушки Маргрет в свои и аккуратно прикоснулась носом, вжимая губы между зубами, чтоб случайно не задеть ими ее руки.

— ... и мы, сестры мои, должны чтить и любить Бога, доверяя нашу жизнь только ему. Да будет на пути нашем земля, да воссияет над ней свет любви Божьей, — сестра Маргрет, похоже, снова вошла в раж, но вся команда, и даже компания женщин, которых капитан тоже заставил принять участие в службе, молча и внимательно слушали ее. Не знала, что буду так рада проповеди, но она была сегодня очень кстати.

Я все это время, встав подальше, за спины моих «сестер», разглядывала людей. Среди пестрой компании женщин, которые, как оказалось, тоже плыли к новым мужьям, чьих лиц даже не видели, были в основном, воровки, но, поговаривали, что заработать телом для них тоже не представляет труда. Их осталось шесть человек из восемнадцати. «Наших» квакерш осталось семеро вместе с Маргрет и со мной. Бог интересно сравнивал счет, потому что «сестер» в начале пути было двадцать.

Бетти — рыжеволосая, чуть пухлая, с достаточно милыми округлыми чертами, но язвительным изгибом губ, стала в этом пестром стаде кем-то, вроде главаря. Она спорила и ругалась не только с нами, но и с членами команды. Мужчины не спорили с ней, но иногда, когда она забывалась и начинала хамить, давали отпор и несколько затрещин. Материлась она не хуже команды, и некоторые матросы угощали ее пивом и виски, потому что она могла поддержать беседу на том уровне, который развлекал мужчин.

Ее подпевала — тощая, кареглазая Анна, сейчас открыв рот слушала Маргрет, и не известно, что творилось в ее голове, но глаза у нее слезились. Ее впалые щеки говорили или о болезни, или о слишком активном метаболизме, потому что, если посмотреть на нее с подругой, было ощущение, что Бетти объедала ее, но это было не так.

Остальные были скромнее, и просто держались кучкой, обычно, они болтали, подшивали свои платья и юбки, спали днем, а ночью уходили на палубу, где им иногда, видимо, от команды, тоже перепадало пойла, которое они называли «виски». Смех стоял до глубокой ночи, и капитан не собирался бороться с этим, так как знал, что больше отдушины перед смертью у ребят нет. А то, что все идет не так, как задумано, говорил взгляд капитана. Слишком долго мы были в море.

Маргрет разошлась как «холодный самовар», и начала рассказывать о грехах и наказании за них, но надо отдать ей должное — говорила она так эмоционально, что даже я иногда ловила суть сказанного. Я стояла, закрыв глаза и наслаждалась солнцем, чувствуя, как оно прогревает тело под шерстяным платьем, но не может добраться до ледяного кома в области сердца.

— Сестра Маргрет, спасибо вам за сегодняшнюю службу, — начал было капитан Ланкридж, но Маргрет перебила его, что она делала часто и со всеми:

— Нужно благодарить Бога, мистер Ланкридж, ведь мы живы, и сегодняшнее воскресенье было таким воодушевляющим, что я не могла промолчать, — она еще говорила бы, но капитан понял, что это надолго.

— Сегодня мы откроем неприкосновенные запасы, в которых есть мясо и пиво, и я велю разделить их между всеми нами поровну. Сегодня у нас будет хороший ужин, сестра. Мы все заслужили не только надежду, но и пищу, — он чуть поклонился в нашу сторону и пошел на мостик, а я нашла глазами Айлин и подошла к ней.

— Элиза, какая сегодня хорошая была проповедь, мне даже показалось, что я снова в

приходе, что нас опять защищает Бог, — меня начинала злить эта фанатичная ересь, но эта девушка много болтала, и она была моим лучшим проводником в этом мире. Мне нужно было знать больше.

— Бог и сейчас с тобой, Айлин, смотри как солнце пригревает нас, надувает наши паруса, а значит, ведет нас к цели, — я взяла ее под руку. — Скажи, а мы должны знать имена этих мужчин, за которых выходим замуж?

— Нет, Элиза, но они все честные и добрые христиане. Некоторые уже давно работают на «компанию», помогают прибывшим осваивать новые поселения. Это судьи, секретари, там есть даже доктор. Несколько богатых ремесленников и трактирщиков.

— Но мне кажется, что нас многовато. А эти? — я мотнула головой в сторону девушек в ярком.

— Им тоже оплатили дорогу мужчины. Их берут ремесленники, но те, что пониже статусом, потому что часть дороги за них заплатил Его Величество, — она наклонилась к моему уху и продолжила:

— Некоторые сидели в тюрьме, и теперь им простили все их непотребства и воровство, чтобы они стали семейными христианками. Когда мы вышли из Англии, я думала Бог отвернется от нас, потому что они были такие развратные, — Айлин закатила глаза. — Но потом всем становилось плохо, а сестра Маргрет сказала, что мы не должны осуждать их, а должны молиться, чтобы Бог дал им веру.

— Понятно. Слушай, а какой сейчас год и месяц? — я боялась задавать этот вопрос, и надеялась, что услышу от кого-нибудь о датах из простого разговора, но людей, похоже, просто не интересовали даты.

— Число я не знаю, Элиза, но сейчас точно июнь. А год двадцать первый...

— А полностью год?

— Одна тысяча шестьсот двадцать первый, Элиза, ты что? — она засмеялась надо мной. Я заметила, что девушки из «этих» наблюдают за нами.

— Да, точно, что-то с головой, — я отстранилась от нее. Пошла к другому борту, и старалась дышать глубоко. Я знала только одно — в этом году впервые отпраздновали День Благодарения. Осенью. С индейцами, мать их, у которых луки и стрелы, которые будут снимать скальпы, когда поймут, что поселенцы будут только прибывать. Лиля, как мало я слушала тебя. Мне была просто не интересна эта тема. Какой же я была дурой. Я даже дат основных событий не знаю.

— Выглядишь потерянной, овечка, — я услышала за спиной голос Бетти.

— Когда ты туда приедешь, тоже офигеешь...

— Куда?

— Куда тебя везут, детка — в Новый Свет. Потому что там «ад и Пакистан», и мы все должны держаться вместе, — я повернулась к ней.

— Па-ки...

— ...стан, Бетти, так все не так просто, как нам описали. И никакие мужья, и даже губернатор, нас не защитят. Поэтому, я объявляю перемирие. Толку от Маргрет так мало, что я готова заключить с тобой союз.

— Что такое «Па-ки-стан»?

— Это как ад, только в нем не черти, а люди с тамагавками. Они с живого человека снимают кожу вместе с волосами, и поскольку они все темноволосые, твоя грива придется им по душе больше всех. Потом расскажу, Бетти. Нужно начать тренироваться.

— Что делать? Ты испугалась меня, поняла, что спорить со мной не надо? И теперь подмазываешься, овечка?

— Я могу прямо сейчас скинуть тебя за борт, но не стану, потому что ты мне нужна там, на этой новой, мать ее, земле, — я схватила ее за ладонь, вывернула ее чуть назад и оттянула большой палец. Бэтти сама присела и вывернулась, лишь бы не чувствовать этой боли. Этот захват из айкидо знали даже школьники, и если исхитриться, то десятилетняя девочка может вот так вот «загнуть» взрослого мужчину.

— Все, все, отпусти, как ты это делаешь, я же сильнее тебя?

— Потом научу, но сейчас никому ни слова. Ты увидишь, что я была права. Поэтому, нам нужно держаться вместе.

— Хорошо, я поверю тебе, только не надо больше вот этих проповедей, хорошо?

— Благодаря проповедям, нам можно побыть на палубе, так мы быстрее наберемся сил.

— Эх, овечка, странная ты, и, похоже, не та, за кого себя выдаешь. Ладно, но имей в виду, я буду наблюдать за тобой, — она сощурила глаз, и внимательно посмотрела на меня. Неужели это настоящий рыжий цвет волос? Ну, если бы красилась, сейчас были бы видны отросшие корни.

— Леди, пройдем сюда с кружками, и я каждой налью пиво, — кричал матрос, подмышкой которого был небольшой бочонок, скорее всего, капитан понял, что не понимает где мы, и когда будет земля. И решил «расшарить» свои личные запасы.

— Мы не будем это пить, — начали было «сестры», но я подходила к каждой и объясняла, что это полезно сейчас, и позволит продержаться дольше. — Пейте все до дна, и жуйте это чертово мясо. Возможно, это последняя пища.

Через час корабль стал сборищем пьяных баб, потому что пить на голодный желудок — та еще радость, а пиво здесь оказалось не тем, что я пила дома. Теми же были только звезды. Маргрет заснула первой, как и большинство «сестер», и сегодня был отличный вечер, когда я увидела ночное небо.

Я сидела на палубе в куче снастей, запрокинув голову и искала знакомые созвездия. Голова приятно кружилась. Пиво я тянула по глотку весь вечер. Может быть, там, в нашем времени, Лиля тоже сейчас смотрит на небо. Я тебя не слышу, детка, но я скучаю, и знаю, что ты тоже. Теперь нас разделяют четыреста лет, и я умру прежде, чем родятся твои предки, но я никогда не забуду о тебе.

— Земля, земля, впереди земля, — я проснулась от криков, и не сразу поняла где нахожусь. Я замерзла и, видимо, во сне, куталась в снасти, на которых заснула.

С трудом вылезла из этого завала и увидела, как из трюма, словно крысы, начали вываливать люди. Если ты никогда не видел, как на горизонте появляется земля, то понимаешь, что ты не видел многого. Это не просто описать, когда почти неделю вокруг только вода. На пятый день кажется, что так было всегда, и кусочек суши в виде корабля, это все, что есть в этой вселенной кроме воды. Сначала появилась дымка у горизонта, над которой, словно серая наползающая гроза возвышались горы. словно город, который стоит на облаке.

— Птица, смотрите, птица, живая, вот она, — кричал Малкольм, указывая на мачту. Я подняла голову, там сидела достаточно жирная чайка, может и баклан или еще кто-то, орнитолог из меня так себе. Поэтому, да, просто птица.

Я подумала о том, что в отличие от меня, эти люди не видели земли почти четверть года, и у меня мурашки поползли по спине. А может, просто пора было отмыть свою спину, что больше походило на правду, так как сентиментальностью я не отличалась.

— Элизабет, ты рано проснулась? — Маргрет, видимо, только встала, и хорошо, что не заметила моего отсутствия, иначе, меня бы отчислили из одного социального класса, но не приняли бы в другом..

— Да, еще до криков команды. Почувствовала, словно Бог мне шепчет, мол, конец вашим мучениям, и скоро нас ждет награда за нашу твердость в своей вере. Пошла посмотреть, а здесь вот что, — надо языком трепать поближе к ее идеологии, а то долго не протяну. Так и не увижу славных «Зверобоев».

— Вот видишь, Элиза, наша служба оказалась так полезна всем, — на нее снова снизошло очередное благолепие, а может и «сахар» в крови подпрыгнул, но она пошла по палубе словно сейчас начнет делить хлеба и превращать воду в вино.

— Ага, вижу, вижу, кошку рыжу. Смотри с ума не сойди, — прошептала ей в след, и снова уставилась на рассеивающийся на горизонте туман, который все еще мешал рассмотреть «землю».

Запах стал другим, несмотря на то, что столько времени вокруг нас была вода, сейчас становилось все влажнее, как будто после дождя. Может и правда, собиралась гроза, или я придумала себе этот запах, но было похоже, что это испарения от земли, запах мокрой земли, прогретой на солнце, густой и зеленой листвы и утреннего тумана.

Капитан дал команду достать бочонок с водой и разрешил пить. Даже если на этой земле будут динозавры и инопланетяне, я сойду на нее, и пока не напьюсь вдоволь, не выплыву без качки, я и шагу не ступлю на этот плавательный аппарат с низкой долей выживаемости. Идите к черту со своими интригами, верой и желанием нажиться, я просто должна выжить. Посмотрим на будущих американцев. Если бы у меня было оружие и независимость, до которой еще беречь и беречь скальп, я пошла бы к индейцам, и рассказала, что их ждет от колонизаторов.

Лиля бы мне не позволила, потому что «это естественный ход истории», как она сказала мне как-то, когда я после ее долгого рассказа ответила, что англичане не правы, как и испанцы, французы. Нельзя было допускать уничтожения целых народов, которые сохраняли

свою самобытную культуру сотни, а может и тысячи лет. Они не придумали оружия кроме томагавков и стрел, они не жадничали, «выкашивая» целые виды животных.

Дамы, освобожденные нынешней пенитенциарной системой, тоже оживились, и сейчас все намахивали руками, будто там их ждали с особым нетерпением. Нет, одна не махала. Она стояла как соляной столб из Библии. Хэх, я вспомнила Библию. У меня была детская простая, как книга — фэнтези, где все истории были новой серией. У нее была синяя глянцевая обложка. Я украла ее в магазине книг только из-за обложки. И это единственное, о чем не знала Лиля — я не смогла признаться ей в воровстве. Я считала, что после этого она точно не простит меня.

— Джози, милая, смотри, смотри, — Бетти обнимала каждую, и когда подошла к отдельно стоящей, достаточно тихой по сравнению с другими, та чуть отстранилась от ее объятий.

— Я все прекрасно вижу, только не вижу причины для радости, — она отвернулась и прижалась спиной к борту. — каштановые волосы были грязными, но видно, что густые и очень красивые. Карие глаза, четкие, словно нарисованные брови. Она то и дело вынимала из кармана маленькое зеркало и смотрелась в него, будто переживала — как она будет выглядеть, когда сойдет на землю.

Зеркало! Зеркало, детка! Я до сих пор не знаю, как выгляжу, но под моими пальцами совсем другое лицо: нос тоньше, скулы более острые, как и подбородок. Нижняя губа как у ребенка — чуть вывернута, а на верхней, по самому центру есть выпуклая пимпочка. Волосы я пыталась распрямить и расчесать руками, но, судя по всему, без горячей воды и мыла мне точно это сделать не удастся. Возможно, их и вовсе придется постричь.

— Привет, — я осторожно подошла к Джози и улыбнулась.

— Привет? Ты точно это хотела сказать? — она удивилась, услышав от меня приветствие.

— Ну, а что я должна была сказать? Во славу Господа, сестра, мы пережили еще одну ночь, на горизонте земля, так возрадуемся и споем еще пару псалмов? — я не знала, как в их социальной группе принято здороваться.

— Все говорят «добрый день».

— А давно он у тебя был хорошим?

— Давно. Что ты хочешь? — она явно не хотела общаться со мной.

— Я видела у тебя зеркало. Можно попросить на пару минут?

— Боишься, что жених испугается, встретив тебя на пристани? — она, наконец, улыбнулась, обнажая ряд ровных, но не совсем белых зубов. Интересно, мои тоже такие? — Тебе недостаточно, что Бог видит твою белоснежную душу?

— Ты, видимо, тоже боишься, коли заглядываешь туда каждые пол часа? Мне плевать, что там видит Бог, но ты дашь зеркало или нет? Мало желания стоять тут и вести эти разговоры ни о чем, — я начала беситься.

— Держи, но сначала подготовься увидеть эээ... тощую девку, — она хотела сказать что-то другое, но в последний момент передумала.

— Спасибо, — я не стала отходить, и тут же, выдохнув, посмотрела на отражение. — Святой Христофор Колумб, мать твою за ногу, — я с трудом сдержалась, чтобы не закричать — на меня смотрело стервознейшее лицо, что в сочетании с чепцом выглядело смешно и неожиданно: острые скулы, подбородок, брови галочками над огромными синими, как сапфиры, глазами. При черных бровях, ресницах и волосах это было неожиданно. Если это

накрасить, я буду одной из тёлочек из Инстаграм.

— Святой кто? — из шока меня вывела хозяйка зеркала.

— Не важно, — я отмахнулась от нее, и попыталась в зеркало, размером с яблоко, рассмотреть шею и уши.

— Нет такого святого, — она схватила меня за предплечье так сильно, что я айкинула.

— Откуда шлюхе знать имена святых? У вас в борделе по утрам перекличка? Святой Михаил. Знаете? Знаем! Святой Лука. Знаете? Знаем! Святой Христофор Колумб. Знаете Нет, не знаем. А почему не знаете? Потому что его нет! Правильно, можете отдышаться, — стряхнула ее руку и вернулась к своему отражению.

— Нет, скажи мне, почему «святой»? — эта дура не унималась.

— Не знаю я, почему он святой, может потому что он свято верил в свои открытия. Но ты достала меня, — я отдала ей зеркало, и пытаюсь не столкнуться с Маргрет направилась к толпе мужчин, среди которых был Малкольм.

— К вечеру можно будет спускать лодку, если капитан позволит сойти на землю, — он шел мне на встречу, и его глаза блестели как вода на солнце. Мальчишка, как и все, был тощим, но, скорее всего, недоедал он больше других, или растущему организму требовалось больше. Я хотела найти возможность вернуться в Англию, и поговорить с капитаном можно было через него. А если капитан не согласится, он поможет мне спрятаться здесь.

— Элиза? Тебя зовут Элиза? — подбежав ко мне, Джози снова схватила меня за руку, в этот раз так сильно, что, скорее всего, синяков мне не избежать.

— Что тебе? Ты совсем дура? Больно же, поди еще заразу какую занесла своими грязными ногтями.

Она смотрела на меня огромными глазами, а потом ослабила хватку, но взялась за руку двумя ладонями:

— Больно? Давай я подую, и все пройдет, — я снова подняла на нее глаза, и сквозь мои, застилающие всё слезы увидела, как слезы копятся в ее распахнутых глазах.

— Лиля? — я боялась, что это незнакомое лицо сейчас откроет рот, и скажет незнакомым голосом, что не знает меня, потому что это какой-то восьмидесятый уровень везения, а у таких как я с везением туговато.

— Да, Мань, если это ты, значит вселенная — мудрая штука, — она потянулась ко мне и обняла. Я сжала ее так, что она резко выдохнула.

Мы стояли молча в слезах, и обе боялись заговорить, наверно, потому что боялись разрушить волшебство. Я всю неделю пыталась понять, что мне делать и как жить дальше, и теперь все мои мысли и планы были разорваны в клочья тремя лучшими на свете словами, что я уяснила с детства: «я не одна».

— Лиля, я не знаю, что произошло, и почему мы здесь, но это же не значит, что мы просто сдохли и оказались здесь? — я чуть отстранилась, и увидев незнакомое лицо, снова чуть опешила.

— Ты прыгнула, и я видела, как быстро движется лайнер. Ты не умеешь плавать, детка. Я кричала, когда прыгала за тобой, чтобы люди увидели нас, но, музыка была такой громкой, и я не помню, что было дальше. После секунды, когда надо мной закрылась вода я очнулась здесь в страшном бреду. Я думала, что умираю, и все это — кошмар, но три дня назад мне стало легче, — она снова тянулась чтобы обнять меня, и этот ее привычный жест из детства доказывал, что это она.

Мы сели на пол, прижавшись к борту, и вся суета, что царила сейчас на палубе, была нам очень кстати. Маргрет, всеми своими чакрами пыталась наладить связь со своим Богом — она, подняв руки вверх ходила по палубе и пела псалмы. За ней ходили пара сестер, что приставил к ней капитан, видимо он понял, что с ней не все в порядке, и дама в любой момент может оказаться за бортом. Девушки из «команды» Бетти смеялись и шутили, обнимались с моряками, и объясняли это тем, что на берегу их ждут мужья, и это их последний девичник.

— Мань, дело в том, что это не Вирджиния, и мы не на юге, это сильно севернее, и я пытаюсь понять хоть примерно где мы находимся. Джеймстаун, в который везли нас, был бы сейчас в это время, очень кстати, но это не он.

— Ну, может, они поймут, и мы доплывем до него? — мы перешли на русский, потому что так наши разговоры точно никто не разберет.

— Может, только вот, капитан сказал, что высадит нас на берегу, передаст губернатору любой колонии, чтобы отправиться сразу обратно, потому что его ждет очень важный груз. Думаю, он говорил о работоторговле, потому что это много прибыльнее, чем возить «посылки» короля в подарок новым поселенцам, — мы держались за руки, и старались не смотреть друг на друга — незнакомый голос и так резал слух и не позволял расслабиться.

— Может, доберемся до берега, и там будем решать — что делать? Я обдумывала как убраться из этого чертового Нового Света, хотела спрятаться на корабле и вернуться в Англию... Ты нас называешь «посылками»?

— Поверь мне, красотка, это не та Англия, которую ты знаешь, и на улицах там сейчас много хуже, чем среди индейцев. А ты женщина. Значит, у тебя должен быть «хозяин». Да, детка, мы «посылки». И нам в любом случае нужно будет сбежать от людей, что знают нас. Потому что счастливая жизнь замужем нам точно не грозит: ты будешь подарком

сумасшедшему пуританину, — она указала на Маргрет, что сейчас стояла у борта, обхватив себя руками и раскачиваясь, а я — работяге, выкупившему себе земли, или мастеру, или вообще, садисту. По сути, мы будем рабынями, нас будут бить, а потом, когда ты начнешь что-то улучшать, делать жизнь легче, тебя сожгут к чертям собачим на костре. За ересь.

— Я же не рабыня, Лиль...

— Да, нам не повезло, мы женщины, — она внимательно рассмотрела мое лицо. — А ты красотка, и тебе повезло с мордашкой, Элизабет, но я тоже не жалуясь, видишь, у меня теперь совершенно европейское лицо, и меня больше не назовут татарчонком, и тебе не придется драться из-за этой ерунды, — она поставила указательные пальцы к вискам и растянула глаза. — Только вот здесь эта красота нам совершенно не кстати. Быстрее бы этот берег, и понимать — чего ждать от этого места.

— А индейцы?

— Сейчас это побережье относительно сносно, и индейцы еще не так кровожадны, но вот через год... Ладно, это потом. Все у нас получится. Это же удача, Мань, это подарок судьбы — посмотреть на все своими глазами, поучаствовать в начале целой страны!

— Я понимаю, «Иван Царевич», ты села на своего «серого волка и поскакала», но не забывай, что это не кино, и не реконструкция событий, с которых можно уехать в бар или домой, как только надоест. Мы должны найти дорогу назад, а если не сможем, посмотреть это «кино» до конца, детка, — я посмотрела в ее глаза, и они смеялись. Я, наконец, увидела ту Лилю, которую знала почти тридцать лет.

Мы смеялись, потому что снова вместе, потому что обманули судьбу, или она обманула нас своим ходом. Но сейчас я знала точно — мы не будем сдаваться, и мы не мало прожили в нашем мире, чтобы попробовать новый.

— Ты не представляешь, какое у меня слабое тело, — я из всех сил напрягла бицепс, и взглядом предложила подруге его пощупать. Я уже это делала, и под моими пальцами я чувствовала только индюшачье крыло.

— В этот раз мое тело покрепче, детка, видимо, моя предшественница много трудилась, — Лиля показала мускул, задрав «фонарик» рукава белой когда-то сорочки, и там, действительно, показались крепкие и спортивные руки.

— Не думаю, что она отжималась и стояла в планке, детка, так что, нам стоит начать заниматься. Судя по всему, мы должны быть сильными, смелыми, ловкими и умелыми?

— Ага, «джунгли зовут», — пропела Лиля слова из заставки детской спортивной программы, которую мы смотрели в детстве.

— Ты уверена, что пауков здесь нет? — я серьезно посмотрела на подругу.

— Точно нет. Это не Австралия, детка, но змеи могут быть, поэтому, только сапоги!

— У тебя есть какой-то план? Расскажи, потому что я боюсь нас разведут с тобой — не вижу у тебя столь же могущественного чепца, который дает право на вход в Царство Божие.

— Пока нас не передадут мужчинам, что заплатили за нас, думаю, будут держать «в кучке», только вот, если берег будет диким, они не сунутся на него. Капитан, судя по всему, вообще не понимает где находится, но это точно Америка, даже не переживай. Хотя... даже не знаю, какое место в этом столетии хуже Америки, — Лиля встала, отряхнула юбку и подала мне руку.

Постоянно хотелось есть и пить, и после того, как я нашла Лилю я точно знала, что мы выживем, ведь она знала историю этого места, а значит, у нас всегда будет в рукаве туз.

Берег притягивал взгляд, но капитан, как мы поняли, не торопился бросить якорь, так как никаких строений или даже знаков, что там есть люди он и солдаты не видели. Солдат было восемь. Дорогу не пережили шесть человек.

— Восемь мушкетов против невидимых для нас десятков индейцев, Мань, это как на слона идти с перочинным ножом, — раннее утро снова не давало надежды на сход с этого плавучего гроба, но Лиля разбудила меня еще до рассвета и вывела на палубу, где сейчас сидели солдаты, обсуждая и делая ставки где мы находимся.

— Слушай, давай не будем называть друг друга этими именами, потому что некоторые уже косятся на нас, — я не хотела расставаться с последним, что у нас осталось от старой жизни — нашими именами, но девушки и правда, начали прислушиваться.

— Да, ты права, Элизабет, — она произнесла это чужое имя с придыханием, пытаюсь хоть немного поднять нам настроение, но у нее это плохо получилось в этот раз.

— А Джози полностью как звучит?

— В документах я Джозелин, и мне девятнадцать. Представляешь?

— У нас есть документы?

— Конечно. Они у капитана. Когда началась эта лихорадка, один из солдат, что был, видимо, выше остальных по званию, передал их капитану. Ваши, скорее всего, у вашей Маргрет. Я пыталась выяснить историю своего тела, но мне не удалось — слишком «палилась».

— А эти твои, подруги, они не в курсе?

— А как я у них спрошу? «Ой, простите, я тут мимо проходила из двадцать первого века в семнадцатый, и не в курсе — кем была до этого?»

— Ну, не знаю. Я вот вообще ничего не узнала, только то, что росла в приюте при монастыре. Но мы можем поинтересоваться друг про друга. Ты про меня, а я про тебя. Поговори с Маргрет. Начни про Бога, про любовь и прочую хрень, и как-нибудь перейди на нас всех.

— Хорошо. А ты можешь поговорить с Бетти? Потому что она меня, судя по всему, хорошо знает, — Джози отошла от меня, посмотрев за мою спину. Я поняла, что кто-то вышел из трюма, и тоже повернулась к воде, всматриваясь в берег. На Лилю — Джози я даже больше не оглянулась.

— Мисс, сегодня солдаты сойдут на берег — нам нужна вода, даже если там нет поселка, нам придется, — ко мне шел Малкольм.

— О! Надеюсь, все пройдет хорошо, а то говорили, что в этих местах просто тьма индейцев! — я улыбнулась мальчишке.

— Женщины тоже просятся на берег, и, если солдаты после разведки вернутся с хорошими новостями, капитан позволит всем сойти. Все мечтают помыться, — он подал мне кувшин.

— Что это? — я взяла его и понюхала.

— Это пиво. Воду пить не советую, — он скорчил гримасу и подал кружку. — Всем понемногу вместо завтрака.

— Спасибо, дружище, а ты случайно не знаешь, наши документы в целостности? Не слышал об этом? Я надеюсь, они все у капитана, потому что сестра Маргрет какая-то странная в

последнее время.

— Думаю, у него, потому что все документы он хранит в сейфе, и отдает, когда люди выходят на берег. А то были случаи, что люди сами теряли, или закладывали, и колонии не принимали с корабля людей без них. Некоторых приходилось увозить обратно — это слишком дорого. Он у нас ответственный, не переживай, думаю, все на месте, — он махнул мне кувшином и отправился дальше. Стоящая в паре метров Джози повернулась ко мне, мы встретились взглядом и улыбнулись друг другу.

— Нам их не отдадут, но нужно постоянно наблюдать — где они, — она сказала это отвернувшись. — Особо не будем показываться рядом.

Она осталась на палубе, а я сошла в трюм и направилась сразу к Маргрет, которая только проснулась, и сейчас руками пыталась уложить волосы в пучок.

— Сестра Маргрет, доброго вам утра. Сегодня был такой великолепный рассвет, что душа моя поет. Надеюсь, мужчины услышат голос Бога нашего, и позволят сойти нам на берег. Всем женщинам просто необходимо помыться, — я постаралась сказать последнее предложение как можно громче, и девушки начали оборачиваться.

— Элизабет, детка, ты поражаешь меня своими переменами — после болезни ты стала больше говорить, больше улыбаться, наверное, это воистину. Святое место, — она опустила голову, будто молясь, и я повторила за ней.

— Сестра Маргрет, как вы думаете, на берегу безопасно? — в разговор влезла Айлин — моя «сестра» с рыбьими глазами, и заставила Маргрет задуматься.

— Айлин, не переживай, мы со вчерашнего вечера стоим здесь, и берег чист, Бог защитит нас. Солдаты проверят берег, и мы сможем сойти на землю, — я не хотела давать шансов Маргрет усомниться в правильности этого поступка, потому что, если они передадут нас сразу в руки будущих мужей, можно попрощаться с будущим.

— Девушки, не переживайте, мы сделаем так, как позволит нам капитан, — она, недолго думая, свалив ответственность на капитана, но дала мне знать, что действовать нужно именно через него.

— А ты чего это стала так рано вставать, овечка? — ко мне подошла Бетти, словно проходила мимо, и случайно шепнула на ухо.

— Идем наверх, надо поговорить, — я прошипела ей в ответ и пошла на палубу.

— Бетти, забей на обиды и все такое, прошу тебя. Мы явно приплыли не туда, но капитан не станет с нами долго тетешкаться. Если нас и не оставят на голом берегу, то найдут какое-нибудь поселенье, где есть англичане. Ты так сильно хочешь выйти замуж?

— Ну, я бы тебе для разнообразия посоветовала, потому что вы, кроме молитв и песнопений ничего не видели, хотя, дерешься ты очень даже, будто всю жизнь не на коленях стояла, а участвовала в боях за деньги, — она осмотрела меня еще раз с ног до головы.

— Не начинай, но дерусь я и вправду, отлично, только вот надо тело привести в форму — похудела на этой посудине.

— Я бы не сказала, что ты была крепче. Когда вас сажали на корабль, если не чепцы, можно было подумать, это вы сидели в тюрьме, — она засмеялась, и Джози, что стояла за ее спиной метрах в трех, обернулась и отошла подальше, ткнув себе в грудь указательным пальцем, это значило, что пора спросить о ней.

— Слушай, неужели вы все из тюрьмы? За что вас? Вроде симпатичные девушки, с хорошими глазами... Особенно эта странная Джози, — я мотнула головой за спину Бетти, где достаточно уже далеко стояла моя нынешняя Лиля.

— А, Джози... Ну, я думала она пришла уже в себя, смирилась, а после болезни стало еще хуже, она оглянулась на Джози, проверяя, достаточно ли далеко стоит девушка, и наклонилась чуть ниже ко мне: — Отец продал ее в бордель, когда мать уже перестала приходить в себя. У нее, наверно, эта болезнь, от которой никто не вылечивался — что-то с дыханием... А Джози в первый же день откусила клиенту нос, но так, знаешь, не полностью, он теперь у него как гриб, — она заржала, показывая рукой на носу огромную картошку.

— И ее посадили за это?

— Да, только мужик оказался кем-то из важных, — она показала указательным пальцем выше головы, намекая, что дядька работал в верхах, или же был достаточно богат, чтобы иметь связи. — Ее вытащили на улицу, и все повернули так, будто она напала на него на улице, пыталась убить и ограбить.

— Но ее должны были повесить за это!

— Да, только иногда и нам везет, Элиза. Бог в этот раз случайно вышел в сортир, и прочитал в своей небесной газете новости о нашей Джози, бросил гадить и побежал вершить правосудие.

— В смысле?

— Ну, молодой судья, которым заменили старого из-за подагры, или еще какого поноса, понял, что дело не чисто, и девочка явно не из наших... Не стал ждать, разбираться, и назначил ей шесть лет. Полгода она отсидела, и пришел «подарок» от Его Величества — нас отпускают. Как мышей... В коробку с котами, — она улыбнулась с отчаянием, и в ее глазах потух этот искусственный, как новогодняя гирлянда в виде свечи огонек.

Мы будем держаться рядом, Бетти, и забудь все свои обиды, прошу тебя. Иначе, коты нас просто разорвут на части. В этой части земли Бог даже собаку не выгуливает, подруга, не то что не справляет нужду, — я подала ей руку, и она впервые посмотрела на меня как на человека.

— Давай, только вот, если попробуешь нам навредить, я сама буду учиться на тебе снимать скальп, поняла?

— Обещаю, — я сильнее сжала ее ладонь и отпустила. Бетти выхватила на ходу у Малкольма кувшин и прямо из него сделала несколько больших глотков. — Мальчик, советую быстрее найти воду, иначе, нам придется тебя прирезать и пить твою кровь, — ее смех, думаю, напугал его не меньше, чем меня бы напугало такое заявление от членов команды — все как один точно были не против это сделать с нами.

— Она рассказала обо мне? — Джози подошла ближе, но осталась в двух метрах от меня. Она смотрела на выход из трюма, а я смотрела на берег.

— Да, детка.

— Рассказывай.

— Ты убила пятнадцать мужиков, Лиля. Ты серийная мужененавистница. Говорит, ты отрезала им яйца и пришивала к носу. Доктора спасли только пятерых — перешли их обратно, — я не видела ее лицо, но я пожалела, что так пошутила, потому что увидела боковым зрением, как она перегнулась через борт. — Не, не, стой, я пошутила.

— Ты дура, Маня, ты реально дура, — она села на палубу, прижавшись спиной к борту и посмотрела на меня. — Рассказывай. Я села так же, но на расстоянии.

— Короче, тебе тоже можно надеть чепец, потому что в борделе ты пробыла несколько часов...

— И что там было?

— Только не блуй, прошу тебя, потому что мой пустой желудок очень больно сжимается — боюсь, я просто выверну его, — я смеялась уже в открытую.

— Говори...

— Ты... откусила... мужику нос, — я смотрела как расширяются ее глаза. Но... Его пришили, но теперь у него на лице вместо носа... Да, детка, это правда, — и мы ржали уже вместе, как когда-то давно, на нашей кухне, рассказывая друг другу смешные штуки о работе, спортзале, о ее ректоре, который чинил пиджак степлером.

— Боже, я откусила нос, нос, Мань, со всем, что в нем было....

— Да, подруга, и, скорее всего, в нем росли волосы, ведь тут еще нет этих дурацких триммеров, которыми ...

— Прекрати, ты должна сейчас поддерживать меня, отговаривать от этой гадости, а ты подливаешь масла в огонь, — Джози ходила по палубе как маятник, а я сидела на полу и смотрела на нее.

— Да перестань, ты не убивала никого и не была шлюхой, так что, карма твоего тела вполне даже еще чиста, примерно, как у меня, — я пальцем нарисовала над своей головой нимб, пытаюсь рассмешить подругу. — Кстати, как тебе новая оболочка, привыкаешь? Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что бедра вообще не касаются друг друга — ноги тощие настолько, что между ними вошла бы еще одна, и у меня иногда начинается паника.

— Тебя это сейчас беспокоит? — она остановилась передо мной и серьезно посмотрела на меня.

— Ну, меня сейчас беспокоит точно не нос из семнадцатого века, который теперь имеет форму члена только потому что захотел то, чего делать нельзя. Кстати, папаша твоего тела заслуживает такой же нос, или даже его отсутствие за то, что он с тобой сделал, — я снова засмеялась, и подруга, наконец, сдалась.

— Да, хорошо, что я оказалась здесь уже сейчас, когда это все позади.

— Вот и успокойся, уважай свое тело, которое сделало все, чтобы достаться тебе без ужасов изнасилования и прочих извращений, — я встала и указала ей на лодку, которая отошла от корабля в сторону берега. — Ты думаешь индейцы их не убьют?

— Они давно знают, что мы здесь, и я не знаю где мы, чтобы хоть предположить, что здесь за племена, — она смотрела на берег, будто пытаясь разглядеть в кустах затаившихся врагов.

— Ты думаешь увидеть там блеск от винтовки с прицелом? Да там даже булыжники не рассмотреть, не то что притаившихся с луками дикарей.

— Они не дикари, чтоб ты знала, они — очень организованные дикари, я бы даже сказала, они сверх организованы.

— Ладно, что будем делать, если нас просто свалят в кучку возле вон тех камней, и капитан помашет нам рукой?

— Пока я стараюсь не думать вообще ни о чем, Элиза, сейчас я просто пытаюсь понять, что там за деревья!

— Ты не панда, детка, и тебе должно быть пофиг какая там растительность...

— Просто, я думаю, это северная часть, а здесь тоже есть колонии. Если бы я увидела карту, могла бы хоть предположить.

— Да, я видела киоск «союзпечати» там, за углом кофейни, у библиотеки, — меня всегда раздражало, когда она вела какие-то внутренние диалоги, и из ее рта выпадали совершенно сумбурные их отрывки.

— Не, а капитан? У него же есть карта!

— Да, иди к нему и скажи, что ты историк, который всю свою жизнь изучал Америку, и сейчас ему расскажешь, как найти место, где можно постирать трусы без страха, что в твою задницу прилетят пятнадцать стрел.

— Давай подождем что они решат.

— У тебя есть вещи?

— В смысле?

— Ну, ты же замуж сюда поехала, и у тебя должно быть хоть одно платье.

— Да, когда меня реабилитировали с целью повышения рождаемости, лично Его Величество подогнал мне гардероб и пену для ванн. Ты что? Нас из тюрьмы просто привезли к кораблю, даже не объяснив куда, зачем, и на сколько мы отправляемся в путешествие.

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда, детка. Девушки же разговаривают между собой, и это событие было для них самым необыкновенным в жизни, хотя, одна из них утопила человека, который требовал вернуть ему долг, а другая продавала детей колдуньям, чтобы та делала из них приворотные зелья. Элеонора, или как там тебя....

— Элизабет, как Тэйлор, привыкни, — я сделала каменное лицо, и провела ладонью перед лицом.

— Ты будешь Элли, как долбаная Элли из сказки про Тотошку и Железного Дровосека, поняла? Ты понимаешь, что эти бабы — реальные убийцы, реальные, Элли.

— Если ты меня так назовешь еще раз... Я знаю, что здесь не сахар, но, почему-то мне кажется, что на берегу намного опаснее.

— Вообще забудь о слове безопасность, Элизабет. Этого слова больше не существует, — она снова повернулась к берегу, где сейчас солдаты вытаскивали на берег лодку.

— «Мы в город Изумрудной идем дорогой трудной, идем дорогой трудной, дорогой не простой...» — эта песня из мультфильма теперь прилипла, видимо, на весь день.

— «и Элли возвратится, и Элли возвратится, и Элли возвратится с Тотошкой до-м-о-ой» — закончила Джози.

— Вы подружились? — к нам незаметно подошла Бетти.

— А что остается делать, Бетти. Нас ждет этот незнакомый берег, и нам нужно держаться вместе, — я улыбнулась ей, и она встала рядом. — Бетти, а за что ты сидела в тюрьме?

— Лучше тебе этого не знать...

— Ну, я подумала, что, вдруг твои умения пригодятся нам там, — я тайком посмотрела на Джози и показала зубы. Она улыбнулась.

— Потом поговорим, но ты можешь не переживать, я все свои умения использую для того чтобы выжить.

На берегу было спокойно, но мне не нравилось, что возле лодки никого не осталось, и солдаты «кучкой» отправились в одну сторону. Я представляла, как они сейчас выбегут и будут падать, не добегая до лодки, а из их спин будут торчать стрелы. К горлу подкатывала тошнота от понимания, что это не кино, и у нас нет трейлера к этому фильму, чтобы посмотреть кто выживет в финале, или же это будет сериал с огромным количеством сезонов.

— Ты можешь еще пошутить, а то меня тошнит? — Джози посмотрела на меня, потом на Бетти, которая начала сводить брови, смотря на берег.

— Они бегут, они бегут обратно, нас всех убьют! — Бетти вдруг закричала и начала указывать пальцем в гущу леса.

— Я не вижу ни черта, где ты увидела? Где? — я всматривалась, но вообще ничего не замечала, пока из леса не выбежали солдаты.

— Лишь бы они не стреляли, надо остановиться, положить оружие и поговорить, — моя Лиля пробилась из Джози и стенала похлеще Маргрет.

— Они бегут к лодке, они бегут к лодке, — кричали все на корабле, и люди начали паниковать.

Вдруг, возле лодки они остановились, и обратно поплыли только четверо. Еще четверо и несколько человек из команды остались стоять. Мы не понимали — что происходит, и когда выбегут индейцы. Лодка так медленно двигалась к берегу, что каждые десять минут казались несколькими часами.

— Что происходит, ты не знаешь? — Бетти смотрела на меня, и к нам выходили и выходили женщины из трюма. Все искали воду, но последнее пиво выпили еще утром.

— Нет, я не знаю, но я хочу тебя спросить, можно?

— Спрашивай, — Бетти снова всматривалась в лес.

— Как ты увидела, что они бегут?

— За лесом блестели их каски, и они очень быстро двигались. Потом я увидела, как двигаются кусты.

— Где кусты? — в разговор теперь начала вникать Джози.

— Кусты, которые вон за теми деревьями, слева. Видишь, где три больших булыжника? — я пыталась проследить за ее пальцем, который указывал намного левее, чем мы смотрели сейчас, и серая масса камней никак не выделялась в три.

— У тебя идеальное зрение, или ты придумываешь? Джози, ты видишь три булыжника и кусты?

— Нет, можешь не переживать. Видимо, у Бетти супер способность, — Джози посмотрела на Бетти еще раз. Та не отвлекаясь смотрела на кусты.

— Что там, Бетти? — когда она начала снова сводить брови, я испугалась.

— Там снова люди, но не блестит... Там много людей, они идут в сторону наших, что стоят сейчас там, где стояла лодка...

Истерить не было смысла, и я пыталась не дать истерить Джози, потому что начинка этого тела раньше была не сильно крепкой эмоционально, и в этих условиях она могла просто съехать.

— Лиля, прорвемся. Никаких плохих сценариев, ок?

— Ок, я просто рассматриваю несколько вариантов, и наши действия при любых из них, — она почти шепотом ответила мне на русском.

— Какой из них самый хороший? — ответила я на английском, пытаюсь не злоупотреблять нашим тайным языком.

— Сейчас придет лодка, и нам все расскажут, подожди чуть-чуть, — она была спокойна, и меня это тоже радовало.

Капитан вышел из каюты и стоял сейчас вместе со всеми. Я не заметила, когда и куда ушла Джози, но когда она подбежала к нам и крикнула мне в ухо так, что услышали все, на нас обернулся даже капитан:

— Мы рядом с Плимутом, мы точно недалеко, они чуть южнее, нужно просто спуститься южнее...

— Сэр, недалеко есть поселение. Это Новый Плимут. Мы встретились с губернатором, и он приглашает остаться у них, — кричал с лодки солдат.

Капитан обернулся снова и внимательно посмотрел на Джози. Из леса вышли мужчины. Это были точно не индейцы.

Глава 9

— А зачем ты спрашивала об одежде, Элиза, — Джози вспомнила о моем вопросе, и мы отвлеклись от рассматривания того, как на лодку грузятся члены команды с бочками для воды. Нас решили эвакуировать на долгожданную землю в последнюю очередь.

— Ну, мне не нравится мое платье, и если учесть, что оно должно быть застегнуто под самое горло, думаю, я сдохну через пару дней в этой жаре.

— Дорогая, а у тебя есть еще платья? — Джози, вдруг, стала серьезной.

— Да, в моем мешке есть две смены белья и еще два платья.

— Тебе придется делиться со мной, детка, потому что мы попали в начало женского ада...

— В смысле? Тут же поселок, и живут поселенцы, а значит, у них мир с местным населением.

— Нас не отвезут сразу в Джеймстаун, капитану срочно нужно возвращаться. Пешком нас не поведут сейчас, потому что это очень большие территории. А здешние жители — пуритане, и это в некотором плане усложнит нашу жизнь. Но есть один плюс — нас пока не передадут мужьям.

— То есть, моя набожность здесь уместна... ну, якобы набожность, учитывая одежду и крестик.

— Даже набожность Маргрет здесь — недостаточна, и кроме всего, она почти не считается за набожность.

— Ничего себе! — я плохо помнила рассказы Лили на эту тему, и надеялась сейчас только на нее.

— Да, Элиза, нужно осмотреться и рвать когти отсюда. Вдвоем это сделать проще, но, если девушки захотят уйти с нами, нужно их забрать. Хотя, некоторым, думаю, жизнь здесь пойдет на пользу.

— Мы пойдем в Джеймстаун?

— Нет, нам нет смысла идти туда, потому что в марте 1622 года поухатаны [\[1\]](#) устроят там резню. Даже если мы в дороге не нарвемся на беглых или индейцев, там мы сможем отдышаться немного, да и мужчины, что заплатили за нашу дорогу, будут рады, что мы сами к ним пришли.

— Да уж, «земля обетованная».

— Но, мы здесь застанем самый первый День Благодарения. Плимутская колония до этого лета с трудом дожила, и ближайшие пару лет здесь будет достаточно... ну, относительно спокойно, — Джози постоянно о чем-то думала, и я не хотела ей мешать.

— Хорошо, я поговорю с Маргрет, чтобы нас содержали вместе. Не хочу, чтобы вас, а точнее, тебя, в этом поселении считали прокаженной.

Я спустилась в трюм, где сейчас царила такая суматоха, что я с трудом пробралась до своего угла, где спала ночами, а вернее, забывалась, как в фильме ужасов. Девушки собирали свои вещи, пытались переодеться, закрывая друг друга. Я хотела поговорить с Маргрет и капитаном, хотя, все могло быть уже поздно, потому что те, кто сейчас уже в поселении, могли рассказать кого привезли на корабле.

— Элизабет, ты уже готова? Нужно переодеться, сменить чепец, иначе, хозяева поселения подумают, что мы грязнули, — она улыбалась, и значит, настроение ее позволяло

быть добрее.

— Сестра Маргрет, у меня к вам серьезный разговор. Я хочу, чтобы вы услышали сердцем то, что я вам скажу, — я скорчила максимально несчастное лицо и присела на тюки с шерстью, которыми был частично забит трюм.

— Девочка моя, что-то серьезное? — она присела рядом с испуганным взглядом.

— Сестра, мы не знаем эти земли, но наше сердце, благодаря Богу, полно любви к нашим ближним... — я говорила громко, чтобы «сестры» заинтересовались нашей беседой.

— Конечно, детка, поделись своими горестными мыслями, или происшествием, и я помогу чем смогу, ты же знаешь, я всегда на стороне Бога, а значит, и на твоей стороне.

— Сестра, это поселение даже нам с вами не близко по духу, по вере, не говоря уже о тех девушках, — я указала на пеструю стайку наших «уголовниц». — Мы не должны говорить о том, что Его Величество отправил сюда этих женщин.

— А что мы можем сделать, если это действительно так?

— Мы можем сказать, что это сироты нашего приюта. Ведь у нас умерли девушки, и на них есть документы. Представляете, как к ним будут относиться пуритане?

— Здесь пуритане? — ее глаза расширились, и я поняла о чем мне говорила Лиля.

— Да.

— Но откуда вы знаете?

— Вы видели девушку, с которой я говорила на палубе? Джози. Ее отец продал в бордель, и посадили ее за то, что она не дала мужчине изнасиловать ее. Она укусила его за нос. Она богобоязненная, добрая и светлая душа. И если эти фанатики будут ее гнобить за то, что она дралась за свою жизнь и за свою честь... Бог бы рассердился на нас за то, что мы не попробовали спасти их, оградить от унижения.

— Но капитан. Думаю, он должен рассказать губернатору кто сходит на берег.

— Давайте поговорим с капитаном, пока их лодка не отошла от корабля, — я даже пустила слезу, но та еще мялась, понимая, что такая просьба может не понравится капитану. — Поверьте, если он передаст в Англию, что все девушки, которых благословил Король для брака с благочестивыми господами — служащими Его Величества в этих диких землях, живы. Он куда больше этому обрадуется, чем тому, что выжили уголовницы, которые были не нужны Англии, — я видела, как лицо ее разглаживается, и эта причина ей понравилась больше.

— Ты права, девочка, документы целы, и я прямо сейчас поговорю с ним. Жди меня здесь, проследи, чтобы вещи умерших девочек тоже собраны.

— Нас было двадцать, сейчас, с вами, будет тринадцать. Мы сможем подобрать им документы из тех, что были на наших сестер, упокой Господи их душу, — я склонила голову в якобы молитве, сестра повторила за мной.

Она ушла, а я сделала вид, что перебираю вещи в мешках, что лежали кучей, и мы должны были поделить их между собой. Мои «сестры» начали подтягиваться ко мне, и задавать вопросы на тему нашего с Маргрет разговора. Некоторые были недовольны, но я на память вспоминала и говорила им в лицо, что мы не в праве судить, но в праве дать шанс, как сделал бы Иисус. После этих слов они пугались и просили прощения. Очень удобная штука для манипулирования. И если ею уже сейчас пользуются все от пасторов до Папы Римского, то, думаю, небольшая доля Божественного вранья доступна и мне.

— Девочка моя, ты все хорошо придумала, потому что именно за сестер с капитана был спрос, и он даже рад такому исходу событий. Он поговорит сейчас с командой и солдатами.

Они должны поддержать его. Солдаты останутся здесь до следующего корабля, потому что они приставлены к сестрам до тех пор, пока не передадут их будущим мужьям, — она взяла меня за руки, и улыбалась с такой радостью, словно только что оживила умерших.

— Хорошо, я сейчас должна поговорить с ними, и подготовить к тому, что их ждут перемены, и они должны вести себя достойно. А вы не переживайте, когда нас так много, мы обязательно справимся с пуританами, ну, не справимся, так сможем постоять за себя и за свою веру. С нами Бог, сестра, — я снова опустила голову и пошевелила губами, как это делала она.

Лодка с капитаном и почти всеми членами команды отчалила, и мы за это время должны были здесь устроить небольшой карнавал и инструктаж, превращая уголовниц в божьих детей. Джози собрала в трюме всех «своих», я собрала сестер.

— Девушки, на берегу есть поселение, где живут крайне набожные люди, и мало того, их губернатор сам пуританин, и помощи нам ждать будет неоткуда. Если вы останетесь в своей одежде, со своими старыми документами, вас просто будут унижать, против вас будут все женщины поселения...

— Да мы их быстро поставим на место, — прокричала одна из невест с темными зубами.

— Нет, вы ничего не сможете там сделать, на вас будут давить так, что вы сами перевешаетесь в сараях. А если они не смогут справиться, вас объявят ведьмами, которые угрожают счастью и здоровью людей, и просто сожгут на костре. Здесь нет тюрем, и вокруг индейцы. За каждое неверное слово вас могут убить. Поэтому, это лучший вариант, и мы должны быть благодарны сестре Маргрет и Элизабет за то, что они решились на разговор с капитаном.

— Вы уверены, что там так, как говорит Джози? — Бетти смотрела на меня.

— Да, мы уверены. У них был голод, они здесь чуть больше года, и совсем не настроены, чтобы делить пищу и своих мужчин с уголовницами. Поэтому, мы все будем сиротами, мы все будем под крылом Маргрет, и будем вести себя так, как хочет губернатор. Понятно? — я смотрела на Бетти серьезно, и понимала, что самая трезвомыслящая из них — она. Если вы против, дайте шанс тем, кто хочет. И клянитесь не выдавать друг друга.

— Мы согласны, — Бетти ответила за всех, хоть некоторые и подняли «базар», обсуждая нашу одежду и прочее.

— Тогда, выбирайте себе одежду по размеру из этих мешков. Свою кладите в мешки, скажем, что это одежда умерших девушек. А самое главное, у вас больше нет судимости, у вас начинается новая жизнь. Можете считать, что вам подарил ее Бог, или Маргрет с капитаном, но вы должны быть благодарны.

— Мы не подведем, Элизабет, — Джози подмигнула мне, и первая потянулась к мешкам с одеждой.

Трюм напоминал битву стилистов. Тут и там раздавались крики и стенания на тему неудобства одежды, колючести платьев и чулок, бессмысленности чепцов. Джози теперь выглядела милевиднее сестер, потому что ее умиротворенное лицо украшало чепец, а не наоборот. Шпильки были сегодня товаром дня, потому что волосы следовало максимально спрятать.

— Лучше пусть отрежут мне палец, чем заставят закрыть мою грудь, — одна из новообращенных «сестер» истерила до тех пор, пока Бетти не дала ей хорошего «леща», что отрезвил ее состояние.

— Ты хочешь остаться живой, дура? Как только хоть одна вызовет недоверие, я лично придушу, и скажу, что захлебнулась слезами в молитве, поняли меня? — Бетти была отличным организатором, и самое главное в этом было то, что ее боялись.

— Ни смотреть на мужчин, и тем более, не улыбаться им. Опускаем голову, чуть приседаем, и смотрим в пол, ясно? Там женщины, которые молятся чаще, чем дышат, и их мужчины это поддерживают. Если хоть одна заподозрит вас в том, что вы с ними заигрываете, они соберутся и обвинят вас в плохом, а их мужчины согласятся с ними. Это страшно, и даже Лондонская тюрьма покажется вам раем, — Джози вела ликбез для девочек, а Бетти следила за тишиной.

— Как только вы будете одеты, вам покажут документы, но они останутся у Маргрет. Запомните ваши имена, а вечером мы найдем время, и вышьем имена и фамилии на ваших чепцах, — я подумала, что нам будет тяжело общаться, не зная имен. — Если не можете вспомнить имя друг друга, называйте просто «Сестра». Но имена нужно выучить, и не называть старых имен.

— Я не знаю, как вы, но я хочу пить и жрать, — новообращенная сиротка, которая выглядела, словно ей сильно за сорок, села на тюки и начала выдергивать из них шерсть.

— Кто-нибудь знает, куда везли этот товар? — я обратилась ко всем.

— В Джеймстаун. Один из торговцев заказал ее. Не знаю, что с ней будет делать капитан, может и обратно повезет.

— Надо поговорить с Маргрет. Мы могли бы делать одеяла, вязать из нее что-то. Только вот, на что ее купить у него... — я стояла с мешком в руке. Все, что у меня было, сейчас было на мне.

— Ты права, — отозвалась Джози. — Здесь не юг, и зимой очень даже прохладно. Может у кого-то есть тайные запасы, заначки, украшения? — обратилась она уже ко всем девушкам.

Все были нищими, и в тюрьме отдали все, что смогли пронести туда, обменивая на еду и минимум гигиенических бонусов, типа мыла и тряпок.

Мы вышли на палубу, где нас ждала Маргрет, и она, как раз, рассматривала метрики девушек. Хорошо, что фотографий еще не было. Она искренне любила тех, чьи имена сейчас отдаст недостойным их — это было видно по ее лицу. Хорошо, что с нами была она, а не какая-нибудь мегера, что гнобила бы всех нас.

— Сестра, не грустите о том, что эти имена будут носить другие люди. Мы исполняем волю Господа нашего, давая еще один шанс этим женщинам. Наши сестры, что ушли к Богу, теперь радуются, что их имена продолжать жить. Думайте об этом, и все будет хорошо. Я

помогу вам во всем, в чем смогу, обещаю вам, что всегда вы можете высказаться или поругать меня. Я увидела в вас столько силы, и знаю, что ее видит и Бог, — я не дождалась ее ответа и отошла к девушкам, что вышли из трюма.

— Новые сестры, встаньте передо мной, и я расскажу, какие у вас будут имена, запомните их, прошу вас, — Маргрет начала переключку, после которой Джози дали имя Клер. Спорить было не с чем, да и по лицу новоиспеченной Клер было ясно — ей тоже пофиг.

— Как вы яхту назовете, так на ней и напишете, ну, Клер, по-моему, даже лучше Джозелин, как думаешь? — она подошла ко мне.

— Ну, в общем, да, согласна, девственница Клер. Надеюсь, вы умеете говорить о Христе? — я посмотрела на нее строго, как это сейчас делает Маргрет, подходя для инструктажа к каждой.

— Еще бы, это моя самая любимая часть беседы. После нее отставали все, но здесь это не прокатит, детка. Нас отделят от общины, но не будут давить до тех пор, пока мы сами не наемся. У нас пять безбашенных баб, за которыми глаз да глаз.

Мы погрузились в лодку, где нас ждала вода — кто-то догадался, что десять часов без воды — очень плохо, и отправил ее нам сейчас вместе с бочками, которыми загружают корабль в обратный путь.

— Барбара, скоро в честь тебя назовут целый город в Америке, — я обратилась к Бетти. — Привыкай к имени, и позаботься о том, чтобы твоя «паства» не подвела нас.

— Целый город? Думаешь? — она смеялась как мужик в баре.

— Если ты не будешь ржать как конь, и дашь людям шанс поверить, что тебе двадцать два, а плохо сохранилась, потому что жизнь на корабле была ужасной.

На берегу нас ждал губернатор. Среднего роста мужчина с небольшой бородой, усталыми глазами и в затертом дублете, поверх которого даже в эту жару был накинут черный плащ. Скорее всего, это дань чину, и в обычное время он ходит без него. В подбородок упирается белый воротничок, что видел лучшие времена в Англии. Штаны ниже колена из черного, как и плащ, сукна, серые шерстяные чулки и черные кожаные туфли. Я дала ему лет тридцать пять — тридцать восемь, но моя Лиля дала понять, что на самом деле ему тридцать.

— Добро пожаловать в Новый Плимут. Я губернатор этого поселения. Меня зовут Уильям Бредфорд^[2]. Мы рады вам, и надеюсь, вы примете нашу помощь, так как сами, почти год назад сошли на эту землю, и терпели лишения, за что Бог даровал нам союзников и помощников в лице аборигенов, — он подошел к Маргрет, и она поклонилась ему, а мы повторили за ней, и пихали в бок тех, кто стоял, раскрыв рот.

— Мистер Бредфорд, мы рады, что нам не придется остаться на нелюдимом берегу, и вверяем свою безопасность в ваши руки. Девушки скромны и обучены множеству домашних дел, и мы будем стараться изо всех сил, чтобы ваше поселение и его жители были только рады нашему присутствию, — она была в корне не согласна с его интерпретацией веры, но, как говорится, «жить захочешь, и не так раскорячишься». Я улыбнулась, вспомнив этот смешной для меня на то время фильм.

После расшаркиваний, мы, друг за другом потянулись за губернатором. Замыкали наше шествие пара солдат с мушкетами. Они были рады переводу в эти новые земли, так как здесь они были властью, и это тоже создавало для нас некоторые проблемы, но я старалась не думать об этом, ведь впереди была возможность помыться, поесть и выспаться без качки.

Поселение, что открылось нам, заставило сердце биться сильнее, и я посмотрела на Клэр, которая с широко распахнутыми глазами рассматривала первые на пути от моря дома. Это были дощатые одноэтажные постройки с огромными трубами, что были встроены прямо в дом. Возле домов разбиты маломальские огороды, где уже сейчас можно было рассмотреть тыковки. Среди тыкв возвышалась кукуруза — они росли вместе. Еще что-то обвивало кукурузу, похожее на бобы.

От домов за нами собирались дети. Их было пятеро или семеро, пару младенцев я увидела на руках у женщин. Даже в такую жару, их платья были застегнуты наглухо, на некоторых была накинута шаль. Мы вышли к центру поселка, где сейчас шла работа на двухэтажном доме. Его обшивали досками.

— Элиза, посмотри налево, я сейчас упаду в обморок, дорогая, там настоящие живые патуксеты, — она махнула головой в сторону места, где были расположены три костровища. Четыре индейца чистили шкуры, растянутые между молодыми деревцами. — Может один из них Скванто, он должен быть здесь сейчас.

— Клэр, я, конечно в восторге от этих мужиков в кожаных рубаха и с перьями в волосах, но сейчас мне надо прийти в себя, иначе, я тоже упаду, и переломая свои тощие, как у девок в инстаграме, ноги. Держись, малыш, вот тебе и «последний раз... дань моему делу». Теперь ты сама можешь появиться в книжках по истории, только мы их уже не прочтем. Вот об этом я сейчас думаю. И о том, что мы с тобой так и не проживем в собственном доме в Подмосковье.

— Сегодня вы переночуете на первом этаже, там уже есть пол, и сейчас достаточно тепло. Мы ускоримся со строительством, и через неделю вы разместитесь поудобнее, — указал нам на стройку губернатор.

— Простите, что вмешалась, губернатор, но раз вы и капитан сейчас здесь, могу ли я задать вам вопрос? — я решила не теряться, ну и вспомнила, что фортуна любит наглых.

— Да, конечно, слушаем вас...

— Элизабет. Мое имя Элизабет. Я хочу спросить, нет ли возможности купить у капитана шерсть, что он перевозил в Джеймстаун по сходной цене? Думаю, здесь, в колонии, где рядом нет ни лавок, ни складов, она очень нужна, — я посмотрела на капитана. — А мы, в свою очередь, можем обеспечить всех теплой одеждой и одеялами, ведь у нас нет ничего, кроме того, что сейчас на нас.

— Я понял, о чем вы говорите, Элизабет, — капитан был настроен благостно, только вот ни он, ни я не видели ничего, что здесь, среди леса и дыма от костров могло бы приглянуться капитану.

— Да? Мы были бы рады выменять хоть часть вашего груза, капитан, — вступил в беседу мистер Бредфорд, — но мы можем предложить только продукты.

— Мы отдохнем у вас неделю, осмотримся, и, думаю, придем к какому-то соглашению, — капитан был не против, и сейчас, судя по его взгляду, он думал о том, чтобы не продешевить. Ну ничего, хитрюга, товар обратно везти тебе совсем нет смысла, и ты вряд ли дорого продашь его там, где собираешься покупать рабов...

— А вы могли бы быть моим торговым помощником, мисс, — капитан подошел ко мне, как только все разбрелись.

— Ну, мои родители имели лавку, и отец научил меня читать и писать довольно рано. Если бы не их смерть, скорее всего, все это отошло бы мне.

— Хорошо, я уже понял, что вы знаете о том, что груз мне не нужен?

— Да, поняла, только хочу, чтобы и вам было приятно работать с нами, капитан.

— Да, попробуйте меня заинтересовать, и к следующему сезону я привезу вам что-то более интересное.

— Например?

— Например, ткани... или станки, которых сюда завозить еще не торопят, но мне кажется, что зря, — он отошел к мужчинам, и ко мне подошла Клер.

— Про станки он прав. Если мы начнем здесь какое-то производство первыми, нас будет уже не обогнать. Ты с этой шерстью оказалась очень права. Это то, что само приплыло к нам в руки.

Нас поселили в большом доме на первом этаже. Матрасов не было, и первые две ночи мы спали на соломе. Клер сидела почти два дня метрах в пяти от индейцев, которые, в общем-то здесь считались своими. Она просто сидела и смотрела на них, словно фильм.

Я была рада, что эта постройка стояла чуть поодаль от домов, а если быть точным — за домами общины. Видимо, они приняли решение расширяться в сторону леса, со временем вырубать его. Но пока, этот дом был на отшибе, и мы редко встречались с местными жителями. Здесь были другие — совсем не привычные запахи, влажность воздуха, и даже свежие доски пахли иначе. Иногда я надеялась, что проснусь у нас дома, расскажу Лиле свой сон в подробностях, и она обязательно найдет в них то, что я не могла знать, и она поверит мне, что это было путешествие во времени.

— Знаешь, я здесь посмотрела на их огороды, и реально, поняла важное — они лентяи, Клэр, потому что на молитвы у них уходит больше половины дня, а вот на прополку и разбивку огородов не больше трех часов. Того, что сейчас есть очень мало, и они уже сняли первый урожай. Подумала, что капитан все равно будет покупать овощи, рыбу и птицу в дорогу. Нужно посадить еще один огород. Рук у нас сейчас много, — я села рядом.

— Я не верю, что мы здесь. То, о чем я читала, я вижу в живую, я могу их потрогать...

— Я бы пока не советовала, детка. С виду эти зверобои как на костюмированном балу в торговом центре, а на деле могут оказаться очень даже опасными.

— Нет, я всё не могу набраться мужества и подойти к ним. Один из них точно Сквонто. Он реальный исторический персонаж, он учил их земледелию здесь, а еще, он говорит на английском! Ну, должен говорить, потому что он даже в Англии был.

— Сейчас нам нужно придумать что предложить капитану за шерсть. Она пойдет на одеяла, матрасы, и знаешь, она хорошая — длинная. Я видела у них сети для рыбы — можно привязывать в перекрестия клочки, и будет быстрый вариант одеяла или шали.

— Ты меня удивляешь все больше и больше. Я думала, ты не читала и не смотрела ничего кроме спорта и бокса, ну, еще стенд-апов по пятницам.

— Ну, в перерывах между подходами я листала дзен, ну, ты знаешь, когда начинаешь смотреть про котиков, а заканчиваешь в пять утра просмотрами клипов Шнура. Так вот, я залипала на видео про то, как из говна и палок построить дом на Карибах с бассейном и охранниками.

— О да, ты отлично подкована. И так, что мы будем продавать капитану? По-моему, губернатор не сильно настроен покупать шерсть. Он вообще ни на что не настроен, кроме молитвы.

— А еще, индейцы приносят много птицы. И она сразу вся съедается...

— У них правильное распределение, Элиза, они не копят, не солят. Захотел есть — пошел и пристрелил птицу. Ничего в запас. Они считаются с чужими жизнями.

— Но зимой индюшки не будут так доступны. А еще, нужно найти картофель. Интересно, в какой части он растет?

— Мне нужно поговорить с индейцами, а лучше, сразу с вождем, но еще рано, нужно, чтобы они привыкли к нам, начали доверять.

— Мы ходим гуськом и кланяемся, скоро мои девочки взвоят от скуки, — ко мне подошла Барбара — бывшая Бетти. Санта-Барбара позволила запомнить ее имя простс

отлично.

— Барби, лучше выть от скуки, чем от костра, который облизывает твои растрескавшиеся пятки. Собирай всех и идем копать огород. Мы должны показать, что мы часть общины, что мы не зря едим свой хлеб, — меня смешил ее внешний вид, и как она постоянно чесала голову под чепчиком, выгибая при этом верхнюю губу.

— Да, лучше копать, чем сидеть, веди к месту, где будет наш огород, — она махнула рукой, а я хотела позвать с собой Клэр, но она умиленно смотрела на чунгачкуков. Кина не будет еще несколько дней, нужно просто подождать, но я очень надеюсь, что она придет в себя.

Я поговорила с губернатором, и он с удовольствием отвел нам место для огорода, дал семена и пожелал нам удачи. Мне, после ежегодного летнего «отдыха» на огороде у директрисы нашего детского дома было не страшно взяться за лопату, и до позднего вечера мы перекопали значительного размера плантацию.

Я сказала девочкам, что можно материться, но только специальными, новыми словами, и мы остановились на «святые мученики» и «грехи наши тяжкие». Мол, мы то знаем, что это означает, и между собой можно вполне выражаться подобным шифром. Девушки быстро втянулись, и через час нашу группу с лопатами невозможно было отличить от святош, что трудились на своих клочках между молитвами и обедами.

— Завтра никто не должен работать, потому что в воскресенье тот самый день, когда они восхваляют Бога, — к нам подошла Маргрет, что весь день с сестрами приводила в порядок дом, в котором мы живем, а вернее, убирала опилки и стружку после рабочих.

— Ну, они и так не сильно утрудились, я смотрю, но вы правы, лучше не злить их.

— Элиза, ты молодец. Я и не думала, что из этих женщин получится что-то хорошее.

— Сестра Маргрет, каждый человек достоин еще одного шанса. Иногда условия не позволяют человеку быть хорошим. Я знаю историю только одной девушки — Клэр, и она не кажется мне греховной или позорной, потому что девушка боролась за свою жизнь и честь. Кто знает, какова история других...

— Да, ты права. Капитан готов отдать нам шерсть в долг, а следующей весной он придет сюда, чтобы загрузить корабль овощами с нашего огорода, — она шутя и улыбаясь ткнула меня в бок.

— Отлично, то есть, мы ничего не берем у общины?

— Да, мы не будем им должны. Капитан и правда не знал куда ее деть, так что, думаю, к зиме у нас будет хоть какая-то одежда.

— Сестра, я хочу предложить вам кое-что. Не нужно пока торопиться с выдачей девушек замуж. Вы отлично управляетесь с нами, и как только раздадите всех, останетесь одни в этом чужом и опасном месте. Я хочу предложить вам кое-что интереснее.

— И что же?

— Мы должны организовать свое дело. Пока не знаю какое, но нужно сделать так, чтобы оно приносило нам прибыль. Тогда на нас не будут смотреть как на сироток, что обедают общину. Мы заработаем достаточно, чтобы существовать самостоятельно. Солдаты должны остаться с нами до момента замужества?

— Да. Пока я не передам всех их мужьям.

— Ну и отлично, у нас будет защита. Нужно занять и их делом. Пусть строят дом, а то посмотрите, просто валяются под кустами в обнимку с мушкетами. А когда станет холодно? Нам придется спать с ними в одном доме? Это плохая идея.

— Да, согласна. Они могли бы помогать общине, ведь она их кормит. Кому они подчиняются?

— Здесь — губернатору, на корабле — капитану.

— Тогда нужно поговорить с губернатором, сестра. В общине не хватает мужских рук. Охрана здесь, судя по всему, нужна не сильно, потому что с племенами дружат, так что, пора добавить рабочих рук на стройку.

— Да, я сейчас же поговорю с губернатором.

— Если сестры свободны, пусть придут на наш огород, до заката еще много работы, если мы хотим завтра устроить выходной, то сегодня нужно постараться — выровнять грядки, разбить комья земли, а завтра на закате, когда все разойдутся, я с парой девочек засажу наши новые земли. Нам нужен урожай к осени. Они сказали, что снимают по два урожая, значит, этот успеет созреть. Семена я уже замочила.

— Даже и не знаю откуда ты это знаешь, Элиза. Сейчас команда перевезет шерсть, и спать мы будем уже не на соломе.

— Ее нужно просушить и проветрить, потому что запах трюма, думаю, не лучшее. И еще, не привлекайте к погрузке индейцев, не позволяйте им касаться тюков, потому что на корабле была болезнь. Пока мы не простираем и не прожарим ее, она может нести в себе опасность для них.

— Ты так считаешь?

— Я и Клер, которая дома помогала отцу. Он был врачом одно время, и пришел в исследованиях к тому, что эти болезни, что уносят так много жизней, передаются друг от друга через руки, через вещи, через воду. А у индейцев нет привычки к ним, — я вспомнила про то, что множество погибло именно от болезней, что принесли первые колонисты, спустившись на дикие земли.

Маргрет уже спала, и мы посчитали, что нас достаточно много, чтобы не бояться. Солдаты спали, и мы могли искупаться и помыться без лишних глаз. В день приезда нам пришлось довольствоваться обтиранием из тазика, и дневная жара делала с телом под шерстяными платьями страшные вещи.

Я наконец промыла голову — аж три раза намылила волосы, натиралась с такой силой, что могла слезть кожа.

— Надо зашить декольте на наших платьях и безрукавках, и работать в них, потому что в этой жаре невозможно ходить в шерсти, — Барби была права, и мы решили завтра утром это сделать. Платья девушек были уже постираны.

— Только, нужно закрыться, чтобы они не думали, что мы работаем. Скажем, что мы молимся отдельно от всех, у нас день поминовения умерших в пути, — мы уже шли назад, когда в полукилометре от поселения перед нами встали индейцы. Их было человек двадцать.

— Элиза, помнишь анекдот про слепого и глухого? Ну, где "Здравствуйте, девочки"? Вот мы сейчас примерно в такой-же ситуации, — прошептала мне Клер.

— То есть... "Приехали", да? — мне было с одной стороны страшно, а с другой смешно. Какие же мы самонадеянные дурынды!

Глава 12

— Я сама, стойте и молчите, — вперед вышла Клер. — Есть среди вас тот, кто говорит на английском, — обратилась она к молчащим и внимательно разглядывающим нас индейцам.

Они молчали. Клер сделала еще один шаг вперед, держа руки перед собой. Она обернулась, показывая, что можно осторожно идти. Мы пошли за ней. Девушки боялись и перешептывались. Мужчины и женщины расступались, образуя коридор., который замкнулся, как только мы прошли мимо них.

— Я чуть не наделала в штаны, — прошептала одна из наших новообращенных сестер.

— У тебя нет штанов, не выдумывай, так что, так и говори, что чуть не наделала на пол, — ответила вторая, и они засмеялись.

— Молча пробираемся в дом и ложимся спать. Они дали нам понять, что ночью здесь лучше не бродить. Возле реки нужно выкопать «лягушатник». В нем вода будет лучше прогреться, ну, или мыться в реке, — я испугалась серьезно.

— Элиза, не бойся, им просто любопытно. Думаю, они наблюдали за нами, пока мы мылись. Для них это странно, потому что пуритане не купаются, и индейцы привыкли считать их грязнулями. Мы сломали их шаблоны, вот и все. Это, как если бы ты увидела ночью, что твои собаки сидят на диване с виски и ведут беседу о культуре, — Клер шептала мне, когда мы улеглись.

— Ты уверена?

— Да, для них мы — дикари, потому что они считают свою культуру самой великой, хоть и не понимают значения слова культура.

— Ты считала, что твоя работа — самое главное, но не знала, что это работа. А сейчас твоя работа стала жизнью. Мечты сбываются, правда, жаль, что только твои, потому что я мечтала увидеть Альпы.

— Ладно, хватит прививать мне чувство вины, знаешь ли, я не наслаждаюсь здешним бытом и жизнью, и мне много страшнее, чем тебе, потому что я глубже знаю что здесь происходит.

— Глубже она знает... То есть, ты можешь поведать насколько глубоко мы в этой..., - я хлопнула ее по ягодицам и она даже не удивилась, потому что эта моя шутка уже не веселила ее. Слишком часто она говорила "Я глубже знаю"... Это мог быть выбор мебели, одежды, овощей на ужин, и для спора других аргументов у нее не было.

— Хватит злословить, из нас двоих именно я просидела год в английской тюрьме, а ты молилась и искала откуда ты писиешь.

— С чего ты взяла, что я это делала?

— Все девочки в детском доме это делали, — с видом знатока ответила Клер, и я решила, что тему надо закрывать.

— Нужно прогреть шерсть на солнце, но нельзя пускать к ней индейцев, Клер. Ты чувствуешь, как она пахнет сыростью? — тема шерсти оказалась как нельзя кстати.

— Да, завтра разложим, — Клер зевала, но, скорее всего, давая понять, что не хочет

продолжать разговор.

— Завтра лучше не злить их, и не работать, — мы улеглись рядом, сняв платья, и было приятно чувствовать влажным еще телом легкий ветерок из плохо забитых досок.

— Значит, нужно проснуться раньше, чем они. Все, спим, — она сразу захрапела и я начала проваливаться в забытье.

— Наша новая сестра Абигель страдала бессонницей еще тогда, когда звалась Малышкой Джеки, что держала под страхом все дороги на подъезде к Лондону, и она разбудит вас, когда скажете, правда, Абигель? — Барбара шептала с нами, значит, подслушала разговор.

— Как есть правда, сестры мои, я разбужу вас еще до того, как они проснуться и почешут свои святые ляжки, — у «Малышки» был голос, похожий на скрип колеса и мордашка, о которую можно было сломать мороженную щуку. Я решила, что ей можно верить.

— Спасибо вам, сестры, иначе, если мы не просушим эту шерсть, нам не в чем будет ходить зимой.

— Это тебе спасибо, длинная сестра, за идею дать нам новые имена и новую жизнь без прошлого, хоть я и скучаю по нему, — проскрипела «малышка».

— «Длинная сестра»?

— Да, мы тебя так называем среди своих, — судя по тому, что люди вокруг начали шикать, «Малышка» проговорила о том, о чем мне не стоило знать.

— Отлично, только вот среди сестер не принято давать клички. Так нас быстро «раскусят». Запоминайте имена.

— Спи, «длинная сестра», завтра будет новый «чудесный» и очень длинный день, — хохотала в ладошку не вовремя проснувшаяся Клер.

Наш дом напоминал социальный лагерь для девочек подростков в маленьком городке, куда отправляют детей семьи с низким доходом, чтобы родители могли «выдохнуть», а некоторые — просто выспаться. В таких, обычно, возникают группы, как в тюрьмах, и часто возникают драки из-за спора на тему главенства. Я засыпала, думая о том, что нужно не допустить здесь такого.

Рано утром мне в ухо проскрипела сестра Абигель, сломав мой сон. Мы разбудили всех и начали выносить тюки за дом — там солнце светило с утра, и место было не проходное. Клер вызвалась поговорить с индейцами о том, что им не стоит туда ходить.

— После того, как мы сделаем из шерсти изделия, мы постираем их, и несколько штук продадим или подарим индейцам. Нам нужно как можно быстрее найти картофель, — я с Клер раскладывала шерсть на распоротых мешках, которые мы расстелили прямо на земле. Работали мы очень тихо.

— Скучаешь по пюре, или решила придумать «Лейс» раньше, чем их придумает Лейс? — Клер не выспалась, и сейчас я все больше узнавала в ней Лилию. В ней росла свойственная ей депрессия.

— Слушай, у местных должна быть какая-нибудь травка, которая делает людей веселее, активнее, поговори с ними, чего ты боишься, ты же хочешь пообщаться с ними, хватит стесняться и бояться.

— Элиза, такая травка сделает более активной лишь депрессию, а запрещенные препараты еще совсем не запрещенные, так что, давай не будем подсаживаться на незнакомые вещи. И мне вовсе не грустно, просто я много думаю.

— Надо активнее думать, сестра.

— Ты не можешь успокоиться, и хочешь быстрее заняться бизнесом?

— Нет, черт подери, я хочу быстрее выйти замуж, нарожать американцев и читать молитвы между стиркой и мытьем розовых жопок. Я просто хочу занять руки, ну и да, я хочу стать независимой от этих фанатиков — лентяев и сестры Маргрет.

— Сегодня я поговорю с индейцами. А Маргрет, между прочим, хорошо к тебе относится, и вовсе не докучает нам...

— Не говори слово "докучает", когда ты его говоришь, от тебя пахнет нашей библиотечаршей, и будь добра, детка, выясни про картошку. Они не умеют делать с ней то, что умеем мы. Это бонус, это наш туз в рукаве. Раз уж ты не хочешь рассказать, что скоро им будет крышка, и тем самым получить профит и возможность найти здесь безопасное место, то давай попробуем сделать жизнь безопаснее.

— Сестры, вы работаете в воскресенье? — к нам подошла женщина из поселения. Она натянуто улыбнулась и начала внимательно рассматривать шерсть. — Я Катарина, жена доктора — мистера Уилсона. Мы идем на службу и хотим пригласить вас, чтобы вы привыкли к распорядку жизни нашей общины.

— Миссис Уилсон, мы несколько иначе проводим службы, и сегодня мы в доме, где живем, проведем свою службу, в которой помянем сестер и членов корабля, что погибли в пути. Мы все еще глубоко переживаем эти смерти...

— Я понимаю вас, сестра. Около года назад мы прибыли сюда, но прибыли не все, кто сел на корабль. Если бы не индейцы, мы не пережили бы эту зиму. Вы правы, нужно вспомнить погибших, кто не перенес дорогу, — она чуть склонила голову и пошла к дому, возле которого они молились долго и красноречиво.

— Не переживайте, шерсть мы разложили еще ночью, и днем трудиться мы не станем, мы уважаем ваши привычки и правила. Спасибо вам, миссис Уилсон, вы очень добры.

— Клер, обязательно проследи, чтобы зверобой сюда не подошли, а я пойду соберу всех, чтобы до обеда, до жары мы чуть перешли одежду, иначе мы задохнемся в этих платьях, — я, расстегивая верхние пуговицы направилась к дому, где сестра уже собрала всех на короткую, как всегда, молитву. Мне нравилось, что она делает это быстро.

Я заметила, что Маргрет по чуть говорит с каждой их новеньких, и потом они улыбаются. Она молодец, и я вижу, что девочки меняются. Лишь бы в некоторых не проснулось то настоящее, «благодаря» чему они оказались в тюрьме, ведь не все они пострадавшие.

К обеду мы закончили с перешивкой рубашек, что теперь были завязаны под горло, мы переоделись в белые рубашки и юбки, и выглядели теперь как негры на плантациях, так как повязали на головы платки. Девушки решили украсить ансамбль и завязали на лбу бантики.

Индейцы у костра варили какую-то кашу, смеялись и играли с собакой. Она была единственной в поселении, и все ее пытались угостить, или погладить, проходя мимо, особенно дети.

— Хорошего вам дня, я Элизабет, — я подошла и села на сколоченную у стола лавочку. Они смотрели на меня с улыбкой, рассматривая юбку.

Две женщины подошли ближе и наклонили голову, приглядываясь к белой рубашке с пышными рукавами, а трое мужчин не поднялись с места, но отложили из рук палочки, что строгали.

— И вам хорошего дня, — достаточно внятно сказал один из мужчин. Он не улыбался, а

лишь сощурил глаза, словно, давал понять, что пока он мне не доверяет, и я должна это принять.

— Хороший день, — ответила одна из женщин в кожаной тунике до колена. Ее ноги были голыми, и я ей завидовала, что она может ходить вот так. Волосы заплетены в две косы, и тут скорее всего, была рука женщин из поселения.

— Это Пэвэти, это значит «чистая вода», — мужчина указал на ту, что улыбалась мне и произносила некоторые слова на английском. — А я Сквонто, — он встал и подошел ко мне, чуть поклонившись. Я услышала, как сзади что-то упало. Я оглянулась и увидела, что упала Клер.

— Она стояла, слушала нас, и смотрела так, словно видит призраков, — Сквонто подбежал к ней, прихватив плоскую тарелку с водой. Вылил всю ее ей на лицо. Пэвэти держала ее лицо, когда Клер пришла в себя:

— Ты правда Сквонто? — она смотрела на него глазами китайской мультяшки. — Я слышала про вас так много! И я так рада увидеть вас вживую...

— Не слушайте ее, она перегрелась немного на солнце, пока занималась йогой, спасибо, я сама приведу ее в чувства, можете идти, у вас так много важных дел, ну, там.... вырезать из палок непонятные штуки... простите, — я за руку подняла ее с земли и пихала в спину в сторону дома, пока она оборачивалась и со странной улыбкой смотрела на Сквонто.

— Вы не англичанки, — с улыбкой проговорил Сквонто, но так, чтобы только я услышала эти слова.

— Это настоящий Сквонто, понимаешь, Элиз...

— Я прошу тебя, спокойно, тебе нужно полежать. Ты слишком уж эмоционально реагируешь на все, и вот результат — потеряла сознание, — я силой удерживала Клер в лежачем положении, потому что она рвалась встать.

— Главное, нужно понять, здесь ли уже Хобомок...

— Кто это?

— Это индеец, которого отправил Массасойт, вождь вампаноагов сюда, чтобы следить за Сквонто, — она рвалась подняться, но, когда в дом вошли девушки, притихла, глянув в мое лицо, которое выражало не что иное, как «убью, если они хоть что-то поймут».

— Так, до вечера ты лежишь и думаешь, а вечером все мне расскажешь. Как только начнет темнеть, мы засеем часть земли, что перекопали. Нам некогда ждать. Завтра снова нужно копать. Я хочу поговорить с этой Пакахонтас, ну, девушкой-идейцем. Она плохо, но говорит на английском. Мне нужна картошка.

— У тебя углеводное голодание?

— Я не могу тратить время на обсуждение войн между племенами, когда наша жизнь тоже висит на волоске. Нам нужны деньги, а лучше, золото, или там, шкуры. Мы должны быть самостоятельными, Клер. Давай пока оставим поиски Хоботка...

— Не «хоботка», а Хобомока...

— Ну, это мелочи, которые дали в твоей голове корни, а в моей сейчас, знаешь ли, ни одного ростка...

— Кроме картофельного...

— Прекрати, я хотя бы пытаюсь думать о том как здесь выжить, потому что в любой момент нас могут отдать замуж, и все, детка, о нас не напишут ни в одном учебнике.

— Ладно. Обещаю, что я не встану. А ты пока поговоришь с ними, да. Меня раздражает это воскресенье, меня бесит, что нельзя занять чем-то руки, чтобы не разозлить этих сумасшедших, — Клер села, но не рвалась больше встать.

— Я отправлю к тебе сестру. Она принесет еду. А ты пока все вспоминай, только, прошу, без вспышек активности, хорошо? Прижми зад и включи мозг.

— Обещаю, иди, найди уже свою картошку. Я бы сейчас не отказалась от жареной. С луком и запивать ее холодным молоком в прикуску с черным хлебом, — она замычала, и я готова была поддержать ее, потому что каша из маиса с тыквой порядком надоела.

— Кстати, ты можешь стать основателем «Крошки — картошки», — она просмеялась мне в спину, но я была рада тому, что она, наконец, начала смеяться.

Индийцы мельтешили у костра, мужчины продолжали строгать из деревянных чурок что-то, похожее на ножи. Господи, как же зовут эту девушку — Пакахонтас? Зря я ее так обозвала, и сейчас это имя прилипло в моей голове. Самое страшное, что это имя не выдуманное, оказывается, у него есть хозяйка.

— Пэвэти, — точно, вроде так. — Пэвэти, я хочу ближе с тобой познакомиться, и так ты быстрее научишься говорить на английском.

— Я тебя добрый день, — она снова улыбалась и шла мне на встречу, как умалишенная.

— Правильно «Я желаю тебе доброго дня». Запомнила? — я взяла обе ее ладони в свои, надеясь, что ничего противоестественного не делаю.

— «Я желаю тебе доброго дня», — повторила она.

— Я хочу с тобой погулять. Ходить, понимаешь? Ногами ходить везде, и говорить, — я говорила и показывала пальцами и лицом что я собираюсь делать.

— Она просто плохо говорит, но с головой у нее все хорошо, — Сквонто от костра смотрел на нас, улыбаясь. Я отметила, что у него красивый разрез глаз, ровная матовая кожа, полные губы и сильное тело. Он вставал с земли практически без помощи рук. Надо заняться своими мышцами, иначе, я буду походить на цыпленка для бульона, и поднять смогу только ложку.

— Я хочу, чтобы ей было легче, — я продолжала его рассматривать. Никакого намека на усы или бороду. Совершенно чистое лицо. Красивый. После новомодных бородачей с прыщами в прошлом мире, этот казался кукольным красавцем. Его сила была не искусственной, не приобретенной, а будто всегда жила в нем, он родился с ней, и она только крепла все эти годы. Лет тридцать — максимум. Жалко, если его и правда, убьют.

— Она сильная, как и ты, только чуть сильнее, — он махнул ей, и что-то сказал очень быстро на своем языке. Я даже не запомнила сочетание этих гортанных звуков.

— Мне нужен картофель. Он где-то здесь растет. Знаете, это такие клубни, — я показывала руками.

— Ионас, кубиас, папас, — за моей спиной говорила Клер, и я хоть и должна была разозлиться на нее, она и правда, могла выяснить информацию лучше меня.

— Вы хотите чуно? — Сквонто даже встал.

— Нет, нет, мы знаем, как сделать из него кое-что очень вкусное. Можно его достать здесь, — Клер снова была в экзистенциальном состоянии, и, если она опять потеряет сознание, значит этот мир ей просто противопоказан.

— Что такое «чуно»? может мне и понравилось бы? — я шепотом спросила у нее, за одно присмотревшись, нормально ли она стоит на ногах, но дело обстояло лучше, чем в первый раз. Сквонто прошел мимо меня и подошел к Клер.

— Я подержу вас, мисс, или вы опять упадете, — он снова что-то сказал Пэвэти, и махнул рукой на меня. В это время он подвел Клер к лавочке и усадил, что-то нашептывая на ухо.

— Я показать ионас, папас, идти, идти, — Покахотнас тянула меня за руку в сторону леса.

— Не бойся, иди за ней. Все хорошо, она приведет тебя к твоему «Лэйсу».

Она шла впереди, и все время пыталась соединить между собой несоединяемые слова, которые на ее взгляд, должны были стать понятными мне предложениями, но после пяти минут морфологического разора я плюнула, и стала запоминать дорогу, потому что мы все дальше уходили в лес.

— Э, тебе не кажется, что здесь совсем не место вашим «папасам»? Тут можно найти подосиновики или грузди, но картошка растет иначе, девочка, долго еще?

— Идти, двигать, доверять, папас, — она, надеюсь, имела в виду, что если я хочу найти картофан, я должна доверять ей, и двигать ногами, но мы были в пути уже почти час, и мне становилось страшно.

— Там, там, брать папас, давать красный, или ты, — она указала на маленькие бусины, что висели на кончиках шнурка, которым был затянут верх сорочки.

— «Красный»? — я показала, что я не понимаю, и она показала на подол моей юбки, принадлежавшей когда-то одной из заключенных, и покоящейся сейчас на дне океана.

Прости, "губка — Боб", но теперь тебе эта юбка не нужна.

Чуть выше края подола, по всей ширине темной, почти вишневого цвета юбки была пришита красная полоса из материала, похожего на атлас. Может это и атлас, но цвет он точно поменял. Выцвел, полинял от стирок. Она показала, что ей нужна эта полоса и «колокольчики» из железа, надетые на узел шнура.

— Ты давать это, она указала на полосу и «колокольчики», а люди давать папас, ионас, — она наклонилась, выставляя руки вперед, показывая, что она дает что-то, а потом принимает что-то у невидимого человека.

— Хорошо, Пэвэти, я поняла тебя, да, я дам это, — я потрясла за красную ленту и железки, она обрадовалась, и мы пошли дальше.

Еще минут через двадцать мы, наконец, вышли на большую поляну, на которой стояли очень странные постройки из веток, похожие на огромные перевернутые лодки. Это была деревня индейцев, где меня мигом обступили Зверобои. Мои тонкие ножки затряслись, но надежда на картошку давала мне сил и смелости. Сквонто обещал, что все пройдет безопасно, а кому же здесь еще верить, если не индейцу, которого вижу впервые, но Лиля много читала о нем, а значит, он свой. Логика нет, но о логике пока можно забыть и вовсе.

Мне казалось, что я стала героиней Фенимора Купера, и когда меня обступили женщины и дети, такие яркие, смешливые и раскованные, я начала проклинать эту колонию, где мы должны были жить. Какого черта мы не попали сюда лет эдак на двести раньше?

Пэвэти что-то говорила на своем, и ей отвечали, люди не были настроены враждебно, скорее, они изучали меня, словно диковинку. С моей белой кожей в сочетании с очень темными волосами, я была для них очень необычной. Я улыбалась, но старалась не показывать зубы. Это я узнала в какой-то программе про животных, что по сути, улыбка — это оскал.

Может я была не права, да и они вовсе не животные, но мне было страшновато, особенно, когда они трогали мои волосы. От этих поглаживаний по макушке ползли «мурашки», и я представляла, как мой скальп покрутят прямо перед моими глазами перед тем как я потеряю сознание.

— Идти еда, идти, идти, длинная нора животное, — мне что-то пыталась объяснить Пэвэти, утягивая за собой к костру, возле которого прямо на земле были разостланы ткани, где усаживались люди.

— «Длинное нора»? — я остановилась, чтобы уточнить у нее, что она имела в виду.

— Ты длинное животное нора, — и она зажала нос.

— Сама ты длинное животное, — я пропыхтела это уже на русском, и неужели я пахну так не приятно, и она сейчас обозвала меня скунсом? Надо спросить у Клер, знают ли они о скунсах, и живут ли они в норах... Вообще то, я видела в куче фильмов, что они живут в мусорных баках. Или это не они? Черт, не хочется приобрести дурацкую кличку у индейцев, но, скорее всего, этого не избежать, потому что рост мой и в правду, как у мужчин.

— Есть, есть, вкусно, — она показала, что надо жевать, усадив меня на ткань, и подала деревянную миску, которая ходила по кругу. Там лежало что-то черное, и с виду, это было вообще не съедобно. Пахло чем-то сладковатым, будто подгнившим, но я знала, что отказываться нельзя. Жевала и думала о родине.

— Длинная нора дать чуно, вкусно чуно, папас, — она намекала, что это как-то связано с картошкой, потому что папас у них — точно картофель.

— Да, спасибо, очень вкусно. Мне нужен свежий, новый, из земли, папас, — я показала, что роюсь в земле, и указывала на то, что все по порядку брали из деревянной миски.

Через пол часа непонятного обеда, Пэвэти подняла меня столь же резко, сколь и усадила за это застолье, и потянула к костру, у которого две индианки ошпыивали индюшек. Там она взяла нож, и указала, что нужно пороть ленту от юбки.

Я старалась аккуратно, но нитки, которыми лента была пришита, уже сопрели, и я просто тянула, легко отпарывая ее. Когда я закончила, она указала на железные «колокольчики», и я отрезала их ножом вместе с узелками, что были внутри этих небольших конусов. Я отдала ей «богатство», и она передала его пожилой женщине, что заулыбалась при виде этого, как ребенок от погремушки.

— Идти, папас, брать папас, пора, пора, иди, — теперь она тянула меня в лес, и я жалела, что моя подруга, очарованная Сквонто не отправилась с нами, потому что меня начинало уже подташнивать от первого здесь воскресенья.

За небольшим лесом оказался огород. Стихийный огород, где картофель рос как сорняк,

перемежаясь с травой и камнями, непонятно зачем разложенными явно специально. Его было не очень много, но мне хватило бы и десяти клубней, чтобы вырастить себе много.

— Братъ все, это не надо люди, братъ и идти, — она показала, что можно копать сколько хочешь.

Судя по тому, что кусты уже отцвели, клубни не должны быть маленькими, и если можно копать сколько хочешь, мы успеем до осени вырастить свой личный урожай. Правда, придется копать землю еще, потому что вскопанную мы запланировали засадить кукурузой и тыквой.

За нами пришла та старушка с моей лентой, и принесла большие отрезки тканей и инструмент, типа мотыги. Земля была как асфальт — ее невозможно было поднять.

Часа два я рыла непробиваемую землю, доставала из нее клубни размером чуть больше яйца, но я была намерена уйти отсюда с добычей.

Я не могла противиться тому, что хозяйева этих земель и этой картошки просто сидели вокруг меня и смотрели, будто фильм в кинотеатре. Надо научить их делать попкорн, точно! Пусть это станет исторической едой индейцев. «Нельзя менять историю», ага, нельзя... От поп-корна не изменится ничего, по моему, это не та часть истории, что отвечает за ядерное вооружение стран.

Через пару часов мы с Пэвэти несли за спинами импровизированные мешки с картошкой. Надо было распрощаться с садовым товариществом директрисы, чтобы попасть в другое время и снова копать картошку? Ага, могу, умею, практикую.

За нами шла толпа, словно ожидая, что по дороге я сделаю еще что-то необычное. Как только мы подошли с мешками к костру, возле которого с Клер сейчас теснились сестры, Клер удивилась, рассматривая наши импровизированные мешки:

— Ты переезжаешь? — мне навстречу вышла Клер и Барбара.

— Да, в Колумбию, говорят, там травка позабористей. Шутки, шути, вообще-то я сегодня работала как лошадь на цыганской свадьбе, добывая нам семена для будущего урожая, — мы с Пэвэти поставили связки тканей на пол. В них было примерно по полтора ведра.

— У тебя не было белорусов в предках? — Клер смеялась, и это, хоть и раздражало, но то, что она пришла в себя радовало сильнее.

— Раньше ты в шутках не использовала штампов, но я снова прощаю тебя. Я не сильна в знании своих корней...

— Ты хотела сказать клубней... — она ржала уже согнувшись, и я готова была тоже засмеяться, но к нам подошла Маргрет с сестрами. В этой части поселения было тихо. Никто не работал, и не стучал топорами, не ходили с озадаченным видом женщины, мне нравилось.

— Элизабет, где вы были? — она осматривала нашу ношу, грязную меня, и была растеряна.

— Я копала картошку, сестра. Мы посадим ее здесь, и у нас будет урожай. Но этого мало, и индейцы дадут еще, если мы будем сами копать, поэтому, завтра, когда все девушки будут копать землю под огород, мы с Барбарой возьмем лопаты и пойдем туда еще раз.

Девушки уже поднимали плоды, протирали фартуками и пытались откусить, но тут же выплевывали. Я собрала надкушенные клубни и сложила обратно в тряпку, завязав теперь все узлами. Я оставила штук двадцать, и решила пока не злиться. Наши «домашние» индейцы ошпыливали птицу, и сегодня я покажу им что такое картошка, чтобы работали слаженнее. Хорошо смеется тот, кто ел наваристый куриный суп с разваренным картофаном, а не это вот все, девочки. Сегодня будет разрыв шаблонов, мать вашу.

— Ты не знаешь, что за черная хрень, которой они меня угощали, и настаивали, что это картошка. Пахнет, как корм для свиней, а на вид, как... я даже не знаю...

— Чуно? — Клер таинственно заулыбалась, но ее рот все сильнее и сильнее растягивался, давая понять, что я снова съела какую-то непотребщину.

— Да, только давай без смеха, а иначе я буду падать в обморок как ты, в любой непонятной ситуации, и загорать на солнышке, вместо того, чтобы делать дела.

— Это гнилая сушеная картошка. У них это как запас на случай конца света. Они пошутили над тобой. Она прошлогодняя. Ее чуть подмораживают, потом топчут, а потом складывают подсушить.

— Ферментация?

— Типа. Это пища на случай голода.

— Спасибо, я пойду вон в тот лесок, и попробую выгнать этот стратегический запас из себя, — я оттолкнула руку Клер и пошла за дом, чтобы проверить шерсть. Пора было ее убрать, но никто об этом и не думал. Солнце уже не пекло, и шерсть теперь лежала в тени. Если не убирать прямо сейчас, она отволгнет. Но я устала как собака в упряжке, и показала знаками Барбаре, что пора заносить все в дом.

— Хорошо, птицу с картошкой я беру на себя, — Клер шла за мной, пытаюсь хоть как-то подбодрить, но меня уже не плохо бодрило ее чувство вины, и я сделала свое лицо еще несчастнее. Это работало всегда. А поп-корн индейцам я обязательно отдам. Это их зерна.

Главное сейчас — не проболтаться ей про мою новую кличку, может и индейцы это замнут, назовут по-другому, но что-то мне подсказывает, что рост — хорошая штука только в прошлом мире, где я жила со своим сто пятьдесят пять и пять, и завидовала тем, кто бы от метра семидесяти. «Длинная нора», блин, ну какого черта, а, почему жизнь так не справедлива ко мне? Ладно, ныть — не моя прерогатива. Завтра будет сложный день, и, если занять его работой и не париться из-за мелочей, все встанет на свои места.

Спала я как убитая, и утром, когда «Малышка» прокукарекала, что рассвет уже скоро, мы встали и пошли собираться в огород. Работать рано утром было легче — не так жарко. Сестра Маргрет и еще одна из бледных немочей остались готовить завтрак, до которого мы должны были разметить территорию, поделить инструмент и начать копать. После завтрака начиналась уже серьезная работа, а мы с Барбарой должны были отправиться на очередное унижение — копать картофель. У индейцев сегодня будет новая серия сериала про белых баб, роющих землю.

— Элизабет, Клер такая молодец! Мы даже не ожидали, что эти овощи такие вкусные. Суп был просто необыкновенный. Даже индейцы удивились, — Маргрет нахваливала мою подругу, которая в последнее время, кроме припадков ничем не отличалась. А та светилась в лучах славы.

— Да, она отлично готовит, нужно приставить ее к котлам, пусть кашеварит с индейцами, — я знала, что Лиля — Клер «любит» готовить примерно так, как я люблю заниматься огородом, так что, один — один.

— Да что вы, это же просто, каждый сможет, — она смотрела на меня как Ленин на буржуазию сквозь сощуренные глаза.

Я не могла ее жалеть, потому что, как чувствовала — скоро «подвезут» мою новую кликуху, и она все равно на мне оторвется. Значит, пусть пока потерпит, ну и с индейцами потусить у костра полезно, хоть привыкнет, и перестанет белеть от «удачи», свалившейся на нас.

— Длинная нора, Длинная нора, там ходить люди и нести папас, — я не думала, что моя карма накроет меня так рано, но Пэвэти решила, что пора всем узнать мое новое имя.

— «Длинная нора»? — от Клер не ускользнуло дважды повторенное словосочетание.

— Она плохо справляется с переводом на ваш язык. Это значит «Земляная змея». Так называли вампаноаги вашу подругу, — к костру вышел Сквонто, в руках у него была кружка с ароматным отваром.

— Приветствуем тебя, «Земляная змея», — Клер решила не терять времени и отомстить мне за то, что ее назначили поваром. Сестры, что уже в полном составе стояли у костра, готовые к началу «планерки», сгибались пополам, хохоча над моим новым именем.

— Я решил помочь вам, и вчера отнес немного вашего супа в деревню. Вождь заставил людей выкопать клубней, и принести, — он указал на три больших мешка, что стояли возле кромки леса. — Позже они принесут птицу. Губернатор тоже в восхищении, и сегодня нужно готовить обед на всех. Придут вождь с сыновьями и женами, и будут почти все жители поселения.

— Отлично, ну, повар у нас есть, пусть она выбирает себе помощников, и ваши девушки тоже могут поучаствовать, за одно научатся, а нам пора копать, — я показала Клер пальцами, что счет два-два, взяла лопату, и повела девушек к нашему новому огороду.

— Поливать больно далеко, Длинная...

— Заткнись, и, если я еще раз услышу это слово, не обещаю, что сдержусь, и не опущу лопатку прямо на твою голову, — я зашипела на Барбару, которая не собиралась закрывать эту тему, и девушки продолжали хихикать.

— Ну что там на тему полива. Я конечно так себе фермер, но кое-что знаю о поливе, —

Барбара успокоилась, но по глазам было видно, что возможность подшутить снова она не упустит.

— В двухсот метрах протекает река, и огород наш на склоне. В один из дней мы соберемся и проложим ручей. А возле огорода выкопаем небольшое озерцо и отвод из него. Так мы сможем ведрами набирать воду прямо у грядок. А еще, нам обязательно нужно удобрение. Я видела, что индейцы в этом понимают, но в ход должны идти все отходы с кухни, и даже листовенная подстилка из леса. Пока важно перекопать и посадить, а потом сразу начнем заниматься ручьем.

На завтрак наши не пошли, потому что работать было легко и прохладно, а днем мы собирались устроить сиесту, искупаться и отдохнуть.

— Идите, попейте, здесь много, на всех хватит, — Клер и еще одна девушка принесли два кувшина горячего отвара и пару кружек.

— Да, отлично. Что это за травка, так вкусно пахнет, ее пил Скванто?

— Да, он показал где она растет, и сейчас, пока у нас все тушится, я оставлю Маргрет посмотреть за котлами, и с девочками сходим ее собрать — нужно засушить на зиму.

— А где говоришь кофе найдут? И когда? — я разогнула спину. Мы всемером не перекопали еще и третью часть от запланированного.

— Ну, завезли его сюда, по-моему, из Голландии, только вот нужно подождать еще лет двадцать.

— А если поискать?

— Я плохо знаю историю кофе, ты же знаешь, я больше по чаю, — Клер разливала в освобождающиеся кружки отвар, и подносила каждой из нас.

— А табак? — я вдруг вспомнила, что именно здесь будут самые большие плантации.

— А он уже есть там, куда мы должны были попасть — в Южной Америке.

— Да, что в первый раз, что второй я родилась не на юге. Не честно это. Они бы хоть чередовали.

— Копай, змея, солнце еще высоко, — она со смешком пошла от нас.

— Надо напомнить Скванто о выдрах, и посоветовать дать тебе кличку, — меня начинало бесить, но, с другой стороны, змея лучше, чем скунс.

— Мне уже дали имя, не завидуй, — она скрылась за деревьями.

— Какое?

— Красивое, — прокричала она в ответ.

— Надо сказать, что ты делаешь отличный массаж, — пробубнила я себе под нос, и продолжила копать.

Купались мы на этот раз в речке и в рубашках, но все равно, это было просто прекрасно. Женщины из общины даже не пытались войти в воду, и нас это даже радовало. Надеюсь, до тех пор, пока здесь начнутся действительные гонения на женщин, мы отсюда смоемся.

— Я думала, что не переживу это время на корабле, а сейчас просто счастлива, что оказалась тут, — Барбара сидела на дне, ее плечи были в воде. — Скажи, здесь и вправду рай!

— Пока да, но скоро это место станет популярным, Барб, и сюда ломанутся все. Да и индейцам это не понравится, люди будут занимать их землю, навязывать свои правила. Нам нужно быстро набрать жирку и придумать куда идти дальше.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, я просто вижу, как здесь все выгодно. Поверь мне, «Сестра», — я

улыбнулась этой вредной и злой изначально женщине, которая сейчас стала совершенно другой — открытой, искренней и доброй.

— Ты только не уходи без нас, Змея, потому что я уже вижу, что без тебя мы не справимся.

— Нужно попросить Сквонто, чтобы он тайком научил нас стрелять из лука, и обменять у индейцев луки и стрелы, — ну, Змея, так Змея. Это все равно лучше, чем длинная нора.

— Зачем это, — она даже привстала, и приползла по дну ближе ко мне.

— Чтобы было, Барб, чтобы было. Все хорошее когда-нибудь кончается, и мы постоянно должны быть к этому готовы, — я посмотрела в ее испуганные глаза. Она была так счастлива здесь и сейчас, что я пожалела о сказанном. — А сейчас, да и думаю, ближайший год, нам бояться нечего, и нужно наслаждаться, — я зачерпнула воды и брызнула в ее сторону, и через пару секунд в меня уже летели брызги со всех сторон.

— Знаешь, что? Мне кажется, моя миссия в этом мире — не варить супы, а сделать что-то важное! — Клер выглядела усталой, и сидела сейчас с огромной деревянной ложкой у костра, помешивая суп, который она готовила вот уже третий день, и он не надоедал никому.

— Запеканку? — меня еще не отпустило, и тролить друг друга у нас было чем-то вроде десерта.

— Не смешно. Ты права, нужно придумать, что делать дальше. Жизнь здесь, с этими святошами, — она указала на людей, которых много было на улице, и все суетно что-то делали. — Это не долго продлится. Скоро они начнут сходить с ума и развлекаться охотой на ведьм.

— Аминь, ты вернулась! — я присела рядом с ней. — Я это говорю тебе уже несколько дней, а ты как припадочная, улыбаешься и никак не соберешься.

— Да, я была в состоянии эйфории.

— Давай, рассказывай, что можно запланировать здесь, чтобы не умереть в первый день миссии?

— Джеймстаун далеко, да и там через год будет нападение индейцев, и планировать там что-то серьезное глупо, потому что мы с тобой не сможем жить в месте, где начинает процветать рабство.

— А если нам серьезно заняться картошкой? Ну, прямо в серьезных масштабах, и продавать ее в Англию, и куда еще отсюда уходят корабли?

— Нам негоже здесь оставаться больше года, поэтому, даже и не знаю.

— Может, тогда, подальше от океана? Податься вглубь материка?

— Там французские колонии, Элиза, а мы с тобой «же не парле па франсе»^[3].

— Слушай, а Аляска? — я вдруг вспомнила, что изначально Аляска была Российской.

— Да, лет через двадцать, говорят, туда доедет Дежнёв, и да, ее начнут осваивать. Но это не точно. А пока там алеуты, мороз и белые медведи.

— А Россия? Что там сейчас?

— А там сейчас первый Романов — Михаил Федорович, но через шесть лет он умрет.

— Блин, ну, предложи что-нибудь сама?

— Капитан отправится примерно через пару дней, но он не сразу в Англию, думаю, сейчас он планирует отправиться за рабами, ну, знаешь, возьмет за перевозку, и на эти деньги купит своих, продаст в Америке потом. Я у него в каюте была, помнишь?

— Ну, поздно уже поняла, а то бы привязала тебя к себе.

— Короче, проехали, но там, рядом с картами лежали два пухлых пакета. Я думала там деньги, — она говорила, и ей, судя по всему, было стыдно за свои действия.

— Святые чипсы! И ты хотела своровать деньги?

— Нет, я посмотреть хотела, а там паспорта, ну, документы на умерших мужчин. В одной пачке на солдат, во второй на членов команды. Значит, он планировал отправить их куда-то в канцелярию, или еще где тут у них выдают свидетельства о смерти.

— «Планировал»? Почему ты говоришь в прошедшем времени, — я наклонила голову и смотрела на нее внимательно.

— Ну, он и отправил, — она оттянула ворот рубашки и полезла рукой под корсет. — В общем, пенсию получают не все. Некоторые остались типа живы, — она отдала мне пачку

желтых бумаг, на которых расплывались от влажности и пятен имена мужчин, каллиграфическим почерком выведенные чернилами.

— То есть, ты решила, что если своровать нечего, ты возьмешь документы, да? А компас тебе не понравился? Или может там была подзорная труба?

— Элиза, прекрати, ты тупишь, или у тебя включился режим честности?

— Я туплю? Я не занимаюсь тем, за что здесь как минимум — отрубают руку.

— Будучи женщинами мы не сможем путешествовать в одиночку.

— Ага, а с документами мы скажем что мы мирные трансвеститы, и в платьях с сиськами только потому, что идем на карнавал или в бар, где выступаем сегодня на разогреве у Стаса Михайлова, да?

— Мы пострижемся, переоденемся. Эти документы для нас — крайняя мера, к которой может и не придется прибегать, но пусть будет.

— Хорошо, Клер, я подумаю об этом и скоро перестану представлять, как тебе отрубают обе руки, но ты должна пообещать, что в виду твоего состояния ты будешь обсуждать со мной свои планы на воровство, убийство, и прочие милые развлечения, ок? — я посмотрела на нее как мать смотрит на дочь, только что своровавшую у соседки всю пенсию.

— Торжественно клянусь, Элизабет — Длинная нора.

— Закрой рот, а то язык я отрежу тебе раньше, чем они отрубят руки, — она прижалась к моему плечу. — Я не хочу больше этот суп.

— Сделай пюре, делов то. Мы закончили с посадками, и завтра ты можешь уйти от готовки, поменявшись с одной из девушек.

— Отлично, я с удовольствием. А что вы будете делать?

— Копать двести метров американской земли. Нужно отвести от речки ручей, чтобы поливать наши посадки. Я не сильно полагаюсь на дожди.

— Ты знаешь, нет, я, пожалуй, поготовлю еще, они не знают, что такое биточки из картошки с мясом внутри. Точно, да, биточки! — она встала и пошла от меня.

— Ты далеко?

— Готовить.

— Мы с тобой сидим у костра. Это и есть кухня, — она словно удивилась моим словам, осмотрелась, поняла, что повела себя странно и вернулась к котлу.

Она, конечно, права, но нужно поговорить с девочками, что, если хоть кто-то заподозрит их в чем-то, нашей честной компании придется не сладко. Сегодня, когда все пойдут купаться, нужно поднять эту тему.

— Мисс, прошу прощения, что так и не смог проверить как вы устроились, но я уже благодарен вам с сестрами за то, что разнообразили стол нашей общины. Откуда у вас такие познания в области этих клубней, — я думала, что место за домом, где мы сушим шерсть достаточно спокойное, и здесь мало, когда можно увидеть людей, но губернатор будто шел за мной.

— Мистер Бредфорд, и мы тоже, слишком рьяно взялись за дела, что не могли познакомиться с вашими людьми. Но вы должны понять, что мы не имеем права «повесить» себя на вас. Вот и решили сразу принять активное участие в труде и получении навыков, — я чуть присела и опустила подбородок. Я Элизабет, губернатор.

— Вы поражаете всех в общине своей работоспособностью, и вас даже ставят в пример некоторым женщинам...

— Что вы, что вы, лучше этого не делать, потому что только Господь должен быть для

нас всех примером. Мы не хотим, чтобы ваши женщины держали на нас обиду.

— Нет, мисс Элизабет, такого не будет, наши женщины не злы и не завистливы. Вы в полной безопасности. Так откуда вы узнали столько блюд из этих клубней, на которые мы и внимания не обращали?

— Как правило, у любого продукта несколько состояний: его едят сырым, как яблоки, вареным, как брюкву, или печеным, как тыкву. Когда находишь незнакомый овощ, и откусив, понимаешь, что он тебе не нравится, то всего то и нужно, попробовать его отварить, или просто положить на угли, — черт бы вас подрал с вашими «независтливыми» женщинами, и этими вопросами. Молодец, Лиля, что сперла документы, думаю, они допекут нас еще до индейцев.

— Я бы хотел приставить к вам несколько наших женщин, чтобы они научились у вас приготовлению блюд. Благодарю за беседу, мисс Элиза, и хочу, чтобы вы знали, что если я вам понадоблюсь, то я весь ив вашем распоряжении.

— Конечно присылайте, так мы сможем ближе познакомиться, подружиться. Спасибо, мы так благодарны, что попали сюда, к людям, что чтят Бога в сердце, и живут по закону Божьему, — я еще раз отвесила поклон и пошла собирать сестер.

— Клер, бросай свои кашеварские дела, ставь вместо себя одну из сестер, собирай адекватных барышень, и идем купаться. Нужно поговорить. В реке мы сможем сделать это лучше всего, — я замялась, и она это заметила. — Да, ты молодец насчет документов, детка, но у меня еще одна идея, пока не отошел корабль. Ты не видела этого рыжика? Мальчишку с канапушками и волосами как медь?

— Малкольма?

— Да, его.

— Он с индейцами ушел в их деревню. Зачем он тебе?

— Да, есть одно дело. Собирай девушек, и валите к речке. Я сейчас.

— Малкольм, дружище, как тебе индейцы? — я кричала на встречу пацану, что одним из первых вышел из леса. Он помахал мне рукой и побежал навстречу.

— Если бы можно, остался тут жить, но капитан не оставит, да и документов у меня нет.

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать, но у меня порода видишь какая мелкая? — он показал ладонью над головой, намекая, что там могла быть его голова, а не тут, где сейчас.

— Э, дружок, не переживай, еще вытянешься, а если нет, наберешь мускулы, и будешь могучим, как... — я оглянулась по сторонам, но кроме индейцев, шедших за губернатором и Сквонто, никого не было в поле зрения. — Как Сквонто.

— Ну, он высокий...

— И сильный, а сильным быть важнее, чем высоким, — как же я хотела рассказать, что раньше я была его роста, а по силе могла дать по носу некоторым мужчинам.

— Может поговорить со Сквонто, чтобы он попросил губернатора, тот прислушивается к нему... Я очень хочу остаться здесь, — пацан загрустил, перебирая в руках и царапая ногтями ракушку.

— Малкольм, давай попробуем вместе поговорить, а у меня к тебе тоже просьба есть.

— Говори, если смогу, помогу.

— Нужно постараться... нам нужна мужская одежда. Остались же вещи солдат и людей из команды... ну, которые умерли. Что с ними?

— Их оставили на тряпки. После мертвых никто не будет их носить. А тебе они зачем?

— Пока это тайна, Малькольм, но, если ты сможешь принести побольше, я тоже постараюсь помочь.

— Завтра капитан велел начать грузиться водой и продуктами, а обратно я могу попробовать вынести одежду на берег в мешках и пустых бочонках, мы из них переливаем воду в большие бочки на корабле.

— Попробуй, и я буду очень благодарна. И проверь, ни осталось ли на корабле тюков с шерстью — капитан обещал отдать всю. Можешь засунуть вещи в тюки. Обещаю поговорить с Сквонто. И еще, попроси капитана взять с собой мешок картошки, если он пойдет в Англию. Там он сможет продать его дорого, если покажет, что с ней можно делать. За твой совет он будет добрее к тебе.

— Ладно, сестра...

— Я Элизабет, зови меня Элиза, хорошо?

— Хорошо, — пацан немного повеселел и пошел в сторону навеса, где жила команда корабля.

К реке я пришла, когда все уже были в воде, и даже помылись.

— Сестры, у меня к вам всем есть разговор. Он очень важный, и от этого зависит наша жизнь, — я дождалась, когда они обратят на меня внимание, скинула юбку и жилетку, вошла в воду в рубашке, наслаждаясь тем, как вода холодит разгоряченное тело.

— На воде хорошо слышно, поэтому, давайте покучнее, собираемся вокруг Элизы, — Клер созывала всех ближе к нам.

— Сестры, скоро женщины общины настроятся против нас. Это случится скоро или нет,

но случится, вот увидите. И поэтому, я прошу вас, кроме нашего дома, огорода и кухни, старайтесь нигде особо не показываться. Хорошо, что мужчины закончили крышу, и теперь в нашем доме нет мужчин. Вы видели, что жены некоторых часто приходили посмотреть? Это потому что нам не доверяют.

— Но они же еще набожнее нас, и мы почти монахини... — начала одна из сестер.

— Есть одна прекрасная поговорка про свекровь и сноху, но я не стану вам ее рассказывать, — мои святоши и вправду ничего не понимали в этой жизни, и им, лучше бы действительно, выйти замуж.

— Что ты предлагаешь? — Барб сразу подошла к важному вопросу.

— Вы все должны сходить к губернатору и поговорить с ним. Пусть они запретят мужчинам ходить в сторону нашего дома. У нас своя кухня, у нас в доме свой очаг, дорога на наш огород не проходит мимо домов общины. Но вы должны понимать, что, если не вы, а мужчина придет к нам, виноваты будете вы, — я посмотрела на всех — ловила взгляд пары глаз и ждала, что мне ответят кивком. — Я знаю, что вам кажется это странным, но так и будет.

— Хорошо. Только вот мне все это начинает не нравиться. Что делать дальше?

— Мы сделаем теплую одежду, а там видно будет, — я понимала, что уйти таким большим составом мы точно не сможем — девушки Маргрет — почти дети. Рано было принимать решения, но думать всегда не лишнее.

К дому мы пришли все вместе. Сестра Маргрет стояла около дома, и ее окружали женщины из общины.

— И одежда их не подобает нашей общине, сестра Маргрет, — говорила одна из «хозяек» земли.

— Я поговорю с девочками, но они много и тяжело работают, а в шерстяных платьях очень жарко и они сковывают движения, — пыталась обороняться сестра.

— Элиза, стой, сейчас нельзя говорить ни слова, — поняв, что я всем корпусом двинулась в сторону компании, что с виду просто мило говорили, Клер поймала меня за руку. — Ты сама знаешь, что перезимовать мы должны здесь. Охлади свой пыл. Ты же умная, нужно просто придумать чем их занять — придумать проблему, которую они будут решать, отстав от нас.

— Я боюсь, что сейчас все проблемы будут считаться последствием появления здесь всех нас. Ты заметила, что они не поливают огороды, а дождей не было пару недель. Фиговый урожай у них будет ассоциироваться с тем, что это мы — нечестивицы, прогневали их Бога.

— Не так быстро, детка. У губернатора пока есть дела поважнее, чем верить курицам, так что, до весны нас точно не тронут. Весной следующего года нападут на Джеймстаун, а осенью на Плимут. Ранней весной мы должны будем уйти.

— Куда, Клер? Мне становится страшно.

— Ты не одна, нас толпа, и среди нас есть женщины, что были бандитами с большой дороги, я знаю историю, а ты подкачаешься, и вспомнишь айкидо. Пока они заряжают свои мушкеты, ты успеешь сломать три бедра и одну шею, давай, не накручивай себя.

Увидев нас, женщины опустили головы и натянули улыбки. Маргрет спохватилась и начала приглашать всех за стол, что стоял перед нашим домом. До нашего прихода это место занимали индейцы, а сейчас мы прекрасно сосуществовали рядом с ними.

— Девочки приготовили сегодня запеканку, присоединяйтесь к нам. А еще, мы нашли

глину, и сейчас запекаем в ней птицу. Прошу вас, разделите с нами трапезу. Вам понравился картофель? — она суетилась, подводя каждую к лавочке, усаживая за стол. Те сопротивлялись, но уж больно хотелось попробовать новые блюда. Кукуруза им тоже, скорее всего, надоела.

— О! Миссис Уилсон, как же я рада вас видеть, и всех остальных хозяек этих земель. Спасибо, что приютили нас, ведь мы так долго были в море, и уже отчаялись, но Бог был в нас, и благодаря ему мы выжили. Он сделал нам большой подарок в виде вашей общины, — я поклонилась почти каждой. Нам сесть за столом было негде, да и порции наши теперь будут раза в три меньше.

— Завтра воскресенье, и мы хотим пригласить вас на нашу службу... — начала, было, одна из них, но я тут же ее перебила:

— Спасибо вам, но все мы — будущие жены, нас ждут наши мужья, и мы должны держаться отдельно. Мы надеемся, что капитан сообщит в компанию, и наши будущие мужья соберут за нами экспедицию. А пока мы будем тяжело работать, ведь впереди зима, и мы не хотим, чтобы вам пришлось содержать и нас. А вы должны поддерживать своих мужей, так как работы у них много, — говорить этот бред я могла бесконечно.

Мы с Клер пошли за дом, куда каждое утро выносили тюки с шерстью и разворачивали для сушки.

— По-моему, она хорошо просохла, и уже не воняет. Я подумала вот о чем, Клер, у нас нет ткани, но есть запасные шерстяные платья. Мы пошьем из них куртки, а снизу простежим шерстью. Если найдем еще ткани, сделаем типа сэндвича — шерсть прошьем между тканями.

— Но у нас еще есть проблема, Элиза, это обувь. Мы все в летних туфлях, а у кого-то и туфли уже перевязаны тряпками.

— Мы сделаем шикарные накидки, помнишь, я показывала тебе сети? Мы сделаем треугольники из них, вроде платка, и длинные пряди шерсти будем привязывать к сетке в каждое перекрестие. Индейцы такого не видели. Надо поговорить с ними, чтобы они пошили нам сапоги. Видишь какие у них, — я указала на Пэвэти у костра. На ней были легкие сапоги, вроде наших угг, только без меха.

— Хорошо, значит, пока наши посадки не взошли, ы будем шить одежду.

— Да, и чем раньше у нас все необходимое будет, тем лучше. Этой шерсти хватит на большое количество одежды и прочего, а нам еще нужны одеяла. Рук много, и если не лениться, мы не пропадем, — я похлопала Клер по плечу и улыбнулась. — Пока эти курицы не ушли, идем к Пэвэти, думаю, с ней интереснее, чем сейчас за нашим столом.

С этого дня наши собрания, которые мы назвали с Клер «Обществом Добродетели», потому что нам оно смешило, для сестер это было нормой, а новоиспеченным сестрам казалось, что это для прикрытия нашей преступной группировки. В общем, все были счастливы. Единственная сложность — донести до двух разных типов женщин суть вопроса.

— Барбара, я рада, что ты понимаешь — почему мы так тихо себя ведем. До сестер все это доносит Маргрет, и слава Богу, она здравомыслящая и адекватная женщина, несмотря на то, что жизни особо не видела, живя в монастыре, — мы втроем могли говорить о чем угодно, и на этот раз ушли к месту, где мы начали копать ручей только я Клер и Барбара.

— Я слежу за своими девочками, не переживайте. Думаете мы спокойно переживем зиму? — Барб оказалась не только хваткой и хитрой, но и предприимчивой.

— Думаю, зимой им будет не до нас, потому что в поселении в холода много работы, да и осенью тоже. А мы, кроме работы здесь в огородах, должны найти место, где устроим схрон — там мы будем складывать все, что пригодится нам для побега, — Клер, хоть и выглядела отстраненной от проблем, постоянно о чем-то думала.

— То есть, ты уверена, что оставаться здесь — не вариант? — Барбара, хоть и верила нам, но нынешний покой, размеренность и понятность жизни давало иллюзию безопасности и счастья.

— Барб, мы уверены, потому что знаем. Пока не спрашивай ни о чем, потому что долго объяснять, — я улыбнулась ей, и вздохнув продолжила: — Жаль, что мы не можем обосновать свое поселение.

— Отчего же не можем? — словно вынырнув из тумана задумчивости на меня посмотрела Клер. — У нас есть мужские документы, у нас есть мужская одежда, и мы можем по примеру Плимута создать свое...

— У вас есть документы и одежда? — да, Барбаре пока рано было узнать об этом, но Клер плохо контролировала язык, и если в ее голове возникали первые слова мысли, последующие она воспроизводила ртом.

— Барб, это на всякий случай. Видела, Малкольм принес тюк шерсти с корабля? В нем лежит одежда тех, кому она больше не нужна. Мы прокипятим ее, и спрячем, — лучше уйти от разговора про документы.

— Клер, продолжай, что там про собственное поселение?

— Ну, Плимут организован отдельно от Английской компании, и прибывшие на новые земли заключили Майнфлауэрское соглашение^[4]. В нем подписались губернатор, капитан и активисты, что пришли к незнакомому берегу. Так они отделяли себя от Вирджинской компании, с которой заключили договор. Вроде как — раз вы не привезли нас туда, куда нужно, идите к черту, и мы вам ничего не должны.

— Значит, мы тоже можем так? — в моем сердце зародилась надежда на собственные земли, покой и отсутствие фанатиков.

— Можем, только вот, не на побережье, и сложности с индейцами могут возникнуть, — хоть Клер и перечисляла минусы, я видела в ее глазах огоньки, которые значили, что идея просто отличная.

— Ну, по сути, нас тоже привезли не туда, а значит, мы никому ничего не должны, правильно? — Барб тоже оживилась. — Как же хорошо, что ты затеяла смену документов,

Элиза. Теперь мы просто девушки из монастыря.

— Мы думаем о том, что пойти смогут не все, Барб. Скорее всего, уходить придется далеко, и дорога может занять больше месяца. Девушки не смогут, а тащить их на себе мы не в силах, — я знала, что эти слова Клер сказать не сможет.

— Я поняла, только вот как мы их оставим? Слушайте, а оружие? Мы же не сможем без оружия. А оно только у солдат. Может взять с собой их? — мы посмотрели на Барб как на сумасшедшую, и та покачала головой, мол, если вы против, то откажемся от идеи.

— Нет, ты видела их? Они же тут — сила, власть, хоть и не основная. Так что, представляешь, как они будут рады стать нашими единоличными хозяевами?

— Да, но я не о всех... — она явно что-то не договаривала, и мы с Клер прижали ее к дереву с двух сторон.

— Ну ладно, я и правда не хотела этого, но лучше рассказать сейчас. Я и еще пара девушек встречаемся с ними. Это еще с корабля. И здесь мы тайком встречаемся ночами, — она опустила голову.

— Я надеюсь, вы не рассказываете им ничего? — Клер налетела на нее как орлица на цыпленка, чего я даже и не ожидала.

— Нет, ты что, я ж не трепло, — та отстранилась от нее и шикнула нам, взявшись за лопату — кто-то шел в кустах в нашу сторону.

— Зачем вы решили ухаживать за папасом, — к нам вышел Сквонто, а за ним шла Пэвэти и Малкольм.

— Нам кажется, что так клубней будет больше, и нам не придется искать их по лесу, — я поставила лопату.

— Мальчик сказал, что вы не против, чтобы он остался, и капитан спросил у меня — кто будет отвечать за него. Мое слово здесь мало значит, но, если вы решите, что вам нужны мужские руки, ведь солдат мало, да и трудиться здесь нужно много, — Сквонто явно решил помочь мальчишке, и пришел к нам именно за этим, а сейчас просто подсказывал — как сделать проще.

— Да, мы хотим оставить его в нашей общине, потому что впереди зима, и работы будет много, — я заметила, как внимательно Пэвэти наблюдает за нашей работой — она рассматривала уже готовую канавку, в которой еще не было воды.

— Зачем копать? — ее любопытство победило, наконец, и она подошла ближе, рассматривая длинную и узкую траншею, шириной в полметра.

— Когда мы приведем ее к нашему огороду, мы прокопаем кусок у реки, и тогда здесь будет ручей — вода сама придет к огороду, — я знала, что эти слова ей плохо понятны, но Сквонто пришел на помощь, сказав на своем языке.

Она округлила глаза и пошла вверх по канавке в сторону реки, а Сквонто отправил за ней Малкольма, мол, чтобы она не была одна, но мы то знали, что Пэвэти сама стоит пятнадцати Малкольмов.

— Расскажи мне, что вы хотите делать? Я вижу, что вы не хотите жить с общиной, все делаете отдельно, — он сел прямо на землю, давая понять, что хочет говорить.

— Сквонто, мы не такие как они, мы — другое племя, у нас другие привычки. Пока мы не можем уйти, но после зимы, наверно, стоит уйти отсюда, — Клер села напротив него, сложив ноги перед собой. — Я знаю, что у вас договор с Массасойтом, и знаю, что конфедерация — другие племена, не очень рады англичанам. Массасойт не сможет долго поддерживать мир, потому что очень много недовольных.

Сквонто с таинственной улыбкой слушал и чуть качал головой, словно соглашаясь со словами Клер. Иногда н щурился, будто пытаюсь понять — откуда у нее столько информации, но он верил ей.

— Да, это так, только здесь не так много людей, и нашим племенам не мешают, ведь за большой рекой на севере еще больше теснят ирокезов...

— Скоро сюда будут приходить новые люди, Сквонто, а у реки, ты имеешь в виду Квебек? Там французы, и они уже начали скупать шкуры у племен. Скоро там будет еще больше компаний для скупки...

— Откуда ты это знаешь? — он чуть наклонился к ней, и смотрел сейчас прямо в глаза, но я знала, что Лиля не умеет врать.

— Об этом идут разговоры в Англии. Перед тем как отправиться сюда, я слышала разговор одного богатого шотландца и англичанина. Они говорили о французах, и о том, что берег бесполезен, кроме как для постройки фортов, — она мялась, но держалась уверенно.

— Мало ли что болтают люди, но людей все больше, и они уже привозят рабов. Массасойт верит англичанам, но ему уже шепчут о том, что будет беда, — он выпрямился и молча уставился на лес. — Пока я здесь, вас не будут обижать. Но там... — он показал в противоположную от океана сторону, — и правда, все больше и больше людей. Они заходят на наши земли с другой стороны.

— Да, через Залив Святого Лаврентия и Гудзонов Залив... — Клер резко осеклась скорее всего, думая о том, что этих названий еще нет. Она морщила лоб, вспоминая.

Из леса показались Пэвэти и Малкольм. Они смеялись, с трудом объясняя друг другу то, что хотели сказать.

— Идемте, я поговорю с капитаном и губернатором. Малкольм, ты точно хочешь остаться? — я посмотрела на парнишку, который щенячьими глазами смотрел теперь на нас, умоляя оставить здесь.

Мы шли молча, стараясь пропустить вперед Сквонто, который тоже шел медленнее, ожидая нас. Я хотела поговорить с Клер, но, судя по всему, это мы сможем сделать только дома.

— Парнишка, вроде, смысленый, и рыжий как я. Значит, толк с него будет, — начала ничего не значащий разговор Барбара, чтобы эта атмосфера тайны и натянутости порвалась.

— Ну, не все рыжие одинаково полезны, Барбара. Некоторые хитрецы еще те...

— Главное, чтобы эти хитрецы были на вашей стороне, детка, а так, да, рыжие — смысленные ребята.

— И рот у них не закрывается, это я точно заметил, — с улыбкой повернулся к нам Сквонто.

— Лучше знать, что у человека в голове. Из рта выходят его мысли, а не варятся там, как в котле, того гляди перельются как каша на молоке, — Барбара ладонью изобразила над головой поднимающуюся крышку, и все засмеялись.

Малкольм остался с нами. Мы с сестрой Маргрет долго объясняли капитану и губернатору, что нам, женщинам, оставшимся без мужского попечения, очень сложно будет с уборкой урожая, зимой с дровами. Мы объяснили, что просить помощь мужчин из общины — не красиво, как минимум, а солдаты, их очень мало. Сестра взяла на себя ответственность за мальчишку, и губернатор согласился и убедил капитана, что его присутствие здесь просто необходимо.

— Барбара, идем в огород, надо поговорить, — как только все занялись работой по переборке шерсти, я отвела ее в сторону, чтобы пошептаться.

Дождей так и не было, и наши ручейки, наконец, стали актуальны — поливать приходилось много и вручную, без леек, а с ведрами. Солдаты плевать хотели на огород, и мы доложили губернатору, что мы сами обеспечим себя едой, но кормить солдат — не наша задача. Губернатор не обрадовался шести мужским ртам, зная, что они не особо стараются в другой помощи общине. Сейчас между нами и этими мужчинами с мушкетами были довольно натянутые отношения, и я бы сказала, что при любом удобном случае они решили бы обустроить свою жизнь самостоятельно.

— Что ты хотела сказать? — Барб пришла к огороду после меня и взяла второе ведро, повторяя за мной монотонную работу — почерпнуть воду, вылить в межи между посадками, вернуться к ручью, и по новой.

— Не сказать, а спросить. Ты тут проговорила, что у вас с солдатами отношения...

— Ну, это не отношения, пока мы были на корабле, трое из них оказались достаточно милыми.

— Они водили вас в ресторан и дарили цветы?

— Не смешно, Элиза. Они не давали другим нас обижать.

— О да, и вы их за это благодарили?

— Нет, они и правда, очень хорошие парни — добрые и честные. Даже ты их заметишь из всех — они трое помогают на стройке дома...

— В котором будут жить сами.

— И не только, Элиза, они помогали копать землю, они приносят дрова к общему костру, и... — Барб замолчала, на лице ее появилась тень, какая бывает у людей, которые не хотят доверить чью-то тайну, но знают, что сделать это придется.

— И? Говори, Барб, ты знаешь, что я не враг, и ты знаешь, что мне лучше знать все.

— Они сказали, что солдаты хотят уйти на север.

— Куда именно?

— К Гудзонову заливу, чтобы заняться шкурами, а если там ничего не выгорит, пойти дальше, там нашли золото. Они зовут нас с собой. Девочки не глупые, да и я слежу, чтобы они лишнего не лягнули. Они пока просто слушают и выспрашивают.

— Но могут и убежать с ними, так?

— Да, могут.

— А ты?

— Я может и воровка, но не дура, Элиза. Доверить свою жизнь солдатикам, которые с влажными глазами ночами глядят вышитые на сорочках мамами буковки их имен? — она хохотнула и присела на ведро. Я повторила за ней.

— Не жалко девчонок отпускать с ними? Пропадут ведь.

— А я сказала им, что дуры мне не нужны. Пусть сами решают.

— Не все знают наши планы на весну, Барб, а только те, кого мы выбрали. Из сестер только трое кроме меня, а из ваших — Клер и ты, а остальные — тебе решать. Няnek у нас нет.

— Да я поняла, поди не раз замужем. Скажи, а от чего вы с Клер так сдружились то?

— Не знаю, есть в ней что-то. Сильная она, хоть и притворяется слабой. Думает много, замечает все.

— Она первые месяцы в тюрьме только редела и спала. Чтобы есть стала, пришлось ее запугать, что через лейку похлебку вливать будем. А как с тобой говорить начала — другая совсем стала.

— Ты тоже стала, Барб. Люди меняются. Вон, даже «Малышка» больше не матерится. Что хочешь делай, но, если вы этим молокососам хоть слово о наших планах скажете, я найду как показать вам истинный страх. Ты бы тоже это говорила, если бы от тебя зависела жизнь дорогих людей. Мне многие уже стали дорогими, вижу, ты об этом спросить хотела.

— Обещаю, Элиза. Идем, надо ощипать птицу, сегодня я на кухне, — она ухнув встала, взяла ведро и пошла раньше меня. — Давай, поднимай свою тощую задницу. Клер сказала, что ты сегодня готовишь какое-то питье, не помню название.

Я хотела попробовать сделать из крахмальной жижи, что отстаивала от картошки, кисель. Мы нашли на пригорке клубнику. Ягоды были не сладкие, однобокие, но очень ароматные. Часть мы намяли, добавив в чай, но после этого нашли еще поляну, на которой собрали очень много. Клер велела каждое утро ходить и собирать, чтобы она посушила их на зиму. А я хотела ненавистного за все время в детском доме киселя. Сладкого, густого, пахнущего ягодами. Мда, ценностные ориентиры скачут как зайцы на охоте.

— Бланманже с киселем, — шептала Клер в ухо Барбаре когда я подошла к кухне. Сквонто колотил навес над костровищем и столом, на котором делались заготовке к обеду.

— Думаешь, будет дождь? — я подала ему гвозди, которые он пытался нащупать в траве.

— Утром будет. И здесь все зальет. Река станет большой, и забор этот смоеет в море, — он показал на криво скрученные ветки вокруг забора общины. Видимо, они пытались пропустить вертикально ветки между тремя горизонтальными перекладинами, только вот, от кого была эта защита, я так и не поняла, потому что животных в общине не было.

— Ты видишь это по каким-то не заметным нам признакам природы?

— Признакам? Что это такое?

— Ну, если ласточки низко летают, это к дождю, или, если вечером красный закат, значит, утром будет жарко.

Он долго и молча смотрел на меня. Положил молоток и повел меня в сторону леса, взяв за локоть. Я оглянулась и поймала взгляд Клер:

— Сквонто, если ты прильёшь её язык к дереву, я подарю тебе все ленты, что есть у меня, и еще добавлю колокольчики от безрукавки, — она потрясла железные наконечники на шнурках.

— Вы любите друг друга, да? — Сквонто подтолкнул меня вперед, и мы вошли в лес. — Ты не чувствуешь, что воздух стал другим?

— Нет, все точно так же, как и вчера, и позавчера.

— Смотри, — она присел к огромному, выше бедра, муравейнику, который

рассматривать можно было и стоя. Он дернул меня снова за локоть, и я присела.

— Ну, муравьи, они бегают так с утра до ночи.

— Нет, сейчас они бегают быстрее, они уже знают, что их ждет, и начали заделывать входы в муравейник, — он палочкой указал на небольшое отверстие, которое изнутри сейчас заваливали трудолюбивые строители.

— Ты каждый раз ходишь смотреть муравейник, чтобы знать погоду?

— Только в детстве. Меня водил к нему старик. А потом я сам стал чувствовать разницу в воздухе, в голове, — он потер виски. Скорее всего, он чувствует смену давления. Если уметь анализировать простые вещи, жизнь становится простой и понятной.

— Очень интересно, Сквонто, а я уже несколько дней жду дождя, и все никак не могла узнать — можно ли заранее узнать.

— Спроси у Сквонто, или у Пэвэти, она тоже знает это. Почему вы не любите губернатора, Элиза? — он подошел так близко, что мне стало не по себе — за мной был огромный муравейник, а передо мной большой и сильный мужчина, выросший в этом лесу.

— Женщина не должна верить никому, Сквонто, иначе, ее ждут проблемы.

— Она может верить отцу и мужу. Она может верить брату и вождю.

— Ты видишь здесь моего отца? Наши вожди не такие как ваши, и ты тоже уже другой, Сквонто, ты тоже веришь только себе.

— Я верю своим глазам и своему сердцу. Ты тоже, Элиза, но ты не вампаноаг, но и не англичанка.

— Продолжай верить сердцу, Сквонто, как и я, — я рискнула отодвинуть его, и он поддался — отошел и пошел следом за мной.

— Сестра, Клер сказала, что ты приготовишь блан — ман — же, — с трудом проговорила Барабара.

— С киселем? — настроение поползло вверх.

— Да, с ним. Давай, чем тебе помочь?

— Можешь срезать колокольчики с корсета Клер? — я шепнула в ухо Барбаре и многозначительно подняла и опустила брови.

— Колокольчики? Да я мастер по отрезанию колокольчиков! — она повторила историю с бровями, дав понять, что она в деле.

— Сделай это, детка, и я приготовлю вам не только кисель.

— Что это вы задумали? — за нашими спинами стоял Малкольм. — Вы хотите отрезать колокольчики Сквонто? — глаза его были больше плосек, по которым я приготовилась разлить кисель.

Мы с ней повалились в траву и смеялись, пока Малкольм метался между тем чтобы пойти к Сквонто и рассказать ему правду, и дожидаться, когда мы придем в себя. Краем глаза я видела, как Сквонто смотрит на меня, чуть склоняя голову. Мы не должны менять историю, Клер? Я думаю, она уже меняется.

— А Стивен Хопкинс держит таверну, между прочим, — в наш с Барбарой разговор влез Малкольм. Мы сидели за домом в тени и пришивали шерсть к выкройкам — будущим курткам, что раскроили из шерстяных платьев.

— И что? Тоже хочешь держать таверну и шлепать поварих по задницам? — Барб хихикнула, но прислушалась. Она все время думала над тем, чем можно здесь заняться. Таверна была одной из идей Барбары, но в лесу мало кому понадобится промочить горло и перекусить. Таверна в Плимуте была чем-то вроде столовой для своих.

— Откуда у меня средства? — паренек опустил голову и вывалил из мешка очередную порцию длинной шерсти.

— А к чему ты это начал?

— К тому, что он — один из них, но не так сильно молится, и жена его по воскресеньям не переодевается и не читает с ними молитвы. Значит, можно не отсиживаться здесь, возле вас, а заниматься делом у них в общине. Я могу пилить с ними доски. Нам нужны доски, а то даже кроватей нет — спим на полу, как собаки.

— Ну и что? Тебя тоже никто не заставляет молиться. Это ты отказать не можешь. Миссис Уилсон клюет тебе мозг, я видела. Мы и занимаемся делом, хотя, я бы предпочла что-нибудь другое, чем шить одежду, — Барбара подтрунивала над мальчишкой, а тот был слишком умен, чтобы обижаться.

— Хопкинс шептался с мистером Стэндишем, что Сквонто и Хобомока держали в плену в Немаскете. Я уже несколько дней не видел Сквонто... Наверно это правда.

— Что? — я бросила шерсть, схватила Малкольма и потащила его к костру, где Клер с Маргрет готовили обед. — Клер, срочно, иди сюда, — я махала ей из-за угла дома.

— Что у вас? Придумала рецепт картофельного пудинга? — Она улыбаясь шла к нам.

— Давай, расскажи ей все, что говорил мне, — я подтолкнула мальчишку вперед, и он сбиваясь рассказал о том, что Хопкинс обсуждал с губернатором — мистером Бредфордом и мистером Стэндишем, что Хобомок вернулся и рассказал, мол, Сквонто в плену.

— Они собираются за ним? Они говорили, что собирают людей для его возвращения? — Клер трепала его что было силы.

— Нет, они ушли в дом мистера Хопкинса и дверь закрыли. Я так и не узнал, что дальше, — парень был напуган.

— Ладно, иди, если будет что-то новое, скажи сразу. Иди, понаблюдай за ними, — я подтолкнула его вперед, но даже не сомневалась, что он прознает все, потому что был привязан к Сквонто.

— Что думаешь, мисс «История создания Америки»?

— Все идет по плану, и главное сейчас — не вмешиваться в ход событий.

— Значит, скоро Сквонто нас покинет, так? И ты пальцем не ударишь, чтобы его спасти? Хреновый какой-то ход событий.

— Все, эту тему мы обсудили, Элиза. Нам нужно самостоятельно искать выходы. И напомни-ка мне по поводу схронов, где ты планировала прятать урожай, потому что наших дорогих поселенцев не оставят в покое, и осенью сюда зайдет один очень нехороший корабль...

— Что значит «нехороший»? На нем будут призраки или больные?

— То и значит, детка, что призраки и больные нам покажутся подарком, — она поджала губы, развернулась и пошла к костру. Она была спокойна, и раз она сказала, что Сквонто вернется, значит он вернется. И теперь, надо бы взять на себя беседы с ним. Без него мы и километра по этому лесу не пройдем. Да еще этот непонятный корабль...

Ежедневная работа делала руки сильными, а ноги выносливыми. Те, кто захотел, пошел вместе со мной брюки — мы распарывали те, что доставил нам с корабля Малкольм, стирали и кипятили, а потом изнанку делали «лицом» — она была не такой затертой. Вставляли шнурки и убирали в мешки с одеждой. Все, кроме меня и еще одной женщины.

— Если ты уходишь не грабить, то у тебя появился любовничек, что шалит только по утрам, а значит, он не молод, а значит, это может быть и губернатор, — сказала мне в спину «Малышка Джеки» — нынешняя сестра Абигель, чем чуть не устроила мне «вот такой рубец», когда я пробралась, как всегда, рано утром к лесу и отправилась на пробежку.

— Абигель, мать твою за уши, чего ты здесь забыла? — я дышала как паровоз в горе, сердце стучало даже в глазах.

— Я не могу спать, когда у тебя есть тайна, — я посмотрела на нее внимательно, она как и я, тоже была в брюках. — Предпочтительней было бы, чтобы ты ходила к губернатору, это бы значило, что у нас появится защита...

— У меня пробежка, Абигель, иначе, ноги очень слабые.

— Тогда у меня тоже пробежка, — прохрипела она прокуренным голосом. Ей бы пошло петь Аллегрову. Вот бы научить ее петь «Младший лейтенант», но на английском он не будет таким колоритным. — А почему свою неженку не берешь бегать?

— Ну, она не из тех, кто бегают, и зря ты ее так называешь, — мне действительно стало обидно за Клер. — Она сильная и умная.

— Ага, и все время стонет, когда устает. Я-то точно с вами уйду из этой молельной деревни, а как она пойдет, я даже не представляю.

— Ну, и не представляй, наступит время, там и разберемся, — так у меня появилась напарница по бегу. Я знала, что она подворовывает табак у Стивена Хопкинса, потому что ночами она уходила в уборную, и возвращалась в комнату с таким ароматом, что было не удивительно — почему у нас нет мух, но поймать ее не могли, а значит, доказательств не было. Идеальная спутница для побега.

Сквонто вернулся так, словно и не исчезал. Примерно через неделю. Нам ничего не докладывали, но мы с Клер знали, что именно сейчас идут переговоры с индейцами, благодаря которым несколько лет между плимутцами и индейцами воцарится относительный мир. Он просто оказался рано утром все там же — возле костра. Вырезал очередную безделушку, улыбался, щурясь на солнце, и лениво наблюдая за всеми.

Клер придумала как можно утеплить дом, и, раз у нас не было денег, этот метод был единственным.

Изначально, дома строились до смешного банально — рама из тяжелых дубовых стволов собиралась в виде куба, бока обшивались распиленными досками, начиная снизу, чтобы каждая следующая доска ложилась внахлест на предыдущую. Крыша из толстых слоев соломы и окна, затянутые промасленной бумагой — такой вот была Америка.

Чуть позже они начнут «обшивать» крышу и стены гонтом^[5], а пока дома продувались насквозь. Наш дом на этом этапе был закончен, и нам предлагали заткнуть дыры остатками шерсти или сухой травы. Плимутцам было не до нас, они и сами с трудом успевали редкие комнаты обшить досками изнутри. Некоторые просовывали в этот «сэндвич» между деревом

сухую траву. Дом становился мечтой поджигателя.

— Мы смешаем глину с травой, и замажем щели. Нас много, а купить доски у общины денег нет, значит, пока тепло будем спать на полу, благо шерстяные матрасы выручают, а к холодам сдвинем их кучнее у печи. А у входа мы будем хранить сухие дрова.

— Я уже начал их пилить, Элизабет. Сквонто помогает мне, и ежедневно мы приносим не меньше двух стволов, вы видели, они сохнут за домом? — он был горд своим трудом, и он, действительно, не знал скуки.

— Да, ты молодец, в отличие от солдат, — я прибавила громкости и проорала ближе к окну: — которые валяются сейчас под окном в тени, а в мороз будут греть задницы друг о друга, потому что в этом доме ночевать мужчинам кроме Малкольма запрещается!

— Быстрее бы мы обрели семьи, мужей и готовые дома, — с тяжелым выдохом проямлила одна из сестер. Таких мы сразу отмечали и не посвящали в свои планы. Были и почти дети, но со стержнем, пониманием, что счастья нам здесь не видать. Маргрет придется оставить с ее истинными невестами.

— «Обрели мужей» — это из сказок для девочек, а сейчас, бери ведро и шуруй за мной искать глину возле реки, твои приключения в мир семейной жизни можешь считать открытыми. Работать придется много и тяжело, — я махнула всем в сторону двери, и мы пошли к реке. Ведер было мало, но у нас было много парусины, которой были обмотаны тюки с шерстью.

— За этот угол веревку и за этот угол веревку, — показывала я как можно привязать парусину. — Черенок обмотай веревкой между узлами, — мы с Малкольмом построили отличные волокуши, на которых можно было возить глину прямо по тропинке.

— Ого, теперь и дорожка к реке будет отличная, — позади него на земле оставался примятый ровный след.

— Да, и дорожка будет ровной, и ты у нас будешь мистер Америка. Самый первый мистер Америка, представляешь?

— Что значит «мистер Америка»?

— Самый сильный в Америке человек, — я шутила и подбадривала его, но заметила, что его взгляд, хоть и был направлен в пол, стал совсем иным — в нем появилась целеустремленность.

Осень наваливалась как дневной сон — затягивало в серую мглу, но долго не наступало разрядки, холода. Не было привычного перехода как у нас. С океана иногда тянуло чуть ощутимой сыростью, и ветер становился все неприятнее и неприятнее, но место для города, все же, было выбрано удачное — на холме, не далеко от залива. Солнце выходило на пару часов и снова небо затягивало стальными тяжелыми облаками, а потом заволакивало так плотно, что часам к шести было невозможно находиться на улице — было ощущение, что время клонится к закату.

— Твоя картошка стоит у меня в поясице, Элиза, — жаловалась Клер. — Спина болит так, что утром встаю буквой «Г».

— Работа возвышает, детка, — да, урожай при уходе и поливе родился богатым, и мы третий день выкапывали овальные белые клубни, сушили на грядках, как наша треклятая директриса, а вечером собирали в мешки и переносили в дом.

— Над здравым смыслом? Над чем может возвышать тяжелый труд?

— Над мыслями.

— Хоть бы поделилась парой, а то у меня пока только одна — в какую сторону бежать.

— Заметь, это твоя идея была — посетить «Град на холме». Я бы сейчас сидела на диване скрестив ноги, ела фисташки, или купила бутылку Мерло и смотрела «Как я встретил вашу маму».

— Не ной, копай, — Клер разогнула спину и посмотрела на меня внимательно. — Куда нам столько?

— Часть мы спрячем в схроне. Мы подготовили его с Барбарой. Он в паре километре от сюда. За пару раз унесем. Часть уберем в подполье, а третью часть продадим...

— А, точно, в паре станций отсюда есть колхозный рынок! Мы продадим картофан и купим билет в наш прекрасный старый мир? — Клэр не успокаивалась, и продолжала меня шпынять.

— Ага, и свиную голову. Купим.

— Зачем?

— Чтоб ты ей долбила мозг, а то мой уже перегрелся. Если у тебя есть идеи лучше, озвучь. — Клэр, я не перестаю думать про тот «нехороший корабль»? Давай, расскажи, прошу тебя, лучше заранее знать, — я взяла ее за руку и повела к нашему «пяточку» возле огорода, где мы отдыхали днем в тени и обедали, когда сестры приносили похлебку, или пироги с индейкой. Малкольм напил нам небольших чурок, которые выполняли роль стульчиков. Мы расставили их по кругу. В центре было небольшое костровище.

— Осенью должен прийти корабль. С него сойдут тридцать или сорок мужчин. Они придут именно сюда, но без запасов еды и одежды. У колонии не будет лишнего, чтобы прокормить их. Но это не самое страшное, что они принесут, Элиза. Дело в том, что от Плимута Англия не отстанет, они обяжут их выплачивать ренту, или как это правильно у них называется... За пользование новой землей Англии.

— Но они же заключили договор, что это теперь вообще отдельная колония.

— Да, но земли принадлежат Англии, хоть и приходится им довольствоваться своими силами.

— И армии здесь нет, и с индейцами они сами нашли общий язык, Клер, это точно?

— Да, их ждет семилетняя кабала. В истории есть записи, что они смогут загрузить пришедший корабль досками и рыбой, но я не видела, чтобы плимутцы с индейцами ловили много рыбы, хотя, здесь, в заливе ее очень много, по-простому, это место называют «заливом трески», — Клер мяла в ладонях подол юбки.

— А что же «самое страшное»?

— Эти мужчины. Они не протестанты, Элиза, они не пуритане. Это сброд, который оплатил места на корабле. К зиме они сделают здесь не мало плохого, в том числе, будут замечены в приставаниях к женам и дочерям... их просто выгонят. Они озлобятся.

— А индейцы? Им они не навредят?

— Попытаются, а для индейцев ведь все мы одинаковы, понимаешь? Они с трудом отделяют пуритан от атеистов. Мы все для них — один народ, и отвечаем за действия друг друга. Я к чему это... Нужно спрятать большую часть урожая, Элиза, эти мужчины украдут у колонии очень много запасов. Благодаря нашей картошке мы все сможем выжить, и этим обозначить свое место здесь, свое право иметь голос и принимать решения.

— Слушай, а по поводу рыбы?

— Здесь где-то недалеко есть соль. Прямо целый карьер. Но я не помню, когда его открыли. Плимут может быть полностью самостоятельным городом, Элиза.

— Ты боишься, что эти новые люди могут нам навредить?

— Уверена. Если их не остановило присутствие мужчин и губернатора, чтобы посягать на их женщин, то мы для них — легкая добыча. Я поговорила с Сквонто, он будет учить нас стрелять из луков. Я сказала, что это нужно для тренировки и развлечения. Завтра рано утром все идем к реке за огород. До рассвета.

— Хорошо. Слушай, а как же по поводу этих рент? Они смогут все выплачивать?

— Люди просто забьют на работу, потому что им придется отдавать почти все. Но Брэдфорд достаточно умный мужик. Он узаконит владение землей. По-моему, это будет в 1623 году. Каждый житель колонии получит по пол гектара земли, и тогда будет полегче. А сейчас их ждет начало эксперимента с общественной собственностью, навязанный Англией. На «Фортуне», этом «нехорошем» корабле, будет агент компании «Адвенчурерс». Он обвинит колонистов в лени.

— Если честно, я бы тоже обвинила, потому что если столько молиться, можно остаться голодным даже в нашем времени...

— Но мы с тобой не имеем права кого-то винить. Правильно? — Клер снова «сделала» лицо пуританки. На этом лице получалось еще лучше, чем на лице Лили.

— Ладно. Как можно намекнуть губернатору о том, что счастье еще долго не постучится в их щелястые двери?

— Он читает «Шесть книг о содружестве» Жана Бодена. Именно там он почерпнет мысль, которую пропишет в своей книге.

— Какую мысль?

— Любое общество, построенное на общественном, непременно погибнет, потому что «... не может быть ничего общего там, где нет ничего личного».

— Я поняла. Нужно поговорить с ним...

— Прощу тебя, они не должны даже задуматься о том, что мы что-то знаем, понимаешь? Обвинить нас в связи с дьяволом — будет самым желанным для их жен...

— Лет через десять. А мы к этому времени, надеюсь, будем далеко в Канаде.

— Канада не так скоро еще появится.

— Ну, в сериалах все валят в Канаду и в Мексику.

— Нет еще ни того, ни другого.

— Получается, плимутцы, поверившие в то, что можно создать свое религиозное поселение, замешанное на общественном труде и прочих утопических плюшках, уже скоро начнут склонять свою голову перед капитализмом чаще, чем в молитве?

— Знаешь разницу между капитализмом и социализмом?

— Думаю, да, но мне почему-то кажется, что у тебя есть другой ответ.

— Капитализм, это когда человек использует человека... — Клер улыбалась, ожидая вопроса.

— Тогда, что такое социализм?

— А социализм, это когда наоборот, — она встала и пошла к лопатке. — Трудимся, дорогая Элиза, ибо труд... как ты там говорила? «Возвышает»?

— Мда, нам нужно укрепить двери и окна...

— Укрепить промасленную бумагу можно воском, — она тайком смеялась, но была права — с бумажными окнами было бессмысленно укреплять двери.

— Мы все умрем?

— Ну, не все, только самые ленивые и глупые.

— «Малышка» назвала тебя лентяйкой, кстати...

— С чего этот она начала этот разговор?

— Она бежит со мной уже несколько месяцев, и за это ей приходится теперь воровать табак и для меня.

— Ты куришь? — ее глаза были такого размера, что могли выпасть прямо под ноги.

— А ты видишь здесь другие развлечения? Натуральный табак, знаешь, ли, это вообще не то, что продают в нашем времени под его видом.

— Значит, у тебя новая подруга?

— А ты ревнуешь?

— Еще чего. Только вот, боюсь, что ты считаешь ее более перспективной для побега, нежели меня.

— Да что ты, просто мне приходится тренировать других женщин, чтобы мы смогли по очереди тащить твою ленивую задницу, когда на второй неделе дороги у тебя заболят ноги. Подумай об этом.

Дом губернатора был небольшим, но сильно отличался от того сарая, в котором сейчас жили мы. Внутри он был отделан узкими досками, тщательно подогнанными друг к другу. Доски были свежими, и просились под покраску, но, когда сюда завезут краску было не ясно.

Я не могла одна пойти в дом к мужчине, что жил один. Его жена умерла в дороге год назад — говорили, что она покончила с собой практически у берегов Америки, другие утверждали, что это была болезнь. Губернатора уважали, и эта тема была запретной. Мы с Малкольмом и сестрой Генриеттой — одной из самых тихих и набожных из всех нас, пришли к нему после обеда. Когда мы постучали и приоткрыли дверь, увидели его сразу — он писал что-то в толстой тетради с книжными корочками. Он отложил перо и улыбнулся, вставая нам на встречу.

— Спасибо, что заглянули, сестра...

— Элизабет, мистер Брэдфорд, это Малкольм, а это сестра Генриетта, — указала я на своих спутников.

— Чем обязан вашему визиту? У вас есть вопросы? Я могу предложить вам только чая из трав — запас черного чая закончился еще весной, — он направился к камину, верхняя полка которого, как и в нашем доме, выполняла роль плиты.

— Нет, спасибо, мы ненадолго. Я хотела рассказать вам то, что слышала в порту перед тем, как мы отходили из Англии. Мы долго ждали погрузку, а приехали сильно рано, и капитану пришлось договориться в одной из таверн, чтобы нас не беспокоили. Мы просидели там несколько часов в ожидании, — я смотрела в пол, и говорила с таким трепетом, словно передо мной был Мохаммед Али. Так меня научила Клер.

— Если то, что вы слышали, касается именно нашего поселения, вы должны рассказать, Элизабет, — он указал нам на деревянную лавочку, обтянутую тканью — все же они старались сделать быт хоть немного похожим на привычный Английский или Голландский.

— Я не запомнила имен, но одного мужчину остальные точно называли лордом. Так вот, лорд говорил, что есть новая колония, что организована самостоятельно поселенцами с «Майфлауэра». Недавно я услышала название корабля, на котором вы прибыли сюда, и вспомнила этот разговор. Так вот, они говорили о том, что нужно отправить сюда агента компании, который проследит за тем, чтобы вы не забывали заплатить ваши кредиты. Я плохо понимаю, о чем идет речь, но сейчас передала все, о чем слышала там.

— Да, Элизабет, спасибо вам, я понял, о чем идет речь. Наш договор заключался с компанией, и мы должны были увеличивать наши общественные богатства, чтобы оплатить долги, в который влезли перед поездкой. Вы не представляете, как мы переживали зиму, но сейчас, похоже, бояться нечего, и мы вместе сможем укрепить форт, собрать еще больший урожай. Вам не о чем переживать. Как только у нас появится возможность, мы посадим вас на корабль до Джеймстауна, и вы встретитесь с вашими мужьями, — он встал, давая понять, что разговор окончен.

— Думаю, мы могли бы помогать вам, ведь здесь много рыбы, и мы можем солить ее — так вы сможете рассчитаться с долгами. И еще... — я деланно замаялась, но он поймался на мою уловку и снова присел напротив, подвинув табурет.

— Говорите, вам нечего бояться, вы находитесь под моей защитой.

— Мы не хотели бы уезжать перед зимой, губернатор. Здесь мы старались, чтобы вырастить урожай, чтобы не стать лишними ртами, — я глубоко вдохнула, выдохнула, глянула на него из-под лба и продолжила: — а там мы можем оказаться совершенно не у дел, понимаете? Только представьте, они, наверное, уже отчаялись дожидаться нас, и кто-то может и вовсе, уже женился. Все мы можем на новом месте как раз и оказаться этими «лишними ртами», понимаете? А весной мы сможем хоть что-то вырастить для пропитания, построить какой-то дом...

— Да, я понял вас, Элизабет. Я подумаю над этим. Вы и ваши сестры очень трудолюбивы, и мы рады, что вы помогаете нам. Можете оставаться столько, сколько нужно. Если в сторону Джеймстауна пойдет хоть одно судно, мы сообщим о вас, и будем ждать ответа губернатора. По берегу передвигаться очень опасно, и, как говорят вампаноаги, это очень далеко.

— Спасибо вам, мистер Брэдфорд, вы дали нам надежду и покой. Подумайте на счет рыбы. И, думаю, где-нибудь здесь может быть соль, я читала, что ее находят недалеко от заливов. Мы готовы помогать в рыбалке и переработке рыбы. Для зимы она всем нам будет большим подспорьем, — мы встали друг за другом, и направились к двери. Губернатор оставил ее открытой, когда мы пришли.

— Да, кстати, Элизабет, в ближайшее воскресенье мы собираемся отпраздновать окончание сбора урожая. Мы должны отблагодарить наших друзей — индейцев, благодаря которым мы смогли пережить эту зиму. Вы тоже должны быть на празднике, — он улыбался, и еще не знал, что тяготы не закончены, просто стали другими.

— Конечно, мистер Брэдфорд, мы с удовольствием присоединимся. В субботу мы наготовим много угощений и придем на праздник, — мы шли к концу поселения по широкой улице к нашему дому.

Я оглядывалась на море и отсюда видела горизонт над водой. День Благодарения. Первый. Лиля будет в экстазе. Боже, неужели нам придется жить здесь всегда, неужели я никогда не услышу больше... И тут я поняла, что особенно ни к чему и не была привязана. Малкольм с Генриеттой ушли далеко вперед, а я стояла и пялилась на воду вдаль. Что я оставила там? Свои тренировки, свою работу по выдумыванию значимости того или иного продукта, который на деле был бесполезным, а иногда и вовсе, вредным.

Там у нас не осталось даже кошки, потому что дома мы были тогда, когда нам нужно.

— Ты снимаешься в каком-то фильме? Не вижу съемочной группы, — сзади я услышала Клер.

— Что? — я оглянулась. Она размашисто шагала под горку ко мне, махала в такт шагам руками.

— Стоишь тут в такой позе, словно тебя снимают, я прям таки залюбовалась, — ответила она на русском.

Когда мы были одни, мы говорили на русском, но старались не злоупотреблять. Дома уже закончились, дорога была пустой.

— Ты о чем-нибудь из нашего времени скучаешь?

— О пилке для ногтей, не? О тампонах, о креме для рук, о кроссовках и о хорошей расческе...

— Шампунь! — я перебила ее, и мы засмеялись.

— Думаешь, мы однажды не проснемся в нашей запылившейся квартире? — лицо Клер погрустнело.

— Я стараюсь не думать об этом. Интересно, кто-то еще попадает в такие ситуации? С чем связано то, что мы переместились? — думать об этом было нельзя, потому что после этих мыслей я начинала вспоминать свои грехи, за которые меня отправили отбывать новую жизнь именно здесь.

— Как там пишут в фантастике? «Временной контину — ум»?

— Еще не пишут. Так что, можешь стать писателем, и начинать писать классику, — я схватила Клер за руку, посмотрела расширившимися глазами прямо в ее лицо и прошептала: — Гарри Поттера пишу я, поняла? Есть там моменты, с которыми я не согласна! Отлично, вот, все, если мы выживем, будем писать книги. Ты помнишь, когда написали «Войну и Мир»?

— Думаешь, Толстой на ней много заработал? — Клер шла за мной к дому и поддерживала наш шуточный разговор, который должен был поднять настроение.

— Дело не в этом, дело в имени, в памяти...

— Но какая разница, если слава придет потом, после нашей смерти?

— Клер, надо обязательно что-то сплагатить до того, как этому придумают название.

— Можно обскакать музыкантов, художников, — она говорила, но при этом кривила лицо — эти темы нам были не понятны и не интересны.

— Нам нужно что-то, что пригодится в хозяйстве здесь, на этой дикой земле. Чтобы принести сюда нужное, да и денег заработать.

— Придется плыть в патентное бюро, — Клер говорила задумчиво, и скорее всего, вспоминала. — оно есть только в Англии.

— Ну, торопиться нам некуда. Только нужно что-то очень важное и очень дорогое. Плохо, что мы не на юге.

— А что мешает нам выдвинуться туда? Главное — дожидаться весны, и зимой продумать все детали плана. Ты у нас сильная, а я умная, — это было любимой шуткой Лили, которая меня чаще всего, не задевала, но сейчас и здесь я видела — большинство забот на моих плечах.

— Сейчас я скажу тебе то, что напрочь снесет твой мозг, — я остановилась и повернула ее к себе. — В воскресенье будет наш день икс.

— Не поняла, — она сдвинула брови. — Не тяни резину, говори. Вы же были у губернатора?

— Да, и он приглашает нас на праздник. Это будет самый первый «День благодарения», — я следила за тем, как меняется ее лицо и расширяются глаза. — Я обещала, что мы будем, и приготовим вкусностей.

— Элиза, то есть... Возможно, мы приготовим самую первую индюшку, которая потом станет блюдом дня?

— Да, представляешь?

— Вау — у, это невозможно просто, — она визжала и топала ногами, как маленькая девочка, которой разрешили надеть мамины туфли.

Ночами я думала о том, чем здесь могут зарабатывать женщины. Нужно было выяснить — возможно ли начать какое-то предприятие женщине, а если нет, как можно выйти из этого положения. Брак здесь заключался быстро — губернатор делал запись в своей амбарной книге. Если кто-то из нас выйдет замуж и станет вдовой, можно жить дальше более спокойно, хоть это и не снимает вопроса безопасности.

Теплая весенняя неделя была прелюдией к началу настоящей осени. Сквонто шил нам

сапоги, а мы делали подарки для вождя, его жен и Сквонто с Пэвэти. Девушки быстро поняли суть задуманного, и пара больших платков была уже готова. Сестра Маргрет была в восхищении от того, что выглядели они как овчина, но были такими мягкими, что углы можно было повязать под шеей.

— Не показывайте индейцам как вы это делаете, сестры, — Маргрет ходила между рукодельницами, что трудились днем возле окна. На улице было светлее, но мы хотели сделать сюрприз. Такую кучу сапог даже в нашем времени купить — работать надо месяца три — четыре только на обувь. В ней проснулся истовый маркетолог, и мы с Клер тайком смеялись над тем, что эта женщина — просто клад, который, хоть и весит килограмм восемьдесят, стоит нести за собой.

— Я вот думаю, сестра, осталась неделя. Может что-то еще можем им приготовить? — я переживала, что этого будет мало для подарка. Хотелось посоветоваться со Сквонто, но не хотелось светить наш подарок и ему.

— У меня есть броши. Они без золота и серебра, но очень красиво вставлены в них камни. Не думаю, что здесь мне пригодятся все шесть штук. Оставлю только ту, что принадлежала моей матери и перешла мне. Остальные мы можем отдать Сквонто за обувь.

— Спасибо вам, Маргрет, это очень хороший жест. Нам очень важно сейчас оставаться в дружбе со Сквонто. Думаю, обувью дело не закончится.

— Мы могли бы узнать у общины, нет ли у них тканей, или вещей, что можно перешить. Так мы могли бы сделать куртки их детям. Мне очень понравились те, что уже готовы. С таким капюшоном даже ветер будет не страшен, и они много легче шуб, — сестра была в восхищении от наших пуховиков, и не могла поверить, что можно сделать теплые вещи без кожи.

Всю субботу, накануне долгожданного праздника община и наш дом готовились к встрече индейцев. Сквонто сказал, что гостей будет около сотни, и мы хотели удивить их.

— Запеканка, думаю, будет очень кстати. Жаль, нет яиц, — я чистила ведро картошки и смотрела за тем, как Барбара рубит ножом на огромной доске мясо индюшки. — Лук тоже был бы кстати. Неужели приходящие корабли не могут догадаться, что здесь хорошо пойдет все это?

— Ты видела, что индейцы собирают дикий лук? Это что-то среднее между луком и чесноком. Сейчас он уже жесткий, а в начале лета, когда мы приехали, он был очень даже ничего, — Барбара была хорошим напарником в готовке, да и вообще, я поняла, что от этих бандиток толку больше, чем от моих «сестер».

— Да, они его сушат. Жаль мы не набрали, зимой был бы очень кстати. Сестры сейчас собирают все возможные ягоды, иначе, зимой у нас всех закачаются зубы.

— Я сделала паштет из печени пяти индюшек, — с плоской под навес с кухней пришла Клер. — Да, не плохо было бы завести кур. Если бы это был мой форт, договорилась бы с капитанами. Может хоть кто-то догадается завести сюда кур и коз.

— Свой форт, Клер, вот выход. Плимутцы же построили свой, а мы чем хуже? Вот он ответ. Мы не должны прибиваться к кому-то, мы должны построить свой, — эти слова я проговорила с особым придыханием, да, это был сложный вариант, но выполнимый.

— Ага, что нам стоит форт построить, нарисуем, будем жить, — со смешком ответила Клер, — Ты хоть представляешь сколько мужчин нужно, чтобы его построить?

— Нисколько, детка, в том то и дело, что нам будет достаточно Малкольма. Ты видишь, он и пилить, и строить может. Несмотря на то, что молодой еще, у него есть знания и навыки, а рабочую силу обеспечим мы.

— Ты хочешь сказать, ты? — сжав ладонь в кулак, Клер подняла руку, показывая, что мышц у нее нет совсем.

— Нет, все мы. Барбара и малышка Абигель — тоже с руками. Маргрет мы оставлять не будем, да, с одной стороны, она бесполезна, а с другой, она очень хорошая, и в случае проблем, она наша настоятельница, и с ней будет безопаснее, да и нам спокойнее, когда она с нами.

— Я бы даже до зимы ушла, зная, что есть куда идти, — прошептала Барбара. Смотрят тут все на нас, будто мы их обокрали.

— Нет, это самоубийство, Барб, зимой мы соберем все необходимое в дорогу, у схрона Малкольм построит небольшие тележки, на которых нам удобнее будет перевозить вещи и провизию.

Рано утром под навесом, что построили специально у домов общины, чтобы там жарить оленину на вертелах, индейку, былолюдно. Запахи были просто волшебные. Варилась похлебка, пекся кукурузный хлеб. Теплые дни достигли своего апогея, и на улице можно было сидеть без шали. Люди улыбались друг другу, помогали.

Мы принесли на столы, которые все еще достраивались, потому что гостей ждали около сотни, нашустряпню, накрыли полотенцами.

Приход индейцев снова чуть не убил Клер. Массасойт прибыл со всем своим антуражем из девяноста человек. На них были кожаные туники, накидки из меха, головы были

украшены перьями и бусинами.

— Клер, дыши «собачкой», поняла, иначе, грохнешься снова. Они так похожи...

— Они все разные, ты что, не вздумай это громко сказать, — то, что в ее голосе присутствовало раздражение, значило, что ее давление не упадет снова.

— Сквонто похож на Массасойта...

— Конечно, они же братья, — она сказала это так, будто говорила мне уже.

— Ну, ты не говорила.

— Мало кто здесь это знает, а может и не знают, поэтому и ты тоже молчи. Массасойт — вождь всей конфедерации Вампаноагов.

— То есть, он правит не одним племенем?

— Нет, несколькими. Я не помню, как часто у них выборы, но его место займет его сын, и с этого момента начнутся не самые хорошие годы и для белых, и для индейцев.

Индейцы присоединились к молитве, присев за общиной. На их лицах не было удивления и отторжения. Мне было жаль, что нельзя наблюдать за ними, — они сидели позади нас. В них не было отторжения к этому мероприятию, они с уважением отнеслись к церемонии, молча вникали в суть, переводили друг другу обрывочные фразы те, кто хоть немного понимал речь губернатора:

— ... и молитва и псалмы, спетые нами во славу Господа, что довел нас до этого берега, не позволил нам умереть голодной смертью, — он посмотрел на вождя и продолжил: — Благодаря нашим друзьям, что приняли нас, отчаявшихся, помогли нам, научили и дали приют на своей земле, мы можем жить и славить Господа, славить своей молитвой и своими делами, — на этих словах вся община повернулась к вождю. Женщины, мужчины, дети, все они поклонились, и долго стояли так, пока вождь не выкрикнул что-то, и не заговорил:

— Ваши люди храбрые и трудолюбивые, мы хотим мира с вами, и будем помогать до тех пор, пока вы не навредите нашему народу, — он поднял руку и вся его яркая свита заулюлюкала.

Их пригласили к столу, рассадили, и женщины бегали между костром и столами, подавая новые блюда, разогревая похлебку, вынимая из печи свежий горячий хлеб. Мужчины и вождь что-то пили, это мог быть эль, или пиво, но точно не крепкие напитки.

Нужно узнать у Клер, будут ли здесь сами делать алкоголь, потому что я бы с удовольствием уже что-то отметила.

Клер сидела под навесом и когда к ней подходили женщины из племени вампаноагов, она внимательно рассматривала их, пыталась заговорить и что-то выяснить. Пэвэти отлично справлялась с переводом, что передавал суть.

До поздней ночи продолжался праздник, и мы смогли внимательно рассмотреть все, что интересовало нас, расспросить их о ближайших селеньях, о белых, что живут в глубинах рек. Мы хотели найти место рядом с большой рекой, нам нужно было одно — чтобы река была судоходной, и желательно, чтобы она прорезала как можно больше земель. Мы выберем место, где наш форт будет не сильно бросаться в глаза, но будет на пути у судов.

— А земли, Клер, как мы их оформим? — шептались мы в постели. Сестры вокруг храпели, но я знала, что Барбара и Абигель слушают нас.

— Если с нас спросят, мы оформимся, как форт. Мы останемся на Английской земле, и нам придется платить эту долбаную ренту компании. Как только прибудет агент, мы все оформим. Надо сделать так, чтобы у нас к приходу этих людей было достаточно средств.

— Да, взятки во все годы актуальны. А чем мы будем заниматься? — я старалась

шептать как можно тише, но это было бессмысленно.

— Мы будем заниматься всем чем угодно, чтобы больше не вернуться в Англию, мэм, — прошептала Абигель. — я готова работать как мужчина, и даже больше, чтобы не стать женой вонючего фермера, который будет пить и бить меня, а если я его опять убью, меня повесят.

— Опять? — мы с Клер прошептали это вместе.

— Да, я ушла в банду случайно, когда убила мужа. Вернее, не убила, а увернулась, когда он хотел ударить меня кочергой. Меня нашли две женщины. Я была избитой и пьяной. Я оставила его там мертвого, подожгла дом и ушла с мелочью в кармане.

— Ничего себе история. А как ты стала самой известной женщиной на дорогах? — Клер аж оперлась на локоть, чтобы было слышно лучше.

— Просто, мне нечего было терять, потому что за мою голову уже была назначена награда за то, что я убила мужа и сожгла дом — так сказала им его мать, которую он бил до того, как жениться на мне, — она говорила это с нескрываемым отвращением, и я не слышала в ее голосе ни нотки сожаления о содеянном.

— Но на дороге тебя боялись. Что ты говорила, чтобы люди отдали все, что у них есть? Я знаю, что ты не убила на дороге ни одного человека. Как ты их заставляла? — к разговору подключилась Барбара, которая, как выяснилось, тоже не полностью знала историю женщины.

— Они боялись моего взгляда. Люди понимают, бросится ли на них собака, так и со мной, они видели, что меня не остановит ничего. А потом мое имя обросло страшными надуманными деталями, и мне стало еще легче работать, — она сипло хохотнула, — потому что как только они слышали мое имя, просто выходили из кареты, заставляли охрану бросить оружие и идти с ними.

Мы парами уходили к схрону, копали, уносили землю дальше, за кусты, и высыпали в ручей, чтобы не было навалов, и никто не нашел наше хранилище. На этом настояла Клер, потому что индейцы внимательны к таким деталям. Потом, мы небольшими мешками перенесли картошку и кукурузу. Дно ямы выстлало ветками и соломой.

Если не покушать, то но на семена точно хватит. Дойти до места схрона налегке можно за пару часов. А ночью, да еще и с мешками, все три часа. Знали о схроне только четверо: я, Клэр, и две бандитские, но очень трогательные души.

Мы шли с Клер от схрона к поселению, по пути набирали поздних трав, которые уже не представляли никакой ценности, но приходиться с пустыми руками было нельзя — могли заподозрить и проследить. Собирали грибы, похожие на подсохшие лисички, их мы сушили в углу дома над печью и ссыпали в матерчатые мешки.

Яму, когда наполнится, мы планировали заложить ветками, тряпками, а сверху засыпать листвой. Между деревьями в кустах специально ее никто найти не должен.

— Надо подумать — чем присыпать яму, чтобы не стали рыть животные, может, есть у Сквонто какой-то перец, или сильно пахнущая травка, — озвучила свои мысли Клер.

— Мало, но в поселении есть табак. Если его мелко помолоть, животные, думаю, обчихаются, помнишь, наша гениальная директриса посыпала табаком грядки от кошек? Но это надо обращаться к Малышке — табак есть только у нее. Вернее, у губернатора и еще пары мужчин, но, все что есть у них, есть у нее, — меня умиляла Малышка, она была похожа на персонажа комедии, но ее судьба не давала рассмеяться.

— Эх, знать бы, что попадем сюда, я бы с пристрастием изучила и это место и это время, и травы и грибы. В голове ни одной идеи — на чем можно заработать, и как можно сохранить суверенитет... — не договорила Клер о своих "если-бы"

— ... и девственность, — хохотнула я.

— Ну, это, конечно, тоже, но суверенитет важнее, — засмеялась Клер.

— Если бы был опыт в путешествиях во времени, — ответила я, — тогда было бы уместно причитать, а сейчас надо пользоваться тем, что дал нам опыт в городе, интернет и книги. По книгам у нас ты, так что, давай, детка, напряги свои два высших образования, докторскую, и выдай, наконец, общую картину.

— У тебя, можно сказать есть опыт. Помнишь про Сережу Доронина? — напомнила мне Клер.

— О! Конечно. И ты тогда поняла, что я имею великую силу над мужчинами даже не прибегая к кулакам, — я сделала максимально женственное лицо и присела в реверансе.

— Никто бы не догадался прибежать к спящему пьяному парню, ночью, с только что на лысо обритой головой, проорать, что ты из будущего, и пришла предупредить, что он умрет от цирроза печени, — Клер остановилась, и продолжала смеяться.

— Да, потом он ненавидел меня за то, что отдал все последние деньги за обследование и бросил пить на год. А мне приходилось носить парик почти полгода...

— Нашла на что спорить в боксе. Побриться под Котовского — это вам не кукарекать на балконе.

— Ну, скажи, Лиль, мы же весело жили? — я посмотрела на нее с грустью, но в то же время, с благодарностью, что она все это время была со мной.

— Весело, и, заметь, нам скостили почти по двадцать лет. Так что, если назад пути нет, мы должны прожить эту жизнь так...

— ... чтобы не было мучительно горько за бесцельно прожитые годы, — продолжила я, — этот плакат в моем мозге будто выжигателем на разделочной доске выжжен.

— Океюшки, картошка вся на месте. Нужно подумать об инструменте. Пусть он теряется из поселения по чуть, не хочу, чтобы после нашего ухода о нас думали, как о воришках, — Клер перешла на английский, потому что вдали уже был виден наш дом.

— Малкольму пока ни слова. Малышка справится с этим вопросом, и замки она отпирать умеет. Ей нужно просто показать днем, что именно нам нужно. Мужчины на ночь убирают все в сарай, — я говорила тише, потому что навстречу к нам бежал Малкольм:

— Там пришел корабль, корабль! Пристал только что! — покричал, наблюдая, побежим ли мы за ним, но поняв, что мы застыли как вкопанные, и бежать не планируем, бросился вприпрыжку обратно.

— Даже не знаю, радоваться ли? Что там могут привезти? Еще невест? Этих еще не разобрали, — я поставила мешок с травой на уличный стол, отрясла руки и низ подола. — Идем, выясним, что там привалило? Упаси Бог, если они решат попутно отвезти нас в Джеймстаун.

— Не повезут. Это, должно быть то, чего я так боялась. Время подходит, как раз, через несколько дней после Дня Благодарения. Так что, не парься, замужество нам с тобой даже здесь не грозит, у нас, видимо, венец безбрачия, размером с эту Америку, ну... прокляты мы, понимаешь? Надеюсь, эти люди не покажутся нам хуже замужества, — Клер отряхнулась и подтолкнула меня вперед — к тропинке. — Элиза, если это то, о чем мы говорили, наши спокойные деньки закончились.

На берегу толпился народ, с лодок сгружали ящики и тюки, народ шумел. Мы стояли у кромки леса, издали наблюдая за суматохой. Пассажиров, желающих сойти на наш славный берег я не заметила, но все могло казаться безобидным только издали. На берег сводили несколько коз, которых тут же принимали женщины Плимута, громко радовались, смеялись. Конечно, год без молока, и дети, которые родились, могли бы просто умереть, окажись, что у мамочки не стало своего.

Куры в ящиках испуганно орали. Если не знать, что это за корабль, мы, наверно, перечисляли бы, что можно приготовить из молока и яиц, участвовали в радостном приеме груза, щебетали бы, "подмазываясь" к новым хозяевам прибывшей скотинки.

Мы уселись на стволы поваленных деревьев в стороне от дороги, по которой сейчас катили небольшие легкие повозки мужчины, впряженные в них. Нас не было видно, а мы прекрасно видели все, что творилось на берегу.

— Тот «не хороший» корабль? — я внимательно посмотрела на Клер.

— Если это «Фортуна», значит он. Как же Бог изощрен в нэйминге. Фортуна, мать ее. Эти мужики все должны умереть, наделав здесь дел, уйти и умереть с голода и холода, украв еду у общины, а губернатор сейчас узнает, или уже узнал, что обратно этот корабль они должны загрузить «данью» для компании, — она говорила, как будто сама с собой, и это ее состояние я никогда не любила.

— Идем ближе, узнаем, что у них есть. Может что-то можно поменять на ту же картошку. У нас ее много. И тыквы у нас на все Хэлоуины нашей жизни.

— Тыква хорошо лежит. Ее тоже надо припрятать, а то эта понаехавшая борзая саранча уже к новому году начнет жрать бересту. Элиза, нам некогда смотреть. Прямо сейчас нужно

идти, серьезно говорить с сестрами, и все прятать. Иначе, мы не переживем эту зиму. Я вспомнила...Снова будет голод! — она подскочила не договорив и побежала к дому, но не по главной улице, она обегала дома общины за огородами. Я не спорила — бежала за ней.

— Вы от кого так мчитесь? — за нами бежал Малкольм. — там столько всего интересного, почему вы не пришли посмотреть?

— Ты видел название корабля? Что он привез? Там есть люди? — я чуть отстала от Клер, в надежде, что мальчик сейчас скажет, что это не то, о чем мы думаем, и все будет спокойно как прежде.

— Это «Фортуна». На ней приехали новые поселенцы — тридцать пять мужчин, представляешь, у нас будет больше рук для работы. А еще один важный человек сразу пошел с губернатором в его дом.

— Малкольм, срочно идем домой, беги вперед, посмотри, все ли на месте, если кого-то нет, приведи домой, это очень важно, и присмотри за Клер, — я запыхавшись смотрела ему прямо в глаза и говорила быстро. Клер уже потерялась из вида. Малкольм припустил в сторону дома за ней, а я остановилась, успокаивая сердце, налаживая дыхание.

«Нужно помочь губернатору, надеюсь, он вспомнит наш разговор. А ведь они так и не начали ловить рыбу», — говорила я сама с собой вслух, чтобы слышать себя, контролировать свои мысли и не уйти в панику, потому что Клер уже точно была в ней. В таких ситуациях она не могла управлять своим страхом, принимать решения. Она знала, что такое «паническая атака». В эти моменты я должна была думать и делать за двоих. Мы привыкли к этому, и она знала, что я ее не брошу, но сейчас мне нужно было взять в руки себя.

— И что, ты пошла, и своим ртом из семнадцатого века посоветовала губернатору прятать от непрошенных гостей запасы? Ты в своем уме? — я начинала уже кричать на Клер, но она сидела с опущенными руками и не собиралась обороняться.

— Да, мне не стоило делать что-то не обсудив, просто я была в панике, Элиза, — она прошептала и посмотрела на меня исподлобья: — Это еще не все...

— Что еще? Ты призналась, что мы не верим в Господа их Иисуса Христа, а поклоняемся роллам с тунцом? Клее — ер... — я и сама чувствовала, как расширяются мои глаза. Хорошо, что все были на улице, и там сильно стучали топоры, иначе, нас точно могли услышать даже там.

— Он сказал, что очень странно, что мы знали и предупредили его об агенте от компании. Так оно и получилось. И ему не понятно, с чего мы решили, что эти люди украдут их запасы, — она начала тихонько скулить, глядя мне в грудь. Кричать и рвать волосы было бесполезно. Я глубоко вдохнула и пожалела, что запретила Малышке воровать табак.

— Он очень похож на мудрого человека, и надеюсь не скажет им: «Знаете, уважаемые гости, в нашем поселении живет дюжина припадочных баб, которые считают вас ворами, и поэтому обходите их стороной, как это делаем мы...».

— Элиза, но то, что он теперь беспокоится о наших знаниях...

— Я это говорила ему, и он должен быть благодарен. Не веди себя как виновная, поняла, и не говори без меня больше ни о чем кроме кукурузы и кроликов, ясно?

— Ясно. Я наблюдаю за ними, если что.

— За кроликами? Очень интересно. Потом расскажешь.

— За мужчинами. Они сейчас строят еще один большой дом, чуть ниже, ближе к общине, — она наконец подняла глаза и посмотрела на меня.

— В твоём предложении нет слов «кукуруза» и «кролики», значит, тебе этого делать не надо, ясно? Ты думаешь, я не заметила, что уже пять дней с утра до вечера стучат топоры?

— Ясно... Но нам же надо знать, что они задумывают, Элиза.

— То есть, ты считаешь, что ты Мисс Марпл, и тебя никто не вычислит? Они не дураки, и их тридцать пять штук. И они точно заметят твоё внимание, и посчитают, что ты очень хочешь разделить с ними сеновал, так что, селянка, давай... кукуруза и кролики... грибы и выхухоли, веди наблюдение за природой и своим ртом. Иначе мы не протянем до весны.

В день, когда с корабля сошли люди, мы с сестрами и Маргрет собрались перед сном в кухне нашего дома, и пока Малкольм следил за периметром на улице, устроили собрание. Я решила сделать как всегда — соврать. Потому что этот вариант прекрасно уложится в их мозге:

— Сестры, эти мужчины сошли на берег без денег, без одежды, без инструмента. В общине продуктов хватит только для общины...

— Но мы же с ними поделимся, у нас великолепный урожай, Элиза, — перебила меня Маргрет так громко, что, скорее всего, весь континент теперь знал куда идти в случае голода.

— Тссс, прошу вас, никто не должен знать, что у нас слишком много запасов, Маргрет. Они шептались о том, что проще взять у общины что им нужно и сбежать. Если мы сообщим губернатору, и он заставит их признаться, эти мужчины могут просто всех убить, — я

увидела, как стрелка их паники переваливает на красное поле и решила сбавить обороты: — нам ничего не грозит, пока мы молчим. Обходите их стороной, понятно?

Девушки часто и смешно закивали головами в ночных чепцах. Эффект достигнут, и теперь наши новые поселенцы будут принимать их страх за святость или сумасшествие, и оба варианта нам подходят.

На следующий день мы начали сами делать подполье. Прямо перед домом сколотили два короба из горбыля, что поселенцы скидывали в кучу — для огородных нужд. Окрестили их компостными кучами, которые, кстати, тоже были очень полезны для огородов. Выбирали момент, когда на улице никого нет и высыпали в них землю, что выносили из ямы под полом. То, что мы охапками носили солому в дом — никого не интересовало, так как почти все дома утепляли стены глиной с рубленой соломой.

Яму выложили соломой, уложили туда мешка четыре картошки, мешок кукурузы и три тыквы, насыпали соломы сверху и уложили доски пола на место.

Сестры были неподражаемы, а я жалела, что в этом мире нельзя снять все на телефон, потому что это «кино» получило бы все пальмовые ветки на кинофестивалях. Это как программа со скрытой камерой. Мужчины сначала смеялись, а через неделю начали сами обходить нас стороной. А после того, как Малышка бухнулась на колени посреди улицы и начала орать, чтобы Бог защитил ее, когда один из мужчин просто подошел с вопросом, они белели лицом, если видели нас ближе десяти метров.

— Скажи, Элизабет, отличная профилактика, правда? Позволь мне добыть немного табака, пока у них есть, все равно они, как ты сказала, к морозам свалят отсюда, — она помогала мне с огородом — мы все лето складывали траву и сорняки с грядок в кучу, а сейчас укладывали начавшую гнить кучу в яму. Весной в этом месте можно посадить первую зелень, и она быстрее подтянется от теплого перегноя.

— Да, даже наши испуганные сестры так не смогли бы.

— А потому что нельзя воровать у воров, — хмыкнула Малышка.

— Хорошо, что они не знают кто ты, иначе, вообще бы не чувствовали себя виноватыми ни в чем. Глядите, не проговоритесь. Они хитрые.

— Не переживай, детка, только вот, и бояться нам их сильно не стоит, — улыбалась Малышка.

— Как же, — я разогнулась, поставила вилы: — «У них же, мать их, пушки, а в них же, мать их, пульки!»^[6]

— Вот за что я тебя люблю — такого языка, как у тебя, я не встречала ни в Англии, ни в Шотландии, а еще, я не уверена, что ты одна из курочек Маргрет, хотя... ты ближе всех к ней, и она утверждает, что ты в приюте была с первого года своей жизни, — сквозь хохот ответила Малышка.

— У нас под окном часто собирались нищие, а у меня бессонница... И хороший слух, Малышка, — я посмеялась вместе с ней, но поставила себе мысленно «галочку» — хватит распускать язык, иначе, кранты нам придут значительно раньше весны. Значит она наводила обо мне справки?

Осень была прекрасной — пахло терпко и вкусно, солнце грело, просвечивая сквозь ярко желтые листья, океан был спокоен, лес полон грибов, и мы каждый день набирали не меньше двух корзин. Утренние уроки со Сквонто давали результаты — оказалось, что пятеро наших сестер отлично владеют луками. Он даже учил делать стрелы, а не только стрелять. Я не вошла в пятерку отличниц, и решила еще больше времени посвятить бегу, так я хоть бегом

измотаю противника — буду зигзагом между деревьями вилять.

Пробежки с Малышкой мы проводили еще до рассвета, пробирались в лес почти попластунски. В кухне дома у очага обустроили с Малкольмом «шведскую стенку». Сестрам это ноу-хау представила, как сушилку для верхней одежды возле печи. После пробежки я скидывала с нее все шали и подсунутые под черенки — перекладины мокасины из кожи, подтягивалась, качала пресс, приседала. Малышка повторяла за мной, и мы поочередно держали дверь. Малкольм спал за печью, но он ничего не слышал.

Я выбрала солнечный участок перед домом и села на деревянную чурку перед тремя корзинами — сегодняшние и вчерашние грибы, что принесли девушки. Я нанизывала их на нитку, чтобы сушить — других вариантов, кроме соления больше не было, но и бочек у нас в достаточном количестве не наблюдалось. Суп зимой из сушеных будет отличным разнообразием для наших желудков.

— Мэм, прошу прощения, вы не бойтесь, я близко не подойду, — раздалось за спиной, и я напряглась — голос не принадлежал ни Малкольму, ни Сквонто, ни губернатору.

Я резко обернулась. В десяти шагах стоял «нехороший человек» с «нехорошего корабля». Я подскочила, потому что нужно было поддерживать историю об истерических сестрах.

— Нет, я не трону вас, прошу, только не кричите, — он говорил мягко, с улыбкой, и держал руки перед собой, выставив ладони, словно упирался ими в стекло. — Я хочу попросить вас только об одном — научите нас собирать грибы, иначе, мы начинаем обедать общину.

Мне стало стыдно, потому что он не был похож на разбойника, и даже взгляд у него был какой-то благородный, что ли. Высокий и ладный, и даже учитывая мои «два метра в холке», он выше меня заметно. Светлые волосы вьются, слабо схвачены на затылке в хвостик, но несколько прядей выбились. Голубые или серые глаза, красиво очерченные губы, ямочка на щеке, и безумно светлая улыбка. Такая прелесть не может быть тварью, которая оставит людей умирать с голоду.

— Мы не можем пойти с вами в лес, но я могу попросить Малкольма, чтобы он показал вам места. Индейцы сказали, что грибы будут еще с неделю максимум — нужно торопиться, — я не смотрела на него больше, потому что было достаточно первого моего цепкого взгляда, который продлился наверно минуту, чтобы он понял, что зашел «по адресу».

— Хорошо, если вам не трудно. Мы будем очень благодарны вам. У нас нет денег, но...

— Как вы, возможно, заметили, здесь нет магазинов и рынков, так что, и деньги здесь не актуальны.

— Но как-то нужно рассчитывать с губернатором и с вами, может у вас можно купить кукурузу или эти плоды...

— Картошка? У нас ее не много. Я могу посоветовать вам вот что, — я как смогла вытерла руки полотенцем, и подошла чуть ближе: — в заливе много сельди и трески. Индейцы знают, как ее ловить, но мужчины из общины не торопятся наловить ее много — останавливаются на паре рыбин и идут их готовить.

— А индейцы покажут?

— Если будут вас уважать...

— А как это сделать?

— Быть честными с ними и с губернатором.

Малкольм легко согласился на грибную охоту с новыми жителями поселения. Я несколько часов учила его держать рот на замке, но при этом улыбаться. Мальчишка был хитрым, но в то же время добрым.

Мы весь день сидели как на иголках в ожидании его возвращения, хотя, сидеть нам было некогда — первый этаж почти полностью был оштукатурен глиной. Если все это через месяц не отвалится, мы решили считать себя строителями.

Очень хорошо, когда есть много свободных рук — сестры месили смесь и обмазывали стены как заведенные. Клер руководила процессом, а мы с Малышкой, как самые крепкие, возили на тележке глину. Когда в нашу сторону направились пара мужчин, Малышка остановилась, выпучила глаза и уже было включила свою «аварийку», но они отступили, и сказали, что всего лишь хотели помочь.

Малкольм принес корзину грибов, немного ягод вроде брусники, которые я тут же показала Сквонто, и он одобрил их в употребление. Мы решили посушить их в печи — сойдут на чай.

— Давай, рассказывай. Что они говорили, что спрашивали, — начала я выпрашивать у нашего юного разведчика, как только вывела его на улицу.

— Ну, они спрашивали кто я такой, почему живу с вами...

— А ты что?

— Сказал, как и ты говорила, что вы все — из приюта, и что вас ждали мужа, и что они скоро приедут за вами, — парнишка отчитывался спокойно и четко.

Хорошо, что придумали про мужей — пусть боятся, а если губернатор скажет им другое — это их проблемы, потому что мы женщины, и склонны мечтать.

— А они что?

— А они переглянулись и сказали, что Джеймстаун слишком далеко, но я сказал, что должен прийти корабль.

— Правильно. Еще о чем говорили?

— Они спрашивали, что мы едим еще, кроме индюшек и кукурузы с тыквой. Ну, они и правда, переживают, что объедают все. Думали, что здесь они сразу найдут работу, за которую можно получить пропитание и одежду.

— Чего же обратно не поплыли тогда, раз оказалось, что здесь все так плохо?

— Денег нет, и даже в Англии негде взять. Капитан не взял бы их.

— А кто они, о себе говорили? Ты спросил, чем они занимались в Англии?

— Да, кто чем. Есть два кузнеца, есть мастер по дереву, ну это из тех кто в возрасте, а остальные...

— Что?

— Некоторые фермеры из Шотландии, вернее, их родители, а они отправились сюда, потому что сейчас в Англии много разговоров о новом Свете, о том, что здесь очень богато, — паренек потянул меня в дом: — Идем, а то я не ел с утра, а от ягод уже живот болит. Накорми сначала, да и рассказывать особо нечего.

— Вообще больше нечего?

— Ну, еще Бернард спрашивал о тебе, — ответил Малкольм и направился в дом.

— Кто такой Бернард?

— Ну, я не знаю, как тебе объяснить. Этот, который большой как медведь.

— Светловолосый и высокий? — вспомнила я незнакомца, что заговорил со мной.

— Да, они его называют «Медведь Бернард».

— А что он спрашивал? — я шла за ним, и не обращала внимание на то, что в доме были все — сестры прибирались после нашего глиняного евроремонта.

— Спрашивал кто ты такая, и сказал, что у тебя смешной язык, — он хихикнул, сел за стол, и с благодарностью улыбнулся сестре Лилит, что поставила перед ним большую миску супа с птицей и тыквой.

— Что ты ответил? Ну почему я из тебя новости клещами вытягиваю, рассказывай, а то сейчас поешь, и все забудешь.

— Сказал, что с тобой лучше не связываться, потому что ты слишком строгая. Ну, он ведь прав, вы с Клер смешно говорите, — он хохотнул и принялся жадно работать ложкой.

Я позвала Клер и Барбару с Малышкой на улицу и вышла. Ниже, где строился дом для новых покорителей Америки, мужчины все еще работали, двое разделявали оленя. У них всегда было шумно — если они не работали, они пели и смеялись. Хм, Бернард. Вот как тебя зовут, льстивый тип.

— Мальчишка не проболтался? — раздался сзади голос Барбары.

— Нет, но они выпрашивали о том, кто мы такие и что мы едим. Так что, держите ушки на макушке, девочки, — я пригласила их к летней кухне с навесом — индейцев, что постоянно сидели там, сейчас не было.

— Хорошо бы иметь оружие, Элиза. Может утащить у них хоть один мушкет? — Малышка не унималась, и искала применение своим гениальным умениям.

— Оружие — это тебе не табак, они поймут. Солдаты, похоже, будут жить с ними, но я снова не вижу, чтобы они шевелили булками — работники из них никакие, — вставила Клер.

— Чем шевелили? — переспросила ее Барбара.

— Хоть чем-нибудь. Теперь в этом доме почти все оружие колонии, вот что меня беспокоит, — ответила Клер.

— Ладно, пока не будем подавать вида, но надо быть на стороже. Клер, что ты говорила о том, что здесь может быть соль? — я подала знак глазами, мол, помнишь историю про то, что ты знаешь места, где может быть соль.

— Да, на берегах у заливов часто находят соль залежами. Нам нужно обследовать остров. Сначала я поговорю со Сквонто. Кстати, он водит их на рыбалку, — она мотнула головой в сторону наших новых соседей.

— Да, если среди них есть рукастые мастера по дереву, то может хоть один окажется бондарем, и у нас появятся бочки? Мы могли бы и сами ловить рыбу...

— Нет, Элиза, индейцы ловят ее с лодок сетями. Нам не справиться, — ответила моя подруга. — я наблюдала, как он показывал одному из них.

— Ты одна ходила за ними? — я посмотрела на нее и схватила за руку. — Ты же обещала мне не ходить за ними, не наблюдать, не вынюхивать ничего!

— Я незаметно. И я была не одна, мы ходили с Барбарой, — Клер мотнула головой в сторону Барб, и я повернулась к ней.

— Да, вместе ходили. Некоторые из них, кстати, красавчики, Элиза. Может то, что они болтали — ерунда, и вовсе они не собираются выпотрошить наши запасы и уйти в лес? — Барбара не чувствовала себя виноватой.

— Думай как знаешь, я вам ума не отсыплю. Только смотри, не проболтайся ни словом, иначе, сама зимой будешь корни выкапывать, чтобы было что пожрать, — я пошла вниз по улице, в сторону дома губернатора. На улице было людно — в воскресенье вся община гуляла, они, не смотря на нищету, что сквозила во всем от одежды до наших домов и еды, пытались продолжать здесь подобие светской жизни.

Сейчас женщины кучками гуляли от поселения к океану, бродили по берегу, собирали камешки — окатыши, которыми некоторые начали выстилать дорожки между домами, тропки в палисадниках. Носили они их строго в небольших корзинках, и встретив пару таких женщин, можно было подумать, что они идут с рынка или из гостей. Было заметно, как люди надоели друг другу, потому что несколько семей были так вовлечены в жизнь друг друга и обустройство быта, что стали почти одинаковыми.

Проходя мимо стройки, я не повернула головы, но поймала себя на том, что мне было любопытно посмотреть — они сидели под навесом за деревянным, недавно построенным столом и ужинали. Я слышала, как слева от меня стало тихо, но мой чепец, как оказалось, имел один огромный плюс — смешные ушки закрывали боковой обзор, и я, словно лошадь с шорами прошла мимо них, косясь так, что моих глаз им было не видно.

— Элиза, деточка, как давно вас не было видно, — обратилась ко мне одна из женщин, чье имя я не знала.

— Много дел, мэм. Мы стараемся утеплить жильё к холодам.

— Да — а, хоть зима здесь и холодная, но слава Господу, она здесь короткая, так что, еще месяц мы можем не переживать о лютых холодах, — она все равно, уже куталась в протертую шаль, и я почувствовала, что на берегу заметно холоднее.

— Идем, девочка, здесь холодно и сыро. Да и солнце садится скоро, не стоит одной ходить. Вы тоже собираете камни?

— Нет, камни нам собирать еще слишком рано, мэм. Я еще погуляю, — мне хотелось побыть одной, и я не находила причины, чтобы отделаться от нее.

— Но как же вы одна? — она отстала от своей подруги и намеревалась обязательно проводить меня.

— Я провожу ее, мэм, можете быть спокойны, — у меня за спиной, как и в первый раз, раздался бас моего нового знакомого «Медведя».

— Нет, нет, мы с миссис...

— Джордан, деточка, я миссис Джордан, — ответила женщина. Ей было чуть за пятьдесят, хотя, могло и оказаться, что сорок пять. Она, скорее всего, раньше была тучной, а сейчас, в лишениях, а может и после болезни на корабле, похудела, об этом говорила очень тонкая кожа на ее лице, подбородок.

— Мы пойдем с мисс Джордан. Вы можете нас проводить, — я предложила женщине локоть, и она благодарно взяла меня под руку, а корзинку передала «Медведю».

— Меня зовут Бернард, мэм. Мы благодарны вашей общине, что дали нам помощь и кров. Мы, отправившись в это путешествие, надеялись, что дела здесь обстоят так, как нам описали...

— В Англии считают, что здесь на деревьях растут хлеба, а индюшки приходят прямо к костру, прося о том, чтобы их ощипали благородные англичане? — она хмыкнула и засмеялась.

— Примерно так и говорят, миссис Джордан, — он улыбался ее шутке, и в голосе можно было расслышать его хорошее настроение. — И мы надеялись, что мужские руки пригодятся в колонии, мы быстро найдем работу, — он был чертовски галантен, и у меня все больше было подозрений, что Клер точно вспомнила о их истории, хотя, название корабля и наличие человека из компании подтверждали ее рассказ.

— Но, молодой человек, на самом деле все обстоит совсем не так. Мы тяжело трудимся только для того, чтобы не умереть с голода, но есть здесь свои плюсы, мистер...

— Колдер, мэм...

— Это не английская фамилия, Бернард...

— Да, я шотландец, наверное, самый непутевый во всем клане, — перебил ее Бернард.

— Да, отчего я и заинтересовалась. Моя матушка родом из Шотландии, и как только Яков^[7] стал королем Англии, наша семья приняла решение вернуться на земли моего отца. Я приехала в Англию уже будучи замужем. Вы сразу приглянулись мне, мистер Колдер. Я думаю, и мой муж так же будет рад увидеть вас в нашем доме.

— Непременно, вы расскажете мне из какой части Шотландии была ваша матушка, и мы обязательно найдем общих родственников, — он говорил размеренно, с уважением, и я понимала, что он мне начинает нравиться мне все сильнее, и теперь уже не только внешне.

Мужчины в моем привычном мире редко очаровывали, потому что сначала отторгали мою моральную и физическую силу, а те, кто мирился с ней, оказывались слюнтяями. Наверно, я была рождена для другой эпохи, но и здесь, как погляжу, жаловали послушных женщин.

Я радовалась, когда мы дошли к дому мисс Джордан, и Бернард пошел проводить ее за неумело и по-быстрому сколоченную, скорее всего, ее мужем, что в руках не держал молотка, калитку.

— Дождитесь Бернарда, детка, сейчас я представлю его мужу, и он проводит вас, — сказала дама, заметив, что я уже сделала шаг от ее дома по улице.

— Спасибо за прогулку, мэм, мне пора, а здесь мне все знакомо, и я пройду одна, — я чуть присела и быстрым шагом не оборачиваясь пошла к дому. Не хватало еще, чтобы меня увидели с ним наедине.

— Элизабет, ты где пропадала? Пэвэти учит нас шить из кожи мокасины, и это очень просто, главное — набить руку. Мы уже научились экономно нарезать выкройки, и она показала швы, — как только я вошла, мне навстречу выкрикнула одна из сестер, чье имя я даже не запомнила.

Девушки сидели на матрасах прямо на полу у печи. В центре восседала Пэвэти и показывала, как продеть в отверстия на коже кожаные шнурки. Мне было интересно и самой научиться, но подумала, что всему сразу научиться нельзя. Я присела за их спинами и наблюдала за тем, как размеренно, но уверенно и точно Пэвэти сшивает детали.

В нашем мире, при всей этой любви к хэндмэйду, эти вещи стоили бы огромных денег, а здесь это просто необходимые для жизни вещи. Наши теплые куртки были готовы, но чулки — не важная одежда для зимы, и я переживала, что задницы мы отморозим точно. Вязать я умела только шарфики, но до того, как вязать, шерсть нужно было спрясть, а у нас, Шарик, лапки. Я видела как прядут только в сказке «Морозко», но это — так себе обучение.

Постепенно становилось холоднее и холоднее, работы было немного, но мы не расслаблялись — помогали Малкольму заготавливать дрова. Он пилил, а мы обрубали сучки, потом распиливали на чурки и складывали в тележку. У дома Малкольм раскалывал чурбаки, а мы складывали их в поленницу. Работали каждый день — боялись, что зимой дров будет мало — мы плохо представляли насколько же здесь холодно, и действовали по правилу «Много — не мало».

В один из дней прямо перед новым годом, к нам постучался наш губернатор. Мы экономим масло для светильников, и все дела старались сделать пока светло, и сейчас в кухне шла работа: пекли хлеб из кукурузной муки, валяли шерсть, чтобы получить войлок — хотели попробовать сшить что-то типа валенок, потому что мокасины оказались так себе обувью, если долго ходить по снегу.

— Добрый день, сестра Маргрет, добрый день, девушки. Я пришел к вам с одним очень важным вопросом, — начал губернатор, и мы отложили все свои дела.

Клер поставила на огонь чайник, который стоял всегда в духовке, чтобы каждый мог налить себе горячего отвара. У нас было много шиповника, о котором хоть и поздно, рассказал нам Сквонто, и мы набрали пару мешков размером с наволочку.

— Мистер Бредфорт, присаживайтесь, мы угостим вас горячим чаем из шиповника и лепешками, — усадила его за стол сестра Маргрет.

— Благодарю вас, сестра Маргрет, с удовольствием, — он присел за стол, и Маргрет присела рядом с ним.

— У меня к вам просьба. Хоть я и не имею права, но я должен вас спросить...

— Да, конечно, мистер Бредфорд, мы поможем вам чем сможем, — почти перебила его Маргрет.

— Мы хотим просить вас поделиться запасами с нашими новыми соседями. У вас, как я помню, был хороший урожай картофеля. Как оказалось, мы слишком мало сохранили для зимы, и у нас половина того, что осталось сейчас, уйдет на семена для весны, — он говорил короткими фразами, и даже мне было стыдно за то, что ему приходилось просить.

Благо, все были предупреждены, что говорить о схроне под полом нельзя. Я радовалась, что мы не проболтались всем о том, что у нас есть схрон в лесу. Девушки посмотрели на меня, и я поняла, что отдуваться мне придется самой.

— Мистер Бредфорд, идемте со мной, я покажу вам сколько у нас запасов, — я встала и повела его к кладовой, что была отгорожена возле входной двери. За ней были перегородены

несколько ящиков, укрытых бумагой, чтобы падало как можно меньше света.

— Да, у вас тоже не очень много, — он внимательно осмотрел ящики и полки над ними, где сейчас стояли тыквы и на гвоздях висели мешки с кукурузой и бобами.

— Да, губернатор. Думаю, нужно обратиться за помощью к индейцам. И знаете, снега еще нет, индейцы знают, где растет дикий картофель, я точно так же, пошла по их наводке, и нашла поле. Они могут накопать. Н еще не замерз. Индейцы показали им как ловить рыбу, но я вижу только пару человек, уходящих утром в сторону залива.

— Да, я попробую поговорить, но мы должны объединиться, чтобы дать им помощь. Это угодно Богу нашему, ведь все мы едины под этим небом, — он перекрестился и снова присел за стол.

Очень вовремя вошел в дом Малкольм и позвал меня в лес — помочь с тележкой, что застряла в колее. Я быстро оделась и вышла с ним, за мной вышла Клер и Барбара. Я шагала быстро и уверенно, пытаюсь догнать Малкольма, который уже затерялся за первыми деревьями.

— Элизабет, мужчины могут помочь Малкольму, — раздался позади меня голос Барбары.

Я оглянулась, рядом с ними по тропинке, покрытой тонким слоем снега шли трое, одним из которых был Бернард. Я видела, что Клер и Барбара были не против их компании, и они улыбались словам мужчин, которые я не могла расслышать. Я подняла подол, чтобы юбка не промокла насквозь и прибавила шаг. Вот же дуры, отправиться в лес с незнакомцами! Да и права Клер — вместо того, чтобы заботить губернатора, могли бы сейчас активнее заниматься поиском пищи.

— Элиза, я нагрузил тележку, и думал, что сам справлюсь, но колесо телеги съехало в колею, и теперь мне придется разгрузить ее, чтобы вывезти из ямы в грязи, но на это уйдет много времени, и я подумал, что вдвоем или втроем мы легко вытолкнем ее, — парнишка чувствовал себя виноватым, но винить его было не за что, потому что он работал за троих мужчин, и вся его работа была тяжелой.

— Не переживай, мы справимся, там еще меня догоняют Клер и Барбара, и если от Клер толку мало в таких делах, то Барбара у нас отличный помощник, — засмеялась я в ответ.

Мы вместе взялись за ручки, потянули, но ноги только увязли в грязи, которая оказалась сразу под снегом, скользили и обрастали глиняными «башмаками» вокруг тоненьких кожаных мокасин.

— Мы сами вытащим вашу телегу, мэм, не стоит мारаться и так сильно рвать свои нежные руки, — один из товарищей Бернарда осмотрел меня с ног до головы, цыкнул в сторону товарищей и первым подошел к тележке.

— Мы можем сами, — огрызнулась, я но они только засмеялись:

— Правда? А нам показалось, что вы далеко не лошадки, чтобы таскать такие грузы, да парни? Они же не лошадки? — глаза этого типа блестели, и было ощущение, что он пьян, хотя я знала, что алкоголя в колонии почти нет. Он делал такое ударение на слове «лошадки», что и дураку было понятно — куда он клонит.

Он был высоким, темноволосым и говорливым. Я знала, что значит взгляд таких людей — он хотел дать понять, что сейчас очень многое в его власти: эта тележка с дровами, мы, наши запасы, наши жизни, да что там, даже жизнь колонии в его власти, но он еще только начал, и поэтому, мы должны признать его власть сейчас, пока не стало поздно.

Мы не стали спорить с мужчинами там, улыбнулись и приняли их помощь. После этого случая договорились с Малкольмом, что дрова будем пилить не там, где они ровные и удобные для разрубки, а сразу да домом, так как губернатор сообщил, что поселение все равно будет расти.

В скором времени поселение принялось за строительство форта — стен вокруг нашей колонии, и вопрос с дровами стал решаться много проще — мы собирали ветки, что обрубали мужчины, среди которых были и солдаты, что прибыли с нами, и новые соседи. Больше мы с ними не встречались так близко, да и вокруг нас сейчас постоянно толпились поселенцы и их жены, что приняли решение помогать в строительстве форта.

Ночи были холодными, и мы жались возле печи. Пришлось отделить прихожую, чтобы кухня прогревалась быстрее. В ней мы и спали ночью. Болели несколько дней простудой, лежали с температурой, и одна из сестер умерла в горячке. Я не готова была к такому, но это оказалось сущей ерундой по сравнению с тем, что случилось после нового года.

Рано утром я вышла за водой к реке, а Малкольм замешкался позади. На улицу я вышла одна. Потуже завязала шнурки куртки под шеей, посмотрела на то, как ровно ложится снег, делая землю девственно — белой, скрашивает все огрехи, присыпает кучи веток, оставшихся после недавней вырубки. Было жаль ступать с порога и портить этот великолепный «холст».

— Мэм, мэм, — от поселения раздался крик, когда за моей спиной вновь открылась дверь — вышел Малкольм. — Столько снега, что я даже не вижу куда бегу, — кричал человек, которого мы все еще не могли рассмотреть из-за снега, что шел стеной.

— Мы здесь, возле дома, что случилось? — я отвечала человеку, что бежал к нам и вышла навстречу ему, отдав Малкольму ведра.

— У вас все хорошо? — передо мной стоял запыхавшийся помощник губернатора. Он уперся ладонями в колени, и пытался наладить дыхание.

— Да, пройдемте в дом, Малкольм, неси воду, я провожу нашего гостя, мистера...

— Я мистер Бернс, — он вошел со мной в дом, где девушки быстро задвинули занавеску, которой мы делили спальню от кухни — почти все еще спали.

Сестра Маргрет, Малышка и Клер возились у очага, и увидев меня с гостем, быстро спрятали нашу полевую спальню.

— Пройдите, присаживайтесь, Клер, налей гостю чай, уж больно быстро он бежал к нам с какой-то вестью, — я не раздеваясь присела напротив, развязала шнурки на куртке, расслабила пояс и сняла капюшон.

— Случилась беда, губернатор послал к вам, чтобы я проверил — все ли у вас хорошо, — он все еще говорил задыхаясь, и как бы он ни заставлял нас нервничать, приходилось терпеливо ждать, когда его дыхание наладиться.

— Говорите спокойно, не торопитесь, пейте, подвинула к нему кружку с теплым отваром сестра Маргрет.

— Сестра, сегодня ночью почти весь наш склад был вынесен. Благо, у нас забрали не весь инструмент, но все ящики, в которых мы хранили кукурузу и прочее... они пусты, — он сказал это все на одном вдохе скороговоркой, и следил глазами, как я встала и начала ходить из угла в угол.

Клер вышла ближе к столу, посмотрела на меня, и наши взгляды встретились. Мы

смотрели на мистера Бернса, на Маргрет, что сидела, прижав ладонь ко рту, с расширенными от ужаса глазами. Через пару минут полной тишины, где был слышен только надсадный сип из легких нашего гостя, Маргрет прошептала:

— Кто это мог сделать? — она начала озираться на нас, будто только что поняла, что все наши разговоры были не пустыми.

— Видимо, это мужчины с «Фортуны», потому что их тоже нет в доме, — он обводил нас всех глазами, и поскольку я стояла теперь за его спиной, ему пришлось повернуться и ко мне.

— Мы чутко спим, и если бы кто-то попытался пройти в наш дом, мы бы услышали. Что планирует губернатор? — вставила дрожащим голосом Клер.

— Он велел позвать к нему некую Клер, — он говорил, а смотрел на меня.

— Я Клер, — голос девушки дрожал.

— Одевайся, мы идем вместе, — я подняла брови и посмотрела на нее, давая понять, что сейчас не время паниковать.

— Приходите, а я побегу обратно, губернатор ждет вас у себя, — он встал, и вышел, столкнувшись на входе с Малкольмом, который от порога сообщил, что пропало ведро, что стояло у реки, и было очень удобным для того, чтобы черпать из нее воду.

— Сейчас мы попьем горячего чая, поговорим, и тогда пойдем, — я схватила за руку Клер, которая уже побежала к перекладинам, на которых висели одинаковые куртки.

— Да, ты права, Элиза, давайте пить чай, — она села на лавку, все еще держа в руках куртку.

Сестра Маргрет смотрела на нас и по чуть отхлебывала из чашки. А потом тихо прошептала:

— Надеюсь, они не остались на окраине леса, и мы можем не бояться. Хуже, если они решат продолжить делать набег, а наш дом как раз рядом с лесом...

Губернатор не находил себе места, в его доме было очень много людей. Обреченность, что витала сейчас в комнате, коснулась и нас — мы понимали, как им страшно. Пережив уже тяжелую и голодную зиму, они знали, что это снова витает над их головами. Две женщины, в одной из которых я узнала миссис Джордан, сидели в углу комнаты. Одна из них была значительно моложе, скорее всего, ей было не больше двадцати пяти. Миссис Джордан покачивалась из стороны в сторону и тихонько причитала:

— Он не мог, не мог. Ведь столько всего он рассказал, так помог нам по дому, Бернард просто не мог этого сделать. Еще вчера он зашел к нам, помог мужу зашить досками угол двора, где хранится сено для козы, — она увидела нас, и всем телом подалась вперед.

— Миссис Джордан, не нервничайте, расскажите, пока губернатор занят, расскажите нам, что произошло? Это Клер, она очень добрая девушка. Мы поможем вам чем сможем.

— Рано утром кто-то из мужчин пошел за дровами, и увидел, что ворота хранилища открыты настежь, и снег валит внутрь. Вошел и заметил, что инструмент раскидан, многого не хватает, а в подземелье, где хранится запас, тоже все раскрыто, и там почти ничего нет. Нет тележки, на которой, скорее всего, они и вывезли наши запасы, — ее голос начинал скатываться в рев, и я, присев рядом гладила ее руку. — Мы снова будем голодать, Элиза, люди снова будут болеть.

— Я обещаю вам, что голодать мы точно не будем, мэм. Мы поделимся с вами нашими запасами, мужчины будут охотиться, и все еще можно поймать рыбу в заливе. Нам хватит

пищи до весны, а как только земля прогреется, мы посадим первые овощи, зелень, зимой мы сможем собирать сосновые «пальчики», и есть их, чтобы не было цинги и витаминоза. Никто не будет болеть, я вам обещаю, миссис Джордан, вместе мы с Божьей помощью все преодолеем, — когда мой голос умолк, я поняла, что мужчины больше не разговаривают — все смотрели на нас.

— Мисс, спасибо, что пришли, — обратился к нам губернатор, — Я рад, что они не тронули вас, эта мысль в моей голове была первой, ведь ваш дом далеко от нас, и мы даже не слышали бы криков о помощи. Я не простил бы себе этого.

— Господин губернатор, жители поселения, я хочу сказать вам, что у нас есть небольшой запас, — я остановилась и опустила глаза, но откашлялась и продолжила: — Губернатор приходил к нам с вопросом есть ли у нас запас для этих мужчин. Я солгала, и мне стыдно за это. Я лгала потому что не верила этим мужчинам. Я знаю, это грех, но это мой грех, который позволит не умереть людям, что трудились все лето и осень не покладая рук.

— Мисс Элизабет, — прервал мою речь губернатор. — мы не считаем вас грешницей, мы не имеем права винить вас в чем-либо. Это только моя вина... Моя вина в том, что я не послушал...

— Уважаемый губернатор и все жители Нового Плимута, мы благодарны вам за то, что приютили нас, дали нам крышу над головой и защиту. Сейчас мы готовы сами поделиться с вами. Будьте уверены, того запаса, что у нас есть, хватит, чтобы скромно питаться всем до единого в колонии. Мы надеемся, что мужчины смогут добывать оленей и рыбу. У нас много сушеных грибов, много овощей, есть сушеные травы для чая, есть шиповник.

— А сейчас мы благодарны вам, сестры, — губернатор опустил голову и подошел к нам. Чуть тише он продолжил: — Я был не прав, не послушав вас, сестры...

— Прошу вас, лучше никому не говорить о том, что было. Это останется между нами. Пусть ваши мужчины придут к нам с телегой. У нас есть четыре мешка картошки, мешок кукурузы и несколько тыкв под полом. Если варить из этого похлебки, вам хватит всем. Нам придется пожить без хлеба. Будем надеяться, что весной придет корабль, и они догадаются привезти муку

Рождество и новый год отмечали скромно. Солдаты чувствовали свою вину перед общиной за то, что колония была ограблена, и к началу февраля ограждение вокруг поселения было готово. Форт стал тем самым «Градом на холме», о котором потом будет столько сказано и написано.

Трехметровый палисад с тремя воротами с разных сторон выглядел внушительно. Теперь поселение походило на небольшой городок диаметром с километр — губернатор решил огородить и земли, где разбивались небольшие сады. Внутри поселения на холме расположился сам форт с наблюдательной вышкой и шестью орудиями. Мы никогда так близко не видели пушки. До постройки большого забора орудия находились на окраине, и двое сторожевых постоянно контролировали небольшой пока периметр.

Сейчас все стало выглядеть серьезнее. Дорога до пляжа перестала быть тропинкой — большие деревья пошли на ограждение форта, а мелкие просто вырубали и выкорчевывали. К поселению сейчас была полноценная дорога, на которой могли разъехаться две повозки.

— Мне кажется, или становится не так холодно? — сестра Маргрет вошла в дом с вязанкой дров, чем вызвала негодование Малкольма:

— Сестра, уж если я вам здесь не нужен, то и не стоило меня оставлять. Я не могу сидеть без дела, когда вы делаете тяжелую работу, — он с недовольным видом принял у нее связку и быстро отнес к очагу.

— Мальчик мой, мне же тоже нужно двигаться, чтобы спина не забыла о труде, — она стряхнула плащ, повесила его возле очага и подошла к огню.

— Да, вы правы, становится теплее. Снег хоть и летит иногда, но под ногами, под снегом уже почти вода. Думаю, еще месяц, и мы увидим здешнюю весну, — я ответила с улыбкой, потому что настроение заметно поднималось с наступлением тепла.

— На горизонте шхуна. Губернатор надеется, что привезут провизию и почту — все ждут вестей от своих семей, — вошла в дом следом за Маргрет Барбара.

Я посмотрела на Клер, что сидела на матрасах и штопала чулки. Она медленно подняла голову, словно почувствовала, что я жду от нее ответа, но снова опустила глаза. Судя по выражению лица, она думала, и дёргать ее сейчас было бессмысленно. Много фактов были просто упущены в истории, и кроме записей губернатора, что были опубликованы позже, записи велись только капитанами в судовых журналах. Множество таких книг погибли вместе с судами, которые терпели крушения, подвергались нападениям.

— Нужен скот, лошади, иначе, если всю работу делать только руками, колония долго будет нищей, — пробубнила Маргрет от очага.

— Да, и еще, можно активнее работать, а не стоять в молитвах на коленях, вот тогда точно будет чем отдавать долги компании, иначе, через семь лет поселенцам нечего будет делить с компаниями, — ответила почти шепотом Малышка Абигель.

— Не будь такой злой, Аби, да и не имеем мы права судить людей, — ответила одна из сестер, о чем тут же пожалела, потому что Малышка встала с лавки, подошла к матрасам, где сейчас сидела девушка рядом с Клер, и громко сказала ей прямо в ухо:

— У нас нет права судить, но есть обязанность делиться. Знаешь кто так живет? Лошадь и корова, детка. Они не имеют право на слово, но обязанностей у них очень много. Ты корова? — она высказалась, уверилась, что ответа не будет, и вернулась на место.

В моей памяти вспыхнула, как будто это произошло только что, та встреча в лесу, когда друг Бернарда назвал нас лошадками. Интересно, где они сейчас, как они выжили в лесу зимой, и выжили ли вообще. Что толкнуло их на побег? Уж точно не стыд, что объедают колонию, раз забрали запасы.

К мысу пришла «Фортуна». Клер, как только Малкольм сказал, что это за судно, вспомнила, что вернулась она потому что в пути весь груз со шхуны забрали французы. Да, пираты все еще были, и капитан был так зол, что с трудом сдерживался. У нас добавилось ртов, потому что команда решила остаться на пару месяцев — в море они точно бы умерли с голоду.

— Клер, тебе не кажется, что во всем, что здесь творится, нет никакой логики? Что бы здесь ни случилось, что бы ни запланировали, ни хрена не получается. Может это не прошлое, а вообще, другой мир, где каждый день понедельник? — мы вышли прогуляться к пляжу, посмотреть на шхуну, на береговую суету — хоть какое-то разнообразие.

— Да, вот так начиналась великая страна, — она хмыкнула и улыбнулась.

— Вообще странно, как они выжили. Нам бы лошадей, и свалить из этого неудачливого места можно было бы пораньше. Сил нет больше сидеть здесь.

— Знаешь, а здесь везде сейчас такое вот, невеселое выживание. Если не смиришься, Элиза, сойдешь с ума. Верующим проще — у них есть идея, есть смысл, а мы с тобой уже подышаем от отсутствия морального удовлетворения, от информационного голода...

— Клер, скажи спасибо, что не просто от голода умираем, — я искренне радовалась, что у нас есть еда, хоть порции и не огромные, но мясо у нас было на столе постоянно — солдаты и индейцы снабжали колонию хорошо.

— Если бы были перебои с едой, радостей было бы побольше. Когда человек преодолевает трудности, он получает удовлетворение от своей деятельности.

— Не начинай, я понимаю, ты у нас доктор исторических наук, но сейчас нам нужнее человек, что умеет сварить самогон.

— Самогон? Зачем?

— Мы должны чем-то заниматься, а лучше тебя никто не знает, чем именно.

— Мы даже не знаем, где будем жить.

— Подумай о месте, где есть река, и лучше, чтобы большая. А в идеале, с выходом в океан.

Поселенцы больше не смотрели на нас косо, а губернатор, наконец, начал прислушиваться к тому, что говорила Клер. В начале весны рыбалка стала практически основным средством для пропитания, и мужчины стали серьезнее к ней относиться, когда поняли, что остатки запасов лучше оставить для посева.

С первым теплом в конце апреля начали прибывать шхуны. И у нас появилась мука, новые инструменты, еще несколько пар коз. Клер была задумчива, и часто я находила ее на берегу, где она на песке чертила схемы, которые моментально стирала и начинала чертить новые.

Мы с Малышкой снова начали свои пробежки, и хоть рано утром было еще прохладно, старались не пропускать ни дня, кроме одного случая:

— Элиза, видимо я вчера не мало промочила ноги, провалившись в ту ямку, — она даже не встала с матраса, когда я уже была готова выходить. — Горло просто горит огнем, и глотать больно.

— Оставайся дома, сделай питье и не вставай сегодня. Прополощи горло с солью, — я

положила на ее лоб ладонь — жара не было и то слава Богу.

Я уже отвыкла бегать одна, но прерывать с радостью начавшиеся вновь тренировки не хотелось. На обратном пути, уже в минутах в пятнадцати от дома я видела сбоку движение, и когда передо мной выбежали двое мужчин, чуть не упала.

— Элиза, прошу тебя, только не кричи, — передо мной стоял Бернард. Он был таким худым, что узнала я его только по голосу и росту. Глаза провалились, лицо было исцарапанным, губы потрескались и покрылись «корками».

— Даже не думайте подходить ко мне ближе, вы пожалеете, — я дрожащим, незнакомым мне голосом, что вырывался из моего рта, пыталась не подпустить к себе бандитов. Выставила руки вперед, и думала над тем, как они поступят дальше, попытаются ли схватить меня? И если попробуют задержать, сможет ли это тело сопротивляться, сможет ли повторить те приемы, которые знало мое прежнее тело, и остались лишь в моей памяти.

— Мы не тронем тебя, Элиза, мы не все это сделали...

— Что сделали, ты о том, что вы оставили всю колонию на голодную смерть? — я видела, что он с трудом держится на ногах, и моя ненависть к этим людям делилась сейчас с жалостью к нему.

— Когда они это сделали, мы не смогли их остановить. Нам пришлось уйти, потому что солдаты, часть которых они связали, были злы на всех. У них забрали больше половины оружия, и мы не смогли бы с ними справиться. Мы ушли с ними, чтобы они не трогали вас, — он опустил голову.

— Теперь легко сваливать вину на тех, кого нет с тобой рядом. А где остальные? — я рассматривала второго мужчину, он был невысоким, одежда на нем висела клочьями, и он был босым.

— Элиза, мы вынуждены вернуться, и просить губернатора простить нас. Большинство не пережили зиму, а мы с трудом добрались обратно. Я клянусь тебе, что это не наша идея, и мы, шестеро, просто вынуждены были идти с ними, у нас не было выбора, — он говорил с опущенной головой, я понимала, что он лжет, но сердцу хотелось верить, что он действительно не мог выбирать.

— Шестеро? Где остальные? — я тихонько озиралась по сторонам, но в лесу больше не было никого.

— Да, двоих убили люди Уильяма, а еще двое, что ушли с нами, не выжили. Они заболели: кашляли, горели несколько дней, а потом умерли. У нас больше нет выбора. Мне не важно, что сделает с нами губернатор, но я хочу надеяться, что вы мне поверите.

Первые арестованные появились в Новом Плимуте в тот самый день, когда я встретила их в лесу. Губернатор оставил их закрытыми в одной из комнат общего дома. Кузнец получил заказ на решетку. Кормили их за столом, где губернатор параллельно вел с ними беседу.

Они продолжали утверждать, что уйти им пришлось потому что, не смогли бы доказать, что они не вместе, поскольку организатор и его шайка пригрозили убить нескольких охранников, чтобы оставшиеся точно отправились на виселицу.

— Это первая шокирующая новость Нового Плимута, Клер. Вижу заголовки: — ; сделала вид, что в руках у меня газета, — «Мирное поселение подверглось предательству новыми поселенцами...»

— «Подверглось предательству»? да, я всегда знала, что газеты — это не твое, а сейчас просто уверена в этом, — Клер чистила картошку, а я разделявала вареную индейку. Некоторые особи этой чудо — птицы достигали размеров козленка. Мясо было отличным, и не надоедало.

— Спасибо, сестра, ты прекрасно поддерживаешь меня. Особенно мою уверенность в себе, — я переложила мясо в котел, и стояла над костями, — Было бы отлично иметь собаку, Клер.

— Я думала ты и сама прекрасно справляешься, Элиза, молчишь ты только когда спишь, и то, Малышка, что спит очень чутко, говорила, что во сне ты говорила о вещах, которые ей не понятны. В партизаны тебе идти не стоит.

— Сегодня день угнетения меня? — я сделала удивленное лицо и забрала у Клер картошку. Мы варили суп с большим количеством мяса, а овощи резали очень мелко. По сути, мы ели бульон с мясом. Картошка и тыква «догоняли» в тарелке друг друга.

— Пора начать разговор о нашем уходе, Элиза. Думаю, через пару недель нужно выходить. Если мы хотим успеть посадить какой-то небольшой огород, чтобы осень и зиму встретить без проблем, пора начать серьезно готовиться, — прошептала Клер, вытерла руки и села.

— Да, у нас было мало возможностей поговорить один на один. Ты поэтому отправила всех гулять?

— Именно. Ну и я все же права — нужно двигаться и сегодня солнечный день. Ты дерганая все эти дни. Переживаешь за Бернарда? — она подвигала бровями, давая мне понять, что это не сочувствие, а очередной сарказм.

— Я переживаю за нас. Не знаю, что решит губернатор сделать с ним дальше. У нас нет судьбы, и кого там еще надо для суда?

— В колониях одно наказание за преступление, Элиза, и оно здесь будет модным еще достаточно долго. Так что вы с Малышкой будьте поаккуратнее, если решите продолжить с воровством инструмента.

— Ну, мы же не хамски, и не все. Мы берем только самое необходимое, и в одном экземпляре, — я сделала большие глаза, словно впервые слышу об этом.

— За осень и зимние месяцы мужчины три раза потеряли топоры. Это кроме случая с нашими новыми соседями.

— Кстати, нужно было воровать не топоры и пилы, а оружие у солдат. Смотри как они

хорошо начали работать, как только в их руках не осталось мушкетов.

— Что думаешь? Кто пойдет с нами? Скажем ли мы оставшимся правду? Кого мы возьмем сами? Разрешим ли человеку принимать решение об уходе? У меня много вопросов, и такие проблемы у нас обычно решаешь ты.

— Ну наконец ты признала, что некоторые вещи могу решить только я!

— Я и не спорила. В общем, у меня готовы несколько вариантов, куда мы можем отправиться, но я хочу сначала обсудить все с тобой. Не стоит, наверно, озвучивать все варианты им. Мы должны сами принять решение, потому что ...

— Потому что ты сама собираешься за них отвечать, Клер? Нет, нет, и нет! Мы спросим у них, и мы дадим шанс всем, но при этом, они должны понимать, что теперь они сами в ответе за себя. Прекрасно, когда есть выбор, и пусть у нас не будет чувства вины, — я немного помолчала, смотря на Клер, но она в этот раз не спорила со мной.

— Аминь, — ответила Клер, когда я отвернулась, чтобы положить соль в похлебку. Когда я на нее посмотрела, она уже выбирала из мякоти тыквы семена, и напевала, будто ничего не произошло.

— Хорошо, что здесь нет музыкантов, иначе они бы удивились, что еще не знают песен «Queen».

— Да, я с удовольствием присвою себе их песни.

— Даже не вздумай, потому что можешь изменить историю, — старательно копировала я ее голос. — Рассказывай, что там с новыми местами? У нас нет карты, детка, и мы пойдем вслепую, так что, постарайся минимизировать отклонения от маршрута.

— Первый вариант — Берлингтон, это недалеко от границы с Канадой, официально его начнут заселять лишь через сто с лишним лет.

— Плюсы?

— Примерно пятьсот километров отсюда, — Клер говорила нараспев, наблюдая за моими глазами и моей реакцией. — Я вижу, ты не считаешь это плюсом, но сначала дослушай все, а после начнешь. Хорошо?

— Окей, продолжай. Я знаю, что ты не ищешь легких путей, но продолжай, да. Только не забывай, что у нас нет внедорожника, и нет даже кроссовок. А лето уже не за горами. А нам надо дойти и начать строить форт. Правильно?

— Правильно, — терпеливо ответила Клер.

— Тогда продолжай! — я налила две кружки отвара и одну поставила перед ней.

— Там есть озеро Шамплейн. Воды озера питают реку Святого Лаврентия, которая течет в Залив Святого Лаврентия, который..., - она проговорила всю эту цепочку, а потом начала махать руками, словно дирижёр, давая понять, что я должна продолжить.

— Элементарно, Ватсон! Судя по твоему лицу, в этом заливе мы найдем самого Святого Лаврентия, который в свою очередь вернет нас домой из этого великолепного «Изумрудного города».

— Да, было бы прекрасно, но это выход в океан, Элизабет! — она взмахнула руками, как будто только что нашла выход.

— Да, у нас ведь три тихоокеанских лайнера, и нам срочно нужен выход к воде!

— Нет, мысли шире, Элиза, во-первых, это почти граница с Канадой. Ну... будущей Канадой, а пока с Новой Францией. Озера дают возможность получать товары быстрее. А до Монреаля и вовсе рукой подать, каких-то может полторы сотни километров, только самого города еще нет. Там есть поселения, что занимаются пушниной и ее сбытом. Квебек дальше,

но именно из Квебека мы сможем получать необходимые нам вещи: инструменты, некоторые продукты, семена.

— Я жду логичное после всего этого «но». Всегда есть «но», Клер.

— Ты знаешь, я начала с самого лучшего варианта. А самое главное, в тех местах сейчас заканчивается исход ирокезов. Там живут инуиты, алгонкины и гуроны. Они готовы к сотрудничеству с европейцами.

— Чем плохи другие варианты?

— В двух случаях это больше двух тысяч километров, а в третьем случае... Это Юг.

— Ладно, откуда ты столько знаешь о этом городке и озере, которые даже не на слуху?

— Там есть Шелбёрнский музей первых поселенцев. Я там была. Это реконструкция, и более позднее время, но, если мы говорим об относительной безопасности и времени для того, чтобы хоть чуточку встать на ноги, там нам самое место. В первые пару лет нас вообще никто не найдет... Ну, если мы сами не захотим.

— А тебе не страшно? Вглубь одним?

— Нет, не страшно, детка, потому что выйти замуж за хрен пойми кого, или быть убитой здесь очередными беглецами из Англии — страшнее.

— Клер, поскольку я не знаю сколько сколько знаешь ты, я не буду спорить. Скажи сама, будь ты сейчас одна с десятью детьми, которые сами не могут принять решение, куда бы ты отправилась?

— Мы должны идти на северо-запад, больше, конечно на север, карта есть у меня в голове, но мы можем уйти с маршрута.

— Сколько это дней в дороге. Пятьсот километров, это жуть, Клер.

— Если идти по десять — пятнадцать километров в день, это от тридцати до пятидесяти дней.

— Значит, нужно проходить не меньше пятнадцати, правильно?

— Да, ты сейчас прикидываешь по своим беговым дорожкам?

— Да, и по расстоянию до работы, куда я ежедневно ходила пешком.

— По асфальту и в кроссовках.

— Да.

— А мы говорим о диком лесе, где кроме валежника мы можем выйти на медведя, волков, и что тут еще может быть, кроме индейцев, надо вспомнить.

— Мы можем пройти мимо этого озера?

— Случайно?

— Да.

— Только если пойдем западнее, но дорогу нам все равно преградит озеро. А потом, мы точно не пройдем мимо Грин-Маунтинс^[8]. Это место находится между озером и великолепной горной цепью. Там отличная, плодородная земля, и нам ее будет достаточно. Пока. Но нам ведь не стоит переживать что будет через сто лет, верно?

— Да, ты отлично потрудились, детка, и заслужила миску наваристого супа от шеф-повара ресторана «Сёстры». За счет заведения! Бери ложку, пообедаем в тишине, и выйдем на прогулку, когда все вернутся с нее, — мы сели напротив и с улыбкой поглощали надоевший уже порядком однообразный суп, но нам было за что благодарить Бога: у нас была пища, и у нас был план!

— Сестра Маргрет, вы много сделали для нас, но мы знаем кое-что, чем должны поделиться с вами, — я начала, взяв нашу охранительницу под руку. Был прекрасный апрельский день, и солнце теперь можно было назвать настоящим, греющим. Вечерами холода напоминали, что зима еще не отступила, и воздух становился морозным, прозрачным, но весну в душе было уже не отменить.

— Вы для этого вызвали меня на столь позднюю прогулку? — она остановилась, но Клер взяла ее под локоть с другой стороны, и чуть подтолкнула в сторону поселения:

— Давайте прогуляемся к пляжу. Дорога еще грязная, но, если идти по краю, там хорошая подстилка из палых листьев, сосновых иголок, — Клер обещала помочь с беседой, и помогала как могла.

— Сестра Маргрет, максимум через неделю мы должны уходить отсюда, и я хочу, чтобы вы знали — мы уверены в своем поступке и выборе. Это долгая дорога, и займет она примерно пару месяцев. Это не прогулка пару часов по лесу, это прогулка будет длиться от заката до рассвета, и в итоге, мы должны попасть в более безопасное место, — мой голос был как мед, но я чувствовала, как напряглась ее рука.

— Девочка моя, ты же понимаешь, что вы не сможете одни, — она дрожала, как и ее голос, глаза расширились и дыхание говорило о том, что ей может стать плохо прямо сейчас.

— Давайте присядем — вот отличное место, — я указала на оставленные зимой, спиленные стволы. Привела к ним нашу «матушку», усадила, и присела перед ней. — Мы знаем одно — мы не хотим замуж за незнакомых мужчин, мы не хотим жить среди людей с привычками, что не подходят нам. И мы не хотим стать мишенью для новых пассажиров шхун, что весной придут в большом количестве. Мы просим вас об одном — подумать, сможете ли вы осилить такой переход. Я никогда не спрашивала, но сейчас должна, — я говорила, а она неотрывно смотрела в мои глаза.

— Спрашивайте, Элизабет...

— Сколько вам лет, болит ли у вас иногда сердце?

— Мне почти шестьдесят, но сердце я никогда не чувствовала, — она сморщила лоб, вспоминая о случаях, которых никогда, судя по всему, и не было. — Я хочу вас переспросить, девочки, откуда такое решение, что вам не нравится здесь? Нас хорошо приняли, благодаря нашей помощи, все нас любят и уважают, и, думаю, губернатор скоро устроит наш переезд в Джеймстаун на попутной шхуне...

— Сестра, мы не хотим выходить замуж, мы хотим жить сами. На этих землях столько возможностей, у нас впереди столько времени, что эти месяц — полтора покажутся сущей ерундой — небольшим путешествием.

— А как же опасности по дороге?

— С нами будет Малкольм, сестра...

— Я провожу их, сестра Маргрет, — от голоса, что раздался за нашими спинами мы все вздрогнули и обернулись. На тропинке стоял Сквонто. — Я провожу их до места, но я должен знать, куда именно они направляются.

Он шел к нам, а мы стояли как вкопанные. Мы слишком громко и слишком эмоционально говорили, и в случае, если Сквонто пошутил, или передумает, или обсудит это с губернатором, наш поход могут просто зарезать на корню.

— Сквонто... — я не находила слов, чтобы быстро и уверенно доказать ему важность нашего ухода. — Прошу тебя, не говори никому, и если ты и правда, решил проводить нас, мы будем благодарны тебе.

— Да, я готов проводить. Я и Пэвэти, мы хотим помочь вам, но я должен знать правду. От чего вы бежите?

Сестра Маргрет встала, отряхнула юбки и направилась в сторону дома:

— Я думаю, лучше эти разговоры вести без меня, а мне нужно обдумать все, что вы сейчас мне сказали.

Мы не стали ее останавливать, потому что нужно было время, чтобы она решилась отправиться с нами или отпустить нас. Назад сказанного не вернуть, и держать ее с нами смысла не было. Мы были готовы к уходу в любом случае — с ней или без нее.

Сквонто выжидающе смотрел на нас. Он настолько уместен был здесь, в лесу, что тот факт, что наш разговор был подслушан им, не вызывал злости, а скорее, благодарность. Его предложение казалось нам странным. Я смотрела на него и на Клер, и видела на ее лице тот же вопрос.

— Я не позволю идти вам одним. Скажите, почему вы уходите? — тихий, спокойный голос Сквонто был похож на голос психолога, которому доверяешь, потому что он спрашивал, а не показывал своего неудовольствия.

— Эти люди не такие как мы, и мы хотим свой небольшой поселок, Сквонто. Здесь со временем мы станем изгоями, даже если постоянно будем нести людям добро. Сюда будут прибывать новые поселенцы, и в какой-то момент губернатор либо отправит нас в Джеймстаун, либо выдаст замуж здесь, — я старалась не срываться, не торопиться в своей привычке доказывать громко, с нарастающим темпом. Он смотрел на меня и ждал, когда я закончу говорить, не перебивал, не менял выражения лица — он весь был внимание.

— Сколько женщин пойдет с вами? — он смотрел то на меня, то на Клер. Его спокойствие передавалось нам.

— Пойдут те, кто захочет пойти с нами. Мы не станем запрещать или заставлять. Мы хотим, чтобы люди имели выбор, — я знала, что вопрос свободы для индейцев был наиважнейшим. Клер рассказывала мне, что даже в племени начально желание человека, и его уважают. А потом уже общественные вопросы. Я уже сейчас видела, что у нас будет отличный проводник.

— Вы честно сказали, и я готов менять свой путь для вас. Я помогу вам. Пэвэти идет с нами. Говорите, когда надо выходить, и я буду готов. Мы должны сказать губернатору. Если вы не хотите называть место, можете просто сказать, что пока будете искать место. Малкольм идет с вами?

— Да, он уже знает, — довольная исходом беседы ответила Клер.

— Он не может скрывать свои планы, и они написаны на его лице. Я понял, что вы хотите что-то делать, только считал, что вы собираетесь в Джеймстаун, и я хотел отговорить вас, потому что племена недовольны поселенцами, — Сквонто не дал ответить или спросить, он проговорил все, что хотел, мотнул головой и пропал в лесу.

Ближайшие пять дней мы были заняты тем, что шили рюкзаки, потрошили матрасы и делали походные скатки — узкие и тонкие подстилки с прошитыми в них шерстью. Такой мини матрас можно свернуть рулоном и приторочить к рюкзаку.

Маргрет и Сквонто рассказали о наших планах губернатору, и он, хоть и был расстроен, обещал не рассказывать пока членам общины о наших планах. Нам выделили котелки,

ложки, фляжки для воды, Малкольму дали лопаты и другой инструмент, который нужно было поделить между всеми членами нашей команды.

Мы умели делать луки, мы умели стрелять из них. Мы научились делать веревку из растений, а Малкольм вот уже несколько дней не отходил от кузнеца, и при наличии железа, мог сам ковать примитивные гвозди, скобы, ножи. Железо нам будет доступно только в Квебеке, но это каких-то сто пятьдесят километров, и они будут проходиться по воде.

Место, о котором мне рассказала Клер, было, действительно, много лучше, чем Плимут. Мы мечтали быть начинателями, первопроходцами. Когда Лиля долго и молча вечерами рассматривала карты семнадцатого века в интернете, на ее лице блуждала улыбка, я видела, что Лили нет со мной рядом, видела, что в эти моменты она идет по земле, где животные и птицы не видели людей.

— Это самое главное событие в твоей жизни, Клер, — я сказала тихо, чтобы не напугать ее, когда подошла сзади.

— Да, и спасибо тебе, что согласилась на это. Ведь впереди столько дней дороги, когда мы могли бы сидеть в теплом доме, начать заниматься посадками...

— Мы кое-как пересидели зиму, Клер, мы мечтали о дороге, об открытиях, и теперь мое сердце поет вместе с твоим, детка, — шептала я в ответ, когда она в слезах обняла меня, положив голову на плечо.

— Мне так не привычно, что ты теперь выше меня. Ты всегда была чуть ниже, и я все еще не могу привыкнуть. А от того, что ты выше, мне кажется, я вижу свою маму, когда обнимаю тебя, — она, шмыгая носом отстранилась и улыбнулась.

— Все получится. Сейчас главное узнать — кто идет с нами.

— Вот эти две громкие женщины, вижу, уже готовы, — Клер тихонько сказала мне на ухо и показала кивком головы за мою спину. Я оглянулась. Барбара и Малышка выбирали брюки из нашего запаса мужских вещей. Их нужно было починить, где-то расширить, а где-то ушить. Мы должны были идти в удобной одежде, и некоторые свои платья мы чуть перешили, превратив их в юбки-бриджи до середины голени.

Мы вместе вошли в дом и чуть не обалдели от того, что там творилось: любое свободное место на полу и на столах стало местом для кройки, женщины переносили на ткань выкройку рюкзаков, в маленькие мешочки пересыпали сухие травы и ягоды, сушеную рыбу, вяленое мясо. Мы боялись задать вопрос. Один единственный вопрос, на который у нас еще не было ответа: «Кто идет с нами?».

— Я не ожидала, что они все решат идти, это же капец, Элиза. — шептала мне Клер, глядя на всеобщее сумасшествие, которое напоминали сборы. — Наша связка нищих, но очень самоотверженных женщин должна войти в историю, детка. Ну, у нас есть мужская одежда, и я готова остричь волосы, как, думаю, и многие из нас ради дела, и "косить" под мужчин. Так у случайных прохожих не возникнет сильного желания напасть на нас. И у нас теперь есть Сквонто, а если помнишь, он тот еще следопыт.

— Ну, это их право, а ты, прошу, не начинай винить себя ни в чем. Мы начинаем здесь демократию, мисс историческая точность, — хохотнула я в ответ.

— Итак, сестры, я хочу поговорить с каждой один на один. Расскажите почему вы идете или остаетесь. Начнем с Барбары, — я крикнула в сторону рыжеволосой дамы, что за зиму похудела, и теперь не была пышкой как в первые дни нашего знакомства в трюме. — Или за мной во двор.

Я вышла к нашей летней кухне, которая сейчас использовалась для работы с птицей и мясом, чтобы не мусорить дома. Днем на солнце можно было уже обходиться без курток, но шали из сетки и шерсти носили все. Я села на лавку и решила, что каждой задам одинаковые вопросы. Если увижу, что одна из них хоть чуточку боится, ее отход с нами мы должны будем отменить, потому что ее проблемы и страхи лягут на наши плечи.

— Ну ты же знаешь, что я могу и хочу, и знаю всю эту историю с самого начала, — на ходу сообщала мне о своем негодовании Барб.

— Мы должны показать, что разговор будет со всеми без исключения. Я попросила тебя прийти, чтобы попросить тебя понаблюдать за ними. Все мысли, всё что тебе показалось, сразу рассказывай о каждой. И смотрите с Малышкой кто куда уходит. Я думаю, некоторые завязали отношения с солдатами, и в день ухода окажется, что они передумали, или расскажут солдатам, — я махнула рукой к двери: — зови следующую.

Наша чертова дюжина оказалась не такой уж и слабовольной. Десять человек, включая Маргрет были уверены, что смогут пойти и обязательно пойдут, потому что понимают опасность жизни здесь. Маргрет сказала, что не оставит нас ни в коем случае, и оставшихся передаст в ведомство губернатора.

— Я должна остаться, потому что сын одного из поселенцев сделал мне предложение, но его семья пока не знает о нас, — шептала девушка с мышиным лицом, которую я практически не слышала за все наше время вместе.

— А если он не решится, или они не позволят ему жениться? — я не хотела оставлять девушку на волю судьбы и женщин из общины.

— Элизабет, здесь не так уж и много невест, оглянитесь. А когда вы уйдете, я стану невестой на зависть даже без приданого. Он хороший человек. И если что-то изменится, губернатор не бросит меня — я говорила с ним, просила найти мне работу, чтобы быть полезной общине, — она совсем скатилась в шёпот и опустила голову, словно считала, что я буду обвинять ее в предательстве.

— Ты боишься меня, Мари? Я не против, что ты сама планируешь свою жизнь, даже хвалю за это. Только ты всегда была такая тихая... Я и поверить не могла, что в душе ты самостоятельная светская дама, — вот уж точно, удивительные вещи творятся вокруг. А я считала, что у меня все под контролем.

— Я точно готова остаться и присмотреть за теми, кто не решится отправиться в такой сложный путь, Элизабет. У нас есть свой огород, и мы продолжим его засаживать, я умею стрелять из лука, и наверно, смогу даже охотиться. Я все сделаю, чтобы не быть обузой для поселения, — она говорила улыбаясь, а это значило, что такой сценарий ее устраивает.

Кроме нее, еще двое оставались в Плимуте. У них были женихи — мужчины из солдат, что пришли с нами. В итоге, две подопечные Маргрет решили остаться здесь, и только одна девушка, что прибыла сюда отбывать срок в роли жены осталась ради любви к мужчине и своей готовности создать семью.

У Малкольма горели глаза в предвкушении похода, и он был рад, что капитан Ланкридж, что должен был вернуться летом, не заберет его с собой обратно. Но я замечала и то, с какой грустью он говорит о Бернарде, о том, что он точно не виноват в произошедшем. Я подозревала, что они общались, но не стала заострять на этом внимание. Мне всегда «везло» на гадов, которые долго притворялись хорошими ребятами. Мы с Лилей даже шутили, что мне можно работать в суде в роли официальной гадалки — понравился человек, значит его точно можно если не осудить, то осуждать.

Мы с Клер пригласили Сквонто и Пэвэти к нам, и уселись вечером за большим обеденным столом. Клер развернула карту размером с два стандартных листа А4, добытых, как и чернила, у губернатора путем заискивания и уговора, так как бумагу не предусмотрел в дорогу почти никто.

— Это берег, а это место, где мы с вами сейчас, — она говорила и продолжала рисовать линию на севере. — Здесь есть залив, и из него вглубь континента течет река. А вот здесь находится Квебек. Там сейчас колония Франции, и на сколько мне известно, ирокезы уже начали покидать эти земли, — она расслабилась, и начала рассказывать голосом лектора в институте.

— Клер, но мы не знаем точно, потому что это всего лишь рассказ пьяного француза в Англии... — я хотела немного погасить ее прыть и огонь в глазах, за которыми сейчас с удовольствием наблюдал Сквонто.

— Да, это так, но он там был, и я рисую с его слов.

— Откуда тогда тебе известно о большом озере, которое ты выбрала для места разбивки поселения? — Сквонто повторял мой тон, давая понять, что уже раскусил нашу игру. Я начала подозревать, что он решил отправиться с нами только потому что хотел понять — откуда у нас эти знания.

— О нем тоже был разговор. Французы в таверне разговаривали с англичанами. Французы предпочитают земли севернее, ведь там можно покупать у местных шкуры, но некоторые заходили в эти земли. Там есть отличное место между озером и горами. Климат там мягкий даже зимой, а летом от озера прохлада. Там много рыбы, бобров и оленей. Там плодородные земли. Француз говорил об этом, но англичане были против этого места, потому что их интересовала только Новая Англия — территория, что на берегу. Они считают, что только так можно получать необходимое из Англии.

— А ты поверила? — Сквонто сощурил глаза, наблюдая, как меняются эмоции Клер.

— Да, я поверила, потому что он говорил искренне, Сквонто. Это место точно есть, и мы его найдем. А если нет, значит дойдем по реке до Монреаля.

— Против течения? На чем? На плотях? Этого вы не сможете сделать, ведь нужны лодки. Вы правы, там есть племена, которые с распростертыми объятиями принимают европейцев, и только они могут построить лодки, что поднимаются вверх по реке. Но...

— Что? — нетерпение Клер было и в ее голосе, и в движениях. Мы наблюдали как она три раза брала чайник, пытаясь налить всем отвар в кружки, но ставила его на столе, а потом ставила обратно на огонь.

— Им нужно что-то дать взамен, Клер. Мы должны прийти с чем-то.

— Мы сначала обоснуемся...

— Нет, сначала вы должны дать вождю подарки, и тогда они не станут досаждать вам и злиться, что вы охотитесь на их землях, — он встал, выпил остатки холодного уже отвара в кружке, и направился к выходу. — Подумайте в первую очередь о том, что вы можете им подарить.

Сквонто вышел, и в комнате повисла тишина. Девушки, что сидели за ширмой на своих матрасах не шевелились. У нас оставались пара дней до выхода. Грязи под ногами уже не было, а в высоких местах и вовсе, полностью просохла на солнце. Нам нужно было успеть прийти на место до июля максимум, иначе, мы не успеем вырастить урожай. Нести с собой мы могли только семена. Благо, травы уже проклюнулись, и какие-то растения можно было включать в пищу, добавляя к мясу и птице, пойманым в дороге.

Маргрет пекла хлеба из смеси кукурузной и пшеничной муки, резала и сушила сухари в дорогу. Она была так весела, что мы переживали — не поехала ли у нее крыша от нашего решения. Казалось, что она больше нашего ждет этого приключения.

— Итак, девушки, мы должны напрячь свои прекрасные головы и решить, что мы подарим индейцам на месте. Мы все конечно и так подарки, но они хотят что-то подержать в руках, — я говорила уже лежа. Завтра у нас последний день. Малкольм принесет из тайника картошку, что мы оставим троим, потому что запас там ого-го, а мы решили осилить только количество, что потребуется для посадки.

— Элизабет, у меня осталась последняя брошь, что досталась от матери...

— Нет, это точно останется с вами до конца, и даже не спорьте. Мы придумаем что-то еще, — я перебила нашу матушку, которую сейчас все так и воспринимали — как маму.

— Мы можем подарить наши шали — таких у них нет, — предложила одна из сестер. — Они хоть и ношенные, но чем дольше носим, тем пушистее они становятся. У нас осталось немного шерсти, но мы не можем утащить ее с собой.

— Можно и так, а остатки шерсти все-же попробуем хоть немного забрать — нам понадобятся подушки. Думаю, пока мы не придумаем как зарабатывать, нам каждый клочок будет полезен. Подумайте еще раз, девушки. Нам год придется жить не пойми как!

— Мы пойдем, мы уже все решили. Видели, как наши шали понравились Массасойту и его женам? Мы отдадим свои, а на осень и зиму у нас есть теплые куртки, — вставила свои «пять копеек» Малышка Абигель. — Все, вопрос решен, давайте спать. Завтра у нас тяжелый день сборов.

Я была счастлива, что с нами идет Сквонто, потому что этой осенью он должен был умереть от болезни, а это значило, что мы его спасем. Я не верила в то, что Клер допустила искажения истории, или же я чего-то не знала.

— Так, путешественники, встаем, уже светает, — голос Малышки был сегодня утром громким. Меня она будила шепотом, но вчера ее назначили дежурным. — Я иду к губернатору, он обещал нам три мушкета, и пора напомнить ему об этом...

— Может вечером в темноте забрать оружие? — Клер вставала нехотя — привыкла спать до десяти часов — раньше было вставать просто незачем. Я подумала о том, что нам нужно увлечение, какая-то игра или еще что-то, что мы будем делать вечерами на новом месте. Осенью и зимой мы просто изнывали от скуки.

— Заберу в темноте, а сейчас прослежу, чтобы он поставил его туда, куда нужно, — она кряхтя дотянулась до кучки, которая оказалась чулками и фартуком, а венчал всю эту прелесть белый чепец. — Я благодарю Бога за то, что завтра я надену брюки, отрежу волосы и возьму в руки оружие. Я заслужила это.

— Да, Малышка, ты наша гордость. И я постараюсь не отходить от тебя далеко, потому что с тобой рядом точно можно выжить. Мы назначим тебя старшей по охране. Вспомни все эти штуки, которые надо сказать девушкам.

— Какие штуки? — она надевала чулок, остановилась и посмотрела на меня.

— Ну, что надо делать, чтобы не стереть ноги, чтобы не накусили муравьи, и про то, что надо говорить обо всем, что заметили, ну... тебе лучше знать эти вещи, которые полезны при жизни на дороге...

— У меня была таверна, и в ней была комната, а в ней кровать с периной из лебяжьего пуха... — она многозначительно посмотрела на меня и встала. — А те, кто не справлялся с работой на дороге — либо погибали, либо учились этому сами.

— Ладно, сама поговорю.

— А ты что, водила людей по лесам? Знаешь, как не стереть ноги?

— Вечером покажу как правильно завернуть тряпку на ногу...

— У нас чулки, Элиза, зачем нам тряпки?

— Чулок нам хватит ровно на неделю, ну, может на две.

— Я не поняла почему, но хорошо, поверю на слово — сиротке из приюта лучше знать, как выжить в лесу, — она крякнула и направилась к очагу, хлопая в ладоши, и подбадривая сонных сестер.

Весь день в этой суете я душой прощалась с этим местом. Оно держало своей кажущейся безопасностью, своей хоть и небольшой, но все же устроенностью, насыщенностью. Руки просились в уже оттаявшую землю, хотелось начать устраивать грядки, пора уже посадить зелень, пора собирать в лесу дикий чеснок и печь пироги, дух от которых разносился бы до мыса.

Но это было не наше место, здесь были чужие правила, и невозможно было перестать чувствовать здесь себя лишними, обязанными. Мне нравился план Клер, и я доверяла ей в таких делах, потому что она серьезно подходила к сбору данных, и никогда бы не тронулась с места, зная, что нет уверенности на 99 процентов, что это предприятие возможно.

Рюкзак каждой был килограмм семь, а может восемь, но мы должны были разложить семена из схрана, и тогда каждая понесет не меньше десяти килограмм. Если бы хорошие, профессиональные рюкзаки, я бы и вовсе не переживала. Маргрет пойдет на легке — ей оставили только скатку и сшитую наспех палатку, которую она варила в масле несколько раз, а потом несколько дней просушивала на солнце. На случай дождей нам необходимо было хоть какое — то укрытие.

— Вот, губернатор оставил оружие там, где договорились. Все, мы готовы выйти рано утром. Сестры, что останутся здесь, проводят нас до схрана, и заберут оставшееся из него, — голос Малышки как всегда неожиданно я услышала позади.

— Ну и хорошо, Абигель, надеюсь, мы справимся, — я повернулась к ней и увидела, что она хмурится. — Что случилось?

— Все хорошо, только вот смотрю на тебя, и кажется, что ты вообще не должна быть здесь. Ты как попугай среди ворон... Я не знаю, как объяснить тебе, Элиза, но я со своей жизнью и при тех делах, что делала, никогда не была такой уверенной.

— Не придумывай. Просто я немного бесстрашнее тебя. А ты умнее. Поэтому мы все должны быть вместе. Представь, у нас будет свой поселок, где нам не будут приказывать, не нужно будет жить по чужим правилам. Сквонто решил помогать потому что мы хотим жить так, как живут индейцы.

— Думаешь, не найдется желающих, чтобы нам насолить, или захватить наше?

— Будут, но к тому времени мы оперимся, и все станем попугаями. Через наше поселение будет проходить путь от французских колоний вглубь континента. К этому времени у нас будет форт, а до этого мы будем копошиться как муравьи — незаметно для всех.

— Надеюсь, ты знаешь, что делать, — она взяла меня под руку и повела в дом.

— Да, я знаю, Клер знает, Сквонто знает. Нас много, и мы в тельняшках, Малышка!

— В чем?

— В полосатых рубашках! — я засмеялась, но она так и хмурилась, не понимая, что я имею в виду.

Вышли мы рано утром, за пару часов до рассвета. Перед тем как выйти, пока девушки завтракали, я в густой темноте пробралась к дому, где его часть стала тюрьмой. Решетка на окнах была крепкой, но то, что она крепилась к доскам, делало конструкцию смешной. В одном из окон горел масляный светильник. На деревянном топчане спал солдат. Соседнее окно было темным. Я стояла далеко, и меня трудно было бы рассмотреть изнутри. Прощай, человек, который напомнил мне, что я женщина. Надеюсь, больше таких не будет.

Возле схрана мы быстро рассредоточились и развязали наши рюкзаки. В тканевые мешочки, которые поделили между собой, мы разложили семена кукурузы, выбрали самые мелкие клубни картофеля, и разделили так, чтобы нести рюкзаки было не тяжело, по крайней мере сразу.

Сквонто вез инструмент в небольшой тележке, похожей на ту, с которыми бабушки ходят на рынок. За неделю до похода мне пришла идея, и я рассказала о ней Сквонто. Он так умело работал с деревом, что смастерить маленькие колесики оказалось для него ерундой. Я сделала тряпичную спинку и ляжки, чтобы ее можно было нести на плечах там, где везти невозможно.

Малышка, Малкольм и Сквонто несли мушкеты. Те, кто хорошо стрелял, приторочили к рюкзакам луки и стрелы. Я, Малышка и Клер коротко остригли волосы и надели мужские вещи. Женские документы мы спрятали. Сейчас меня звали Джеймс Уилберт, мне было двадцать, как и Элизабет, скорее всего, я не был женат, и у меня не было детей. Я был моряком, и умер во время болезни. Джеймсу придется побыть живым несколько месяцев, а потом у него будет еще одна миссия, после которой его имя уйдет из истории, и его родственники так и не узнают, что умер он годом раньше.

Весна проникала во всё: лес пронизывали солнечные лучи, земля, нагретая за день, начинала парить, как только садилось солнце, запахи становились живыми, наполняя мир объемом, птицы с самого рассвета занимались свистом. Особенно хорошо это стало заметно через неделю пути, когда долина сменилась гористой местностью. Поднимаясь на взгорья вокруг открывался прекрасный вид.

Вчера весь день шел дождь, и, если первую половину дня, стараясь идти под деревьями, мы оставались хоть немного сухими, то после обеда дождь зарядил, превратился в пелену, затянувшую даже горизонт. Мы решили ставить палатку и переждать этот дождь, иначе, к вечеру все промокли бы настолько, что спать в этой одежде станет невозможным, и просушить ее не получится.

Сквонто и Малкольм рубили лапник, мы быстро переносили его к месту, где планировали сделать навес. Несколько молодых сосен заострили с одной стороны топором и вбили в землю. Внутрь, на верх и по бокам уложили лапник, сверху накрыли паромасляной тряпкой. Перенесли туда весь наш походный багаж, разложили скатки и разожгли большой костер недалеко от входа.

— Целый день коту под хвост, — стенала Маргрет, которая на третий день так устала, что нам пришлось замедлить шаг. После пятого дня пути у нее открылось «второе дыхание», и дорога стала веселее — мы начали проходить не меньше минимума, который и планировали в самом начале. Маргрет становилась другой — меньше придавала значения молитве, а больше — дороге, экономии сил. Говорить она стала проще и больше не вздрагивала от редких скабрёзных шуток Малышки и Барбары.

— Ничего, Маргрет, сегодня отдохнем, а как только закончится дождь, мы все наверстаем. У вас отлично получается, и мы даже не задерживаемся. Сейчас мы придумаем какую-нибудь игру, и поиграем до темноты. Спать ляжем как стемнеет, а рано утром, если не будет сыро, выйдем быстрым шагом.

— У нас нет ни карт, ни костей, во что здесь играть? — пробубнила Малышка.

— Пока закипает вода в котелках, я могу рассказать вам сказку, что придумала недавно, — решила рискнуть я и продолжила шепотом: — В одном городе жил мальчик, обычный мальчик, просто родители его умерли, и жил он у приемных. Звали его Гарри Поттер...

— Джоан хлеба лишаешь, Элиза... — тихо прервала меня Клер.

— У нее голова большая — еще придумает. Там столько серий! Нам идти еще хрен знает сколько, так что, слушай, и не перебивай, — огрызнулась я на Клер.

Два дня шел дождь, и я прокляла Гарри вместе со всей его академией, потому что стерла язык, красочно описывая все, что происходило с мальчиком, наделенным магией. Когда я начинала засыпать, меня тыкали в бок и просили продолжать. Даже Сквонто слушал, открыв рот.

— Ура, дождь закончился, — я крикнула так, что птицы шумно вспорхнули с деревьев, эхо раздавалось в горах очень долго.

— Элиза, я больше не могу тебя слушать. Скажи, что у тебя болит язык, потому что Гарри в твоей интерпретации — это неуважение к литературе, — из шалаша, шикая на меня выползла Клер. — Все, при мне больше никакого плагиата, поняла?

— Поняла, только вот автор еще не родился, а значит, авторство книги мое, и даже не думай спорить. А рассказы да, надо пока прекратить. Идем собирать валежник. Нужно быстро сварить кашу и выходить, — я дернула ее за собой в кусты.

Наша команда охотно выдвинулась как только стало светло. После дождей было влажно — туман никак не хотел рассеиваться, но дышалось легко. К обеду солнце пробилось сквозь рассеивающийся туман. Сырость принесла и свои минусы, которые начали проявляться.

— Малкольм, почему ты хромаешь? — я догнала парнишку и спросила тихо, чтобы не волновать Маргрет, потому что та, если что-то касалось Малкольма, бросала все дела и кружила во круг него как наседка.

— Ногу натер наверно. Макасины промокли по сырой траве, а чулок дырявый.

— Давай немного отстанем. — я сняла рюкзак, достала заранее разорванные на портянки крепкие тряпки. — Запоминай как правильно нужно намотать. Иначе, к вечеру ты будешь не ходок, да и потом еще пару дней.

Я накрутила тряпки ему на ноги, надела мокасины, и он попробовал шагать. Улыбнулся и удовлетворенно сложил губы. Без чулок, которые мы сложили в рюкзак он выглядел смешно — короткие бриджи не прикрывали голень, и кожа была настолько белой, что чуть отдавала голубизной.

Когда мы поторопились нагнать нашу группу, они уже заметили наше отсутствие и ждали с нетерпением, а Маргрет направилась в нашу сторону..

— А сегодня будет продолжение про Гарри — волшебника? — начал было Малкольм, но Клер не дала шансов, сразу ответив, что до момента, пока она не будет этого слышать, сказка запрещена. Малышка многозначительно сложила губы, покачала головой и махнула всем рукой, давая понять, что пора идти.

На очередном привале я нашла молодую сосну, в диаметре ее ствол был не больше пяти сантиметров. Заставила Малкольма напилить кругляшей, а порывшись в сумке нашла отрезки для портянок, и два отдала сестрам, разметив тоненько углем деления. Они черными нитками быстро прошили по наметкам, и мы получили шахматное поле для дикарей.

К ночи у нас были шашки. Мы не знали — были ли уже эта игра, но никто не знал ее до того, как показали мы. Сквонто слегка затер половину кругляшей угольками, чтобы поделить их на черные и белые. Оторвались от игры лишь когда поняли, что скоро светает. Спали мало, и следующий день дался тяжелее.

Аппалачи настолько красивы, что от эмоций перехватывало горло, как только мы добирались до очередного взгорья. Было мало территорий с плато, и чаще всего мы либо поднимались вверх, либо спускались. Глазу не сильно были заметны эти подъемы, но за час пути мы стали уставать заметно сильнее.

Тележка Сквонто пользовалась успехом, потому что сверху, на инструменты, что вез Сквонто можно было положить рюкзак, и девушки начали делать это поочередно, и та, чьи плечи освобождались, брала рюкзак Маргрет, а ее саму под руку. И мы прибавили шаг. Малкольм часто забегал вперед, а Сквонто в некоторых местах замирал и поднимал руку. Мы знали, что в этот момент нужно просто остановиться и замереть. Он прислушивался, а потом неслышно ступая уходил вперед. В эти моменты мы стояли как вкопанные, боясь громко дышать.

— Хуоа! — звучало вдали как выдох, это значило, что все в порядке, и можно идти за ним.

Когда закончился апрель, мы обрадовались теплым ночам, пришедшим с первыми

днями мая, но днем на вершинах, где было мало деревьев становилось жарко, и теперь девушки отказывались от своих теплых шерстяных платьев.

Во время остановок я разрезала для двоих девушек юбки, чуть выше колена спереди и сзади. Они зашили их на манер штанов — шаровар, которые можно было заправить в мокасины. Через пару дней так сделали все, кто оставался еще верен юбкам — женщины менялись не в угоду Богу или моде, а в угоду разуму и личному комфорту. Как же я мечтала, что наш форт долго не найдут европейцы, мечтала, что женщины в этих условиях изменятся, немного раскрепостятся и поверят в свои личные силы, начнут ценить свою свободу.

Вдали, на вершинах гор таяли снега, как таяли мои амбиции вместе с азартом, который наполнял всю мою голову в начале планирования похода. Угнетало однообразие дороги: лес, подъем, спуск, ночевка возле костра, подъем в сыром тумане, ожидание солнца, которое просушит волглую одежду, а потом ожидание вечера, чтобы солнце не пекло так сильно.

Клер начинала «сдуваться». Я знала, что у нее очень короткий запал, и если ожидание результата длится больше двух ее циклов, процесс пути к цели становится ей не мил. Она шла как на каторгу, тащила ноги, не оглядываясь, не участвуя в беседах.

Начинало темнеть, и нам пора было выбрать место для ночевки, но Сквонто настоял, чтобы мы поднялись на вершину, а не оставались ночевать в месте остановки. Все нехотя поплелись дальше в гору. Я переживала, что к вершине мы придем уже в темноте, и костер начнем разжигать уже затемно.

— У Бога прекрасное чувство юмора, тебе не кажется, Клер? — я догнала подругу, и даже не надеялась услышать от нее ответ — такой слабой она казалась, но я не сдавалась, и продолжила: — Особенно в этих диких землях...

— А что ему еще здесь делать, ведь вокруг только лес и лес... А, нет, смотри, там домик! Домик, домик, там, смотрите, справа, в кустах, с крышей, со стенами! Домик, — она кричала как будто увидела не сарай из веток, а пятизвездочную гостиницу посреди этого дикого места.

— Ш-ш-ш, — быстро успокоил всех Сквонто привычным уже жестом с поднятой рукой.

Следом за Сквонто, как только он позволил, мы пошли к хижине. Она была сложена из веток, скреплена веревками, тонкими ветками, что уже начали распадаться. Покрытая сверху лапником, но иголки на ветках уже начали осыпаться, и скрыться от дождя здесь было нельзя. Судя по размерам, здесь могли остановиться человек десять.

Возле «домика» было костровище, и судя по количеству углей, люди останавливались на долго. Стены внутри пытались так же, заложить лапником, видимо, спасались от ветра, потому что внутри «помещение» было похоже на гнездо.

— Это не индейцы, — внимательно оглядываясь нарушил тишину Сквонто. — Это точно строили не индейцы. Строили зимой, строили наспех.

— Может быть это те мужчины, что ушли из поселения, украв запасы? — предположила Маргрет, быстро перекрестившись.

— Нет, когда губернатор рассказал нам, мы проследили их путь — они пошли на юг и держались побережья. Плохо, что он не послал за нами в тот же миг, как обнаружили их уход. Снег скрыл все следы. Дальше суток мы потеряли следы. Возможно, они делали плот и спускались по реке. Бернард, что вернулся вместе с Джимом ничего не ответили на вопросы губернатора, только твердили, что все погибли.

После слов о Бернарде я опустила глаза и боялась выдать свою заинтересованность. А мы и не знали, что индейцы пытались их найти, не знали, что вернувшиеся скрывают свою историю побега.

— Мы не знали, что их искали, — я не могла закрыть эту тему, но задавать вопросы прямо тоже боялась, поэтому пыталась юлить, выдавая свою заинтересованность за простое бабское любопытство.

— Губернатор боялся, что они просто замерзнут в лесу, или попадутся индейцам, — без продолжения ответил Сквонто и принялся развязывать свою тележку с инструментами.

Значит, губернатор хотел найти их не для того, чтобы наказать, а чтобы защитить их, чтобы спасти от неминуемой смерти. Он слишком хороший человек, чтобы жить в этой дикой природе. А может наоборот, таким людям нужно жить как можно дальше от цивилизации. Как индейцы. Но цивилизация сама приходит, и сама разрушает то, что веками берегли труднодоступные земли.

Мы разожгли костер, перенесли вещи в избушку и приготовили ужин — Сквонто с Пэвэти принесли двух тетерок. Птицы весной не такие большие, как осенью, но ужин получился на славу. Сквонто ждал рек, потому что сейчас приходила пора охоты на бобров, которые приступали к ремонту своих запруд. Он сказал, что весной мясо бобра очень полезно. Мы не спорили, и готовы были съесть что попало после сложного дня в пути.

— Там это, это, Боже, помоги нам, спаси нас, — кричала за хижинной Маргрет, и мы, побросав все дела кинулись на ее голос. Было уже темно, но бегущие навстречу нам женщины с факелом успокоили хотя бы тем, что были целы, и за ними не гнался медведь. Малышка и Малкольм оказались быстрыми на реакцию, и оказались в первых рядах с мушкетами. Сквонто поднял лук. Круглыми как плоски глазами на нас пялились женщины, открывая и закрывая рот.

— Что? — быстро и четко спросил Сквонто.

— Там, там, — икала Маргрет. — там покойники, мертвецы, люди, но уже мертвые, —

она указывала за свою спину, и шагала к нам, боясь оглянуться.

— Малкольм, бери факел, — спокойно сказал Сквонто и мотнул головой на нас: — а вы идите, готовьте ужин.

— Я сегодня не смогу есть, — дрожащим голосом говорила Маргрет, мелкими шажками передвигаясь в сторону избушки, повиснув на руке одной из девушек. Голова у нее тряслась, глаза не могли сфокусироваться на чем-то одном. Я подтолкнула к ним говорливую Барбару и шепнула, чтобы напоила ее горячим бульоном.

Мы с Малышкой шли за спинами Сквонто и Малкольма. Я прихватила еще один факел — горящую головешку, и светила ею по сторонам. Малышка шла спиной ко всем, осматривая лес, хотя, там можно было выколоть глаз — было темно как в кувшине с пробкой.

Сквонто остановился, Малкольм освещал теперь землю, и между их спинами я увидела беспорядочно разбросанные кости, часть тела с остатками плоти и одежды. Голова закружилась, но я тут же глубоко вдохнула. Хорошо, что ветерок тянул не в нашу сторону, иначе, запах должен быть уже просто «бодрящим».

— Медведь. Их убил медведь. Они нашли его место спячки, — Сквонто поднял с земли два мушкета. — Малкольм, посмотри вон там, — он махнул дальше, в сторону леса.

— Почему медведь не доел их? — я подошла ближе и светила своей палкой, которую приходилось держать огнем книзу, чтобы он не гас.

— Он еще придет, Элиза. Одного он задрал сразу, второй умер позже, и его он оставил «дойти», — Сквонто говорил об этом как будто о методе свежевания бобра. Для него смерть не была чем-то ужасным и неожиданным. Он прекрасно понимал, что она так же логична, как и жизнь. Но нам еще до этого было далеко.

— Что значит «дойти»? — я спросила скорее, чтобы поддержать беседу, чтобы не было этой гнетущей тишины и треска веток в лесу там, где сейчас шарился на земле с факелом Малкольм.

— Медведи не едят свежее мясо. Они прикапывают его, и оставляют на несколько дней, или недель, и потом приходят, чтобы его есть. Так оно кажется им вкуснее, — индеец продолжал шокировать меня своим спокойствием, улыбкой.

— Ферментация. Они ждут, когда это все разложится, потому что у них нет ферментов для переваривания белка... — я высказалась автоматом, посмотрела на Сквонто, и он сделал вид, что ничего не слышал.

— Нашел, Сквонто, я нашел, — Малкольм вышел к нам, и оповестил веселым совершенно голосом о находке ножа. — Как ты знал, что он там есть?

— Вот ножны, — он поднял с земли крепкий, хоть и в налипшей листве и глине, а может это и не глина, кожаный футляр. — Заберем с собой. Это память об этих людях. Пусть она живет.

Рано утром Сквонто и Малкольм вырыли могилу, собрали все останки, сложили в нее, закопали. Маргрет из двух ровных палочек, что отпилила сама от ствола молодой сосны, соорудила крест, связав их между собой веревкой.

Мы постояли, пока она читала молитву, повторяя за ней слова, в которых было больше отчаяния, нежели надежды. Я стала замечать за собой, что постоянно оглядываюсь, что прислушиваюсь к шорохам и треску веток в лесу — я узнала, что такое страх перед обстоятельствами, которые от тебя не зависят.

Жалея, что не каждая ночевка будет в относительно безопасном месте как это, мы двинулись в путь. Мы молчали всю ночь, и теперь я понимала, что такие вещи, как смерть, в

этой жизни так же просты, как пение птиц, завывание ветра, как встречающиеся нам ручьи. Нельзя бояться, нельзя отказываться от своих идей и планов, нельзя подводить столько людей, что доверились нам.

Сквонто останавливался все чаще, прислушивался, и не объясняя, давал понять, что нужно идти левее или правее. Я не понимала зачем мы делаем такие «крюки».

— Малкольм, ты не знаешь, зачем мы обходим некоторые участки? — шепотом спросила я нашего рыжего спутника.

— Сквонто велел молчать, но ты же не трусишь как остальные, правильно? — заговорщеским шепотом ответил он.

— Конечно нет. Ты знаешь, что я кремень! — бодро и уверенно успокоила я парня, который явно уже готов был растрепать мне тайну.

— Мы обходим медведей, Элиза, Сквонто слышит их, а иногда до него доносится их запах. Он предупредил меня, что в такие моменты я должен держать оружие наготове. Малышка тоже в курсе, — он рассказал секрет, который лучше бы я не знала. Теперь я смотрела на все серьезнее, и может это и хорошо.

Мы проходили не меньше пятнадцати километров в день, и ждали, когда начнутся равнины. Однотипный пейзаж, что приводил в восторг первые недели, теперь начал угнетать. Мы не видели конца этому путешествию. Ближе к концу месяца в дороге сумки стали почти пустыми. Запасы еды закончились, и теперь мы питались только тем, что собирали и добывали: первые грибы, тощие зайцы, куропатки, олень был только раз, да и то, Сквонто переживал, что мы не съедим его несколько дней, а так делать нельзя — мы вызовем гнев Духов.

Оленя мы освежевали бодро, плотно поужинали, а остальное перевалили в соли, и разложили по тряпичным мешкам и рюкзакам. Мясо было кстати, потому что мышцы требовали белка.

В один из дней нам пришлось остановиться на ночевку днем, потому что Сквонто обнаружил небольшой еще дикий улей. Нужно было дождаться ночи, чтобы снять его с дерева. Он был уверен, что это реально, а я даже не притронулась бы к жужжащему дуплу. Но как только он заговорил о меде, рот наполнился слюной. Глюкоза сейчас была просто необходима. Я вспоминала какой был эффект от колы, когда мы путешествовали по горам Кавказа, как быстро появлялись силы и энергия, когда мозг насыщался сахарком.

Днем мы собирали первую майскую клубнику на пригорках, травы, которые показывали Сквонто, чтобы он одобрил их для чая, в небольшом ручье стирали вещи. Солнечный день, оказавшийся для нас вдруг выходным, был приятен каждой. Я перебрала все семена, что мы несли — картошка сильно проросла, и нужно было стараться не сломать росты — так она быстрее взойдет и даст урожай.

Мясо, что мы засолили в дороге, кормило нас несколько дней, и мы от части радовались, что оно закончилось, и рюкзаки вновь стали легкими, но было немного страшно остаться голодными. Сквонто на мой страх отвечал всегда одним: — «Земля и лес не оставят нас голодными».

Собрав навес, мы дожидались темноты и мое любопытство зашкаливало. Как же он собирается отгонять пчел? И почему именно ночью?

Как только опустилась ночь, Сквонто накидал дров и без того большой костер, рядом уложил ветки с листьями, взял кожаный мешок, что легко несла всю дорогу за спиной Пэвэти, вытряхнул из него все ее вещи и ушел в лес, показав нам, что за ним ходить не стоит. Пчел, похоже, боялись все, кроме Пэвэти, что спокойно продолжала зашивать мокасины, напева песенку себе под нос.

Сквонто пришел через пол часа с пустыми руками, положил ветки листьями в огонь, и как только они «схватились» огнем, взял их и снова ушел в темноту. Вернулся он со слабо жужжащим мешком, который поставил возле костра.

— Там пчелы? — осторожно попятившись дальше от костра спросила я.

— Нет, пчелы остались в лесу. Ночью они спят, но если принести к ним дым, они слетают со своего места. Если бы мы были недалеко от нужного нам места, это гнездо можно было бы просто перенести в лес ближе к дому, и ночами приходить к ним за медом, но в этот раз мы лишили их своего гнезда, — он говорил так грустно, будто речь шла о людях.

— Но так что-то жужжит, — указала на мешок Маргрет.

— Как только вы уйдете спать, я еще окурю их дымом. Там остались самые бесстрашные или самые ленивые, — он наконец улыбнулся.

Спала я отлично, и мысль отведать утром сладкое лакомство позволила заснуть счастливой. Мне снилась бургерная, молочный коктейль с мороженым, картошка фри, запах которой был таким реальным, что, проснувшись, обнаружила щеку и локоть под ней мокрыми.

Утро было туманным. Сквонто спал у костра, прижавшись спиной к дереву. Он не услышал моей возни потому что пол в шалаше был выстлан нашими скатками с шерстью, но как только я сделала шаг по земле, он открыл глаза и повернул голову.

— Прости, что разбудила тебя, — я скорчила виноватую рожицу и начала натягивать мокасины.

— Пора выходить. Обедать будем в дороге, а сейчас просто попьем отвар, — он встал, покрутил торсом, чтобы размяться, пошевелил дрова в костре и поставил котелок на угли.

— Почему ты пошел с нами?

— Потому что вы знаете то, о чем не знаю я, а это всегда привлекает меня.

— Мы знаем только то, что есть великолепное озеро, которое связано с океаном реками

и озерами...

— Вы знаете, что есть место между горами и озером, а для каждого индейца подобные места имеют свое значение. Великие горы охраняют земли от воздуха с океана, в таких местах могут жить духи...

— Злые духи?

— Духи становятся злыми только тогда, когда их злят, — он снял с угляй котелок, положил туда травы, что собрал вчера сам, и отставил его в сторону.

Пока мы собирались, складывали свои вещи, умывались у ручья и посещали «туалет», отвар остыл. Сквонто добавил в него мед, перемешал и пригласил нас выпить по кружке. Это было нечто волшебное. Все девушки улыбались и делились впечатлениями. Маргрет заявила, что сегодня пойдет быстрее всех, и чтобы ее чуть задержать, Сквонто придется передать ей тележку.

Дорога и вправду, сегодня была легкой — сил и азарта было достаточно. В кожаном бурдюке у Сквонто был еще отвар с медом, что он чуть развел водой, и каждые два часа он останавливался, доставал кружку, и наливал нам по глотку, разбавляя оставшееся чистой водой, и добавляя еще меда.

Горы пошли на убыль, и мы почувствовали, что подъемов больше нет, и почти постоянно шагаем вниз. Наши короткие прически «обвалялись», и мы снова стали женственными — об этом говорило только отражение в ручьях, так как зеркальце Клер затерялось то ли среди вещей, то ли было оставлено в месте нашей ночевки.

Мы прошли больше тридцати дней, и я замечала, как Клер волнуется, понимая, что могла ошибиться — она всматривалась вдаль в надежде увидеть широкое русло реки, вдоль которого мы должны были дойти до озера. Сквонто был спокоен как всегда — его умиротворенность передавалась нам всю дорогу, все же, спокойный мужчина в компании — прекрасное успокоительное для женщин.

На сороковой день нашего пути с самого утра началась жара, и я заметила, как наш индеец оглядывается на небо. Я тоже понимала, что вот такая погода с отсутствием даже небольшого ветерка вкупе с жарящим солнцем говорило только об одном — скоро нас ждет гроза, и нужно срочно искать укрытие.

Мы прибавили шаг, Сквонто и Малкольм ушли вперед, а Пэвэти, даже не согласовывая своих действий со Сквонто, пошла позади нас. Они были отличной командой, говорившей на языке глаз и ситуаций.

После обеда с востока потянуло приятным ветерком, на небо, как огромное серое одеяло напозла огромная туча, что закрывала небо с северо-востока. На пути, в низине нам махал руками Малкольм, показывая, что нужно свернуть, и тут Клер закричала:

— Там вода, там блестит вода! Это точно то, что нам нужно! — она подпрыгивала на месте и кружилась. — Посмотрите, там, там, — указывала она на Запад.

Я с трудом рассмотрела то, о чем она восторженно пела, и это точно было озером или рекой, кусок которой было видно сквозь деревья. Я выдохнула, посмотрев на нее. Она подбежала и обняла меня:

— Вот видишь, как хорошо, что я не ошиблась, как я рада, Элиза, она плакала, уткнувшись мне в шею. Я махнула сестрам, чтобы они шли за Малкольмом.

— А никто не сомневался, детка, ты же видишь, сколько людей верили тебе. Ты не можешь наврать, потому что понимаешь всю ответственность за происходящее, — я шептала ей, и радовалась, что наконец ее страх отступит, наконец, она сможет спокойно идти вперед,

увидев цель, удостоверившись, что она не ошиблась.

Сквонто быстро рубил лапник, девушки переносили его к шалашу, а Малкольм крепил его к остову, что он уже поставил под тремя соснами, закрепив его прямо к стволам. Наш промасленный навес необходимо было на этот раз привязать серьезнее, потому что уже сейчас было понятно какой силы будет гроза.

Ветер налетал порывами, и вдруг снова прекращался, будто перед нами появлялась стена, что останавливала его. Первые капли дождя упали вместе с молнией и сотрясшим землю громом. Сестры упали на колени и принялись читать молитву — одну и ту же, слово в слово, не сговариваясь.

В последние дни я только было начала думать о том, что люди, когда понимают реальную ответственность за свою жизнь, начинают больше верить в себя, в людей, что находятся рядом, в сильные руки и умные головы. Но эта картина дала мне понять, что я заблуждаюсь — их вера нечто привычное, что-то особенное, что дает надежду после всего, что они смогли сделать руками. Это как дополнительная степень защиты.

Гроза и ветер безумствовали несколько часов, а потом пришел ливень. Мы уже думали, что он проходит стороной, но нас накрыло с такой силой, что изо всех щелей и слева и справа, и с крыши, на нас просто лились реки воды. Скатки мы уложили в сумки, и сидели на лапнике, боясь даже представить, что будет, если дождь продлится весь день. Но он закончился резко — в одну секунду просто выключился, и только с крон деревьев еще продолжало лить на нашу насквозь мокрую крышу.

— Идем, нам нужно продвинуться еще, и тогда, через пару дней мы достигнем той реки, о которой говорила Клер. Нам нужна рыба и вода, — коротко и сухо сказал Сквонто, и начал отвязывать мокрое полотно с крыши.

Солнце вышло минут через пятнадцать после того, как закончился дождь. Мы переоделись в сухое, повесив мокрую одежду на рюкзаки, а тряпку, выполнявшую роль крыши несли двое за углы — надеялись, что если она не просохнет, то вода с нее скатится.

Теперь реку видели все, и надежда, с которой мы выходили из Нового Плимута, которую растеряли по дороге, снова вернулась к нам. Теперь снова было много улыбок, много шуток и смеха. Через день мы достигнем реки, так сказал Сквонто.

— Я уверена, что мы пришли туда, куда нужно, и если все пойдет хорошо, нам останется пройти не больше пары дней до места, — с воодушевлением говорила Клер, встав перед рекой, которую точно невозможно было пройти и не заметить.

На пути была одна полноводная река, вдоль которой нам пришлось идти весь день, чтобы найти место с бродом. Переходили мы ее не меньше пары часов, потому что Сквонто и Малкольму приходилось провожать некоторых девушек держа с обеих сторон, иначе они просто боялись идти.

— Клер, даже здесь уже очень хорошо, и здесь прекрасная земля, много леса, — я осматривалась, и мне очень нравилось.

— Мы должны идти, если хотим как можно быстрее прийти к нужному месту, — прервал нас Сквонто. — Вечером остановимся на ночлег, а мы с Малкольмом будем смотреть запруды — хорошо бы подстрелить бобров.

Мы шли вдоль речки до позднего вечера — Сквонто все не останавливался и не останавливался. Берег то становился крутым, и от него приходилось отходить ближе к лесу, то поворачивал, и вдоль него тянулся отличный пляж. Мы не упускали возможности попить чистой воды, а когда к реке тянулся галечный проход — разувались, и брели по воде, давая ногам приятную прохладу. Вода еще была холодной, чтобы купаться, а вот ходить по кромке воды было неописуемо хорошо.

Место для лагеря Сквонто выбрал, когда солнце уже опустилось за горизонт. Погода позволяла ночевать на легке — под простым укрытием. Лес был в трехстах метрах от воды, и мы разместились на его окраине. Вода кроме удобства несла и опасность — мы были как на ладони с о стороны реки, когда вода ночью была укрыта плотной, словно плюш темнотой. К воде мог выйти медведь, волки, с воды могли сойти индейцы.

Мы надевали на ночь наши куртки, и одеяла вовсе не требовались. Два костра и расположенные между них матрасы походили на скаутский лагерь. Дежурили ночами Сквонто, Малкольм, Малышка и я. Малышка со своей бессонницей по утрам была спасением для всех.

— Утром, еще до рассвета мы проверим одно место, и обязательно принесем мясо — нужно набраться сил и быстрее достигнуть места, о котором говорила Клер, — Сквонто, как всегда, накинул меховое покрывало, похожее на большой воротник, прижался к стволу дерева, и заснул. Он никогда не ужинал, и после обеда мог позволить себе лишь отвар или ягоды. Мы с Клер отметили эту его диету, и решили, что разговоры о том, что есть после шести нельзя — вполне могут иметь под собой хорошую основу.

Малкольм остался дежурить. Мне тоже не спалось, и я уселась рядом с ним. Было очень некомфортно на открытой территории, но так я и заснула, сидя у дерева, и когда Малышка меня разбудила — было совсем светло. Сквонто еще не вернулся, Пэвэти, как всегда, самостоятельно поддерживала костер, указывала девушкам как разместить котлы.

— Пэвэти, мяса ведь еще нет, может и не стоит ставить котел? — я думала она уловит шуточное настроение в моем голосе, но она смешно свела брови и ответила:

— Если Сквонто пошел за мясом, значит, он принесет мясо!

— Да, Элиза, тебе не понять, — Клер склонилась над моим ухом, — Если твой Серёга уходил за мясом, то приносил, обычно, пиво, — она хохотнула и отбежала от меня.

Рот наполнился слюной, как только она произнесла слово «пиво». В сегодняшней жаре вечером пиво было бы очень кстати. На корабле пивом называли эль. Это была густая, крепкая жидкость, часто — темного цвета, и казалось, что им можно даже наестся.

Сквонто и Малкольм шли рядом, и мальчишка внимательно слушал своего учителя, с которым ему повезло провести столько времени, научиться стольким вещам. Двух бобров они освеживали друг за другом, и быстро разрубив топором на куски, бросили в котел с кипящей водой. Все, что оставалось от животного, Сквонто аккуратно и с уважением хоронил под камнями, смотрел на кучку, о чем-то думал, потом улыбался, словно получил прощение, и уходил с видом, будто ничего не происходило пару минут назад, и он не стоял на коленях с повинной головой.

Река становилась все шире и шире, а на третий день дороги против течения мы поняли сразу, что это именно то самое место, о котором говорила нам Клер. Озеро, у которого не видно другого берега, солнце, встающее из-за гор весь день ласково греет большую долину между горами и водой, лес, который не нуждался во влаге, не был исковеркан ветрами.

— Здесь могут жить только светлые духи, — Сквонто завороченно осматривался, потом отставил свою тележку, с которой, похоже, сросся за эти почти полтора месяца, сбросил с плеча мешок и направился к воде.

— Вот поэтому и мы тоже будем жить здесь, — с улыбкой продолжила Клер и сбросила на землю рюкзак. — Элиза, это то самое озеро Шамплейн...

— Но теперь, я понимаю, у него будет другое название, правильно? — я с интересом спросила, и смотрела на реакцию Клер.

— Я пока не знаю, да и сам господин Шамплейн придет сюда много позже, но теперь, может и вовсе не прийти, потому что мы уже меняем ход истории. Возможно, нам стоит просто жить, и не давать никаких названий чему-то, — задумчиво прошептала мне Клер.

— Мы пришли, это то самое место? — одна за другой, не веря в то, что дошли, начали обеспокоенно спрашивать девушки.

— Да, здесь будет наш город! — громко кричала Клер, забегая в воду прямо в одежде, — Теперь это наш дом!

Девушки падали на колени вслед за сестрой Маргрет, что начинала свою благодарственную речь в сторону Бога, который «дал нам землю, солнце и воду, сберег в дороге, не дал очерстветь нашим сердцам...»

Мы купались в прохладной еще воде, но стоячая возле берега вода была много теплее речной. Достав мыло, мы терли одежду друг друга прямо на телах, отмывали лица, несколько раз намыливали и ополаскивали голову. Понимание того, что завтра рано утром не нужно собираться в дорогу радовало больше всего остального.

Сквонто и Малкольм ушли на охоту, а мы переоделись в сухую, пахнущую дымом одежду, и принялись осматриваться — выбирать место для первого дома. Я осматривала поляну, ковыряла лопатой — в первую очередь нужно было посадить наши семена.

Первый олень и первая рыба, которых принесли к навесу, что мы организовали Сквонто и Пэвэти, тут же были разделаны и укреплены над углями. Мы готовились отмечать свой личный праздник — день основания нашего городка, и только Сквонто осматривался по сторонам каждые несколько минут, пока я не поймала его взгляд и не подняла брови с вопросом:

— Мы кого-то ждем, или стоит бояться? — я шептала, чтобы сестры снова не поддались страхам, и не начали молиться вместо дел.

— Они придут, Элизабет. Только, я надеюсь, что они придут днем, а не ночью. Приготовьте ваши шали, а ты, Малкольм принеси тот нож, что мы нашли возле хижины. Он станет хорошим подарком — даже вождь оценит его, — без эмоций ответил Сквонто и продолжил резать оставшееся мясо на куски, которые нужно было засолить.

Я увидела, что соли у нас не так уж и много, мешок, что мы брали с собой израсходовали бездумно — солили мясо и рыбу, а потом вымывали из них соль прямо в реке. Я смотрела как Сквонто берет совсем немного соли, переваливает кусочек в этой соли, что у него в руке, и берет следующий. Мы же горстями сыпали в полотняные мешки. Кроме соли он мял травы и добавлял их к мясу.

— Рыба ловить каждый день, не солить, — сняла с огня двух рыбин Пэвэти и принесла к столу, что мы пока расстелили на полу.

Нужно было ужинать и готовиться ко сну, потому что завтрашнее утро было первым, когда все возьмутся за инструмент. А поскольку его было мало, придется перенимать его из рук в руки, и настроить работу так, чтобы все были при деле.

— Мне нужен топор, иначе я неделю буду ножом срезать эти ветки, раздавалось с одной стороны.

— Этой штукой я не выкопаю яму, мне нужна лопата, — раздавалось, с другой стороны.

— Арфы нет, возьмите бубен, — ответила я Барбаре, которая пыталась отобрать у меня лопату, которую я с самого утра держала в руках, боясь отойти от нее. Мне нужно начинать организовывать первые грядки, иначе, все, что мы несли, придется выкинуть, и голодать зимой.

Я замочила семена тыквы и кукурузы, немного смочила картошку, что уже проросла, и ее придется порезать пополам, чтобы семян и урожая было побольше. Тыкву мы посадим всю, хоть у меня и было около полкилограмма этих семечек, пусть она здесь «затянет» всю долину, но в случае неурожая или недостатка картошки, тыква прокормит наш лагерь.

Клер не отходила от Сквонто, предлагая какие-то варианты, но он долго смотрел по сторонам, на землю, на воду, и говорил что-то. Думаю, она хотела дом у самого озера, а он показывал, что весной, пока река, которая исходит из него, стоит во льдах, начинает разливаться, и берег, на котором сейчас мы установили навес с кухней, находится под водой.

Меня устраивало совершенно все: то, что можно было ходить в брюках и рубашке, мои короткие волосы, что начали закрывать уши, то, что можно было ходить босиком, а потом плавать в озере, где ноги отмывались сами и быстро. А еще, мне нравилась эта первозданная тишина, что обволакивала нас, как только замолкал инструмент. Крики птиц, плеск рыбы в озере, редкий рев оленей, раскаты грома и шум дождя — это все, что природа дарила нашим ушам.

Начало строительства жилища мы обозначили выбором пяти сосен, которые должны были стать углами нашего. Из них же мы планировали сделать что-то вроде бруса для перекладин. Пилить доски одной пилой — бред, но, скорее всего, первое время именно это нам и грозило. Мы с Барбарой приставили себя к огороду, который нужно было засеять срочно. Копали по очереди, давая друг другу час отдыха, но в этот час мы тоже не сидели — Сквонто нужна была помощь со спиленными деревьями.

Для дома выбрали место в двухстах метрах от озера. Здесь было высоко, отсутствовали деревья, за домом мы запланировали небольшой огород, но он будет только через год, чтобы не мешать строительству, а чуть дальше вели «раскопки» под нынешний. Договорились, что окна будут на запад и восток. Печь с северной стороны. Мы мечтательно рисовали на песке план нашего дома, каждый вечер обсуждали все детали — смаковали нашу мечту и засыпали счастливыми.

Через неделю огороды были засеяны, и мы обратили внимание на ручей, что протекал к озеру чуть выше нашего. Здесь тоже нужно было подвести воду для полива — лучше один раз прокопать канаву, чем все лето бегать с ведром за двести метров. Мы наметили русло, и этим занялись сестры по очереди. Девушки загорели, заметно повеселели с того момента, как это место начало обживаться.

Пэвэти ежедневно приносила рыбу, которую ловила стрелой, привязанной к длинному древку. Никто из нас не смог так терпеливо стоять в воде и так метко втыкать копье, как это делала она. Она складывала рыбу в заплечную сумку и пока не набиралось пять рыбин, не выходила из воды. Девушка была настолько близка с природой, что все ее движения казались продолжением воды.

Сквонто показал травы, что можно собирать и сушить — во всю цвело разнотравье. Самые слабенькие сестры были назначены на сбор трав. Несколько пчелиных гнезд он перенес в старые деревья за огородом — ночами можно было достать мед и побаловать себя сладостями — пчелы были против, но утром, обнаружив пропажу, вновь принимались за работу с особым рвением.

Я беспрестанно думала о поездке в Квебек — очень хотелось узнать — что возможно купить в этом мире, а особенно переживала о том, что мы можем продать. Было непонятно — как жить без денег, и что мы может здесь производить. Нужно было что-то необходимое.

По минимуму нам требовался инструмент, так как свободных рук было много. Сквонто сказал, что нож, найденный нами — хороший подарок вождю племени, что живут здесь. Шали он велел оставить на другой случай. Но ехать с десятью шерстяными треугольниками на рынок было глупо.

Малышка решила, что нужно купить зерно, чтобы у нас был хоть какой-то хлеб, кроме кукурузного, а еще, чтобы можно было гнать самогон, который она упорно называла виски. Сестра Маргрет хмурила брови, когда речь заходила об алкоголе, но не спорила, понимая, что на одном подножном корме мы не протянем.

— Элиза, что думаешь, какой бизнес здесь пошел бы? — Клер пришла одна ко мне в огород, и робко задала вопрос, который меня беспокоил все время, как мы сошли на берег.

— Я о многом думала, но у нас нет начального капитала, Клер. А ты что думаешь об этом? Шкуры? Но их нужно научиться выделывать. Индейцы в Канаде все продают

европейцам, а те, компаниям из Англии и Франции. Связываться с компаниями пока не очень хочется, как и открывать свое место проживания.

— Кстати, забудь о Канаде, это новая Франция. Думаю, нам придется добратсья до Квебека, чтобы посмотреть востребованность продукции.

— Туда пешком, как понимаю, почти неделя, или даже дольше? Идти с пустыми руками нет смысла.

— Может все же отнесем шали, докупим инструмента и семян — это сейчас нужно позарез. Они еще не знают, что можно делать с картошкой, и мы можем занять хоть какую-то нишу.

— Знаешь, для чипсов пока рановато. Думаю, картошку мы оставим на время, когда мимо нас откроется водный путь, а сейчас нужно сразу обратить внимание на что-то очень нужное в Америке.

— Здесь все нужное, но мы не сможем сделать много чего, даже зная об этом лучше других — технологий нет.

— Пока у нас нет договора с местными индейцами, мы не можем выходить отсюда, Клер.

— Да, Сквонто сказал уже об этом. И я вижу, как он переживает, ждет их прихода. Но одно точно — здесь живут мирные племена, — ответила Клер, чуть успокоив меня.

— Ты думаешь о том, чтобы найти дорогу обратно? — я спросила очень тихо, боясь нарушить тот покой, который мы, казалось, обрели.

— Давай вообще не будем поднимать эту тему. Я уже даже перестала думать о наших именах, и так много легче. Самое страшное — позади. Когда я несколько дней, сидя в трюме, считала, что осталась одна, я надеялась умереть. Сейчас я уже ничего не боюсь — там у нас не осталось никого, — она подошла ко мне и обняла меня.

— Да, ты права, Клер. Повспоминай о здешних новинках, об открытиях, с незначительных на первый взгляд вещах. Дорога из Англии очень дорога, и ценник, само собой, растет за счет перевозки.

— Продукты, инструмент, одежда, обувь, алкоголь, оружие. Еще на западе и юге будет развиваться животноводство, — перечисляла Клер, а я пыталась найти хоть одну зацепку, что даст старт для идей, но охватить все сразу было невозможно.

— Давайте закончим с посадками и рытьем канала, Клер. А там будет ясно. Пока у нас есть еда, есть оружие, есть вода и травы. В общем все не так и плохо, детка, — я улыбнулась ей, и дала понять, что пора заняться делами, но она все не уходила.

— Ты... очень переживаешь за Бернарда? — Клер было не удобно касаться этой темы, но я думала, что никто не знает о моей тайне и очень удивилась.

— Не буду притворяться, и делать вид, что тебе показалось, Клер, — я хотела, но не стала юлить, — Да, я переживала и переживаю. И может быть я была очень резка в своих суждениях, а еще, может быть зря не поверила человеку, что рассказал, как все было на самом деле, что не в его силах было это остановить.

— Не вини себя ни в чем, знаешь, я думаю, когда у нас будут лошади, мы обязательно съездим в Плимут и узнаем о его судьбе. Губернатор не даст повесить невинного человека. Он мягче, чем нам кажется. Его доброта может сыграть с ним злую шутку, особенно сейчас, когда мы несколько изменили ход событий.

— Хорошо, спасибо, что ты все это мне сказала...

— Да, я знаю, что такое вариться в своих собственных мыслях. Не время грустить, у нас

впереди целая Америка! А давай плюнем на авторские права, и затащим что-то из Битлов? — Клер взяла инструмент, который мы использовали как тятку, и пошла следом за мной, разбивая комья.

Мы орали на все озеро и лес «Yesterday», слова которой знали наизусть. Девушки оглядывались, прислушивались, и некоторые начинали подпевать. К вечеру песня стала хитом, и даже Сквонто с Пэвэти подпевали известный всему миру в нашем времени припев.

Жаркие дни и теплые вечера радовали. Было много тяжелой работы, которая сплотила нас, и я, наконец больше узнала о девушках, спрашивать которых было опасно — ведь я выросла в приюте вместе с ними.

Поздно вечером мы сидели за столом, что собрали наши мужчины под навесом, на ужин были три огромных рыбины, отваренные в подсоленной воде растения, похожие на наш ревеня, только стебель был полым, как трубка. Эта трава давала разнообразие нашему столу.

Из леса послышался звук, очень похожий на резкий крик Сквонто, когда он предупреждал нас о том, что можно двигаться за ним. Все подняли глаза на него и застыли, отложив пищу. Звук повторился, и Сквонто спокойно, словно ничего не произошло, а просто он что-то вспомнил, встал и пошел в сторону леса, показав нам, что нужно остаться на своих местах.

Из леса вышли пять мужчин. Головы, украшенные перьями, говорили о том, что это официальный визит. Голый торс был, скорее всего, разрисован, но рисунка было не разобрать. Они стояли по пояс в траве, и ждали, когда к ним подойдет Сквонто. Тот повернулся к нам и сделал знак, подняв руку и махнув в нашу сторону. Малкольм поднялся без вопросов и побежал к нашей хижине. Юркнув туда на пару минут, он вышел и уже спокойно пошел в сторону Сквонто и наших гостей.

Беспокоило то, что вот уже минут двадцать они что-то обсуждали. Пэвэти быстро натерла солью еще три рыбины, проткнула ветками и поставила над огнем. Сквонто иногда оборачивался и указывал на нас, но мужчины стояли, не меняя позы.

— Элиза, помоги мне приготовить еды, — Пэвэти не торопилась, была спокойной.

— Думаешь, они придут к нам? — я встала и пошла к костру.

— Если они не придут, значит, и нам нельзя оставаться, — голос индианки звучал спокойно и певуче, как всегда. И ее не беспокоило, что, если эти пятеро повернутся спинами и уйдут, мы должны будем бросить все, что сделали здесь за десять дней. Ее дом был везде, и, если один из братьев против, чтобы здесь жили ее друзья, она просто отправится к другому брату. Их жизнь проходит налегке, а пищу и кров дает их земля.

— Элизабет... — настороженно произнесла Клер.

— Да? — я ответила очень тихо, подходя к столу, где женщины сидели, уставившись в стол, сложив ладони под подбородком. Все молились. Малышка опустила на пол мушкет, что был приставлен к столу, но ствол лежал теперь на ее голой стопе, и она в любой момент могла подкинуть его ногой и перехватить.

— Это мало что скажет остальным, но ты тоже, прошу, не переживай заранее...

— Говори, не тяни жилы, — ответила я и села рядом с ней, лицом к нашим гостям.

— Это, скорее всего, племя Мохоки...

— Мне это ничего не говорит, Клер.

— А Могавки? Говорит?

— Да, то есть это Ирокезы? — я чувствовала, как по моей спине поднимается холодок, охватывая лопатки, плечи.

— Да. Я надеялась, что они уже ушли южнее, но на деле, они и ушли, но сейчас они здесь. А за этими горами земли индейцев, что мы называем Могикане. И я думаю, что у них между собой сейчас война — они из разных конфедераций, — она говорила медленно и вдумчиво, я видела, как беспокойство меняет ее лицо. — Мохоки земледельцы, и если мы не будем трогать их, они не тронут нас, но нам придется присоединиться к ним...

— То есть?

— Ну, мы должны будем признать себя принадлежащими им...

— Как вещь? Что ты говоришь загадками? — я начинала нервничать, и мой голос звучал все громче. У Клер «остановился» взгляд, когда вся группа гостей и Сквонто, что обернулся, обратили на нас внимание.

— Но нужно помнить вот что, Элизабет, ирокезы живут в матриархате. Хоть мы и считаем, что это кровожадные животные, мечтающие получить наши блондинистые скальпы и наши бессмертные души, — она говорила все тише, поглядывая на молящихся сестер. — Они уважают женщин, но только тех, кто будет говорить с ними на равных, а в то же время признают их право на эти земли, — выдохнула слова Клер.

— Нам придется им подчиняться? — испуганно спросила одна из сестер.

— Нет, надо только определить границы — где нам можно охотиться, иногда приносить им подарки, а еще... Нужно сразу дать понять, что мы имеем свои привычки, свою веру и своих богов.

— Да, и нам нужно больше молиться, сестры, чтобы Бог берег нас на этой дикой земле, — успела вставить Маргрет.

— Сейчас в племенах ирокезов идет процесс переселения — они переходят к Гудзону, где тоже скоро не останется бобров. Они уже вступили в игру, которую им навязали французы...

— В какую игру? — сощуриив глаза спросила Малышка. Она не отводила глаз от индейцев, которые, казалось, просто вели беседу.

— Они продают шкуры французам. Они дружны с французами, и те делают все, чтобы этот меховой поток не иссяк, — ответила Клер и встала. Женщины тут же посмотрели на нее как на зажженный фитиль.

— Пэвэти, думаешь, Сквонто договорится с могавками? — я обратилась к девушке, что

спокойно хозяйничала у костра, меняя рыбу местами, заваривая кашу из травяных дудок и оставшейся после посева кукурузы, которую она сначала растерла практически в муку.

— Думаю, да, он говорить на языке нашей земли, мохоки тоже говорить на языке земли. Только нам придется уходить пока нет холодов, иначе мохоки на дать здесь жить, — она улыбаясь пропела набор слов, суть которых всем была понятна. — Вам жить здесь одни, без Сквонто и Пэвэти.

— Они идут, они идут, — Маргрет почти закричала и упала на колени.

— Быстро, отведите ее в хижину, и не сводите глаз, чтобы даже шепота ее не было слышно, — сквозь зубы прошипела я девушкам, что тут же подняли ее с колен и увели.

Улыбка на лице Малкольма вообще никогда не говорила о состоянии дел, а была постоянной его спутницей, и поэтому, сути переговоров на нем написано не было. Перевела взгляд на Сквонто, и там меня тоже ждал "покер фейс". Как только мужчины оказались в пяти метрах от нас, они остановились, чуть склонили головы, выпрямились, и направились прямо на нас.

— Сквонто, скажи им, что мы рады видеть их, и просим разделить с нами нашу еду, — быстро и с легкой улыбкой прошептала Клер, и быстро добавила, повернувшись лицом к девушкам: — а вы не скальтесь так, улыбайтесь, чтобы зубы не были видны! И кланяйтесь, хоть немного!

— Это Нэстэйсакэй, один из великих воинов Ганьэнгэха, — медленно и с уважением проговорил для нас Сквонто.

«Великий воин», лицо которого оказалось испещрено небольшими ранками в виде галочек, а голая грудь V — образными наколками в виде плюмажа — треугольниками, сужающимися от шеи к животу. На голове пятерых мужчин были перья, только не так, как мы привыкли видеть — в форме кокошника, а закрепленные от лба к затылку, а по обе стороны черепа было натянуто что-то вроде шапочек из кожи, на которые были нашиты камешки и деревянные кругляши.

— Скажи им, что мы признаем эти земли за теми, кто жил здесь веками, но у нас свои правила, и у нас есть свой совет. Скажи им, что мы всегда рады им, и можем научить всему, что их заинтересует, и они могут приходить, когда захотят, но мы не станем участвовать в их войне с могоканами, и пусть их распри обойдут нас стороной, — долго и медленно говорила Клер, а Сквонто переводил каждое предложение воинам, что качали головами в знак того, что они поняли. Когда речь зашла о своем совете, они округлили глаза и уважительно стянули губы трубочкой и свели брови к переносице.

Мне оставалось только наблюдать за их мимикой, и надеяться, что Клер делает все правильно. Когда Клер произнесла слова о войне, Сквонто напрягся, и наши гости напряглись еще сильнее — слишком велик их язык жестов, слишком высок уровень невербального общения, чтобы они не заметили, как замешкался наш проводник. Он подбирал слова, запинаясь.

— Еда ждет всех, — достаточно громко объявила Пэвэти, и наши гости, не дожидаясь повторного приглашения, завидев на столе рыбу и миски с кашей, направились к столу.

Они ели с удовольствием, жадно, но очень аккуратно. Не осматривались, не приглядывались к нам. Сквонто заговорил лишь тогда, когда они сложили в кучки кости, давая понять, что сыты.

— Я сказал, что вы не станете участвовать ни в каких войнах, и будете суверенны, но всегда готовы помочь и объяснить все, что они попросят. Нэстэйсакэй согласен на эти

условия, — он медленно проговорил нам, и повторил на ломанном, словно незнакомом ему языке для наших гостей.

Те улыбались и благостно мотали головами. Пэвэти налила горячий травяной чай, выставила миску меда, что мы планировали есть не меньше недели. За этой церемонией Сквонто передал мне под столом тряпичный сверток. Я не стала подавать вида, но приняла и стала ждать момента, когда он понадобится.

— Нэстэйсакэй, прими подарок для вождя от главы нашего поселения, — сначала на английском, а потом и на языке, понятном лишь птицам и индейцам произнес Сквонто.

Я опешила сначала, но как только он начал повторять на индейском, встала и подняла над столом сверток. Мужчина, что представлял здесь вождя моговков принял сверток и чуть поклонился. Он не стал дожидаться, тут же развернул его, и мы увидели нож в ножнах, что мы нашли в не самом приятном месте нашей ночевки. Кожаный чехол Сквонто явно восстановил — он был словно новый. Рукоятка ножа тоже выглядела значительно лучше, чем прежде.

По глазам наших новых страшных друзей мы поняли, что подарок превысил все их ожидания. Они смотрели на нас с уважением, словно мы дали им в руки не железку, а волшебную палочку.

Провожали гостей далеко в лес, шли не торопясь, мужчины задавали вопросы, и когда мы отвечали, смотрели нам в рот, словно, пытаясь понять язык, понять закономерность сказанного. Мы рассказали что посеяли, рассказали, что хотим дойти по воде до Квебека, как только у нас появятся лодки, рассказали, что у нас нет мужей, и мы не торопимся их завести, так как хотим получить только достойных.

— Откуда вы знаете о их войне с могоканами? — резко спросил Сквонто, как только мы вернулись к столу, где Пэвэти уже собрала все до единой косточки и пошла «хоронить» останки рыбы и косули. Клер встала с повинной головой, и не могла найти что ответить.

— Когда я говорил с ними, он сказал мне, что их разногласия только начинаются, и нам придется говорить и с их вождем, — голос Сквонто был не грозен, но мы понимали по интонации, что он шокирован сказанным.

— Мне приснилась война, и мы находимся между ними, утром я сказала Клер, но она посчитала, что это просто сон, — я говорила с опущенной в виноватом жесте головой, стараясь скрыть свое лицо, на котором он непременно прочитает обман.

— Когда он начал говорить при нас, я вдруг почувствовала, что это нужно сказать, Сквонто. Я почувствовала и сказала, — продолжила Клер.

— Только молитва спасет нас от этой нечисти, только молитва! Вы отстранились от Бога, сестры, вы решили, что стать мужчинами и решать мужские вопросы — ваша участь, но это не так. Мы шли сюда, чтобы найти тихое место и благодарить нашего Бога, — на нас надвигалась Маргрет. Ее голос был непривычно груб, и даже зол, а глаза, словно застилала пелена.

— Сестра Маргрет, прошу вас, пойдите и отдохните, день был тяжелый, и у нас завтра множество дел, — я старалась говорить медленно и ласково, но видела, что ее настроение только начало набирать обороты, и сейчас нам придется сначала выслушать все, что она будет говорить. А еще, нам придется дать понять как мы будем жить.

С раннего утра мы принялись за дела с настроением — оно поднялось после наших гостей. Сейчас было не страшно, что на нас нападут ночью, что заставят уйти, или еще хуже — убьют.

— Малышка, а чего это у нас сегодня девушки не выходят? Солнце уже высоко, работы много, а их не видать с самого завтрака? — спросила я подругу по кирке, с которой мы заканчивали ров. Семена тыквы взошли, и сейчас мы ходили между ростками на цыпочках — лишь бы окрепли.

— Маргрет устроила молитву, что кстати, касалось и нас с тобой, но я решила, раз ты решила рассчитывать на себя, то я тоже буду рассчитывать на тебя, а не на Бога, — она хохотнула, а я выпрямилась и посмотрела на место стройки — там копошились Малкольм, Сквонто, Барбара и еще четыре девушки из Малышкиной компании. У Костра возились Пэвэти и Клер.

— Значит, наша святая шестерка решила почаще просить помощи у Бога? — я почти прошипела, да так, что сама удивилась своему голосу. Внутри клокотала обида, к горлу подходили слова, которые нужно было сказать, но не сейчас.

— Да, они выйдут к обеду, потому что молитва отнимает много сил, — продолжала цинично шутить Малышка, но она не подзадоривала меня, а лишь обнажала мои реальные чувства. Я была зла. Я видела, как девушки помогают Сквонто распиливать бревна в длину, а это адский труд с переносом колышек для распорки, с поддержкой тяжелых сырых досок.

Злость придавала сил, и я работала как трактор. Вечером можно было торжественно открыть наш арык, но на вечер у меня были запланированы мероприятия совсем иного характера — я решила дать понять Маргрет, что она не права, потому что сестры и без того выполняют самую легкую работу, а ее и вовсе не приставили ни к чему.

— Малкольм, Сквонто, девушки, идите к костру, — созвала я всех, кто работал на нашем новом участке. — Пэвэти, обедом корми тех, кто работал с утра, и ужином тоже. Больше у нас нет ни слабых, ни сильных — все едины. Сестер тоже прикрепляем к стройке.

— Но они же не смогут поднять доску, — жалостливо пробубнил Малкольм.

— Если они не начнут их поднимать, то никогда не поднимут. Ставь на одну доску поддерживать не двоих, а четырех. Остальным тоже найдется работа. Маргрет теперь на готовке, и завтраки — тоже ее обязанность, а Пэвэти только помогать, потому что Пэвэти приносит рыбу и мясо.

Все мотнули головами и направились к озеру умываться и мыть руки перед обедом. Когда мы вернулись к столу, наши миски были полны до краев похлебкой — индианка не спорила, все поняла и поделила все что приготовила на тех, кто трудился с утра.

Девушки с сестрой Маргрет вышли из нашей хижины, когда мы занесли над мисками первые ложки. Они пришли к столу с поджатыми губами, взяли чистые миски и направились к котлу, что стоял пустым возле костра на камнях.

— А где похлебка? — Айлин была искренне удивлена, и остальные тоже уставились на нас.

— А Бог на сегодняшней молитве ничего не послал вам? Странно. Мы сегодня с раннего утра молились Богу земли и Богу деревьев, работая не покладая рук, и нас ждала похлебка, — ответила я совершенно без эмоций. Остальные ели, уставившись в миски — они

должны были сегодня отобедать двойной порцией.

— Элизабет, я не ожидала от тебя такого, — срывающимся голосом ответила мне Маргрет, поставила чайник с отваром на стол, разлила по кружкам себе и девушкам, и принялась пить с такой жадой, что казалось, она хочет проглотить все заготовленные для меня слова.

— От меня? Разве я чем-то обидела вас? Разве мы не работаем каждый за двоих, чтобы у нас был дом и была еда? Разве Сквонто и Пэвэти, которым нужно до осени уйти, не стараются использовать с толком каждую минуту? — я отвечала, глядя прямо в глаза сестре Маргрет.

— В приюте я учила вас поддерживать друг друга, помогать друг другу... — начала было Маргрет.

— В приюте нас всех кормили прихожане церкви и лорды, а здесь нам не на кого положиться. Если вы считаете, что положиться можно только на Бога, можете попросить у него обед... И ужин, кстати, тоже. Ну, или пойти в лес, и найти там мясо, пойти к ребе, и поймать там рыбу. У нас тоже две руки, но если все мы будем складывать их под подбородком, у нас скоро не останется сил даже на то, чтобы дойти до озера и напиться. Приятного аппетита, сестры, — я спокойно закончила свой длинный монолог, улыбнулась, и продолжила есть, понимая, что порция слишком большая.

Ужинать сестры не вышли, но утром случилось маленькое чудо — на завтрак вышли трое из сестер, которые присоединились к стройке. Ну ничего, вода камень точит. Пусть попустуют.

— Пэвэти, сегодня к ужину приготовь мясо на углях, положи те травы, от которых мясо пахнет на мили вокруг, — я с улыбкой подошла к девушке, что сейчас с Клер разделявали часть туши оленя.

— Хорошо, я сделаю так, чтобы пахло до большого моря, — она смеялась, заговорщицки подмигнув мне.

— Значит, ты решила оформить круговую поруку? — Клер смеялась надо мной, но поддерживала этот метод воспитания. Еще в детском доме мы поняли, что справиться с нами можно было лишь методами, которые хороши были и в армии — создать ответственную социальную группу, в которой каждый является необходимым винтиком. Без такого винтика не работает весь механизм.

Поливать огород сейчас было просто и удобно — ручеек был рядом. Сквонто никогда не терял времени даже во время отдыха — в его руках всегда были дерево и нож. Он изготовил нам несколько деревянных ковшей, которыми мы зачерпывали воду из ручья. Ведер у нас было только два, но во время полива мы использовали и котлы.

Малкольм перенимал все, что знаем Сквонто с такой жадой, что со временем я стала понимать — он уже незаменим, а когда отсюда уйдет Сквонто, он останется нашим единственным мужчиной в поселении.

— Малкольм, я думаю, что через несколько недель стоит по чуть начинать заготовку дров, чтобы они хоть немного просохли к зиме, — я оторвала от работы своим голосом — он, сидя рядом с индейцем, вырезал миску.

— Да, у нас две пилы, но мы боимся, что, если сломаем одну, вторая останется единственной. Нам нужно допилить доски для стен, — он отложил свою работу и посмотрел на Сквонто.

— Сквонто, что ты думаешь? Мы можем построить плот, на котором можно дойти до

Квебека? Или нужны лодки? Против течения мы плыть не сможем? — я обратилась к Сквонто, который продолжал смотреть на вырезаемое из небольшой чурочки ведерко, или это просто емкость под пищу?

— Надо говорить с могавками, иначе всех убьют по дороге, Элиз. Я знаю, как вам нужны инструменты, вам нужна кузня. Малкольм сам сможет ковать гвозди, но для этого нужно много денег. Клер говорит на французском? — он посмотрел на меня сквозь прищуренные глаза.

— Да, говорит, а я не так хорошо...

— Надо сказать, что ее мать француженка, и вам будут больше рады. Но никто из Квебека не должен знать где ваш форт, — он продолжал спокойно.

— В Квебеке уже большой форт?

— Там уже город, Элиз, и там есть свое железо, там есть деньги и все, что нужно для жизни — шхуны заходят и заходят в залив.

— наших шалей мало для этого, да? — я понимала, что выхода просто нет.

— Я могу помочь вам, но только один раз, и ниже по реке. Нужно сделать так, чтобы могавки не знали...

— Нет, Сквонто, мы не будем ничего нарушать, а тем более — наши договоры...

— Я могу ловить бобров. Но им нужны осенние шкуры. Эти будут дешевле, но я могу поймать много. В Квебеке одна из сестер сдаст их компании, и вам точно хватит денег на инструмент и ткани для зимы, — он говорил плавно и уверенно, продолжая свою работу, и не смотря на меня.

— Нужно поговорить с девушками...

— Ты же знаешь, что решать только вам: тебе, Клер и Абигель? Остальные не могут принимать решение, — он встал, поставил свою работу и быстрым шагом пошел от костра к лесу.

— Элиза, нам и правда, очень нужен инструмент, чтобы успеть построить дом до ухода Сквонто, — по-детски смотрел на меня Малкольм.

— Не переживай, мы что-нибудь обязательно придумаем, но ты должен знать, что как только Сквонто не станет здесь, ты должен принять на себя всю ответственность за работу, в которой мы ничего не понимаем.

— Я обещаю тебе, Элиза, обещаю. Я хотел здесь остаться, и теперь у нас есть своя земля и скоро будет свой дом...

— Да, хоть в этом году мы и осилим один, но весной мы обязательно начнем строительство других домов. Думаю, у нас здесь обоснуются и хорошие люди, с которыми тебе будет интересно так же, как со Сквонто...

— Не переживай, я вижу, что ты боишься сказать, но чувствую... Не бойся, что я уйду с ними. Я должен быть здесь и помогать вам, — он говорил по-взрослому, хоть и выглядел еще не совсем взрослым.

— Элиза, что можно приготовить из нашей жизни? Может, какая-то еда? — Клер не унималась даже поздно ночью, шепча мне варианты, которые позволят нам не прибегать к бобровой охоте.

— Все испортится в дороге. Могли бы сделать первые пробы чипсов — резать ножом, сушить над углями, присыпать травами и солью, но это только осенью.

— А мясо? Может что-то типа того мяса, которое ты делала дома? Ну, то, вяленое...

— Индейцы уже передали им этот прекрасный вариант, для них это не в диковинку.

— А если мы привезем к Квебеку в виде заготовок? Ну, соленое мясо, а там что-то приготовим, и попробуем продать в харчевни?

— Ну конечно, мы на подъезде к городу разложим нашу полевую кухню, состоящую из котла и ножа и наготовим «мишленовских» блюд? — но тут в мою голову пришла прекрасная идея. — Погоди ка... Клер, я знаю, что мы привезем! Я придумала! Но нам сначала нужно попасть в Квебек и купить всего пару продуктов, но это будет бомба. Я не знаю точно, но мне кажется, что этого они еще не пробовали! — я на радостях расцеловала Клер и стала подниматься, чтобы выйти и походить кругами, обдумывая свою идею.

— Так, стоять! — шепотом, но очень резко остановила меня Клер. — Хватит варить все в своей голове, поделись со мной! — она встала и вышла следом.

— Нет, это будет сюрприз. Это понравится людям, и нам важно, чтобы в следующий раз, когда мы доставим очередную партию, люди были ангажированы. Нас много, и все могут заниматься разными делами, вот мы и оформим монополию на некоторые вещи!

— Элиза, говори. Мы и так стали отдаляться — я у костра, а ты пропадаешь в огороде...

— Ты еще скажи, что мы мало времени уделяем нашим отношениям, и мы поругаемся как молодая семья, — хохотнула я. — Я хочу сделать безе, меренги, которые нравятся всем. Этот десерт не должны знать пока, как мне кажется. У нас нет интернета, чтобы проверить, но это реальный шанс подарить этому времени нечто вкусненькое.

— Да, — с воодушевлением протянула Клер. Только вот, как их запекать?

— Мы купим яиц и сахара, и в лесу сложим простенький очаг из камней. Он быстро прогреется. А печь можно на досках, ну, знаешь, как готовят мясо?

— Он будет пахнуть дымом...

— Ну, у нас будет время попробовать несколько вариантов, а без противней можно обходиться камнями, знаешь, такие плоские, вроде плитняка?

— Кстати да, это дело, — ответила Клер.

— Ну что думаешь? Может это сработать? А еще, за лесом, там, где начинается взгорье, очень много земляничного листа, значит, скоро будут ягоды. Нужно искать. Пока мы можем их только сушить и хранить, залитые медом, но на следующий год мы будем готовы, и будем протирать ягоды с сахаром, вроде джема, и делать безе с начинкой.

— Это отлично, тем более, у нас много девушек, которые больше склонны к готовке.

— Да. Зимой мы можем делать полуфабрикаты, и обозом увозить в Квебек...

— Элиза, знаешь, а вместе с зефиром можно делать блины. У тебя это самое вкусное блюдо, между прочим... Нам понадобятся просто листы железа, как те круги, которые стоят в блинных. Помнишь, мы смотрели, как они палочками намазывают по кругу?

— Точно! Может у них и есть оладьи, или что-то похожее на них, но блинов быть не

должно. Это тоже хорошая идея, — я все больше восхищалась и воодушевлялась. Мне не особо нравилась идея заниматься приготовлением продуктов, но сейчас все идеи были хороши. А еще, мне очень нравилось сидеть с Клер, как раньше, мы сидели вечерами в кухне, освещенной уличной подсветкой фасада, и обсуждали новости, смешные ситуации, или просто читали книги вслух.

— Отлично, давай не будем смущать Сквонто, и идем спать, — Клер указала на фигуру, сидящую возле дерева, что мы не срубили у нашей летней кухни с костром. — Я так хочу поговорить с ним честно, чтобы он рассказал мне как можно больше, но не могу полностью ему довериться.

— Нет, Клер, мы не должны никому открываться. Он и без этого нас подозревает. Попробуй просто спросить, ведь девушке из семнадцатого века тоже может быть интересна история людей, живших здесь столько веков.

— Да, иначе, скоро он уйдет, и я буду жалеть. Я рада, что его не будет летом в Плимуте, и он не отправится в колонию южнее, где заразится и умрет. Нужно задержать его как можно дольше. Чтоб наверняка.

Рано утром к нам вышли еще пара сестер, а остальные обходились вареными «дудками» травы и молились до обеда. В жару работать было невыносимо, и мы все старались немного отдохнуть, или уходили в лес за травами, чтобы, как только солнце перестанет палить, снова приняться за стройку и рыхление огорода.

Дождей не было больше месяца, и поливать приходилось каждый вечер. С одной стороны, нам было радостно, что не мокнем, и не откладываем работу, а с другой, ворошить потрескавшуюся землю и поливать, как только садилось солнце было очень тяжело.

— Элиза, теперь сестры работают с нами, видать голод сильнее веря, — смеясь прошептала Барбара, указывая подбородком в сторону стройки. — Они сначала принялись просыпаться пораньше, чтобы успеть помолиться, но поняли, что к вечеру не держатся на ногах.

— Да, голод не тетка, он мигом меняет представления о жизни. Ты видела куда утром ходил Сквонто? Когда мы проснулись, его не было, как обычно, у костра.

— Нет, но вчера, он вышел из леса, когда мы начали готовить завтрак, — натужным голосом ответила Барбара. Мы пилили бревно, пока ждали утреннюю мешанину из мяса и травы, когда из леса вышел Сквонто, и направился к нам. Я бросила свою сторону пилы и пошла ему навстречу:

— Сквонто, куда ты уходишь рано утром? — я наблюдала за его лицом, но он был безмятежен, как всегда.

— Нет дождей, это очень плохо для кукурузы и тыквы.

— Да, но что ты там делал? Надеюсь, ты не охотишься на бобров?

— В лесу? Они живут в озере или реке, но не в лесу, Элиза, — он засмеялся так, словно я рассказала какой-то новый анекдот. — Мы с Пэвэти просим духов дать нам дождь, иначе, через неделю пересохнет ручей, и воду придется носить от реки. Духи испытывают нас, но мы обязательно пройдем испытание, и эта земля примет вас, — он мотнул головой, и направился к костру, где Пэвэти уже раскладывала по мискам нашу прекрасную питательную мешанину.

Ливень начался ночью так неожиданно, что мы все проснулись от шума воды, и казалось, что за хлипкими стенами бушует что-то размером с Ниагару. Сквонто забежал в хижину и приткнулся у самого входа. Судя по лужам за стенами из веток, скоро и наш пол

подтопит, и все матрасы станут непригодны на несколько дней, пока их не высушит солнце.

Мы переглянулись со Сквонто. Во вспышках молний я разглядела тревогу на его лице.

— Это будет долго? — спросила я.

— Да, дождь будет идти несколько дней. Крыша на доме есть. Нижние доски стен прибиты. Мы должны перейти туда. Мы перебьем доски на две стены и у нас будет сухой угол. Дом на возвышенности, и там будет сухо. Остальные две стены мы «зашьем» ветками, — он так радостно говорил, что мое восприятие отказывалось понимать происходящее. Радостный голос и обеспокоенный взгляд индейца никак не вязались вместе.

— Почему ты так рад, Сквонто, ведь тебе и Малкольму предстоит так много дел под проливным дождем?

— Дождь — это жизнь, Элиза. Нам будет сыро и даже холодно, но потом, когда взойдет солнце, ты не узнаешь свой огород. Ты будешь радоваться, что у вас теперь точно будет урожай на весь год, что вы не будете голодать. А мы переживем. Я научу вас делать веревки. Скоро нам потребуется очень много веревок, а вы под крышей быстро сделаете очень много.

Да уж, просидеть в сухом углу несколько дней — хорошо только на словах. Мужчины оторвали прибитые уже по периметру три ряда досок, и прибили их на две стены. Так у нас получился теплый и сухой угол. Доски прибивались как в Плимуте — верхняя доска чуть накладывалась на нижнюю, образуя вид черепицы, только во всю длину дома. Чтобы было тепло зимой, полагалось еще прибить доски изнутри, получая таким образом стену, но у нас не было ни сил, не времени на это. Я боялась снова, потому что мы продвинулись еще севернее от Плимута. И теплое лето не говорило о том, что нас ждет теплая зима.

Веревки делали из травы, что тоже росла в виде дудки, которая была более волокнистой чем та, которую мы ели. Нас вооружили камнями, на которых мы долбили эти дудки до размягчения. Полученные волокна мы чуть заваривали в кипятке. После этого тоненькие нити, похожие на волокна, скручивали в жгут. А потом несколько таких жгутов мы скручивали в веревку. Я и не ожидала, что она получается такой крепкой.

Эти знания нам были просто необходимы, чтобы жить в диком лесу. Веревка даже после высыхания оставалась крепкой. Четыре дня Сквонто и Малкольм трудились под дождем, и только в редкие часы заходили переодеться и погреться. Мы продолжали пилить доски в каждую минуту, как только дождь прекращался, и за четыре дня кое-как осилили пять штук, по это позволило зашить еще треть стены. Сквонто и Малкольм пилили толстые «плахи» для пола — толстые доски не дадут замерзнуть в холода и не сгниют быстро.

В первый день без дождя к нашему берегу пристали пять больших лодок — Магавки прибыли в гости со своей стороны озера.

— Там индейцы, Сквонто, Сквонто, смотри, они приближаются к берегу, и их много! — кричал Малкольм. На его крик тут же отреагировала Маргрет, бухнувшись на колени возле хижины.

— Сестра Маргрет, они не должны видеть нас вот такими! — говорила я достаточно громко, направляясь к ней.

— Какими это, такими? Мне не важно, что думают дикари, я хочу лишь, чтобы Бог защитил нас, — она прикрывала глаза, пытаясь «навести» свою связь с потусторонним миром, но я решила, что в этот раз не дам ей оторваться от реальности, присела рядом и прошептала:

— Они не должны видеть и знать наши слабости, сестра. Вы воспитывали нас в любви к Богу, но сейчас все зависит только от нас самих, и думаю, Бог это одобрит. Идемте, встретим наших гостей, угостим их нашим обедом, и узнаем, что они хотят. Мы здесь пока только гости, но должны стать хозяевами. А хозяева не стоят на коленях перед гостями, — я говорила спокойно, как с собакой, которая может укусить, и осторожно, за локоть, поднимала ее с земли. Она поддалась, посмотрела на меня внимательно и прошептала:

— Я не знаю кто вселился в тебя, но боюсь, что это нас всех погубит...

— Сестра, не придумывайте. Это я, и я хочу нас всех спасти. Вы же видите, что вокруг лес, и у нас нет высокого забора, замков и защиты короля. Теперь мы сами, а Бог пусть сам теперь проявит инициативу и немного присмотрит за нами. Как только он увидит, как мы стараемся, он наградит нас за наши труды, вот увидите!

— Хорошо, давай попробуем, — ее голос стал более спокойным, она расслабилась и чуть улыбнулась.

Мы подошли к берегу, где индейцы выходили из лодок, которые чуть ли не на половину были уже на берегу. Это были длинные каноэ, или может пирога, нужно уточнить у Клер. Я не видела ее на берегу, но потом заметила, как они с Пэвэти выходят из леса с котелками, полными клубники.

Индейцы были настроены дружелюбно: перекрикивались между собой, улыбались, что-то щебетали. Сквонто подошел к берегу и ломанными фразами заговорил первым. Гости встали как вкопанные и внимательно следили за всеми его словами и жестами.

— Я сказал, что мы рады встречать их в нашем поселении, и приглашаю разделить с нами еду, — повернувшись к нам, сказал Сквонто. — Они ответили, что рады, и помогут нам.

Двое вернулись к лодкам и вынули из них две плетеные корзины. За такие произведения искусства я душу бы продала в той жизни — это идеальное плетение растения вроде лозы, но выполнено уж больно мудрено. Нам передали корзины, и Клер с Пэвэти тут же их перехватили. Индианка быстро заглянула внутрь и указала на кухню. Я пошла следом за ними.

— Что там, Пэвэти? — мне было страшно любопытно каким образом индейцы нас благодарят.

— Это мясо. Речное...

— Что за речное мясо?

— Сквонто такое готовил вам по дороге, — ответила Пэвэти.

— Это бобры, но они уже разделаны и перемешаны в какой-то траве, видимо, это маринад, — заглянув в свою корзину ответила Клер. Судя по тому, как они наклонялись, было ясно, что корзины тяжелые.

Пэвэти очень быстро отодвинула горящие дрова, оставив угли, на толстые палки надевала крупные куски мяса и поставила шалашиком над углями. Запах пошел просто волшебный.

— О да, нам бы сейчас позавидовали все рестораны столицы, — улыбнувшись и глубоко вдохнув сказала Клер.

— Нужно выяснить что это за трава, я тоже в восторге, — мы стояли и водили носами. — Меня беспокоит вот еще что — они корзины оставят нам?

— Пэвэти сразу пошла к озеру их мыть. Давай понаблюдаем, и поймем — стоит ли их отлдавать в следующий раз, или тару нужно возвращать, — смеялась Клер. — Ты всегда была падка на такие штуки. Помнишь, как мы на дороге купили большую корзину за бешенные деньги, а потом не могли придумать под что ее использовать?

— Конечно, это была самая сложная ситуация в моей жизни на тот момент, а сейчас вот снова переживаю, чтобы они достались нам. — Слушай, эти лодки... Это каноэ?

— Да, это самые настоящие каноэ. Их каркас собран из корней сосны, а обшита она березовой корой. Но это совсем не та белая береза, что растет у нас, у местной, которую все называют «бумажная береза», кора намного толще и прочнее, чем на белой. Самое важное — они очень легкие. Даже мы вдвоем легко донесем ее до хижины.

— Нужно как-то попросить лодку, Клер. Нам нужно спуститься к Квебеку. Желательно сейчас, со Сквонто, пока он не ушел. Иначе, мы останемся без инструмента.

— Слушай, ты стала слишком меркантильной...

— Чего это?

— Корзины тебе подари, лодку дай, а что потом?

— А потом я сяду на шею, ага, и ножки свешу, — шутила я с Клер, когда Пэвэти принесла к костру корзины и повесила их за ручки к нашей сучковатой палице под навесом, на которой у нас висели котелки. Она делала все очень уверенно, не задумываясь куда что положить или поставить. — Клер, тебе не кажется, что мы какие-то слишком замороченные?

— Кажется... Особенно ты. На всем, что тебе может достаться бесплатно, — смеялась Клер.

— Ну знаешь, при уровне развития нашего хозяйства, тут и пулемет — скотина.

— А вот пулемет здесь оказался бы самым дорогим товаром. Думаю, на него мы могли бы купить целый форт, — ответила Клер, — но мы не можем нести сюда смерть и разруху...

— Да, да, мы прибыли как «белые каски», но убить нас могут в любой момент.

— Ну, не преувеличивай. Смотри как спокойно Сквонто разговаривает с ними, — ответила Клер и направилась помочь индианке, которая снимала с веток куски жареной бобрятины.

— Они делать подарки, — вдруг сказала Пэвэти.

— Да? А как ты узнала? — тут же вступила в диалог я, чем насмешила Клер.

— Я ходить мыть корзины, они говорить, а я совсем не все слова их понимать, но подарок и вождь — известные всем слова, — улыбалась, отвечая девушка.

— Хоть бы корзины, хоть бы корзины, — бубнила я, смотря на них.

— Ты знаешь, они не очень-то крепкие, как мне кажется, и у нас здесь не так уж и

много мест, где их можно использовать. Под грибы они точно не пойдут, — не унималась подшучивать надо мной Клер.

Наконец Пэвэти позвала всех к столу, и нам, хоть и пришлось посидеть на чурачках, было вкусно — мясо было сочным и ароматным, а самое главное — в нем угадывалась соль! Пэвэти точно не присаливала, да и мы старались экономить остатки. Значит, у них есть доступ к соли!

После еды, как всегда, все кости были собраны, и на стол переключал большой котелок с отваром, в который Клер размяла горсть клубники. Это было непередаваемо вкусно.

— У вождя есть ответный подарок для нас, — объявил Сквонто. — Его люди привезли его нам, и они готовы передать.

— Что-то я не видела ничего кроме корзин, — прошептала я в ухо Клер.

— Да отстань ты от корзин, это слишком ничтожные подарки для них, они плетут эти корзины от скуки, мне кажется. Это должно быть что-то важное, потому что наш подарок был очень хорошим, и наши условия, озвученные им, тоже были хорошими, — прошептала в ответ Клер.

Индеец, что говорил от имени вождя выглядел важным — как наш «трудолик», когда хвалил за поделки. Но эти похвалы нам ничего хорошего, кроме дополнительных занятий не грозили, поэтому, я не питала иллюзий. Не думаю, что они простачки, хоть и ходят голышом. Раз прожили здесь веками, не создав той цивилизации, которая была уже в это время в Европе, значит, у них есть свой секретик.

— Вождь дарит вашему племени два каноэ, а еще, они готовы сопроводить вас в Квебек, как вы хотели. Они уходят туда каждую новую луну — отвезут шкуры. Мы можем сходить туда и вернуться с ними, — проговорил заветные слова Сквонто.

— Ура, спасибо, ура, ура! — я подскочила с места, и не могла унять своей радости. Гости переглядывались, и повторяли мое «ура», глядя на Сквонто, пытаясь выяснить что это значит. — Сквонто, скажи им, что это самый хороший подарок, и мы обязательно отплатим им добром.

Сквонто перевел, и они расслабились, заулыбались. Клер сидела озадаченная. Я начала переживать, что она что-то знает, о чем не знаю я, и пока Сквонто показывал гостям наш наполовину «защитый» досками дом, я отвела ее в сторону.

— Что-то не так? Клер, скажи мне, почему ты грустила? — спросила я у подруги.

— Все так, но знаешь, мне кажется, все как-то слишком хорошо. Или же я не понимаю ценности этого ножа для них, или они что-то задумали.

— Не мороси, детка, не думаю, что нам сейчас нужно накручивать себя. Выбора у нас все равно нет. Мы съездим, отвезем наши шали, продадим и купим инструмент, немного ткани на брюки для зимы, и попробуем продать там сладости. Все у нас получится!

В середине июля эти земли оказались сказочно красивыми: озеро блестело на солнце, дарило легкий ветерок, лес был богат травами, первыми грибами и конечно, деревом, которое мы использовали для стройки. Поляны, словно живые, были полны кузнечиков, что стрекотали весь день. Птицы пели с раннего утра, заменяя нам будильник. Дни были еще длинными, и это позволяло нам работать с раннего утра, отдыхать в жару, и вечером возобновлять работу.

Магавки теперь приставали на своих каноэ к берегу через два — три дня. Они общались со Сквонто, присматривались к тому, что делали мы, интересовались нашим огородом.

В один из дней я решила повторить фокус, который делала наша директриса на даче — не копая куст картофеля, она сбоку от кучки, которыми я заваливала как можно выше каждый куст, подкапывала, чтобы достать свежей картошки.

Хорошо, что маникюр в этом времени — вещь совершенно бесполезная, и мои коротюсенькие и слоющиеся от постоянного копания в земле ногти никто не увидит. Я сначала подрыхлила кучки, чтобы не рыть пальцами, а потом приступила к «операции».

Сложно рыть руками, и на ощупь, не разрывая всех корней, искать самую вкусную — молодую картошку, но я прошла не меньше десяти кустов и в результате я пришла к уличной кухне с двумя котелками белых, ровных, размером чуть больше куриного яйца, корнеплодов.

Я сама помыла их возле озера, поставила над огнем, и ждала, когда вода закипит, чтобы переставить на слабые угли. Очень хотелось угостить наших гостей, а заодно выяснить — есть ли у них этот овощ.

— Плохо, что мы не «зацепили» юг континента. Там томаты, Элиза. Их только через пятьдесят лет европейцы начнут использовать как цветы, а через сто — употреблять в пищу. Думаю, тебе полезно будет это узнать, — шепнула сзади Клер, подходя к костру. — Ммм, знаешь, запах варящейся картошки возвращает меня в нашу прошлую жизнь.

— Да, я тоже не могу оторваться. Еще бы селедочки, лучка, укропчика, эх-х, — ответила я.

— Элиза, магавки спрашивают — чем это пахнет, и я сказал, что это тот плод, что растет немного южнее. Они посмотрели на него в твоём огороде, и сказали, что некоторые племена тоже его выращивают, но никто не варит в воде, а запекают на углях, — подошел к нам Сквонто, а следом один из наших гостей.

— Все идут на запах, Клер. Вот видишь, картошка всему голова, — хохотнула я.

— Это да, Сквонто, у нас есть к тебе один вопрос.

— Да, спрашивай, — ответил наш добрый помощник и защитник.

— В южной части есть еще одно растение. Его листья похожи на картошку, а плоды растут сверху, и они краснеют. Может быть его называют «томатль». Маленькие круглые плоды полны семян и жидкости.

— Да, я знаю такое, но его не очень любят. Его запах не нравится, — ответил Сквонто, сморщив нос.

— Как можно достать его?

— Племена, что кочуют, могут привезти, но сложно найти такие. Да и могут привезти совсем не то, что вы хотели, — ответил Сквонто, уходя от разговора, и считая его явно бесполезным. Мы с Клер переглянулись.

— Вот она, золотая жила, которую начнут называть кетчупом, — пошутила я.

— Согласна, а еще, их можно отлично сохранить, вываривая в пасту, делать вяленые томаты, да солить в конце то концов! — отозвалась Клер.

— Именно! У нас так много женщин, что мы это все сможем. Лишь бы найти средства. Обидно, что в каждом времени нужен начальный капитал, прямо вот ничего не меняется! — проговорила я вслух свои мысли.

Картофель имел бешенный успех. Ароматные парящие кругляши пахли домом, печеная рыба к картошке дополняла стол, но люди ее словно и не замечали, налегая на белые шарики, которые я старательно оберегала от сильного огня, чтобы свежая кожурка осталась целой. Если бы у нас было хоть чуть-чуть сливочного масла...

За неделю до конца июля нам сообщили, что пора собираться в дорогу — индейцы отправлялись в Квебек со шкурами. Мы могли ехать шестеро максимум, наши новые лодки не вместят больше. А если нам удастся что-то купить, нам нужно будет место под груз. Мы с Клер должны ехать обязательно, Сквонто и Малышка — тоже. За старшего здесь оставался Малкольм. Логично было взять и Барбару. Решили, что сестры нам точно не помощницы в дороге, а занимать место в каноэ лишним грузом не хотелось.

Целый день на озере Сквонто учил нас всех управлять новым плавсредством. Совсем небольшие весла, которые были больше похожи на кухонные лопатки, оказались удобными, хоть и не позволяли развить заметную скорость. Уроки не прошли зря — мы были готовы с утра выходить на воду.

Всю ночь мы почти не спали в предвкушении очередного путешествия, а рано утром нас поднял Сквонто — даже Малышка, страдающая утренней бессонницей, храпела как трактор.

Мы быстро перекусили, туго упаковали наши шали, взяли небольшой запас еды, надели мужскую одежду.

Маргрет должна была организовать девушек, чтобы работа по стройке и огороду не останавливалась, но что-то мне подсказывало, что Малкольму будет очень сложно. Прямо перед отъездом я вызвала его на беседу.

— Даже не думай стесняться. Запомни, если ты будешь ждать, что они сами подойдут и предложат помощь, тебе придется работать одному. Прямо с утра каждую ставишь на место, и принимаетесь за стройку, — начала я.

— А если Маргрет будет против? — опустив голову пробубнил парнишка.

— Помни, что главный здесь только ты. Это твой шанс попробовать управлять этими бабами. Скоро от нас уйдут Сквонто и Пэвэти.

— Да, я понял... Надеюсь, вы не очень долго...

— Я тоже надеюсь, Малкольм. Будь внимателен. Магавки будут приходить, как и сейчас, и, если что-то будет беспокоить, показывай, объясняй им. Будь с ними добрее, и они всегда помогут, — я обняла мальчишку, но он засмутился и отстранился.

Мы отошли от берега, когда солнце только начало подниматься, чуть рассеивая туман, что курился над озером и особенно сильно — в горах. Нам нужно было пересечь все озеро, чтобы войти в западную протоку, из которой питается река Святого Лаврентия. Как и рассказывала Клер, мы минуем Монреаль, что сейчас был всего лишь небольшим фортом.

— Мда, какие они хитрые, — прошептала Малышка, — Специально предложили плыть вместе. Это чтобы мы сами без них ничего не предприняли. Накрылись бобы, которых Сквонто хотел наловить тайком от них, — она гребла, а я отдыхала. Клер и Барбара плыли со Сквонто — мы договорились меняться, чтобы Сквонто тоже мог отдыхать хоть немного. Мы

научились переходить из одного каноэ в другое прямо на ходу.

Почти весь день не было практически никакого течения. Наши с Малышкой упражнения явно пошли на пользу, потому что грести нам было намного легче, чем Клер.

— Я клянусь начать заниматься с вами, как только мы вернемся, Элиза, мне так стыдно, что от меня практически нет пользы, — бурчала Клер, посматривая на нас, как только уставали руки, и нам приходилось поменять ее.

Магавки шли много быстрее, но мы решили не рвать руки в надежде быть с ними на равных. Сквонто сразу предупредил их, что ждать нас после выхода в реку не нужно, и мы можем нагнать их, как только они остановятся на отдых, но индейцы так сильно ушли вперед, что нагнали мы их только под утро — гребли старательно, помогая слабому течению, пока не увидели жиденский дымок на берегу.

Мы просто вытянули каноэ на берег, и повалились в траву, недалеко от костровища и лежанок индейцев. Сон сморил в то же самое мгновение, и показалось, что разбудили нас в тот же час. Пришлось полить на голову водой, чтобы открылись глаза. Сквонто уже завтракал печеной на костре рыбой, наши рыбёхи ждали нас на больших листьях, похожих на лопух. Я вспомнила ресторанное блюдо — рыба в глине и листьях. Почему же я раньше не вспомнила, ведь это намного нежнее, чем пропахшие дымом, однообразные подсушенные тушки.

Тронулись очень быстро, и сейчас мы пытались не отставать. Течение было слабым, и я думала о том, как же мы будем возвращаться, ведь грести придется постоянно и против течения. Сквонто ответил, что обратно мы будем двигаться ближе к берегу со стороны, где у реки плёсы. Да, возвращаться предстоит в два раза дольше, но это решаемо. А вот узкие места, где течение сильное, нам все же, придется сходить на берег, нести все, что у нас будет, нести каноэ. Я плохо представляла себе это, но радовалась, что мы взяли с собой наши рюкзаки.

На пятые сутки нашего пути на берегу начали встречаться хижины, и стало веселее. Сквонто сообщил, что к ночи мы будем на месте, а потом нам придется ждать рынок, который откроется через пару дней. В эти дни мы как раз и сможем придумать что-то с блинами, или даже с зефиром. Если мы не купим сковороду, то нам подойдет небольшой чугунный лист. Лишь бы эта поездка не прошла даром, лишь бы мы вернулись хоть в небольшом минусе — я молилась, наверное, искренне, чем Маргрет, но у Бога были другие планы на нашу финансовую независимость, да и на способ заработка.

Я никогда не была в Канаде, и для меня крепость, которую я увидела, была первой настоящей постройкой в этом времени. Новый Плимут был из досок и веток, как и дом, который сейчас строили мы. А здесь нашему взору открылись двухэтажные строения, что на время заставило поразиться размаху содеянного.

— В тысяча шестьсот третьем году Самюэль де Шамплейн ступил на этот берег. Здесь были поселения ирокезов. Это место на их языке называлось «Кебек» — место, где сужается река, — задумчиво начала Клер. — Индейцы радушно приняли его, пришедшего на огромном корабле, каких они доселе и не видывали. Они и не думали, что он заложит здесь город... Он и сейчас является губернатором города Квебека, и будет им вплоть до своей смерти в тридцать пятом году...

— Клер, откуда ты это знаешь? — начала было Малышка, которая была в лодке с нами, но Клер, словно находящаяся в анабиозе продолжала:

— Он хотел построить здесь всего лишь пару домиков и сарай для хранения бобровых шкур. Здесь была деревня индейцев, и называлась она Стадакона. А уже через восемьдесят лет на этом месте будет стоять Нотр дам де Вектуар... Самая северная церковь Америки...

— Клер, милая, детка, — я трясла ее как тряпичную куклу, потому что Малышка уже свела брови, прибавляя к третьему году еще восемьдесят лет. — Клер, что там у тебя в голове? Ты перегрелась? Какая к чертям собачьим церковь, прости меня, Господи? Смотри, мы причаливаем к крепости, — я говорила и черпала воду, которой щедро сбрызгивала ей лицо до момента, когда она вернулась в нормальное состояние.

— Я вся мокрая, что ты здесь устроила? Сегодня «духов день»? — недовольно брюзжала Клер, из которой, наконец-то «выветрилась» Лиля.

— Ты несла такую чушь, что даже мне стало страшно, — почти шепотом ответила ей Малышка.

— Не переживай, я не говорила при всех, но порой мне кажется, что она и правда, видит будущее, — очень опрометчиво ответила я Малышке.

— Я знаю ее с первого ее дня в тюрьме, Элиза. Она молчала как рыба, спала круглые сутки и плакала ночами. От нее сложно было добиться пары предложений, — подозрительно рассматривая Клер ответила Малышка.

— Мы заговорили с ней на палубе, когда я уговаривала Маргрет выводить всех на воздух, и она как на духу выдала, что мы причалим не там, где нужно, а севернее. Такие вещи случаются, когда от человека отстывает смерть, Абигель. Ты же помнишь, она тоже почти умерла, но потом неожиданно начала выздоравливать, — я «несла» такую чушь, что сама понимала, что начинаю «палиться».

— Да, Клер, мы уже простились с тобой, даже накрыли тряпкой, потому что ты синела. А потом раз, и сразу села и начала пить и есть. Нам даже стыдно было... — виновато пробубнила Малышка.

— Вот... И теперь она говорит очень много вещей, о которых вовсе не должна знать, — шикнула я на Малышку. Мы приближались к берегу, где был обустроен прекрасный пирс. Возле него стояли две небольшие шхуны. Индейцы уже сошли на берег, и я даже была рада этому, потому что нам нужно было осмотреться и подумать — как представляться в колонии, принадлежавшей другому государству.

Это был далеко не Плимут. Высокий деревянный забор, на котором были обозначены укрепления, с установленными на них пушками, солдаты, циркулирующие по берегу, и добротный двухэтажный город, который был виден даже от реки.

— Барб, — крикнула я девушке, что со Сквонто уже причаливали. Она обернулась, и что я успела сделать, так это только приложить палец к губам, давая понять, чтобы она молчала. Она кивнула головой, давая понять, что поняла меня.

Мы причалили, Сквонто помог высадиться. Мы сразу привлекли внимание людей на стене, зевая, что вышли раньше встречать магавков. Сейчас я уже жалела, что мы не вместе с ними.

— Клер, соберись, прошу тебя. Помнишь нашу историю? Только ты хорошо говоришь на французском, — я потрясла ее за плечо, потому что она снова впала в экзистенциальный ступор, наслаждаясь пребыванием в этом времени.

— Да, все, я поняла, не переживай. Мы живем с индейцами, мы сестры, наша мать француженка. Сейчас мы замужем за индейцами, мы счастливы, нас все устраивает, — как мантру повторяла Клер, хотя, я видела ее сумасшедший взгляд, в котором не было страха, а был лишь трепет перед историей, в которой она участвует.

— Что с ней? Нас точно не убьют? — шептала Малышка, а Барбара только мотала головой.

— Молчите, — шипела я. — Все будет как надо, только молчите. Клер, — обратилась я к ней, — нам нужно только купить необходимое, и мы спустимся ниже по течению, остановимся подальше отсюда, вся надежда на тебя, прошу, возьми себя в руки, — шептала я ей в ухо на русском, шокируя девушек.

— Да, я все поняла, а вы только молчите. Ты вставляй утверждающие фразы, а остальные просто молчите — вы наши служанки, поняли? — она посмотрела на девушек, которые испуганно мотали головами.

— Мы можем пройти, — спокойно проговорил Сквонто, вернувшийся из ворот крепости. Мы живем в индейской деревне у озера, и мы привезли товар для продажи, — еще более спокойно сказал он.

— Как ты с ними говорил? — спросила Клер.

— На плохом французском, — улыбнулся он, и мне стало стыдно за наш страх. — Король далеко, Элиза, здесь живут простые люди, и у них такая же горячая кровь, как и у нас. Мы смотрели — она одного цвета.

Мы ступили за ворота с опаской, хоть и пытались делать вид, что нам плевать на условности. Зря мы не подумали одеться как индианки — никто бы не стал рассматривать наши лица — эта идея пришла, похоже, нам всем одновременно, как только мы ступили в крепость. Девушки в кожаных туниках сновали здесь как дома — многие были с детьми, мужчины и женщины — французы спокойно общались с ними, обсуждая урожай и погоду.

— Мы должны найти яйца, молоко и сахар, Сквонто. Лучше пока мы помолчим, говори сам, — прошептала я индейцу, что пошел быстрее вперед. — какой-то у нас хреновый план, Клер, тебе не кажется? — обратилась я к подруге.

— Конечно, хреновый, потому что мы одеты как беглянки, а Барбара и Малышка — как английские пуританки. Нас вычислить можно на раз и два, — ответила Клер, которая по не многу приходила в себя, что не могло не радовать.

За стеной я впервые почувствовала себя как в поселке, или в городке. Лес был далеко за стенами, и городок все больше разрастался — стройка не останавливалась. Невооруженным

глазом было заметно, что здесь есть деньги: стены были заштукатурены и побелены, одежда на людях свежая и добротная, инструмент, что несут на плечах и везут в телегах мужчины — разнообразный. Дальше по улице мы, наконец, услышали стук наковальни. Нам нужна была сковорода, или что-то хоть отдаленно напоминающее ее.

— Ого! Да тут не кузня, а целая кузница, — вскрикнула Клер на английском, но тут же осеклась под нашими недовольными взглядами. Кузница была прямо в центре поселения — без стен, но под огромным навесом. Работа кипела — пятеро кузнецов беспрестанно молотили огромными молотами, урчала недовольно вода в ведре, куда они окунали горячие детали, зажатые в щипцах.

Пахло дымом, немного ржавчиной и окалиной, а от домов несся запах свежееиспеченного хлеба, и он, совсем слабый, полностью лишил нас силы воли. Мы с девушками переглянулись и заводили носами.

— Вы это слышите? Это булочки, Святые Угодники, это булочки! — словно в экстазе, с полужакрытыми глазами шептала Малышка, облизывая губы.

— Может здесь есть пекарня? Нам нужна мука и яйца. Масло и молоко. А еще, если удастся найти, нам нужен сахар, девочки, и тогда я устрою вам праздник живота, — прошипела я, подтягивая слюни.

В конце улицы ухо уловило мычание, и я пошла в сторону чистенького одноэтажного дома, рядом с которым был навес из соломы. Там то и стояла Буренка в компании с телочкой и совсем маленьким теленком. Здесь точно должно быть молоко! Только вот, что делать, если у нас нет денег... Отдавать всю шаль за пару литров молока совсем не рентабельно, а просить хозяйку найти мне все остальные ингредиенты тоже странно. Как бы она не послала меня к мельнику, а мельник к курице, как в той игре — бродилке.

— Клер, — толкнула я в бок подругу, — Видишь, из дома выходит женщина? За одну шаль нам нужно три литра молока, десяток яиц, две миски муки и сахар. А еще немного маслица. Поговори с ней — твой французский идеален, а мой язык кроме «паркуа бы и не па» не сможет сложить в кучу.

Клер окликнула женщину, что несла деревянное ведро с молоком. Скорее всего, это вечерняя дойка, и оно самое вкусное, потому что коровки гуляли на выпасе. Женщина с Клер долго разговаривали жестикулируя, смеясь, строя рожицы. Клер вынула наш образец косынки и потрясла перед покупательницей. В ее глазах я прочитала восторг. Она мяла ее, гладила, встряхивала и примеряла на плечи и голову. В итоге, Клер дернула меня за руку, давая понять, что пора отчаливать.

— И что, она сразу не могла сказать, что не даст нам ничего? Обязательно нужно было несколько минут балакать и тянуть время? Скоро ночь будет, а у нас еще ни спереди, ни сзади, — ныла я, шагая за ней.

— Не жужжи мне под ухо, ради Бога. Все хорошо. Она отправила нас к мельнику...

— Ну я же говорила, это игра-бродилка. Чтобы дать нам молока, мы должны попросить для нее муки, а чтобы мельник дал муку, мы для него должны принести от рыбака рыбы...

— Я же говорю — не жужжи. Мельник — ее брат, и он даст нам муку и яйца, а еще, у него есть сахар. Она следом за нами отправит сына, который все передаст мужчине. Мы все ингредиенты возьмем у этих двоих. Думаю, с безе пока придется повременить, а вот сладкими блинами мы здесь порвем весь рынок!

— Да, напомни мне, как вернемся домой, чтобы на берегу озера я поставила памятник первой проданной шали, которая стала нашим стартовым капиталом.

Мы принесли к лодке около трех литров молока, которое нам отдали прямо с двумя крынками, хорошим куском сливочного масла, мешочком с солью, корзиной яиц и мешок, в котором было не меньше десяти килограммов муки. Сахара было не много, и он был кусковой — такой фиг помелешь, но ничего, мы найдем куда его пристроить. Молочница сказала, что к рынку должна прийти шхуна, которая привозит сахар с юга.

На вторую шаль Сквонто выменял сковороду, три пилы, топоры и большой котелок. Через пару дней кузнец должен был сделать ему гвоздей и скобы. Хорошо, что жена кузнеца увидела из окна, как наш индеец трясет этой прелестью перед носом ее мужа, а особенно ценно было наше шоу, где мы с девушками как сторонние покупательницы, начали подходить и прицениваться к шальке.

— Я заберу, и он вам все что нужно накует, — женщина встала в позу с руками, упертыми в бока, и смотрела на мужа исподлобья. Потом просто взяла шаль и ушла. Кузнец поохал, поахал, но принялся за работу.

— Ну, после ее взгляда я бы даже не умеючи наковала все что нужно, — смеялась, вспоминая Клер.

— Давайте найдем безопасное место, где мы сможем переждать время до рынка, чтобы продать шали и попробуем продать блины, — обратилась я к Сквонто, который складывал весь наш новый скарб в лодки.

— Блины сначала сделать надо, а там уж, думаю, все пойдет как по маслу, — ответила Клер.

— Знаешь, что? А если мы будем печь их прямо на площади? Давай используем эту фишку торговых центров, когда народ идет на фуд-корты на запах. Тогда блины можно будет продавать штучно. Пусть каждый ждет свою вкусняшку, и смотрит, как она готовится, — озвучила я необдуманно свою, вдруг, пришедшую мне идею.

— Тор — го — вом центре? Фуд? Что? — с широко раскрытыми глазами наперебой спрашивали Малышка и Барбара. Я прикусила язык.

— Ну, это такие места, на рынках, французы их так называют у себя дома, — помогла мне выйти из ситуации Клер.

Сквонто посмотрел на нас, странновато улыбнулся и продолжил погрузку.

— Да, это может хорошо сработать. Мы должны попробовать в лесу, а потом, с готовым тестом приедем на рынок и начнем менять их рыночные привычки. Они точно потом начнут делать то же самое, но долго будут разбираться с рецептом, а потом мы приедем с картофаном, и снова «порвем» рынок, правильно? — улыбаясь, спросила Клер.

— Да, мы просто обязаны это сделать. Но очень важно держать язык за зубами. Мы должны уплыть отсюда так, чтобы никто не узнал даже направления, — серьезно сказала я девушкам. — и поэтому, никаких знакомств, и никаких упоминаний кто мы и откуда. Так мы можем навлечь беду на наши головы.

Я любовалась причалом, у которых стояли лодки, что прибивались, удаляясь от шхун, стоявших посреди огромной реки. Это идеальное место для торговли. Вот почему им не стал Монреаль — река не позволила пройти глубже в континент. Но Монреаль уже открыт, и в этом тоже есть заслуга Шамплена. Мировой мужик, скорее всего, хорошо бы было пообщаться с ним, но послать к нему мы можем только нашу любимую, но припадочную

Клер, которая снова теряет сознание от счастья лицезреть самого Шамплена.

Мы спустились ниже по реке, и нашли на первый взгляд тихое безлюдное место без выхода с воды. Были последние минуты, чтобы собрать дрова и развести костер — солнце село, и в закатном зареве еще можно было пройти по лесу.

Быстро собрав сухие ветки, принесли поваленное небольшое дерево, и с первыми языками огня на землю опустилась тьма. Мы вытащили каноэ на берег, Сквонто решил спрятать ненужный пока скарб, закопав его под деревом, чтобы не возить его постоянно с собой в Квебек, а перед отправлением домой, забрать.

Мы были страшно уставшими, но не забыли выкопать ямку для молока, масла и яиц, иначе, в этой жаре мы могли испортить продукты. Как только все было спрятано и прикрыто, завалились спать.

Рано утром нас разбудили голоса, раздающиеся на воде так сильно, словно говорят рядом. Нас не было видно с воды, но мы могли наблюдать из-за кустов, как в сторону Квебека от океана проходят шхуны, каноэ, лодки.

— Я давно не видела такого «Мундиалю», — прошептала я Клер, когда мы с ней сидели в засаде и любовались проходящими судами.

— Да, мне даже начало казаться, что, если людей больше ста, это уже невообразимо шумно, — посмеялась в ответ Клер.

— Ну, ничего, давай попробуем сделать блины и угостить своих. Мне интересно — что скажет Сквонто. Чуть сахара мы растворим в нагретом масле, которое вольем в тесто вместо подсолнечного. Я хоть и не люблю сладкие блины, но для людей это будет видом сладости, — ответила я, встала, и направилась к нашему схрону с продуктами.

— Знаешь, Элиза, я конечно не глупа, но прямо сейчас я понимаю, что я тупица, стой — крикнула она мне в спину, быстро встала и направилась ко мне. — Элиза, нам не нужен сахар, вернее, сейчас нужен, а потом будет не нужен. Элизабет, мы в Канаде! — она смеялась, прыгала как ребенок и хлопала в ладоши.

— Да, у тебя, я вижу, очередной экзистенциальный припадок? Как отпустит, приходи есть блины, — я развернулась и пошла дальше, к месту, где сейчас Сквонто развел уже костер, повесил над огнем небольшой котелок, чтобы заварить травы.

— Стой, ну неужели ты не понимаешь? Канада, Канада, детка... Канада родина чего? — она сделала глупое лицо, и мотала головой, мол, да, да, думай, думай.

— Хоккея, — ответила я и поставила сковороду на угли, чтобы прожечь.

— А еще, родина кленового сиропа, Элиза. Это сахар, который льется из дерева, понимаешь? Его не нужно покупать, не нужно искать, надо просто к весне приготовить емкости, насобирать сока, выварить его и все! — она продолжала танцевать, и я, когда поняла, о чем она говорит, чуть сама не пустилась в пляс.

— Кле-е-ер, девочка моя... Это прекрасная новость! Вот сейчас да, я готова тебя расцеловать, — я смеясь обнимала ее, мы вместе прыгали на месте, а наши спутники не понимали, что происходит.

— Сквонто, ирокезы собирают сок из дерева, а потом варят его, получая сладкую и липкую жидкость. Ты знаешь, как выглядит это дерево? — я уже научилась задавать вопросы сразу, как только они возникнут, иначе, в этом времени второго шанса может и не быть.

— Да, такое дерево есть здесь, и там, где вы строите дом. Недалеко от огорода, ты узнаешь его в начале холодов — его листья становятся блестящими и яркими, как солнце. Ближе к горам их больше, и ирокезы начало тепла живут возле них, и постоянно варят эту

жидкость, — спокойно ответил Сквонто.

— А когда нужно собирать этот сок? — присела я рядом со Сквонто, приготовив яйца, муку и молоко, чтобы замешать свои первые здесь блины.

— Когда снег почти весь сойдет. Ирокезы забивают в дерево наконечник, и всегда видят, когда начало — по нему начинает течь жидкость. Она сначала чуть сладкая, а потом, когда индианки выварят ее, она очень сладкая. Некоторые специально плохо перемешивают, чтобы она побелела — такую можно хранить твердой всю зиму и откалывать топором, — он рассказывал так легко и понятно, словно он сам был участником этого процесса, хотя, я уже привыкла к тому, что он знает все.

Первые блины, конечно же вышли комом — они прилипали к еще не промасленной поверхности. Я не хотела сильно тратить масло, но все же, пришлось смазывать сковороду после каждого блина. Через десяток сковорода ответила нам взаимностью, и блины перестали липнуть. Этот запах вновь вернул меня в наш прежний привычный мир — Масленица, горы блинчиков с творогом и сметаной в выходные, Блины с мясом и сыром.

— Клер, у меня есть что сказать еще, — довольная, как кот наевшийся сметаны, я решила поделиться идеями: — Творог здесь тоже не редкость, а уж мяса — просто прорва. Мы сможем фаршировать их всей этой дикой полезностью.

— Это точно, но в этот раз мы уже не успеем.

— Это да, я уже подумываю — не переехать ли сюда? — я сузила глаза, следя за реакцией Клер на мои слова.

— Нет, здесь, как и в Плимуте, скоро начнется беспокойное время. Нашему озеру тоже достанется, но к этому времени, я надеюсь, мы станем сильным фортом, а на случай тяжелых времен, мы можем построить избушку в Аппалачах. Но сейчас не хочу думать об этом. У нас есть не меньше пяти спокойных лет, и мы должны так крепко стать на ноги, что нас не свалят ни войны, ни бандиты. Пеки скорее, потому что у меня уже полный рот слюней, и в глазах Сквонто я вижу недоверие к нашему блюду. Нужно срочно доказать, что это — просто бомба.

Судя по глазам Сквонто и наших девушек не из высшего общества, блины «зашли» даже лучше, чем мы ожидали. Мы угадали с сахаром — как лакомство они будут намного интереснее для людей, живущих на мясе и кукурузе.

— Я пробовала оладьи, пирожки и столько разной выпечки, но такое я пробую впервые, — с полным ртом и закрытыми от удовольствия глазами шептала Малышка. — Мне кажется, я могу съесть штук десять, не меньше.

— Да ты уже съела штук десять, смотри, Элиза даже не успевает готовить, — отвечала Барбара, набив полный рот.

Сквонто ел маленькими порциями, не откусывая, а отщипывая небольшие кусочки, долго пережевывая. После пятого он тяжело выдохнул и спросил:

— Для этого вам нужен сок деревьев?

— Да. Блины можно готовить не сладкими, а поливать их сиропом сверху. Сахар здесь есть, но он не дешев. У нас мы можем использовать мед, но у нас нет ни муки, ни яиц, ни молока. Привозить из Квебека — очень сложно, а шхуны не дойдут до нашего форта, — с грустью ответила я.

— Можно попросить куриц и козу у ирокезов, — как всегда, спокойно ответил он.

— А у них есть? — спросила я, понимая, что у меня от удивления открывается рот.

— Да, дикие козы. Они ловят маленькими, южнее, и ближе к океану, там, где скалистый берег, приручают, а потом доят. А кур они давно завели, просто обменивали их на шкуры у французов. Раньше из птицы у них была только индейка и маленькие птички, которых любят французы. А сейчас есть куры.

— Да чего же ты раньше не сказал?

— А ты не спрашивала, — удивленно ответил индеец.

— Это дело номер один. Мы должны купить у них козу и кур, — запланировала я. Было столько дел, которые нужно было закончить до зимы, что кругом шла голова.

Зимой дорога по реке намного удобнее и быстрее, индейцы делают что-то вроде саней с дном из шкур, которые проливают водой, замораживают, и они отлично скользят по льду. На них они перевозят шкуры в Квебек. По дороге очень удобно спать в таких коконах, останавливаясь на берегах. Река здесь была «дорогой жизни», а особенно для нас.

На момент выхода с нашего места, у меня были готовы первые три десятка блинов, которые я уложила в котелок, чтобы держать их возле огня. Густое тесто я замесила в большом котелке. На месте оставалось лишь развести его незаметно молоком, и начать выпекать. Сердце уходило в пятки от страха, что все будет зря, но я держалась.

Девушки должны были как можно дороже продать шали, а на эти деньги Сквонто еще докупит кованых гвоздей, муку, растительное масло, соль, лампы и масло для них, шерстяные ткани. Места в лодках было не так много, и мы планировали только самое необходимое.

Берег был полон людей, от шхун прибывали лодки, груженные товарами, а обратно на них грузили бочки с соленой рыбой, доски, сушеное мясо, первые овощи и конечно, шкуры, что были плотно перетянуты белой парусиной.

У нас дома так мало было необходимого, что глаза начинали слезиться от такого разнообразия. Тюки с тканями выгружали на телегу, которая отвозила их сразу в лавку.

Лавки! Здесь были таверны, лавки и магазины, здесь были маленькие гостиницы, как в кино — с едальней на первом этаже, с большой барной стойкой, с волосатым мужчиной, что разливал эль, кричал посетителям, что их похлебка готова, и у них было вино!

— Клер, обещаю тебе, что мы купим хоть немного вина, клянись мне! — я шептала ей в ухо, наблюдая, как на стол в харчевне ставят кувшин, и не трезвый матрос наливает в кружку, проливая мимо бордовую жидкость.

— Да, только вот, думаю, оно тебе придется не по нраву. Хоть ты и пьешь сухое, эта кислятина скрутит твоё лицо похлеще лимона, — ответила Клер. Мы ходили по улице с мастерскими и лавками, «пялились» на специи, ткани и одежду. Здесь даже была мастерская, в которой шили платья.

Рынок, по сути, был просто улицей, на которой были открыты магазины, и между ними люди ставили свои наспех скованные столы, раскладывали на них товар, и жалобно оповещали о том, что они продают.

— Надо продавать не здесь, — сказал вдруг Сквонто.

— Почему? — отозвалась Малышка.

— Потому что самые голодные сейчас на берегу. Это моряки и те, кто выгружает товары со шхун. Те, кто покупают товары, или забирают привезённые, тоже голодны, и скоро они пойдут в таверны, а там они наедятся и напьются. Им будет не до сладостей. А вот сразу почувствовав запах, они не откажутся, да и деньги у них есть, — ответил Сквонто, и направился к кузне.

— Кроме прочего, Клер, наш индеец — Бог маркетинга. Мне хочется придумать причину, чтобы не отпускать его от нас, но я пока не нашла ее.

— Я тоже думаю об этом. Даже страшно подумать, как мы будем без него, — грустно ответила Клер, смотря в его удаляющуюся спину.

— Слушай, а ведь он тебе нравится, — вдруг осенило меня, и я сказала это больше не ей, а себе.

— Не выдумывай, — слишком уж быстро отозвалась подруга на мое предположение, слишком серьезно, и слишком эмоционально.

— Да, да, да, а сейчас ты это подтвердила. Я плохо знаю это лицо, но хорошо знаю твою мимику, от которой тебе просто не избавиться. Я плохо привыкаю к своим тощим ногам, но пользуюсь ими как прежними. Так и ты со своей милой мордашкой, — хохотнула я.

Мы вышли на берег вдвоем с Клер. Малышка и Барбара пошли по лавкам, чтобы продать шали хозяевам. Мы договорились, что, если те начнут снижать цену, девушки просто должны развернуться и уйти. Лавочники всегда имеют деньги, и всегда найдут возможность продать редкий товар подороже, и клиентов с достатком они знают.

— Клер, я ведь даже не знаю, сколько должны стоить наши блины, и вообще, какие здесь деньги?

— Сейчас должны быть экю, если мы говорим о землях Франции, то и монеты должны быть французские. Есть золотые по три с чем-то грамма, есть пол-экю по одному с половиной грамма. Есть серебряные. Они тоже делятся, но сложнее — на одну четвертую и одну восьмую экю, на золотых щит, на серебряных профиль и профиль в короне... — она остановилась и задумалась. — Черт побери, а еще мельче... я не знаю. Нам нужно вернуться на рынок, и спрашивать — сколько стоит хлеб.

На рынке мы выяснили, что в ходу здесь и французские и английские деньги, ведь капитаны кораблей берут за свою работу любыми деньгами, а они, и река были артерией,

снабжающей Квебек кислородом. Понятия «золотой» и «серебряный» были настолько не однородны, что как у одного, так и у другого были до двенадцати размеров, а можно было встретить и половинки монет.

— Элиза, смотри сюда, — шептала мне Клер и чертила на песке цифры и русские буквы. Есть ливры. Один ровняется двадцати солям, или су. А су равняется двенадцати денье. Значит, в ливре двести сорок денье...

— У меня ощущение, что мы смотрим фильм про Мушкетеров, а не узнаём стоимость блинов.

— Это и есть то самое время мушкетеров, Элиза. Ладно, смотрим, почему здесь хлеб, и торопимся на берег, — торопила меня Клер.

В итоге, мы продавали за несколько су набор из трех блинов. Люди долго принюхивались, но как только возле нас организовалась очередь из трех человек, потянулись любопытные моряки. Готовые блины и выпеченные прямо на берегу мы продали часа за два, и к обеду имели небольшой, но увесистый мешочек с деньгами.

— Давай оставим посуду девочкам у лодки, и сходим за молоком и маслом — завтра можем повторить наше кулинарное шоу, а купим все сразу перед отплытием домой, — предложила я Клер, и мы быстро передали девушкам наш скарб. Они со Сквонто хотели скорее рассказать нам, как удачно они продали шали, и торопили нас скорее добраться до места ночевки.

Мы шли по узкой боковой улочке, смеялись, рассматривали всех, раскрыв рот, и немного не дошли до дома молочницы, когда Клер, что держала меня под руку, резко и больно дернула в свою сторону. Все произошло в одну секунду — я оглянулась, и увидела, как трое мужчин тащат ее на задний двор за таверной. Один из них зажимает тряпкой рот, а я вижу только ее широко раскрытые глаза.

В этот же момент я поняла, что кто-то схватил меня сзади за локти, и пытается схватить. Мысли пролетели в голове как замедленные кадры. Будто все происходило в густом клее, где движения тяжелы, а мозг работает четче и быстрее, чем обычно. Главное — не думать о том, что это тело не помнит нужных движений! Я та же Мария, и мое тело хорошо всё помнит!

Только в момент, когда мне начали сжимать горло, волоча в угол глухого двора, мои руки чуть ослабили. Я боялась оступить, потому что в такой момент я могла повиснуть на их руках, и совершенно по-глупому сломать шею. Руки не подвели, вывернувшись, через рукава державшего, вцепилась в обе, явно принадлежащие двоим разным людям.

Схватить за большой палец и выгнуть руку назад — простой прием, с которым справится даже школьник. Руки с моей шеи убрали мигом, и в этот момент я закричала, одновременно орудуя локтями назад в место, где у этих несчастных должно быть солнечное сплетение. Попала, видимо, только одному, а второй был очень мягким, и локоть вошел в живот, и уперся в три литра пива внутри непутевого бандита.

Когда я развернулась, чтобы увидеть Клер, двое мужиков, что потащили ее за забор, стояли не двигаясь, вылупив на меня глаза как на говорящего медведя.

— Ну что, ваша очередь? Готовы огрести пилей? Знаете, что это? — кричала я на них, медленно шагая ближе к Клер, чтобы дернуть ее за свою спину, где уже собирались зеваки. Мужики стояли и мотали головами, и как только я пошла быстрее, они начали шагать назад, подальше от меня.

— Ты орешь на русском, — прошептала Клер. — Я... конечно рада, что ты меня спасла, но сейчас напуганы даже люди из зевак, — она указала глазами за мою спину.

— Вы готовы так же как они улечься в пыли? — крикнула я стоящим за спиной Клер, и указала на мужиков за мной, к слову, я только что рассмотрела их — два здоровых лба, один из которых был явно килограмм сто пятьдесят. Ну, ничего, связки у всех в одном и том же месте, и болят они пострашнее мышц. Испуг этих двоих был обоснован, так как они были поменьше габаритами.

— Уходим, Элиза, нам не нужно светиться, уходим, давай, — прервала мой звездный час Клер, дернув за руку, и побежала в сторону реки. — Больше без Сквонто ни шагу, поняла? — продолжала она на бегу.

— Только давай не будем говорить им о случившемся, хорошо? Сложно объяснить им откуда я это умею, — попросила ее я, как только мы увидели берег за воротами. За нами никто не бежал.

— Хорошо. Завтра допечем все оставшееся, купим необходимое и уезжаем. Нельзя, чтобы мы запомнились им, а еще хуже — проследят и отправятся за нами в наш форт.

— Я могла бы поспорить, что блины и так хорошо пошли, что можем еще пару дней пожарить, но я согласна, — кивнула я, и мы, поправив кепки, подошли к нашим друзьям, сидевшим у лодок и наблюдающим за моряками, выгружавшими тюки, видимо с шерстью. Да, в Плимуте нам с ней очень повезло. А сейчас — не совсем понятно — хватит ли нам денег хотя бы на шерстяную ткань для брюк.

Помывшись в реке, выспавшись, мы принялись печь блины их оставшегося молока. Яиц оставалось много, да и головка сахара осталась еще ого-го. Я решила-таки попробовать испечь безе, так как яйца все равно испортятся, раз завтра мы уезжаем.

Я поставила Малышку за блины, выпекать которые ей понравилось еще вчера, а сама отодвинула угли, посадила Клер отделять белки от желтков, а для Сквонто принесла два камня окатыша, один из которых был больше другого.

Под камни мы постелили ткань, на большом камне хорошо растирался сахар — сначала

на небольшие кусочки, что спадали на ткань, а потом пересыпали на другой отрез, и начинали заново. Когда я убедилась, что реально растереть его хоть и не в пудру, но все же очень мелко, оставила Сквонто за этим занятием, и отправилась в лес. Я видела, как он ножом сдирает с дерева большие куски коры. Она мне нужна была для того, чтобы построить небольшую духовку — накрыть угли, чтобы под ней сохранялась температура.

Эта кора была отличной находкой. С трех деревьев я сняла большие куски, полила кипятком, как делал это наш индеец для изготовления кусочков черепицы для навеса кухни в нашем форте. Два куска оставила полукругом, а два нужно было выровнять хоть чуть-чуть, чтобы использовать как заднюю и переднюю стенки духовки. Политые кипятком они легко разогнулись, и я положила их друг на друга, уложив сверху большой камень.

Нашла ветку, которую очистила от коры, а ее край надрезала ножом, чтобы получился этакий жесткий кнут с множеством концов. Залив его кипятком, я раздвинула нарезанные волокна — так я изобрела первый для этих земель венчик.

К этому времени Клер уже взбивала белковую массу ложкой, и было понятно, что сделать это не реально. Наш самодельный венчик был открытием для всех, кто наблюдал за происходящим. Когда белок начал пениться, я начала по шепотке добавлять сахарную пудру. Пусть она была не такой тонкой, как магазинная, но это уже был не сахарный песок, точно, и надежда на то, что все получится, крепла в моей голове.

Мы взбивали поочередно, потому что руки уставали очень быстро. Нужно узнать — нет ли здесь мастеров, что могут изготовить самый простой миксер по рисунку? Ведь суть там совершенно проста. Лишь бы они уже умели делать зубчатые валы, или как там они правильно называются.

Через час яростного взбивания, когда все пятеро устали словно проработав на камнеломне, пена была обуздана. Хоть «пики» на массе были и не такие устойчивые, но она не валилась с ложки, а это значило, что как минимум полусырые они получатся. Если не сгорят, ведь регулировать температуру углей — дело невыполнимое.

Освободившуюся сковороду я чуть смазала остатками масла, и ложкой накладывала на нее небольшие горки. Угли накрыла по бокам двумя полукружьями сырой коры, почти прямыми листами накрыла сзади и спереди. Подождала немного, когда внутри моей первобытной духовки чуть прогрелся воздух, быстро засунула сковороду, и закрыла «дверцей».

Через десять минут мы вынули самые первые в Новом Свете безе. Температуры было достаточно, угли не дымили, и они получились цвета нежного крем — брюле.

Вторая, третья, четвертая сковорода пошли друг за другом. На одних и тех же углях мы испекли гору вкусняшки, которую не давали попробовать своим друзьям, и только остатки крема мы просто распределили на сковороде, чтобы они успели дойти на оставшихся углях.

Получившийся меренговый блин мы поделили между нашими друзьями, сами лишь отломали по уголочку. Их глаза говорили за них — безе точно пойдет, и если рецепт блинов люди смогут повторить, даже та самая молочница, что знала продукты, которые мы у нее брали, могла методом проб найти идеальное соотношение, то безе долго останется загадкой.

Готовые блины и безе мы завернули в тряпки и направились в Квебек. Сегодня до позднего вечера у нас есть время, чтобы продать все, купить необходимое, и еще раз переночевать здесь, чтобы ранним утром, еще до рассвета выйти в сторону дома.

На берегу, торговать нашими сладостями мы оставили девушек, а сами пошли в лавку, чтобы выбрать ткани, нитки, купить ножницы и иглы. Лето сбыло в разгаре, но нас ждала

первая самостоятельная зима, которая покажет на сколько мы и правда, были готовы к ней. В лавке я вспомнила, что я женщина, что мне хочется футболку и спортивные брюки, что я очень скучаю по бюстгальтеру, мягкому нижнему белью, а не этому — хлопковому на завязках. Трикотаж следовало изобрести в первую очередь, но у меня не было ни капли знаний на эту тему, а уроки труда, где мы шили юбку и фартук, готовили винегрет и дурацкий лапшевник с творогом, негодились.

Все деньги, которые мы выручили вчера за блины мы отдали за шерстяную ткань. По сути, ее должно было хватить на брюки. Наши куртки с шерстью еще были годны, и зиму они точно продержатся. Нужна была шерсть для чулок, так как никакого другого материала, их которого можно было их пошить, просто не было. Я поняла, что мир стрейтча — прекрасный мир. Здесь одежда была полна выточек, поясов и шнурков. Нитки нам подарили за то, что шерсть мы забрали большим тюком. В общем — то, только после этого мы поняли, что блины мы продали очень выгодно.

— Я отнесу все к Сквонто, а то мало ли, вырвут из рук, и останемся ни с чем, — сказала Клер.

— Хорошо, я еще порассматриваю соседние лавки — там есть сушеные фрукты, представляешь? И специи, но они очень дорогие. Я не могу уйти не узнав все, что есть здесь, Клер, — ответила я ей, не смотря в ее сторону.

— Хорошо. Я жду тебя на берегу у каноэ. Сквонто нужно отпустить к кузнецу — он заберет осатки инструмента, гвозди и скобы. А потом нам прямо на берег привезут муку, молоко, яйца и масло — девушки вчера заказали у молочницы. Это на остатки денег от шалей.

— Да, очень дороги здесь инструменты, но нам не прожить без них, Клер, — отвечала я на автомате.

Она ушла, а я переходила из магазинчика в магазинчик, рассматривая простенькие украшения: броши с вкраплениями мутных камней, бусы, кольца и браслеты из проволоки, с наздёванными на нее бусинами. Стоп... Проволока? Я присмотрелась. Это явно была не кованная вещица. Браслет, который четыре раза оплетает руку. Я провела от начала до конца — это была спираль.

Возле этой лавки всегда была толпа индейцев, в какое бы время дня мы не проходили мимо. Очень хорошо, что я это увидела. Проволока. Да ее создание — фигня вопрос — волочение, скорее всего, уже есть. По сути, ее делают довольно просто технически — волочат в отверстие более маленького диаметра, а иногда — между валками.

Только вот, зачем нам проволока? Нам не от кого загоразживаться, да и скота у нас нет, хотя... У кого-то он есть, и я даже знаю у кого, и я даже знаю, как ее можно видоизменить — не зря я смотрела целые два часа документальный фильм на канале История. Техас, детка... скоро начнется дикий Запад.

— Иди за мной, — прервал мои эйфоричные мысли незнакомый мужской голос.

— Куда? — обернулась я и поняла, что не так в данной ситуации.

— Быстро иди за мной, — он сказал еще резче, и я пошла, когда поняла, что в бок мне упирается что-то похожее на нож.

Я шла, и он чуть обнимал меня сбоку, давая понять, что он не шутит — эта штука упиралась мне под ребра. И да, мы оба говорили на русском.

Мы шли к двухэтажному дому, за которым, как у каждого здесь, был задний двор. Дом был похож на лавку или таверну, но окна были плотно зашторены, и я не знала, что думать.

— Заходи, — толкнул он меня к задней двери, держась на расстоянии. Мне некуда было бежать, и против здорового мужика ростом под два метра не помогли бы никакие мои знания, да еще и мне что-то подсказывало, что он в курсе моих способностей — следил за моими руками, не выпускал из внимания каждое мое движение. Нож в его руке был огромным — таким тесаком разделявают мясо.

— На что я вам? — отвечала я ему на русском, стараясь не использовать новых слов.

— Там узнаешь, иди, не бойся, не обижу зазря! — шел он за мной к двери и хмыкал в бороду.

— Ты, значит, русский? — я искала пути, чтобы больше узнать о нем, а в идеале — втереться к нему в доверие.

— Русской, русской, как и ты, видать, только вот встретились не дома, а вон где — на краю земли! — он пытался то ли заигрывать со мной, то ли как я, «прощупать».

Я вошла в пыльную комнату, стены которой были обшиты узкими досками, но в отличие от Плимута, здесь была краска на стенах, мебель, хоть и немного, но это были стулья, стол на вычурных резных ножках, застеленный льняной скатертью цвета топленого молока, а в соседней комнате я увидела печь, стол с посудой, на стене висели сковороды, кастрюли.

— Садись, разговор будет не скорый, — подвинул он стоящий у стола стул ближе к середине комнаты — подальше от входной двери. — Рассказывай, чево тут делаешь? Как попала?

— Я англичанка. Русский знаю, потому что в доме жили трое русских — семья. Я росла с их детьми. С детства говорю и на русском, и на английском, — я практически ликовала, найдя логичный вариант ответа.

Мужик засмеялся, и я спокойно, как могла, уселась на предложенный стул.

— Живешь где? — пробурчал он из-под густых бровей.

— У индейцев, я сама ушла к ним. Они приняли. И они меня будут искать...

— Хым-м, значит, с индейцами? Давно живешь?

— Скоро год как.

— Зачем к ним пошла, украли тебя? — его голос изменился, и, похоже, он собирался «вызволить» непутевую из «полону дикарскыва».

— Сама пошла. Понравилось, — я чувствовала, что страх отступает, и начала думать, что смогу выбрать правильную секунду и сигануть во двор.

— Ясно с тобой, значит, обманом живешь?

— Нет, не обманом. Овощи ращу, рыбу в реке ловлю, бобров и индеек ем. А потом на солнышке лежу, в водичке плаваю — разве плохо? Неужто ты считаешь, что это плохо?

— Дерешься так откуда?

— От верблюда, мужик.

— Кто?

— Верблюд. Это учитель мой по боевым искусствам.

— Иску...

— Ствам. Драться меня с детства учили. Батюшка у меня уж больно странен был — ездил по миру, изучал Америку, Китай, вот, скоро должен Аляску открыть, ты если думаешь, что здесь русских не будет, ошибаешься, мужик. На севере и ваши земли будут. Учителя н из Китая привез. Вот он меня и обучал.

— Батюшка, говоришь?

— Да, говорю же, не сиделось ему с маменькой, он все больше в дороге, в открытиях. Сначала русских привез, потом китайцев. Следом и индейцев. А меня с собой взял, показать Аме... Новый Свет. Да мне и понравилось у индейцев. Скоро приедет, к осени, может. Коли мне приглянулось — оставит, коли нет, заберет в Англию. Что еще тебе от меня надобно?

— Драться будешь, вот чего мне надобно. Сегодня, как моряки придут в таверну.

— С тобой драться? — мне резко стало плохо — я о таком и подумать не могла. Вот он чего еще высмотрел, глазастый! Значит, они здесь и бои практикуют.

— Не, я сегодня на тебе монет заработаю. А коли подведешь, за забором свиньям скормлю, поняла?

— Да, чего ж не понять то? Драться то надо с одним? — сказала, а потом и подумала, что зря язык распускаю.

— Нынче с одним, а потом увидим. Надо за один раз собрать, завтра шкуны уходят. Вот для всех будет зрелище, девка! — он хлопнул себя по коленям. Дам тебе десять золотых, а дальше — как уговоримся.

Десять золотых это много даже здесь. Он понимал, что простыми угрозами я свою морду под кулаки не подставлю — какая разница — от него побои терпеть, или от остального народа. Соглашаться, показать, что заинтересована и сбежать? Девки мои все равно искать станут, а там и Сквонто может ирокезов поднимет, но это все теория, а практика... она вот, напротив меня сидит, ладони с весло!

— Жить я где буду? — чуть сощурив глаза заинтересованно спросила я мужика.

— Тут, на верху и койки имеются. Скоро матросы придут, а ты кепку-т не сымай, волосьев не кажи, они и не спросят ничо. А вечером тихонько в лес уведу — они туда придут — место-та все знают. Там и расскажу, что ты девка. Они сначала посмеются, а монет то не пожалеют. А ты только лбом его в пол тюкни, да чтоб заорал быком, и все, золото наш с тобою.

— А соперник то крупный?

— Да, чуть крупней тебя, ты и сама с росту та не девка будто. Звать та как?

— Элизабет...

— Лизка значит, — хыкнул он.

— Ага, Лизка, а тебя как звать, напарник? — я улыбалась все беззаботнее, старалась покачнуть его недоверие, как могла.

— Федор я, во Франциях шкурами торговал с наших земель, а там все заговорили, что, мол, Новый Свет открыли, а тут шкур — темным-темно. Говорили, мол, только наклонись, да из воды вытаскывай. Вот и поехал. Купец я. Торговец по-вашему, — спокойнее уже, доверчивей, болтал Федя. — Как услышал от тебя слова русские, опешил вначале.

— А потом решил заработать на бабах? — уже с азартом начала отвечать ему, надеясь «прощупать».

— Да ты сама больше заробишь, девка. Я не жадный. Мне надо денег заробить, чтоб обратно вернуться, — глаза его заметно погрустнели, — Два сына и дочка там.

— Ладно, не переживай, пойду я на твою драку. Только чтоб никаких ножей, понял?

Золота мне тоже не помешает, хорошо, что предложил — мне отцу надо доказать, что самостоятельно жить могу. Где пожрать тут можно?

— Щас принесу, седи. Я тебя закрою, не вздумай дергаться, поняла? — его голос снова стал серьезным, грубым.

— Куда я денусь? Только слово дай, что десять золотых отдашь, иначе, ничего от меня не жди, — ответила ему, и подвинула стул к столу.

— Даю слово. Не обману. Десять золотых в тот же час отдам, — видимо, чтобы подтвердить свою искренность, он прижал кулак к груди, вышел и закрыл дверь снаружи на засов. Интересно, если заорать, кто-нибудь поможет мне, или я только привлеку внимание других, менее сговорчивых бандитов.

Драться не хотелось, больше того — было страшно. Но десять золотых, на которые можно купить не только продуктов и шерсти, но даже и лодку, на которой все это везти. Мы могли бы докупить массу гвоздей и скоб для постройки еще одного маленького дома. А начать строительство его можно сразу после большого — главное, чтобы Сквонто с Малкольмом поставили большие угловые столбы, основу для крыши, а доски ны напилим уже без индейца.

Федор вернулся минут через сорок. Принес горшок с похлебкой, кашу из кукурузы и самое главное — ломоть хлеба. Настоящего хлеба из муки, запах которого я стала уже забывать. Он только поставил все на стол, я схватила хлеб и прижала кусок к носу, вдохнула, и глаза сами закрылись от удовольствия.

— Поешь и отдохнуть можешь, там наверху койки есть, — отрешенно как-то проговорил Федор, и сел на стул возле окна. Я смотрела туда безотрывно — надеялась, что увижу девушек или Сквонто, которые уже должны были потерять меня и отправиться на поиски.

Заснула я прямо за столом, положив голову на руки, а проснувшись, поняла, что спина затекла, в голове гудит. За окном уже смеркалось, и я не понимала, как могла проспать так долго. Нужно было подняться, но я не могла заставить себя уйти от окна в надежде, что меня заметят. Вторая часть меня очень хотела заработать, и страха, что Федор меня обманет не было и в помине.

— Держи, выпей, и пора идти, — голос за моей спиной принадлежал моему новому знакомому. Я обернулась — в его руках была большая дымящаяся кружка. Это был чай, и не травяной, не пахнувший сухими ягодами, а настоящий черный чай.

— Откуда здесь чай? — не задумываясь, спросила я, скорее саму себя, нежели моего «напарника».

— Шхуны обходят эту землю, и привозят иногда редкие вещи. Эта трава лечебная — дает силы, — он гордился, рассказывая мне о напитке, который был в моем мире настолько обычным, что мы даже не задумывались, покупая его как сахар, кофе, молоко или хлеб.

Клер говорила, что чай в Англию привезут только лет через сорок купцы Вест-Индской английской компании. А жена Карла II Екатерина Брагансская — португальская принцесса сделает его английским напитком, и мы будем всегда ассоциировать чай исключительно с Англией.

— Вкусно, только с сахаром этот напиток намного вкуснее. Попробуй как-нибудь, — ответила я, встала и оглянулась по сторонам: — Туалет у вас где?

— На дворе, айда за мной, — махнул мне Федор и повел на улицу. Становилось темнее и темнее. Почему они все еще меня не ищут? Городок не такой уж и огромный, можно было уже все дома проверить по три раза, залезть в каждую щель, и найти меня. Что там думает Клер?

Туалет на улице был дощатым деревенским «клозетом», но мне удалось побыть там одной, и подумать о предстоящей ночи, о своем решении, которое я, скорее всего, приняла слишком поспешно. В туалете было не плохо — сиденья не было, но яма была щедро закидана травой, что лишало его запаха, которого я ожидала при входе. Я постояла там, всматриваясь в щели на темнеющее все больше небо.

А вдруг навыки утеряны? Вдруг в этом теле очень слабые сухожилия? Травматолога я здесь точно не найду, и рискую прожить остаток жизни инвалидом. Черт бы подрал мою самоуверенность и сребролюбие. Я успокаивала себя тем, что все это я собираюсь делать не для себя, но все равно понимала, что это лишь шанс немного потешить свою гордыню.

— Пошли, время идет, — пробурчал за дверью Федор. Я вышла из своего убежища и пошла следом. Он взял меня за руку, и вопреки моим ожиданиям, мы направились не в сторону улицы, а к стене, что была сложена из бревен, камня, и кое-где даже замазана глиной или другим раствором. Он достал из кустов лестницу и приставил к ограждению так круто, что подниматься по ней придется почти вертикально.

Федор коротко свистнул, и на другой стороне ответили таким-же свистом. Он подтолкнул меня, указывая, что мне нужно залезать первой. Я быстро вскарабкалась до самого верха, но даже стоя на самой верхней перекладине, я не видела другой стороны — стена была выше уровня глаз, а подо мной было не менее двух метров шаткой деревянной конструкции, что держал Федор своими кулаками — лопатами.

Вдруг с другой стороны перелетели на меня две веревки. Одна с петлей, вторая с узлом на конце, Федор полушепотом, стоя с поднятой ко мне головой сказал:

— Залезай в петлю с руками, затяни на животе, а руками за вторую веревку подтягивайся.

Я выполнила все, что он сказал, дернула за веревку с узлом, проверяя, крепится ли она там к чему-то, и почувствовала, что петля на моей талии начинает затягиваться, а веревка, которую держат руки уже тянет меня вверх. Ноги оторвались от лестницы. Я посмотрела вниз — ни ее, ни Федора там уже не было.

Как только забор стал ниже моих плеч, второй рукой я попыталась схватиться за него, но меня ждало фиаско — его ширина была не меньше метра, и пока меня не затянули по пояс, я так и не смогла закинуть на него даже ногу. Распластавшись на нем, как на плоту среди бушующего моря, я посмотрела на другую сторону — там стояли трое мужиков, и один держал мушкет, значит, побег по стене точно невозможен — все предусмотрели, засранцы.

Лестница с другой стороны была чуть выше, и мне пришлось максимально прицелиться, чтобы, скользя телом по стене попасть ногой туда, куда нужно. Не хватало только ногу сломать, вот тогда будет очень весело. Буду всю оставшуюся жизнь блины на площади печь под песни Би-2, чтобы заработать на виски.

Спрыгнув на землю, я всмотрелась в лица, и не обнаружила там ни одной эмоции, словно они вовсе не понимали, зачем меня ведут в лес. Хрен его знает, что им сказал Федор и кем меня представил. Может они и вовсе не знают, что я здесь делаю.

— Иди за нами, волосы убирай под шапку, — наконец, заговорил один из них. Я убрала свои отросшие до плеч волосы за уши и натянула кепку.

Мы шли через лес минут пятнадцать. Когда подошли к поляне, где горели четыре больших костра, опустилась ночь. В центре поляны был организован ринг — четыре больших столба, вбитых в землю были обмотаны веревками. Сейчас там мугузили друг друга два мужика с голыми торсами. Нашего прихода никто даже и не заметил, скорее всего, так и было задумано.

Мы стояли в последних рядах. Я осмотрела толпу — здесь было не меньше трехсот человек, и люди подходили со стороны реки и со стороны города. Скорее всего, это было запрещенное развлечение.

— Еще трое, и ты пойдешь. Кепку сразу не снимай. Смотри на меня — как я сниму, так и ты снимешь, поняла? — негромко сзади сказал мне в ухо Федор. Я даже не слышала, как он подошел.

— Хорошо, только вот, боюсь, что противник будет очень сильным. Тогда я ничего не смогу сделать.

— Те мужики, которых ты скрутила, были поболее этих, — крикнул Федор.

— Слушай, а зачем нас поймали, ты не знаешь? Если знаешь этих людей, лучше сразу правду скажи, — повернулась я к нему, и внимательно посмотрела в глаза.

— Вы с индейцами пришли. А здесь, сама видишь, женщин не так уж и много. Ну, подержали бы несколько дней в подполье, а как индейцы ушли бы, можно было бы вас и замуж отдать. За деньги, естественно. Тут с бабами разговор короткий.

Я поняла, что Клер меня не искала может и потому, что девушек просто отловили, и держат сейчас в подпольях. Лишь бы Сквонто был с ними. А если и с ними? Кто его станет слушать? Он даже не ирокез. Да и наших спутников мы не видели ни разу с того момента, как сошли на берег.

Вдруг к Федору подошел мужчина — один из тех, кто привел меня, и жестами начал что-то объяснять. Я поняла, что французский Федор понимал еще хуже чем я. Тот зыркнул на меня и махнул рукой, чтобы я следовала за ним.

— Кто поставит на этого тощего? А ну, тощий, выходи! — крикнули с арены, и Федор подтолкнул меня вперед. Я испуганно глянула на него, но он мотнул головой.

— Да уж, надо Федя, надо, — с улыбкой прошептала я ему в ответ. — Если со мной что-то случится, мой отец найдет тебя — я оставила для него послание, так что, постарайся сделать так, чтобы я осталась живой, ясно? — я подождала, когда он мотнет головой и пошла к рингу.

Бороться со своей гордыней, со своими тараканами в голове, я не умела. Я прекрасно понимала одно — у меня был шанс убежать от него еще в доме, огрев стулом, я могла прыгнуть на него с лестницы, сломав ему шею, я могла убежать из этой толпы, но истинная я хотела этой драки, хотела денег и шанса быстрее получить хоть что-то для нашего форта. Я понимала, что жизнь слишком коротка, чтобы ждать по году, продавать блины или безе.

Толпа смеялась. Я из-под козырька наблюдала за ними, я видела эти лица, что со слезами на глазах ржали как кони. Я стояла посреди ринга, засунув руки в карманы, тощая, длинная как палка, в мужской одежде и индейских мокалинах, с перевязанными веревочками коленями, чтобы короткие штаны не вылетали постоянно из мягких кожаных сапожек.

— Ты его голодом морил? — раздавалось из толпы? — Он не откусит нам уши? — раздавалось вокруг, и сопровождалось новыми приступами хохота.

— Это еще не все! — кричал невысокий мужичек, выполнявший роль рефери, — Он сам изъявил драться, и участвует в ставках, кто выйдет против? — оглядывался на смеющуюся толпу судья.

— Ну, давайте я, — к веревкам подошел мужчина, ниже меня ростом, но достаточно крепкий — туго сбитый, с явным животиком. Такие хорошо стоят на ногах, но они малоподвижны, а вот то, что у него руки короче моих — не очень хорошо.

— Ты его только не убей, Николая, — орали из толпы. Я оглянулась и нашла глазами Федора. Он заметил мой взгляд и улыбнулся. Теперь он стоял в первом ряду. Я ждала знака.

— А если я скажу, что это не мужчина? — прокричал рефери, я посмотрела на Федора, и тот снял кепку. Я повторила за ним — толпа загудела. Народу было теперь очень много. Вот где проводят вечера мужчины города и все моряки...

— Нет, вы решили меня унижить? — ответил Николая, и ушел в толпу, крича в сторону ринга о том, что с женщинами он не дерется — ему не интересно.

— Ее зовут Лиза, она русская, и готова драться. Она поставила на себя. Драка без оружия, пока она не окажется на спине! — кричал рефери.

— Да она и должна лежать на спине, почему она здесь, зачем, кто она? — раздавалось из толпы. Я собралась с силами, вспомнила французский и заорала на весь ринг: — Труссы, все французы трусы!

Тишина воцарилась так резко, словно я закрыла качественное окно, выходящее на шумный проспект. Мужчины переглядывались, начинали разговаривать, и тут из толпы вышел мужчина лет тридцати:

— Если я положу ее на лопатки, она уйдет со мной, — коротко сказал он и подняв веревку прошел ко мне на середину ринга. — Ты согласна? Иначе я не готов драться, мужчина должен жениться после такого, правда? — он смотрел на меня внимательно, будто я уже стала его вещью. Он одного роста со мной, руки крепкие, но не жилистые, больше мускулистые, словно он специально их качал. У моряков руки другие. Этот явно местный или вроде купца из Франции.

— Я согласна, а если я выиграю, ты отдашь мне десять золотых. Это кроме ставок! — подняв подбородок гордо заявила я свои условия, толпа загудела пуще прежнего. Зрелище было эпатажным, я уверена, что Федор сейчас потирал руки, и понимал, что первый бой ерунда по сравнению с тем, что будет во второй и третий бой. Люди попрут сюда как в цирк. У меня же были иные планы.

— О! Она ставит мне условия! Я согласен, люблю женщин с огоньком, — крикнул он и мы ударили по рукам. Рефери подозвал людей, которые в ту же минуту начали принимать ставки. Думаю, Федор поставил не мало. Я отогнала на секунду пронесшуюся мысль о том,

что могу и проиграть, и уже этой ночью в лучшем случае, окажусь женой этого француза, в худшем — даже думать не хочу.

Мужчина, что уже прикидывал как меня использовать в дальнейшем, снимал камзол, заворачивал рукава на рубаше, вынимал нож из сапог. Не симпатичный, самовлюбленный тип с залысынами. Его верхняя губа была такой пухлой, что придавала лицу выражение горделивости, пацанства. Нет, Мария, ты просто обязана сделать все возможное, и самое главное — не поддаваться ни на секунду, иначе, и просто свалит весом.

В момент, когда ударил гонг, в моей голове включился слоу-мо, и все окружающее, с мужчиной в центре ринга, словно в замедленной съемке начало надвигаться на меня.

Он сделал лишь одну ошибку — решил обхватить меня руками, широко раскинув руки. Я могла бы просто ударить его в солнечное сплетение, а потом просто толкнуть, но нам с Федором нужна была красивая победа, которая не могла быть случайной.

Я, словно в жесте рукопожатия правой рукой схватилась за его правую ладонь чуть выше, чем это принято, немного выгнув ладонь, и резким движением локтя ударила его в нос.

Это происходит так быстро, что у человека возникает ощущение, что он ударился лицом о трубу, а ногами поскользнулся на очень скользкой поверхности. А самое главное — разбитый нос смотрится эпично — брызги крови говорят сами за себя. Я почти не поменяла положение корпуса. Толпа замолчала. Я подошла к рефери, вытянула к нему ладонь, на которую он положил мешочек с десятью золотыми.

— Благодарю, месье, и десять золотых от господина с разбитым носом переходят в мой карман, — поклонилась на четыре стороны и поспешила к Федору, который уже махал мне, поторапливая. Толпа взревела.

Обратно в дом мы не вернулись. Мы направились к реке. Я натянула кепку, спрятала волосы, шла быстрее Федора. В общем, сейчас, даже если он не отдаст мне обещанное, я уже в выигрыше.

— Иди сядем здесь, — он указал на бревна, которые днем использовались как место для посиделок матросов, мы подошли к ним и сели. — Сейчас они принесут деньги. Ты ночуешь в нашем доме, — словно за меня уже все решено, продолжил Федор.

— У вас так у вас. Только денежки мне мои отдай, понял? Пусть у меня лежат! — борзо ответила я Федору, и поняла, что Федор сейчас не выпустит меня из рук. Только обманом я могу уйти. Я для него курица, несущая золотые яйца, и потерять такую — смерти подобно.

Те же трое подошли только через час. Было уже не меньше полуночи. В тяжелом и объемном мешочке у них были монеты. Кое-как разобравшись с ними, поделив деньги, они ушли, оставив нас вдвоем на берегу.

— Давай мои десять монет, как обещал, иначе больше никаких боев, — протянула я ладонь. Он отсчитал десять монет, и протянул мне. Я достала мешочек с десятью монетами, доставшимися мне сразу, ссыпала эти в него же, развязала шнурок с ноги, перевязала им еще раз мешочек с добычей, и завязала его на шее так, чтобы он не снялся с головы. Если мой план не сработает, этим шнурком меня и задушат.

— Идем домой, — встал Федор, и уже направился в сторону форта.

— Нет, подожди, я должна помыться, пока темно и никто не видит. Уже два дня воды не видела, даже не думай спорить.

— Только не думай, что я отвернусь, — ответил Федор. Именно это мне и было нужно, чтобы не терять время.

— Я в одежде умею, — ответила я, сняла мокасины, кепку и суконную куртку, видимо, перешитую ее прежним владельцем из камзола, положила все на бревно рядом с Федором.

— Оставляй свой мешок, неужто ты думаешь, я убегу? Я мог бы тебе их не отдавать.

— Не, своя ноша не тянет. Пусть будут со мной, — без эмоционально ответила я Федору и пошла в воду. Через пять метров с берега ничего не было видно — вода сливалась с небом — сплошное чернильное пятно.

Я старалась шагать не слышно, шлепала по воде руками, ойкала и айкала, и старательно уходила в глубину, чувствуя, как далеко начинается настоящее течение.

— Ты где? — кричал с берега Федор. В этот момент я поняла, что я отошла далеко.

— Здесь. Больно мелко, со дна весь ил поднимается. Жди, еще вещи прополощу, — ответила я, сделала еще один шаг и легла на спину. Река понесла меня вниз, и последнее, что я услышала от Федора было:

— Гляди, исподнее не утопи, вещей та нету больше, — он хохотнул и замолк. Господи, прошу, неси меня быстрее, быстрее. Теперь нужно примерно вспомнить, через сколько мы были на месте. Каноэ шло явно быстрее, подгоняемое веслами, но я решила ускориться через десять минут, как замолк голос Федора, я плыла как могла, я вспомнила все техники, и поняла, что длинное тело имеет массу преимуществ.

Свет факелов от форта пропал минут через двадцать, и я поняла, что меня начинает знобить. Мешочек я то и дело перекидывала за спину. Я шепотом считала секунды. Когда точно прошло больше сорока минут, я начала присматриваться к берегу. Тут и там горели костры — на берегу жили индейцы, и мне нельзя было выходить везде. Но я могла пройти мимо своих. Лишь бы они не ушли.

— Элизабет, — раздалось в воде у меня за спиной. Я за секунду поняла, что значит, когда волосы на затылке встают. Кто-то плыл со мной в воде. Этот кто-то знал мое имя, и мой мозг дал команду — сделать то, что сделала бы в этой ситуации любая женщина — я заорала и погребла в три раза быстрее.

Сердце стучало так громко, что я не слышала шума воды, по которой колотила руками. Боялась я только одного — что сейчас меня схватят за ногу, и я, запыхавшаяся, уставшая, уйду в темную глубину, где обязательно вдохну. Я боялась воды. Сейчас я ее боялась как раньше. От Федора я ушла в воду без страха, потому что потерять Клер и девушек, остаться в Квебеке с толпой мужчин мне было страшнее, чем утонуть.

— Элиза, остановись, — голос не отставал, и я решила повернуть голову. В эту же секунду меня обхватили руки, — Элиза, это я, это Бернард, помнишь меня? Я из Плимута. Я тебя не обижу, Элиза, давай выйдем на берег, теперь он тебя точно не догонит.

— Как ты здесь оказался? — мои зубы стучали так сильно, что я с трудом выговорила слова.

— Потом расскажу, давай к берегу, все, уже можешь встать, уже есть дно, держись за меня.

— Нам нужно ниже, здесь меня должны ждать Сквонто, Клер и еще двое девушек, Бернард, мне нужно найти их, они не знают где я, и жива ли.

— Выйдем на берег, а я пройду по нему, поищу. Хорошо? Ты должна согреться. Нужно развести костер.

— Не похоже, что у тебя с собой сухие вещи и спички, — пробурчала я, но поняла, что сил оставаться в воде больше нет. Воздух оказался намного холоднее воды, и меня начало трясти.

— Садись здесь, — он усадил меня на берегу, прислонил спиной к дереву, — я сейчас, дойду туда, — указал он сквозь лес на место, где горел костер.

— Хорошо, иди, я буду здесь, не переживай. Я и шага не могу сделать, — я сжалась, пытаюсь согреться, обняла себя за плечи, но это не помогало. Нужно снимать одежду — легчайший ветерок кажется ледяным. Как только Бернард ушел в лес, я сняла брюки, оставшись в шортах, которые мы пошили сами. Меня не беспокоило что подумает обо мне человек, с которым я мысленно простилась.

— Сейчас будет тепло, Элиза, — он вышел с факелом и смутился, увидев мои голые ноги. — Я не буду смотреть, раздевайся.

— Рубашку я высушу на себе, а эти короткие штаны, что на мне... можешь считать брюками, — я смотрела, как он собирает по земле сухие ветки — просто сгребает в одну кучу. Уложил под них горящий факел, и вновь пошел в сторону леса. Ломались сухие ветки, деревца. Кучу, что он принес, быстро переломал и бросил в огонь. Пламя, чувствуя сухое топливо щедро разгорелось. Я крутилась перед огнем, длинная рубашка сохла нехотя, но я согрелась и жизнь стала не такой ужасной.

Бернард сидел напротив, так же, прислонившись к дереву. Наши вещи сохли на палках, он то и дело двигал дерево, чтобы расширить костер, старался не смотреть на мои голые колени, подтянутые к груди.

— Что ты здесь делаешь? — наконец, собралась и спросила я.

— На берегу? Сушусь, как и ты, — улыбнулся он своей совершенной улыбкой.

— Как ты попал в Квебек?

— Я искал вас. Ушел из Плимута в июне, губернатор сказал, что вы направляетесь в новые земли, и что это возле Квебека. О Квебеке я узнал у индейцев, — он вдруг замолчал.

опустил глаза и продолжил неуверенно: — я видел, что ты рано утром приходила к окну. Ты не видела меня, я смотрел на тебя из темноты, а потом смотрел в окно до тех пор, пока ты не зашла за угол.

— Почему губернатор тебя отпустил? Ты же бандит, Бернард...

— Я не буду оправдываться, Элиза, я уже говорил, что пошел с ними чтобы не тронули ваш дом. Солдаты спали в нашем доме на втором этаже. Один из наших принес им сонную траву, она хоть и слабая, но под утро сон становится очень крепким. За ночь до этого они все приготовили в сараях, рано утром нас с Джорджем разбудили и вывели.

— Допустим, я поверила тебе. Как ты меня нашел?

— Я узнавал у всех про Сквонто, про Малкольма, боясь спрашивать о вас, чтобы не привлечь интерес. Но никто ничего не знал. А вчера я пришел в лес, чтобы драться — так я зарабатываю деньги. Иногда работаю грузчиком, когда нужно — на строительстве домов.

— Так ты был там? — перебила его я.

— Да, и был готов выйти и забрать тебя, был готов драться с ним за тебя, поставив на кон свою жизнь...

— Но я справилась сама, да?

— Да, и я пошел за вами, хотел разобраться с ним, и спасти тебя — я был уверен, что вы не вместе...

— Но я снова справилась сама, правильно?

— Да, ты оказалась очень сильной и умной, Элизабет...

— Скажи мне, коли ты видел все, что происходило со мной, почему мужчины — спасатели появляются рядом со мной всегда в тот момент, когда у меня появляются деньги? Что здесь, что там, я поражаюсь. Вы их по запаху чувствуете?

— Что? — недоуменно спросил Бернард.

— Ничего. Нужно найти наш лагерь и выяснить — здесь ли они.

— Он выше или ниже?

— Понятия не имею. Для Сквонто здесь все деревья имеют лицо, а для меня даже время в пути рассчитать — сложно.

— Сколько раз река делала поворот?

— Здесь все время поворот...

— Нет, она прямая, и повороты видны, ощутимы. Вспоминай.

— Два раза, — ответила я вспомнив, что и правда, были два плёса, где приходилось грести особенно сильно — повороты были почти девяносто градусов.

— А после второго поворота вы долго шли по воде?

— Нет, я вспомнила три огромных дерева, но они были справа, и сразу после них слева было наше место.

— Ты узнаешь его с воды?

— Да, я сломала деревце на берегу, чтобы сделать перекладину над костром.

— Как только рассветет, мы сориентируемся. Светает очень рано. Поспи. Я посмотрю за водой. Сколько у вас лодок?

— У нас два каноэ, там должен быть Сквонто или три девушки. Они могут быть одеты как мужчины.

— Я думал, что мне снится, когда ты сняла кепку. Я не мог поверить, что ты нашлась. И я прошу тебя не переживать за деньги и поверить уже мне.

— А мне больше ничего не остается, Бернард. Главное — не убивай меня. Можешь

забрать деньги и валить, я даже кричать не стану, найду своих друзей, и мы уйдем в лес, — я не подняла глаз, подвинулась ближе к дереву, накинула сверху просохшие брюки, и сразу заснула. Мешочек с монетами лежал рядом у шеи.

— Элиза, Элиза, проснись, — шептал мне Бернард, и я чуть не испугалась вновь, когда увидела его, проснувшись. Не сразу вспомнив что произошло вчера, мне даже показалось, что я в Плимуте, а все, что касается времени после нашего прибытия мне просто приснилось.

— Что тебе? Уже вставать?

— Иди скорее, иди, — он звал меня к кустам, что росли на берегу, и я пригнувшись, пробиралась к нему, думая о том, что Федор не оставит меня теперь в покое, и нужно придумать как не попасть в его лапы снова.

— Это Сквонто, Сквонто, — заорала я, встав над кустами, и побежала в воду. Две лодки скользили в тумане, и на первой был Сквонто.

— Как ты их услышал? — я дергала Бернарда за рукав, мне хотелось расцеловать его.

— Я услышал, как кто-то поет песню. Я никогда не слышал такой песни. Если бы они проплывали здесь, ты тоже услышала бы ее.

Люди в каноэ услышали и увидели нас. Сквонто с трудом сдерживал девушек, чтобы они не вывалились за борт. Клер выпрыгнула еще до берега, упав в мои объятия и заревев навзрыд:

— Какая же я дура, почему я послушалась и отпустила тебя одну, зачем, — она стенала и колотила меня кулачком по спине, потом она присмотрелась и узнала Бернарда. — Значит, ты это с ним прохлаждалась, пока мы искали тебя, пока спорили со Сквонто, чтобы он отпустил нас в Квебек?

— Он спас меня, Клер. Он спас меня, я потом все расскажу, нам нужно пройти Квебек по другому берегу, пока не рассвело, — торопила их я, но Сквонто пристал к берегу, с Бернардом они вытащили каноэ, и он сказал: — Нам нужно говорить всем. Нужно знать сколько нас и куда мы идем. Чтобы идти с ним, — он качнул головой на Бернарда, нам нужен плот, потому что нам нужны гвозди.

Мы вышли из воды и поднялись к нашему костровищу. Девушки быстро заварили чай, пожарили соленое мясо, что скорее всего добыл Сквонто. Я ела с таким удовольствием, словно голодала целую неделю. Нервы до хорошего не доведут.

— Кстати, у нас есть двадцать золотых, и мы можем купить лодки, продукты и столько гвоздей, сколько нужно, Сквонто, — я говорила с полным ртом еды, тряся мешочком на шее. Клер покосилась на Бернарда.

— Если вы позволите, я пойду с вами... — осторожно заговорил Бернард.

— Если позволите, мы не хотим, чтобы у нас воровали запасы, мышей хватает и на поле, — не думая, с полным ртом ответила я.

— Нам нужны руки, Элизабет, — вдруг ни с того, ни с сего ответил мне Сквонто. — Да и Малкольм еще очень молод. Я переживал, что один я не справлюсь.

— Да, а потом он приведет своих людей, что бродят сейчас непонятно где, или ждут его за углом, и мы останемся на полянке. Это еще если повезет выжить, и они соизволят нас не убить, — начала злиться я.

— Но он сказал, что не виновен, Элизабет, — совершенно серьезно ответил Сквонто.

— А если я тебе скажу, что я королева Англии? — зыркнула я на Сквонто.

— Но это не так, правда? — совершенно не злясь, не споря, ответил Сквонто. Эмоций в нем было ровно столько же, сколько в коробке из-под телевизора.

— Я клянусь вам, что вы не пожалеете, если возьмете меня с собой. Я должен вернуться в Квебек, чтобы забрать свои вещи. Там есть письмо для вас от губернатора Плимута. Может хоть оно заставит вас изменить обо мне свое мнение, — он опустил голову и рассматривал подошвы своих сапог. Я смотрела на всех своих друзей по очереди.

— Я здесь не одна, и это не мой форт. Мы вместе должны решить. Что вы думаете? — обратилась я ко всем.

— Он должен пойти с нами, — уверенно проговорил Сквонто. — Кроме этого, именно он должен купить в Квебеке все необходимое. Женщины спрячутся, когда мы будем проходить Квебек. Мы поднимемся выше города, оставим вас там, и двое спустимся к Квебеку. Если этот человек знает, что мы вместе, как ты сказала, мне больше нельзя туда. Значит, Бернард купит все сам и вернется к нам, и мы вместе отправимся домой.

— Ишь ты, то есть мы должны отдать ему деньги и каноэ, и ждать, когда он вернется обратно? — я посмотрела на Клер. — Цыгане Нового света, подруга. Ты что на меня так смотришь? Считаешь, что я не права?

— Считаю, что снаряд не падает дважды в одну воронку, я тоже не против, чтобы Бернард ушел жить с нами, — ответила моя подруга и опустила голову.

— То есть, когда люди берут кредит чтобы погасить кредит, это не одна воронка? Ты думаешь глупцов мало здесь? Ту думаешь бандиты не умеют притворяться? Ну хорошо, я услышала тебя. Остальные дамы как считают? — я посмотрела на Барбару и Малышку, твердо уверенная в том, что уж они-то точно примут мою сторону.

— Мы тоже не против, чтобы он шел с нами. Он не похож на бандита, — ответила Малышка. У меня даже рот открылся.

— А кто похож на бандита? Может быть я сегодня ночью походила на него, когда рвала когти с деньгами на шее, когда плыла ночью по этой реке и боялась, что меня съест крокодил...

— Элиза, не драматизируй, на севере нет крокодилов... перебила меня Клер.

— Как и бандитов, да. Тут все сплошь ангелы. Когда я стояла там посреди ринга, никто даже и не подумал, что я женщина, не подумал, что меня нужно спасти, — я не могла больше придумать причин, чтобы не брать Бернарда.

— Но ты не просила помощи, Элиза, ты ставила условия, поднимала ставки. Если бы ты

хоть слово сказала, что тебя здесь держат насильно, людей, что привели тебя, тут же бы скрутили и увели на суд, — ответил Бернад. — Я ждал, когда ты останешься одна, но потом увидел этого мужика, и понял, что тебя все же держат.

— Элиза, это в твоём стиле, и ныть сейчас — самое глупое занятие. Нам нужен Бернад сильнее, чем мы ему, — ответила Клер. — И все уже решило голосование. Идем ближе к левому берегу, обратно идет один Бернад, покупает все необходимое, и мы выдвигаемся домой, — твердо закончила она и направилась к лодкам, просто выплеснув чай из котелка в костер.

Я села в каноэ со Сквонто и Клер. Девушки сели с Бернадом. Я старалась не смотреть на него, но как только забывалась, вновь начинала пялиться на соседнюю лодку. Выше Квебека мы встали в глухом месте, каноэ затащили на берег, освободили одно и Бернад уже направился к нему, когда ко мне подошла Клер, достала нож, срезала с моей шеи мешок с золотыми и окликнув Бернада, бросила ему. Он поймал мешочек, улыбнулся нам и оттолкнул каноэ от берега.

— Ну, как пришли, так и ушли, — шепнула я и посмотрела на кучу инструментов, ткани и посуды, которая точно не вместится в одно каноэ с нами. — Если мы построим плот, то кое-как сможем, наверно, добраться до дома.

— Не нужно выдумывать, Элиза. Может ты и много пережила, но начни уже доверять людям, — не успокаивалась подруга. — Ты как ослик из «Шрека», бурчишь и бурчишь. Ты не была такой до появления Бернада. И заметь, он хотел тебя спасти, шел за тобой!

— Конечно, он знал, что у меня двадцать золотых...

— Все, тема закрыта. Нужно приготовить еду. Выйдем, как только он причалит, и мы разложим все по лодкам.

— Да, да, разложим. По лодкам... забудьте о лодках, — ныла я дальше. Боже, как мне не хотелось оставаться дурой.

Мы слышали удары весел по воде уже когда начало темнеть. Бернад вернулся в лодке чуть побольше каноэ, которое тянулось за ним на веревке. Клер посмотрела на меня взглядом победителя.

— Элизабет, это письмо для вас. Мне дал его в дорогу губернатор. Я не открывал его, хоть на нем и нет печати, — Бернад передал мне сложенный вчетверо листок, что он вынул из-за пазухи. — Тебя ищут все, город только и говорит о женщине с железными руками, что пришла с индейцами. Если ты планируешь снова приехать в Квебек, то лучше сделать это в платье.

— Тебя не спросили, Бернад, — огрызалась я, понимая, как меня тянет к нему, как хочется посидеть рядом, как хочется сказать, что думала не увидеть его больше.

— Хорошо, я больше не доставлю тебе неудобств, спасибо, что взяли меня, потому что я пришел сюда только из-за тебя, — он сказал и сразу отошел от меня, принявшись помогать Сквонто с укладкой нашего скарба в лодки.

Теперь у нас было достаточно гвоздей, скоб, инструмента и даже несколько кусков железа, которые станут подарком для Малкольма, что получил первые навыкиковки в Плимуте. У нас была мука, две курицы, шерстяная ткань на теплую одежду, и еще пара больших котлов. Я не представляла, что буду радоваться этим вещам сильнее, чем покупке квартиры. Так же, Бернад купил масляную лампу, немного масла, свечи. Но три небольших, буквально, двадцать на двадцать сантиметров, кусочка стекла, обрадовали вообще всех. Зимой нам пришлось бы забить окна, так как промасленные тряпки будут замерзать, а нам

пришлось бы сидеть в полной темноте.

Бернард не старался заговорить со мной, но с ним охотно говорили, как девушки, так и Сквонто. Уложив все кое-как, мы отошли от берега, чтобы встать выше — как можно дальше от Квебека, и не приставали к берегу до самого утра, чтобы потеряться из виду, если нас и надумают отследить.

Дорога была не легкой, приходилось плыть у берега, чтобы не попадать в течение, что моментально относило обратно. Бернард оказался настолько кстати, насколько же и я была не права, выступая не брать его с нами. Радовало то, что возвращались мы победителями, с полными лодками продуктов и инструмента. Наши курочки неслись в дороге, и по прибытию я мечтала развести цыплят.

Через пять дней после нашего выхода из Квебека, нас догнали ирокезы, что были нашими спутниками в первом пути. Мы отужинали и ночевали вместе, чтобы рано утром выдвинуться в путь снова. Их каноэ были пусты, и они быстро исчезли на горизонте, как мы не старались идти рядом.

Рано утром, на двенадцатый день дороги, мы увидели дымок с берега. Туман говорил о том, что мы были дома — лес в горах здесь испарял очень много влаги.

Когда с воды мы увидели наш первый дом, сердце замерло, так как мы всей душой считали это место своим домом. Пэвэти, стоящая в воде вместе с еще парой девушек, ловили рыбу, под навесом кухни сильнее задымил костер — нас увидели, и торопились приготовить завтрак.

Я хотела посмотреть на огород, хотела проверить урожай, хотела поскорее оказаться на земле. Дорога в Квебек по воде хороша только в одну сторону, а обратно нужно искать другие пути, только вот лес еще дик, множество завалов заставят обходить их даже на лошадях, и нашим путем в цивилизацию, скорее всего, на долго останется наше озеро, еще на названное озером Шамплен, и река Святого Лаврентия, которую оно питает.

Нас встречали как любимых родственников, которых не видели несколько лет и ждали с нетерпением. Девушки накрывали столы, а Малышка достала из сумки, привезенной из Квебека бутылку виски, что купила у моряков в день, когда они потеряли меня.

— Как же я рад, что вы нашли Бернарда, — скакал возле нас и радостно тараторил Малкольм.

— Он сам нас нашел, — ответила я, косясь на нового жителя нашего форта. Бернард осматривал нашу постройку, берег. Сквонто проводил его по всей нашей территории, показал наши рисунки на обрывках бумаги — мы рисовали каким образом будут стоять здесь дома. Я и сама была удивлена продвижением стройки — ребята здесь не ленились и напилили много досок, которые не могли приколотить, так как гвоздей, что мы принесли с собой было очень мало.

— Завтра с утра мы можем продолжить пилить, а Сквонто с девушками забивать стены, — аккуратно предложил Малкольму Бернард.

Я прошлась вокруг нашего дома, где девушки из камней уже выложили основание для очага. Малкольм оказался ответственным хозяином, и не давал простоя ни одной паре рук: под навесом сушились пучки трав, солома для утепления дома, выложенная слоями почти под самую крышу, на нитках сохли грибы и рыба, обернутая в ткань.

Я направилась к огороду и меня догнала Клер — ей тоже не терпелось посмотреть наши грядки. Картошка выросла сильно, как и тыквы, коих нас ждал огромный урожай. Тыковки уже завязались, и некоторые были размером с мандарин. Через пару недель их можно будет начать есть. Овощей очень не хватало. Рыба и мясо спасали ситуацию, но я знала, что это точно не особо полезно.

— Ты знаешь, наша «Кремлевская диета» начинает надоедать. Так мы заработаем подагру. Тыквы много, и мы можем начать есть уже и эти маленькие тыковки. Нужно будет придумывать как сушить ее. Кукуруза уже формировала початки. На нее я возлагаю не меньшие надежды, — сказала я Клер, которая осматривала картошку.

Клер взяла лопатку и выкопала три куста картошки. Мы получили небольшую корзину, и нам всем достанется по три картошки на обед.

— Я так и не поняла, что произошло с тобой и Бернардом, Элиза, а поговорить спокойно было негде, — сама начала разговор Клер.

— Ничего особенного. Он догнал меня, когда я уже плыла к вам. Замерзла до чертиков, а он сказал, что увидел меня еще на боях. Но он ничего не сделал там, не дал понять что он рядом. Может быть тогда я бы отказалась от боя...

— Не отказалась бы. Я знаю тебя. Тебе сложно передать свою судьбу в чьи-то чужие руки. И я уверена, что он это уже знает. Если бы что-то пошло не так как ты планировала, я уверена, что он вступился бы за тебя. Ты сказала, что привезла письмо, которое он передал тебе. Оно от губернатора?

— Да, и Бернард сказал, что так нам будет понятнее, и не стал ничего подробно рассказывать, — ответила я и вынула из-за пазухи пухлый сверток с сургучной печатью.

— И ты так его и не открыла? — удивленно спросила Клер и взяла сверток.

— Нет, я подумала, что это нужно читать при всех.

— Знаешь, опыт показывает, что лучше заранее знать, что тебе придется читать, и стоит

ли это делать, — ответила подруга и сломав печать, раскрыла бумажный пакет, в котором было два листа. Она бегала глазами по листу, быстро впитывая информацию.

— Читай вслух, — отвлекла я ее от чтения.

— Ты столько дней не читала, так что потерпишь несколько минут, отвернулась она и присела на бревно, где мы отдыхали во время работы в огороде.

— Мне кажется, или ты не на моей стороне? Мне не понятно почему ты так обрадовалась появлению Бернарда.

— Потому что он тебе нравится, и вот это письмо говорит о том, что он не плохой человек, Элиза. Он не врал, когда вернулся, — подняла на меня глаза Клер и подала бумаги.

— Губернатор пишет, что к деревне Сквонто вышли мужчины, их было пятеро. Они были голодны и те сходили за солдатами и привели их в Плимут. Оказалось, это те, кто ограбил форт. Они с трудом дошли обратно. Остальные погибли. На суде они признались, что двое шотландцев пошли с ними против воли — они не знали, что англичане планировали ограбление. Один из двух Шотландцев был Бернардом. И они подтвердили, что, когда не осталось еды они сбежали. Англичане не стали их искать, потому что были уверены, что те умрут в лесу одни.

— Да, я не слепая, и читаю это сама, — отгрызнулась я, боясь оторваться от строчек. Мое сердце пело — мне больше не нужно было ненавидеть этого мужчину.

— Это еще раз доказывает, что у тебя странное строение мозга, Элиза, — бурчала Клер.

— Это ты сама выяснила? Благодаря чему?

— Благодаря твоей упертости. Извини, но это так. Да, твоя твердолобость помогает нам всем добиться целей, но учти, что самой тебе счастья не видать, если ты будешь его от себя гнать поганой метлой, — Клер говорила, как раньше это делала Лиля — с выражением лица, какое бывает у воспитателей в детском саду, когда те отчитывают малышей за разбросанные игрушки.

— Спасибо, товарищ Фрейд, но я сама достаточно хорошо себя знаю.

— Не похоже на то. Ты учти одно — мы не в нашем двадцать первом веке. Здесь любовь значит еще очень много, и люди умирают за свою любовь.

— Ага, то-то на улицах все устлано трупами — все умерли за любовь, — буркнула я в ответ, и заметила, что к нам идет Малкольм.

— Идемте, все вас жду. Стол накрыт, и мы сегодня будем праздновать ваш приезд. Маргрет плакала от радости, что вы вернулись целыми и невредимыми, а Малышка рассказала, что ты заработала деньги на боях. Это точно не шутка? — тараторил он, а мы шли за ним. — Ты покажешь мне как ты это сделала?

— Обязательно, но хочу тебя разочаровать — это получилось случайно, — пыталась остудить его пыл, но получалось плохо.

— Не скромничай, я думаю, ты стесняешься рассказать, ведь ты девушка, и такую сильную девушку могут просто не взять замуж, но я бы точно женился на тебе, — его язык «бежал» быстрее мыслей, и он уже пожалел о сказанном, когда Клер решила добавить масла в огонь своими словами:

— Ну вот, Элиза, теперь тебе нечего бояться — жених у тебя уже есть.

— Да я же не дурак, знаю к кому пришел Бернард. Он рассказал нам, что вышел из Плимута через несколько дней после нас, но все, что он знал, что это место недалеко от Квебека, и прошел мимо по горам. Если бы он спустился в долину, то обязательно заметил бы нас, — его рот не закрывался до нашей летней кухни, где Маргрет сейчас обнимала

Барбару и Малышку поочередно, усевшись между ними.

— Какой прекрасный стол, — похвалила я девушек. Пэвэти принесла к столу много рыбы с огня, а Малышка разлила по кружкам виски. Его вкус казался волшебным, голова легко закружилась. Пока я тайком наблюдала за Бернардом, Клер рассказывала о письме губернатора. Сквонто улыбался, словно он изначально делал ставки на то, что Берnard невиновен. Может и правда, он больше знает о людях — чувствует их на каком-то высоком, недоступном нам уровне.

День был хорошим, и все решили сделать выходной. Мы купались, валялись на солнце, смеялись, рассказывая о нашем путешествии, а вечером, после коллективной поливки огорода за ранним ужином мне пришлось рассказать историю, в которую я попала. Охи и ахи сестер, их округлившиеся глаза, говорили о том, что такую ситуацию они рассматривают как из ряда вон выходящую, и теперь для них дорога в Квебек точно закрыта.

Спать мы укладывались рано, разложив все привезенное в недостроенном пока доме. Малкольм сколотил клетку для кур, которые в пути и в первый день пребывания в своем новом доме порадовали обитателей яйцами. У нас был кувшин скисшего молока, и на завтрак мы запланировали оладьи.

Голова кружилась даже когда я лежала — сказывались дни, проведенные на воде. Усталость наваливалась, но сон не шел. Я перебирала в голове все, что было задумано. Особенно меня интересовала тема кленового сиропа. Эта природная сладость позволит делать множество десертов, которые хорошо продадутся в Квебеке и Монреале. А сделать банальную пахлаву я смогла бы и на костре. В детском доме мы пекли ее из подручных продуктов.

Главное мы нашли замену дорогому и редкому пока сахару. Безе, что продали девушки, был с восторгом встречен в Квебеке, и, если чуть подкорректировать рецепт, заменив сахар сиропом, мы могли бы делать его огромными партиями. Хранится он даже в жару, упаковывать можно в корзины или ящики.

— Ты же не спишь, — прошептал вошедший в дом Берnard. Он с мужчинами должен был спать у костра, как Сквонто, мы отдали ему один из матрасов, отрез шерсти, чтобы накрыться.

— Нет, не могу заснуть, — тоже шепотом ответила я, боясь разбудить девушек, что давно уже спали. Режим здесь соблюдался сам собой — мы вставали с первыми лучами солнца, и спать уходили, как только становилось темно. Никакие телевизоры и интернет не мешали спокойному течению жизненного ритма.

— Что ты хотел? — спросила я, смотря на силуэт в дверном проеме.

— Элизабет, выходи за меня замуж, — откашлявшись, очень осторожно предложил мне Берnard.

— Ты знаешь, сегодня уже поздно, давай завтра, — ответила я дабы посмеяться, но он, похоже, не понял шутки, быстро ответив:

— Хорошо, я готов завтра, но у нас нет церкви, чтобы обвенчаться!

Сон, и без того плохой, рассеялся. Я поняла, что он не шутит, посмотрела на дверной проем — он был пуст. Ничего себе заявление! Мало того, что в мои планы не входило жить в семнадцатом веке, а уж выходить замуж, да еще и здесь, я точно не хотела.

Мне показалось, что я закрыла глаза на секунду, и в тот же момент девушки начали шептаться — неужели слышали все, и хотели обсудить, как только я засну, но открыв глаза, я поняла, что уже день. Солнце светило не по-утреннему, дело подходило к обеду.

— Элиза, твои шуточки стоило оставить в двадцать первом веке, потому что Бернард уже рассказал всем, что ты согласилась выйти за него замуж, — надо мной стояла Клер. — Рабов мы еще завести не успели, поэтому, поднимай свою тушку, и отправляйся в огород. Я уже два часа там отпахала. Нужно рыхлить землю. Раз засеяла колхозное поле, то и работать придется как колхозная лошадь.

— Встаю. Даже и не знаю, как я столько проспала. А шутка с Бернардом — случайность. Я не думала, что он поймет все буквально, — мне было неудобно, но выходить все же надо.

— Да, давай, теперь попробуй сказать ему, что ты просто пошутила, потому что он не дает стучать все утро, чтобы ты выспалась, — со смехом ответила Клер и вышла.

— Черт подери, ну кто тянул меня за язык, ведь мы же знаем, что шуточки здесь не в почете, — сказала я сама себе, потерла лицо руками и поднялась, намереваясь сразу пройти до озера, чтобы искупаться и переодеться в легкое платье.

Возле дома Сквонто и Малкольм аккуратно складывали доски. Бернард и Барбара возле леса пилили бревно. Одна из сестер держала распорку, чтобы бревно не сжимало место реза. Они смеялись так громко, что слышно было и здесь.

— Малкольм, нам нужно искать глину, чтобы замазать стены первого этажа. Как делали это в Плимуте, — обратилась я к парнишке.

— А ничего не надо искать, мы уже нашли. С ней мы начали класть очаг, хорошо, что отец научил этому. Она и на кирпич подойдет, только вот нам нужна будет печь, чтобы обжигать его, — Малкольм болтал, а я боковым зрением заметила, что от леса в нашу сторону направился Бернард, и я решила сделать то, что логичнее всего было сделать девушке — бежать.

Схватила с веревки свое платье, отрез ткани, который использовался, как полотенце, мыло, и рванула к озеру, в место, где кусты образовывали естественную ширму. Он не должен был заметить мое направление, так как за домом дорога уходила вниз и терялась среди мелколесья.

Я осмотрелась, было тихо. Разделась и вошла в хорошо прогретую воду. Если бы не эти чертовы распри между индейцами и англичанами, французами и англичанами, скорым заселением этих земель, можно считать, что мы поселились в раю. Но Клер обещала, что ближайшую сотню лет у нас будет тихо, и я ей верила. Я намылила голову, положила мыло, что научил нас делать Сквонто, на камень, и вошла в воду, тщательно промывая волосы.

— Сквонто проводит нас в Монреаль, там есть священник, — раздалось прямо передо

мной. Я машинально присела, хоть и так была в воде по подбородок, и стояла на носочках, чтобы не хлебнуть воду. Я быстро смыла мыло с головы, протерла глаза и увидела на берегу Бернарда.

— Ты с ума сошел? Это место для купания женщин, мужчинам здесь нечего делать, давай, вали отсюда, чего уставился? — я была зла как черт.

— Ты моя невеста, Элиза, и я не смотрел. Я только что пришел, — ответил Бернард и присел на берегу рядом с моим платьем и полотенцем.

— Ты же понимаешь, что это шутка? Ты сошел с ума? Сейчас же уходи. Я не собираюсь выходить замуж вообще, понял? — я орала так, что птицы взлетали с деревьев.

— Ты очень смешно злишься, Элиза. — Он и правда, улыбался!

— Да, да, обхохочешься. Прошу, уйди, и дай мне закончить. Я была не права так пошутив с тобой, но это правда Бернард, я не хочу выходить замуж.

— За меня, или вообще?

— Вообще не хочу, потому что никто не может дать мне то, к чему я стремлюсь.

— И к чему же ты стремишься, позволь узнать?

— К покою. Я хочу жить спокойно.

— А вдвоем это сделать невозможно?

— Нет, через некоторое время люди начинают спорить, ссориться. Ты начнешь мне указывать — что мне делать и чего не делать. Я не хочу всего этого, понимаешь?

— Не понимаю, о чем ты говоришь. Я же вижу, что вы сами добились на голой земле значительно больше, чем кто-либо.

— Вижу, вижу, кошку рыжу. Это сначала, а потом мужчины начинают ограничивать свободу женщин.

— Какую свободу? Плавать тебе в озере или в реке? Стрелять из лука или мушкета? Приготовить маис или тыкву? — я увидела в его глазах смешинки, но сколько не старалась, не могла найти примеров, потому что здесь нет клубов, куда мужья не отпускают жен, здесь нет баров и подруг, живущих на другом конце города. Здесь нет зарплат, чтобы спорить о квартплате, о том, какой телевизор купить, и куда поехать в отпуск. Даже тещи и свекрови здесь нет. Вся жизнь сконцентрирована на небольшом «пяточке».

От этой мысли мне стало грустно. Почему же я раньше не подумала на эту тему? Да потому что голова у меня маленькая, и мозга там не очень много, да и тот занят постоянным выдумыванием как изменить жизнь в лучшую сторону. Я поняла, что интернет и автомобили мы не изобретем, телевидение при нас не начнет вещать.

— Долго ты так будешь стоять? — я очнулась от голоса Бернарда, все еще сидящего на берегу. Мне уже было холодно, и нужно было выходить.

— Уйди, я выхожу.

— Только давай ты до осени не станешь отказываться от моего предложения? Я докажу тебе, что не так уж и плох! — он отвернулся и пошел в сторону дома.

— Да, только вот, как ты докажешь? Наловишь бобров и продашь их французам, купив мне кольцо? Построишь дом? — проговорила я шепотом в ответ и вышла из воды. Вытерлась насухо и надела чистое платье. — Да, я хотела посетить совсем другую Америку.

Гвозди пошли в ход, как только я ушла купаться, и сейчас Сквонто и Малкольм прибавляли накопленные доски. У нас сейчас было три пилы в работе — мужчины брали себе помощниц, и работа пошла значительно быстрее.

Разговоров о наших отношениях с Бернардом я избегала неделю, оставаясь дольше в

огороде. Новая посуда позволила готовить быстрее и разнообразнее. Я с нетерпением ждала в гости индейцев, чтобы узнать про козу и петуха для наших курочек.

Индейцы пришли через пару дней после окончания обшивки двери. Бернард делал двери и окна, Сквонто навешивал рыбу для сушки — он планировал обратную дорогу, а Клер становилась все грустнее и грустнее.

Мы, как всегда, накрыли для них стол, я приготовила картофельное пюре, которое развести пришлось отваром, но оно явно пришлось им по душе. Маргрет начала ставить опару, и пару дней в неделю у нас был свежий хлеб. Тыквенный суп на мясном бульоне с сухариками оценили все.

После обеда я обратилась к ирокезам с вопросом о петухе, и Сквонто долго объяснял, что нам нужна не курица, а именно петух. Я показывала сама, ходила по поляне, изображая петуха, чем вызывала всеобщий хохот. Еще смешнее было с пародией на козу.

Вдоволь насмеявшись, индейцы мотнули головой, но я не была уверена, что мы получим именно то, что хотели. Сквонто сказал, что они приплывут через три ночи. Я начала копить яйца. Сахар, привезенный из Квебека, дожидался своего часа.

Ко дню, когда индейцы сошли на наш берег с козой, козлом и пятью курами, среди которых, к счастью, оказался и петух, я повторила танец с бубном, чтобы приготовить безе. Чтобы взбить все качественно, мы передавали миску из рук в руки — на это ушло не меньше трех часов. Новый очаг в кухне, где Маргрет пекла хлеб, идеально подошел для выпечки нашего десерта, предназначенного только для индейцев. Кроме этого, нам пришлось подарить пустую бутылку из-под виски, которая стояла в кухне пустая, как во времена девяностых у всех, к кому впервые попадал столь редкий напиток.

— Надо придумать что-нибудь, Клер. Ирокезы на всякую ерунду готовы выменять все, что угодно. У нас есть глина, и Малкольм сказал, что она хорошая — ее можно обжигать. Что думаешь? Может быть делать какие-то украшения?

— А чем их раскрашивать? Простые одноцветные кругляши, думаю, не сильно их заинтересуют, — ответила Клер, но задумалась.

— Тогда, может быть, мы удивим их формой?

— Похоже, у тебя лучше получается удивить их позой. Твоя игра в «Крокодила им «зашла». Думаю, они привезли так много всего только для того, чтобы ты снова рассмешила их до слез.

— Ага, скажешь тоже!

— Да сто процентов. Сегодня с безе можем снова устроить им зрелище. А ведь мы с тобой и песни знаем, и танцы. Слушай, точно. Людям же нужны только хлеб и зрелища, а с первым у них все отлично!

— Да, да, ты еще скажи, что мы начнем ездить по индейским деревням как скоморохи?

— Нет, я думаю, они сами начнут ездить сюда. Давай покажем им сценку, ну, допустим, самую банальную «Куры и петух». Точно! Барбара и Малышка не откажутся. Элиза, ты гений! — убежала от меня Клер.

— Да кто бы сомневался? Попасть чёрте куда, квакнуть, что согласна выйти замуж за первого встречного, а вот сейчас просто побыть аниматором у индейцев, — сказала я себе под нос, и начала переключать выпечку в корзину.

Чай заварен, пора выносить безе. Но коронным блюдом сегодня, похоже, будут не сладости. Индейцы развязывали козу и козла. Да, ради молока и яиц я готова поучаствовать в вашей художественной самодеятельности.

Вечер обещал быть томным, потому что не всех животных индейцы знали, а начали мы по глупости со слонов и жирафов. Для них это было театром — приехали больше, чем обычно приезжали к нам. И на этот раз, о счастье, здесь были и женщины, которые в первую очередь изучили нашу одежду, нашу кухню и волосы. Особенно им понравилась рыжая шевелюра Барбары.

— Они ведь точно не планируют снять с меня скальп? — аккуратно спрашивала она Сквонто, который сегодня смеялся вместе с ирокезами.

— Нет, они считают, что ты покрасила их соком одного дерева, которым они красят ткани и кожу.

— Скажи, что они не окрашенные, скажи, что я родилась с такими, — с натяжкой улыбаясь, сквозь зубы оборонялась девушка.

Сладости с первых минут вызвали недоверие, но потом корзина разлетелась за несколько минут. Мы хотели, чтобы нашим гостям осталось побольше, и Маргарет с девушками, как и договорились, поделили на всех несколько штук, чтобы дать понять, что это можно есть и не опасаться. И их глаза тоже нам сказали, что ничего подобного они не пробовали.

Мое сердце ликовало от того, что у нас теперь было молоко и яйца. Мне не терпелось усадить куриц на них, чтобы как можно скорее получить цыплят. Малкольм и Бернард рано покинули нашу компанию. Я краем глаза наблюдала за тем, что он позвал мальчишку помочь ему с курятником. И часть досок, что должны были пойти на перегородки в доме были использованы на небольшой короб для птиц. Как же было жаль, что здесь нет сетки, которой можно просто огородить участок для них.

В какой-то момент, сразу после отправления гостей, что хохотали, как дети, переговариваясь и вспоминая наши шутки, я заметила, что Клер, передавая Сквонто оставшееся мясо, которое он заворачивал в большие листья и закапывал в глину, чтобы за ночь не испортилось, словно случайно касалась его руки, а он в этот момент поворачивался к ней и долго смотрел. Она опускала взгляд, но ни слова не говорила ему.

Дождей не было уже две недели, и ручьи, что мы пускали от небольшой речки, питавшей озеро, высохли. Поливать огород теперь было достаточно сложно. Если картофель мог и подождать, то тыквы вяли и их листья становились как тряпочки, угрожая истончиться и пожелтеть. Этого допускать было нельзя, так как тыквы было очень много. Она хорошо хранится, и могла обеспечить нас на всю зиму необходимыми витаминами.

Я и пять девушек, носили воду, рыхлили и поливали аккуратно под корень, чтобы не особо тратить воду. Клер догадалась наточить один из инструментов для обдирки коры, и использовать его как серп. Ближайшие поляны были полностью лишены травы, так как у нас появилась забота в виде корма для коз на зиму. Я начинала думать о том, что проще лежать и меньше кушать, чтобы пахать как лошадь, чтобы поесть вкуснее, чтобы снова пахать. Нам нужен был какой-то бизнес, что-то, что даст возможность с меньшими трудозатратами повысить свой уровень жизни.

— Интересно, нас, наверное потеряли. Уже год прошел, Элиза, — она подошла ко мне в огороде, и пока никого не было рядом мы могли обсуждать наше прошлое.

— Знаешь, нас могла потерять консьержка, но она знала, что мы отправились в

путешествие. И могла подумать, что мы задержались. Счета за квартиру опять же. Твои сотрудники, мои друзья из зала. Но, чтобы нас начали искать, кто-то должен подать заявление, а все, кто мог это сделать здесь, — ответила я, показав на нас.

— Меняем тему, к нам идет твой жених, — пролепетала Клер, и указала за мою спину. — Бернад, ты очень вовремя, — обратилась уже к нему Клер, не дав ему и слова вставить.

— Да?

— Элизу интересует проволока. Ты не знаешь, можно ли организовать ее производство, допустим, в Монреале?

— Я знаю, что в Англии есть несколько компаний, которые занимаются волочением, но она есть в Монреале и Квебеке, ее туда привозят на кораблях, — ответил Бернад и посмотрел в мою сторону.

— Бернад, я хочу попросить тебя отправиться в Монреаль, и разведать там все. Мы должны настроить свой небольшой завод, — ответила я на его вопросительный взгляд.

— Но это территории Франции, Элиза.

— Хорошо, значит, он будет здесь. Но ты должен полностью все узнать о производстве, о необходимых станках, о том, где можно купить железо.

— Как я это узнаю? — удивленно смотрел то на меня, то на Клер мой жених.

— Устройся туда на работу. У нас есть подставные документы. И один из них на француза, — подмигнула ему Клер.

— Но я не знаю ни слова на французском, — засмеялся Бернад, да и посмотрев на меня, сразу ясно, что я шотландец.

— Ты же не носишь килт, не играешь на этой своей дудке с меховым мешком, так что, если притворишься немым за небольшие деньги, тебя с удовольствием возьмут. Смотри какие у тебя мышцы, — указала я на его руки, где закатанные рукава рубашки обнажали достаточно крепкий бицепс.

— Это не дудка, Элиза, это волынка, — даже немного обидевшись, ответил Бернад.

— Да хоть барабан, но мы должны знать все о волочении проволоки. Сквонто мы не отпустим, правда, Клер, — обратилась я к подруге, которая мгновенно стусебалась. — За пару месяцев ты узнаешь все, что необходимо, и к осени вернешься победителем.

Бернард смотрел на нас поочередно, и не мог понять — шучу ли я. Клер так же не ожидала такого решения с моей стороны, но прищур ее глаз говорил о том, что подозревает меня не только Бернад.

— Ты хочешь избавиться от меня? — грустно спросил мужчина, опуская рукава.

— Нет, Бернад, кроме тебя нам отправить некого. Скоро юг и запад Америки будет отдавать бешенные деньги за проволоку, а за колючую можно будет брать золотом. Там уже начинает развиваться скотоводство. Мы начнем делать простую, а потом оформим патент на колючую, для этого нам придется совершить путешествие в Англию.

— Да, она говорит правду, — опустив голову подтвердила Клер.

— Но откуда вы знаете?

— Подслушали разговор еще будучи в Англии. Люди, приближенные к королю, говорили о том, что скотоводство будут развивать стремительно.

— Но для заборов много леса, Элиза.

— Это здесь много леса, а на западе его нет, да и переносить акры деревянных пролетов намного сложнее, чем проволочных.

— А что это за забор. Как вы хотите делать ее колючей? — удивленно спросил Бернард, поняв, что мы говорим о неизвестной ему технологии.

Я наклонилась и сорвала несколько травинок. На самой длинной я привязала несколько коротких, растянула между пальцами рук и показала ему:

— Видишь, если это будет проволока, и кончики этих коротышей будут острыми, животные не смогут пройти. Так можно будет огораживать огромные территории. Представь, как было бы просто, если такая была у нас сейчас. Мы смогли бы огородить участок и выпустить там наших коз. А еще, из тонкой проволоки можно делать сетку для содержания птицы.

— Вы сами это придумали? — все больше удивлялся, смотря на нас Бернард.

— Да, — ответили мы синхронно.

— Но как?

— Просто, думали, как заработать, и придумали. Ну что, ты согласен поехать? Ты вернешься, как только будешь уверен, что все понял. Как только ты узнаешь возможно ли купить здесь эти станки, — вопросительно посмотрела на него я.

— Да, я согласен, Элиза, если вы уверены, что это принесет нам деньги, я готов, — было заметно, что он преувеличивает свое желание, но отказаться он просто не мог. — Но я хочу, чтобы ты при своей подруге пообещала, что дождешься меня.

— Хм, Бернард, ты очень торопишь события, и я боюсь обмануть не тебя, а себя. Я надеюсь, что ты умен, и не влезешь в какое-нибудь нехорошее приключение, — я болтала что угодно, чтобы не ответить на вопрос утвердительно. — И вернешься к нам...

— Элизабет, я хочу говорить с тобой открыто. Я вернусь только в том случае, если ты согласишься выйти за меня замуж. Если ты не согласна, я должен уйти навсегда. Я не смогу быть рядом с тобой и знать, что ты — мираж, который выдумал я сам. Я не смогу слушать твой голос, твой смех, и знать, что никогда ты не станешь моей. Подумай и ответь, — он повернулся и пошел обратно, где Малкольм заканчивал накрывать крышу курятника соломой, связывая ее в пучки, и скручивая между собой.

— Ну, и что ты думаешь сейчас, моя меркантильная подруга? — Спросила меня Клер с улыбкой.

— Почему это меркантильная?

— Потому что ты изначально думаешь о нем как о мужской силе в наем форте, и никак не хочешь послушать свое сердце. Оно у тебя кричит там между ребер, мол, выпусти меня на свободу, забей на выгоду и удобства, перестань не доверять всем подряд, но ты его все равно не слышишь. Решать тебе, сестренка. Ты не смотрела ни на кого вот так, как ты смотришь на него, — хлопнула меня по спине Клер, подняла свой серп с земли и отправилась снова в лес, искать поляну с травой.

— Это не мой взгляд, Клер, это взгляд Элизы, этой девушки, которой принадлежат эти глаза. Но в чем-то ты права, детка, в чем-то права, — ответила я уже себе самой, подняла ведро и тяпку и отправилась за очередной порцией воды для тыквы.

Через неделю, как только Бернард и Сквонто собрали основание сарая, где мы планировали держать живность, он начал собираться в Монреаль. В нашем прошлом времени это не больше трех часов дороги на авто, а вот по воде ему придется двигаться пару дней.

— Элизабет, у нас будет еще много времени, но я хочу обнять тебя, позволь это сделать. Я знаю, что ты не такая, как остальные девушки, но ты девушка, даже если и дерешься лучше меня, — уже возле каноэ, куда он сложил сумку с вещами и с остатками наших денег, подошел ко мне Бернард.

— Давай обнимемся, я не против, только прошу не особо наглеть, — раскрыла объятия я, и он обнял меня поверх плеч так, что мое лицо уткнулось в его шею. Он что-то говорил мне, а я вдыхала его запах, прижавшись щекой к его коже. В этот момент я поняла, что не хочу отпускать его никуда, поняла, что была душой, когда пошла против своей природы.

— Береги себя, и не лезь в пекло сама, хорошо? — он отстранился, когда к нам подошел Сквонто и уложил в каноэ сумку с продуктами, что собрала Пэвэти.

— Ну, здесь на нас могут напасть только зайцы, потому что Сквонто ежедневно убивает их сородичей, но они еще не придумали оружие, — пыталась отшутиться я, чтобы никто не заметил, как покраснело мое лицо, но я чувствовала, что оно горит.

— Не переживай, мы присмотрим за ней, — вставила свои «пять копеек» Малышка. — Не дадим ей больше участвовать в драках, не дело — портить такое лицо!

После того, как он отчалил, я решила, что больше не стану вести себя как стерва, может Клер и права, и это другое время, другой мир, где люди серьезнее относятся к любви и отношениям.

Огородные дела отнимали все больше времени, и засуха приносила только расстройство. Когда начались ливни, мы выдохнули, но уже на второй день непрекращающегося дождя нам стало скучно. Курочек посадил на яйца прямо в доме, чтобы следить за ними — мало ли, вдруг у них так же плохо с материнскими инстинктами, как у нас с соображением.

Мы раскраивали ткань, шили одежду, и радуясь, что можем теперь выкинуть все наши старые тряпки, торопились сшить новые брюки. Со временем, даже Маргрет пришла к тому, что брюки намного удобнее юбок, а чепцы отлично заменяет косынка, повязанная назад узлом.

— Надеюсь, я со временем не стану превращаться в мужчину, — шутила она.

— Нам бы здесь не помешали еще человек шесть, — отвечала, смеясь малышка, — так что, если вы планируете, превращайтесь побыстрее.

Я рассказала о планах, которые обдумывала в поездке в Квебек. Девушки радостно приняли идею с безе, блинами, но не понимали моего интереса к колючей проволоке. Этот этап для них еще не понятен, и появилась бы она еще лет через двести, но с ее помощью, думаю, заселение запада ускорится, потому что Великая равнина словно создана для животноводства.

Сквонто приносил мед, и мы делали безе с ним. Благодаря тому, что выпекались они быстро, он не успевал переходить в запеченную форму.

Я начала исследовательскую деятельность. Мне важно было проверить — как долго они

хранятся, чтобы рассчитать время для их транспортировки. Упаковывать можно было в корзины из лозы, которыми готовы были делиться индейцы в обмен на сладости.

Я выстилала дно корзины тканью, укладывала внутрь хорошо пропеченные сухие бeze и завязывала верх ткани узлом, накрывала плотным полотенцем и оставляла в сухую погоду на берегу. Там она стояла до недели. Это было нужно для того, чтобы проверить — как поведет себя десерт при перевозке по воде. Пирожные отлично хранились.

Я жалела, что нет пластиковых контейнеров, а с другой стороны, отлично, хоть я и не видела здесь городок кроме Квебека, на улице не было летающего мусора — каждый клочок бумаги был дорог.

Я с трудом поймала момент, когда мы со Сквонто остались один на один. Я направилась к месту у озера, где рос ивняк. Из него мы делали ловушки для рыбы. И Сквонто вызвался помочь мне. Я боялась, что Клер возненавидит меня за это, да и я могла чего-то не знать, но я решила начать беседу, которую так давно планировала. Мы срезали ветки и кидали их в кучу, а потом уже садились возле нее и обрезали с нее листья.

— Сквонто, мы благодарны тебе за то, что ты не бросил нас, и столькому научил, и помог с ирокезами, но я хочу попросить тебя остаться. Еще на одну зиму. А еще... — у меня с трудом получалось говорить, так как он внимательно смотрел мне в глаза — для индейцев мало значат звуки и слова, они умеют читать наши истинные эмоции, и я это знала.

— Что еще? У тебя есть тайна? — он спрашивал меня с каменным лицом, будто действительно считал, что я скрываю что-то очень важное.

— Нет, не у меня, это тайна чужая, но, если я ее не открою, этот человек не будет счастлив, Сквонто.

— А ты имеешь право открывать ее? Или, если ее не сказать, случится что-то плохое?

— Клер... Речь о Клер, Сквонто. Я вижу, что вы не безразличны друг другу, и хочу просить тебя остаться. Твоя жизнь изменилась, мы своим появлением изменили твой путь, так может быть тебе стоит остановиться и подумать — решиться остаться здесь.

Сквонто слушал меня, опустив нож — работа остановилась, не до конца очищенная лоза лежала на его коленях. Как только я замолчала, он вернулся к своей работе, и старался не пересекаться со мной взглядом. Ну и дура же я, ну какого черта мне это надо было?

— Делай как хочешь, Сквонто, только не говори о нашем разговоре Клер, прошу тебя, — я взяла кучу очищенной лозы и пошла к дому. Я шла и думала о том, что мы сами раздаем советы там, где не можем управиться. Я скучала по Бернарду, и мне не верилось, что достаточно обычный человек, без каких-либо особенностей смог так привлечь мое внимание.

Прошли пара недель со дня как уплыл Берnard. Сквонто при встрече со мной опускал глаза, а вот с Клер, как мне показалось, его отношения стали намного теплее. В моменты, когда Пэвэти развешивала вялить мясо в дорогу он уходил от ее разговоров о пути.

— Элиза, Сквонто сказал, что в Монреале, хоть и меньше людей, но там мы тоже можем продать свои десерты. Мы накопили уже три корзины, а завтра можем приготовить из накопленных яиц еще пару. Мы с ним можем съездить, а за одно узнаем, как дела у Бернарда, — она так игриво произнесла его имя, явно желая подшутить надо мной, а я в этот момент была благодарна Сквонто за его молчание.

— Да, конечно, если Сквонто думает, что есть такая возможность, значит нужно делать. А еще, мне очень хочется начать строительство забора вокруг. От озера наш дом видно не сильно, но осенью, когда листья опадут, мы останемся на виду.

— Думаю, для этого у нас слишком мало сил, Элиза, — ответила Клер. — Я думала, что ты сама захочешь поехать к Бернарду?

— Нет, дорогая, я пока не могу, но вы сможете привезти проволоку, если найдете, и мы сделаем первые несколько пробных метров — они и будут нашей невидимой защитой — мы натянем ее между деревьями, и при приближении неожиданных гостей хотя бы услышим их. Я боюсь, что Сквонто все же решит уйти, — я говорила и смотрела на нее, чтобы увидеть ее выражение лица.

— Я тоже молю Бога, чтобы он этого не сделал, потому что...

— Потому что ты его любишь, так ведь?

— Да, Элиза, только прошу тебя не использовать это знание против меня — не делиться им со Сквонто.

— Хорошо, а ты обещаешь рассказать ему о своих чувствах.

— Думаю, этого не требуется, он и так понимает, ты же знаешь, как он читает все наши мысли.

— Я очень надеюсь на то, что он читает не все, и нам не придется "открывать все наши карты".

Сквонто и Клер отбыли в Монреаль на большой лодке. Мы составили корзины со сладостями, я попросила разузнать у торговцев по поводу масла — нам оно было очень нужно для пробы с картошкой фри.

Я написала несколько строк для Бернарда уже в последние минуты, мне нужно было получить от него отчет по производству проволоки, чтобы понять на сколько это реально.

Так же я нарисовала небольшой чертеж. Это была железная труба, в которую вставлялся агрегат вроде того, что был в старых мясорубках. Верх трубы должен иметь совсем небольшое отверстие, нижнее отверстие чуть больше, и одно сбоку. Небольшая, но крепкая ручка, чтобы крутить внутренний вал, рядом с которым просовывается проволока, а в боковое отверстие мы будем запускать короткие отрезки, и они будут наматываться на длинную проволоку.

Это должно быть что-то типа кофемолки. Ручная машинка не будет иметь производительность завода, но для пробы вполне сгодится. Главное — не объяснять для чего эта штука, и мы решили, что при заказе будем говорить, мол это нужно для шерсти. Пусть потом разбираются.

Клер упаковала с собой сковороду, на которой она собиралась нажарить блины, купив продукты в городе. Они отлично продавались в Квебеке. Я жалела, что мы не имели какого-нибудь технического образования, чтобы открывать здесь кучу производств, но наши кулинарные штучки пока тоже хорошо продавались.

— Аккуратнее там, не вздумайте влезать в сомнительные мероприятия, — крикнула я уже отплывающей паре, радостная за них, ведь оставшись вдвоем их отношения могут лишь раскрыться больше.

— Не переживай, участвовать в боях мы точно не будем, как это делают некоторые, — крикнула мне в ответ Клер.

Мы убрались после завтрака, и решили продолжить утеплять этаж смесью соломы и глины. Такая штукатурка позволяла заделать щели, добавить толщины стенам, но я понимала, что холода будут быстро промораживать наши стены.

Малкольм сэкономил гвозди, и решил, что как только они закончатся, начать организовывать небольшую кузню. Он горел этим делом, но я понимала, что по воде много железа на лодках мы перевезти вряд ли сможем. Думаю, как «встанет» лед, можно будет добираться до Квебека по нему, а уж до Монреаля и того быстрее. Главное, чтобы железо постоянно завозили в те города, а еще, чтобы французы не прознали о нашем местоположении — официально мы числились англичанами.

— Мне кажется у нас дела идут лучше, чем в Плимуте, но я очень скучаю по обществу, — вдруг сказала Маргрет.

— Ну, мы можем создать здесь свое общество, хотя... что его создавать, оно уже есть. Смотрите, у нас есть театр, который с удовольствием наблюдают индейцы, и даже платят нам за него. Вы с сестрами могли бы придумывать и исполнять какие-то сцены, и они будут рады разнообразию, ответила я нашей заскучавшей женщине.

— Не думаю, что выступать перед дикарями — хорошая идея, — сказала она, отвернувшись от меня.

— Дикари имеют здесь намного больше, чем мы, Маргрет, так давайте не будем

отталкивать то, что идет к нам в руки. Пока нужно благодарить Господа и за это, — зачем-то стала доказывать ей я, и начала уже заводиться, но к нам подошли девушки, чтобы сообщить, что пора помогать Малкольму.

Этот разговор был не закончен, но менять их взгляды на нашу жизнь было просто необходимо. Маргрет иногда, как будто забывалась, что находится не в Англии, а в совершенно диком мире, блага которого можно добыть либо очень тяжелым трудом, либо хитростью. Поскольку мы решили жить как можно лучше, то не гнушались и смешивать эти два ингредиента.

Я надеялась, что для каждой здесь мы найдем дело, которое будет посильным и интересным для девушек. Маргрет была замечательным командообразователем для девушек, которыми мне заниматься было просто некогда, а значит, нужно было занять ее так сильно, чтобы мысли об обществе ей думать было просто некогда.

Двое девушек занимались козами, трое постоянно менялись на карауле с курицами, высиживающими яйца, в огороде всегда было не меньше трех человек, ну и естественно, утепление дома. В моменты, когда Малкольм приносил глину, и девушки начинали ее замешивать, он не сидел, а отправлялся пилить дрова. Кто заслужил отдых, так это наш мальчишка, который на деле работал за пятерых.

Отсутствие Сквонто и Бернарда было ощутимо — стройка встала. Пристрой, который должен был быть небольшой прихожей, сдерживающей холодный воздух, необходимо было достроить до начала холодов, и его мужчины делали из бревен, соединенных между собой большими скобами. И даже сейчас Малкольм умудрялся спилить в день не меньше трех деревьев. Мы обвязывали их веревками, и все вместе тянули из леса ближе к дому.

Совершенно не приспособленные к физическому труду девушки становились сильнее с каждым днем, и к закату лета все отказались от юбок, отдавая предпочтение свободным брюкам.

Я решила опробовать новый рецепт. Когда-то мы делали с Лилей быстрый и полезный перекус. Тыквы нарезами кусочками, пересыпали сахаром, и разложив на тарелке, ставили их в микроволновку. Так мы получали вкусные цукаты. Я искала возможность сделать такие с медом и без применения микроволновки. Но все время получалось совсем не то. Выход нашелся случайно, когда я забыла разложенные на сковороде тыквы на углях под крышкой из толстой корой березы.

И только на втором часу работы в огороде я вспомнила о ней. Как всегда — пришла накопать картошки, и принялась пропалывать грядку. Думала, что тыкву придется выкинуть, а откинув крышку, обнаружила, что кусочки подвялились как нужно — влага из них ушла, и они стали плотными и совсем не распадаются в пюре. Я чуть смазала их мелом и переставила сковороду на новые угли, снова накрыв полукругом из бересты.

Утром мы завтракали с прекрасным новым десертом, который оценили все. Я знала, что такие вот обезвоженные кусочки хорошо сохранятся на холоде, а весной мы можем добавить к ним кленовый сироп, и выйти на местные рынки с совершенно новым продуктом. Нельзя было откидывать ни одно наше знание — никогда не угадаешь какое из них «выстрелит», и принесет тебе эту самую финансовую независимость.

Через неделю мы увидели лодки. Мы ужинали у костра, тщательно выскребая из мисок тыквенное пюре с мясом птицы, что принесли из леса Пэвэти и Малкольм. Оживились все в тот же миг, как одна из девушек указала на две небольшие точки. Мы надеялись, что это Сквонто и Клэр. На второй лодке мог быть Бернард. Но это могли быть и незнакомые люди

из Квебека или Монреаля. К этому мы были совершенно не готовы. Один Малкольм точно не смог бы нас защитить.

— Это наши, — уверенно произнесла Барбара, зрение которой было в разы лучше нашего.

— Ты уверена, переспросила я, проверяя поставленные на огонь котелки с едой для возвращающихся.

— Да, это точно ни, только вот с Бернардом есть еще один человек, это мужчина, — произнесла уже не так радостно она. Мы все знали, что новые люди могут быть началом конца для нашего форда. Еще было рано привлекать сюда людей, потому что наши силы были на минимуме, а вот пожить у нас уже было чем. Я надеялась лишь на то, что Сквонто и Бернадд понимают, что делают.

— Я боялась говорить с тобой, — подошла ко мне Аннет — одна из сестер, что всегда молчала, и я удивилась ее поступку. — Но сейчас это необходимо сделать, Элиза.

— Да, Аннет, говори, что-то случилось? Ты не заболела? — я заперезживала не на шутку, так как она никогда не участвовала в разговорах, не спорила, не жаловалась. Я осталась одна на нашей уличной кухне, и краем глаза наблюдала за приближающимися лодками.

— Ты же не любишь Бернарда, отталкиваешь его от себя. Почему бы тебе напрямую не сказать ему об этом? — выдавила из себя Аннет.

Я была удивлена так сильно, что выронила из рук вымытые миски. Благо они были деревянными, иначе, точно бы перебила все. Слепая я дура, даже и не представляю, что творится у меня под носом. Я ведь вообще перестала брать в расчет девушек, которые ведут себя как тени, но они не перестают от этого быть девушками.

— Аннет, я не неволю Бернарда, или кого-то из вас. Вы можете самостоятельно принимать решения, выбирать свою судьбу. Но для этого вы вместе должны этого хотеть. Бернадд сделал мне предложение...

— Но ты не была ему рада, и в то же время не отвергла его, — перебила меня Аннет. Ее голос изменился, и она говорила все увереннее и увереннее, набирая обороты.

— Аннет, ты можешь поговорить с Бернардом, и он, думаю, сам ответит на твои вопросы. Я не держу его, и я не давала ему обещаний, так как наш мир пока не так уж и спокоен для создания семьи, — я пыталась говорить спокойно, но смотрела на приближающегося ко мне, улыбающегося Бернарда и чувствовала, как во мне рождается ревность.

— Если ты не согласилась, так ему и скажи сама, скажи, что он тебе не нужен, иначе он просто будет ждать тебя, и его время проходит зря. Просто оставь его мне, Элизабет, не будь собакой на сене, — уже новым голосом, полным горя говорила Аннет, начиная всхлипывать. Но тут она увидела, что лодки совсем близко, быстро кивнула мне и побежала в сторону реки.

Меня интересовал сейчас только этот четвертый человек, что сидел спиной к нам. Девушки и Малкольм молчаливо шли к берегу. Я шла следом за ними, наблюдая за Аннет, что стояла сейчас в первых рядах.

Клер и Сквонто причалили первыми. Мой взгляд никак не мог оторваться от незнакомой фигуры.

— Скучали? — крикнула Клер, размахивая руками.

— Конечно, ночей не спали, только и думали где наша Клер, — ответила я какой-то совершенно отдельной частью мозга, потому что вся моя сущность сейчас боялась. Но клер же не дура, и она не допустила бы, чтобы в наш дом пришел плохой человек.

— От тебя я и не ждала другого, а вот остальным мы привезли подарки, — ответила со смехом она, и бухнулась в мои объятия.

— Если честно, я очень боюсь, когда мы не вместе, дорогая, — я прижала ее к себе и заметила, что после тяжелой дороги она достаточно счастлива. — С чем связана твоя улыбка?

— Сквонто остается с нами, Элиза, он сказал мне это в Монреале, — она скакала вокруг меня, пока Сквонто и Малкольм вытаскивали на берег лодку. Малкольм тут же начал передавать тюки с лодки девушкам, которые с неохотой отправлялись с ними в сторону дома. Все хотели узнать, что это за человек в каноэ с Бернардом.

— Это отличная новость, а теперь расскажи мне кто это?

— Ты упадешь, когда узнаешь!

— Надеюсь, ты с Якиным не отправляешься в Гагры? Это Якин? — сделала я, кивнув в сторону незнакомой фигуры большие глаза, пытаюсь улыбнуться, но беспокойство меня не покидало.

— Шути, шути. Это мастер. Он знает о твоей проволоке все что нужно. Он знает даже из чего ее можно лить и волочить самим. Он знает где купить нужную породу. Ну, Берnard тебе все расскажет, это будет бомба, Элиза... Наш бизнес!

— Ага, мы будем делать бизнес, мы будем делать бабки, — посмеялась я.

Каноэ Бернарда приближался, я обернулась на Аннет. Она стояла прямо у воды, каким-то образом избежав сумок и связок, что все еще распределял и раздавал парнишка. Сквонто выносил самые тяжелые, не подпуская к ним женщин. Я не переставала удивляться — какой же он молодец.

— Элизабет, у меня для тебя несколько подарков, — кричал Берnard. Они причаливали, он спрыгнул в воду и подтянул каноэ. Мужчину мы теперь могли хорошо рассмотреть. Лет пятьдесят, или чуть больше. Седой, лицо осунувшееся. Было впечатление, что он долго не ел. Плохенькая одежда, рваные башмаки. Но его глаза были такими голубыми, словно они были отдельно от этого человека. Словно ему не больше двадцати. Они улыбались.

— Добра вашему дому, леди, — проговорил он осторожно. Его голос чуть дрожал, но он пытался быть невозмутимым. — Берnard сказал, что все вы — герои, которые выжили сами на этих землях. Я надеюсь не сильно помешаю вам...

— Джейкоб, перестань, все будет хорошо. Нам просто необходим человек с таким опытом. Но, не удивляйся, что первое время за тобой присмотрят. Мы не хотим впускать в форт мошенников, — Берnard подтолкнул его в нашу сторону, и нашел глазами Маргрет. — Сестра, будьте добры, покажите здесь все нашему новому жителю. Сначала я провожу его в место, где мы купаемся, а потом с удовольствием поужинаем.

— Берnard, я с удовольствием, но хочу, чтобы вы знали, что сестрой меня зовут только

девушки. Я не пострижена. Я просто наставница для девушек сирот, — скромно опустив глаза ответила Маргрет взявшись за брючины и чуть присев в реверансе.

Сказать, что мы обалдели — ничего не сказать. Девушки явно это знали, а вот мы с Клер и не подозревали, что она обычная женщина, просто уж очень набожная.

А сейчас мы наблюдали не что иное как флирт с ее стороны. Я даже забыла о словах Бернарда о подарках или гостинцах, которыми он открыл свое прибытие.

Девушки возвращались с чистыми вещами для нашего нового соседа. Бернард проходя мимо меня, подмигнул мне и прошептал:

— Вот увидишь, я привез для нас самого лучшего специалиста, а еще я привез тебе подарок, но сейчас мы должны освежиться. Он прихватил пару больших рюкзаков, что отвозил с собой, раздал небольшие тюки женщинам и Джейкоб, подтянув каноэ на берег, отправился за ним. Маргрет шла за ними.

Боковым зрением я заметила, что Аннет смотрит на меня, сжав губы в тонкую линию. С этим нужно было что-то делать, потому что в этом времени ненависть обретает черты очень крайних мер.

— Клер, — окрикнула я подругу и догнала ее, прихватив с собой небольшие тюки.

— Что? У тебя, как я вижу, снова множество вопросов?

— Да, сначала расскажи мне, у тебя был разговор со Сквонто, прежде, чем он сообщил, что остается?

— Я сказала ему только, что не представляю, что мы будем делать, когда он уйдет, — начала было Клер.

— И естественно, ты говорила от лица всех, а не от себя, да? Ты не сказала ему о своих чувствах?

— Нет, но мне кажется, что он знает о них.

— Ну хорошо, будем надеяться, что он понял твой посыл. А вдруг нет? И тебя будет радовать только то, что он рядом? Тебе будет достаточно этого?

— Отстань, Элиза, это не твое дело. Ты сначала разберись с Бернардом.

— А с ним мне чего разбираться? Бернард как Бернард, правда у меня появилась соперница, представляешь? — шуточным голосом проговорила я.

— Оп-па, вот это поворот, ну этого надо было ожидать, ты не видишь, что у нас здесь явный перевес женщин? Кто она?

— Аннет. Ну, та, что молчаливее всех.

— О, в тихом омуте черти водятся! И что ты думаешь делать?

— Ничего я не планирую, потому что сама еще не знаю, нужен ли он мне.

— И эта женщина учит меня правилам пикапа с индейцами! — указав на меня, ответила Клер.

— Ладно, не стану тебя расстраивать. Я правда очень рада, что ты вернулась. Больше не отпустим тебя, — обняла я подругу.

— Да, мне тоже иногда было страшно за тебя.

— За меня? Ты же знаешь, что я тот еще элемент для нападения! — бравировала я.

— Ты же помнишь, что против лома нет приема?

— Всегда помню, Лиль. Как же я скучаю по твоему имени.

— Ладно, чего это ты у нас стала такая чувствительная?

— А это от того, что у меня теперь есть мастер по производству проволоки, — со смехом мы подошли к месту нашей кухни, где девушки спешно готовили ужин.

Бернард с Джейкобом прошли мимо нас к месту купания. Маргарет притормозила возле нас. На ее губах играла чуть заметная улыбка. Я подмигнула Клер и мотнула головой в сторону Маргарет. Она ответила тем же подмигиванием. Это значило, что она тоже примет участие в нашей игре.

— Надо же, какой красивый мужчина! — начала восхищенно я. — Клер, ты видела какие у него необыкновенные глаза. Но я немного переживаю, что он окажется мошенником. Нам нужно быть осторожнее!

— Да, он симпатичный, но ты права, за ними нужен глаз да глаз, — поддержала достаточно громко Клер.

— Элиза, твое неверие в людей, в их доброту — не от Господа. Шанс должен быть у всех, ты же знаешь это, правда? — гневно сверкнув глазами на нас ответила Маргрет.

— Ты думаешь, что он окажется достойным человеком? Ведь у нас здесь так много девушек, что нуждаются в защите, — не отставала я.

— Нет, он точно не бандит, я вижу хороших людей.

— А плохих вы тоже видите сразу? — не унималась Клер.

— Нет, нельзя рассматривать в людях плохое, или ты увидишь только плохое. Бог дал нам жизнь, дает нам хлеб, и приводит только хороших людей, — присела Маргрет на скамейку, и начала нарезать хлеб, не зная, чем занять руки.

— Ну хорошо, надеюсь вам не будет тяжело, и он будет под вашим личным присмотром? — решила я достать из рукава джокера.

— Да, я готова взять на себя ответственность. Я все покажу ему как только он отдохнет. Нам очень нужны мужские руки, да еще и Сквонто, как я поняла, останется с нами, и Пэвэти. Я так счастлива, Элиза. Думаю, эта зима будет прекрасной! — ее теперь долго не отпустит, судя по тому как ее взгляд затуманился.

— Дай Бог, Маргрет, дай бог, — ответила я ей, заметив краем глаза, что мужчины возвращаются. Бернард был только в брюках. Рубашку он нес на плече. Я смотрела на него, и понимала, что он мне нравится все больше.

Почувствовав на себе взгляд, я обернулась. За спиной у меня стояла Аннет. Да, разговора с ней мне точно не избежать.

Ужин был поздний. Уже в сумерках возле костров мы все сидели и слушали историю Джейкоба. Маргрет сильно упростила задачу гостеприимства, угощая нежданного гостя, подкладывая добавку. Она даже шаль принесла, чтобы накинуть ему на плечи.

— Я два года назад приехал в Квебек. Мне обещали, что мои знания будут хорошо оплачиваться, и через пять лет я заработаю на свой участок земли, — рассказывал Джейкоб.

— Но ты ведь англичанин. Почему ты попал на французскую территорию? — спросила я.

— Потому что небольшая фабрика, где я работал в Англии была не очень доходной. А в один прекрасный день приехал человек, купил проволоку. Через неделю он подкараулил меня и предложил поехать туда, где такую фабрику можно сделать единственной, — ответил наш гость, принимая щедро порезанные куски мяса от Маргрет.

— А семья у вас есть? В Англии кто-то остался? — перебила его наша заботливая женщина, что оказалась вовсе не монашкой.

— У меня двое сыновей в Англии, но у них свои семьи. Моя жена умерла десять лет назад. Мне нечего было терять в Англии, и я решил отправиться сюда. На английской шхуне мы дошли до Квебека, и потом оказалось, что работать мне придется в Монреале.

— В Монреале плохо? — переспросил Малкольм.

— Это не город, это небольшое поселение, где надо работать на земле, чтобы у тебя была еда. Все дорогое, а пока человек, что привез меня, закупал станки, я работал и на полях, и на фермах, чтобы прокормиться. Дальше все пошло еще хуже, потому что он обещал оплатить мне только тогда, когда я загружу следующую шхуну, на которой он придет из Англии готовой проволокой.

— А железо? Он оставил вам что-то? — поинтересовалась я.

— Немного, но нам должны были привезти железо из Квебека. Когда прошло больше чем полгода, и хозяин этого завода не появился, я сам добрался до Квебека и пытался купить его там. Мне рассказали где можно добыть породу, или готовое железо. Это на севере, и денег у меня совсем не было.

— И как вы жили? На что? — спросила совсем расчувствовавшаяся Маргрет.

— Я нашел индейцев, что купили у меня готовую проволоку, и они привезли мне породу. Мне пришлось делать печь, в которой я ее плавил. Но это оказалось огромным плюсом — порода в несколько раз дешевле, и я весь процесс осиливал сам.

— Но почему же вы решили уехать оттуда? — спросила я, потому что до сих пор мне было не понятно — почему он приехал с Бернардом в глухое место.

— Потому что, взяв на работу Бернарда, который готов был трудиться только за еду, мы за это время сделали очень много, а прямо перед предложением уехать пришла шхуна с тем человеком, которому принадлежит этот небольшой завод. Он погрузил всю проволоку и сказал, что ожидал большего, и за это он не даст мне деньги за работу. Дал только на покупку породы, мол, из проданного сможешь взять и себе.

— Я был свидетелем этого разговора, и тогда решил, что этот человек делил со мной все, что у него было, не должен оставаться там. Я рассказал как мы живем, и что у нас здесь есть, и признался, что хотим свой завод, на котором будем изготавливать проволоку, — вставил Берnard.

— И я сразу согласился, потому что не верю больше этому человеку. Я жил впроголодь и тяжело работал — меня просто поставили в такую ситуацию, где у меня не было никаких шансов заработать, — грустно продолжил Джейкоб.

— Теперь все будет иначе, Джейкоб. Вы же видите, что мы не голодаем, хоть и приходится много и тяжело работать. Но нам нужен не простой завод для проволоки. Мы хотим делать то, чего нет нигде еще, — дружелюбно и с улыбкой сказала я ему и улыбнулась. — Мы не будем использовать ваши знания бесплатно. Вот увидите, наш завод будет известен во всей Америке, и за нашей проволокой будут приезжать отовсюду.

— Я очень надеюсь на это. Вы делаете такие вкусные пирожные, Клер угостила меня, когда они пришли к Бернарду. Я не ел ничего вкуснее.

— Да, эти пирожные в Монреале раскупили в первые пол часа, Элиза. Оказалось, что люди из Квебека уже рассказали о них, и когда мы на пристани открыли корзины, очередь из моряков собралась такой длины, что не видно было ее конца, — подтвердила его слова Клер. — Думаю, нам нужно готовить их из всех яиц, что у нас будут, потому что так мы сможем купить все необходимое для завода.

— Мы привезли самый нужный инструмент с собой, и я заказал у капитана станок. Бернард взял с него расписку за часть денег, что оплатил ему за покупку и перевозку. Это очень дорого, но его стоимость быстро окупится, даже если мы будем делать простую проволоку. Больше в Новой Франции нет такого производства. Пока хозяин завода узнает и что-то предпримет, у нас будет достаточно времени на работу.

— Это хорошо. Значит, к весне можно будет получить станок?

— Да, с самыми первыми шхунами. Если капитан сможет вернуться раньше, он привезет его раньше. Я договорился с человеком, который помогал мне на заводе, он сообщит магавкам, а они вождю, о котором сказал ему Сквонто. Индейцы оповестят нас, что шхуна пришла, и мы отправимся забирать его.

— А как мы будем перевозить его? Он очень большой? — спросила Клер.

— Да, перевозить его можно только на очень большом плоту, но против течения сделать это невозможно. Мы должны купить лошадей и очень крепкую телегу...

— Но здесь нет дороги, и мы не хотели пока прокладывать ее — не хотим указывать дорогу к нашему форту, — перебила его я.

— Эта сторона реки у Монреала — поля на несколько сотен акров, а дальше мы просто расчистим ее ровно на столько, на сколько это необходимо. Расчищать будем в пути. Да, это займет много времени, но так мы не привлечем к себе внимание заранее. И нам нельзя привлекать чужие силы. Так мы оставим эту дорогу в тайне, — ответил Бернард.

— И поэтому я решил остаться с вами, и Пэвэти. На столько, на сколько это будет необходимо, — вставил Сквонто.

Я посмотрела на девушку, ожидая увидеть разочарование в ее глазах, но она как будто была рада этому объявлению, и переглядывалась с Малкольмом, улыбаясь. Ничего себе. У меня как будто шоры на глазах были, и я не видела того, что происходит рядом со мной. Оказывается, наш парнишка тот ещё пострел! А чего я хотела? Это только я считаю его пацаном, а на деле, парню почти двадцать лет. А тощий он потому что много двигается.

Он даже не пытался скрыть своей радости, и оживился сильнее чем Клер. Мы допили чай с медом, шутили и строили планы.

— Хорошо, эти вопросы мы обсудим завтра, у нас будет много времени, а пока мы должны отдохнуть, — строго произнесла Клер и замахала руками, чтобы все расходились.

— Джейкоб, вы же не на улице будете ночевать, — серьезным тоном сказала Маргрет. В нашем доме есть большая занавеска, и за ней мы постелем вам матрас. Вы такой уставший и изможденный! Нужно хорошенько выспаться, и завтра, при свете солнца я все здесь покажу вам. — Бубнила она, уводя его в сторону дома.

Мы с Клер переглянулись и засмеялись, стараясь делать это так, чтобы Маргрет нас не услышала.

— Да, нас за занавеску не пригласили ни разу, сказал Берnard. — Я очень устал, но спать совсем не хочется.

— Да, и мне тоже, — ответила я.

— Все разошлись, а мы сейчас расскажем тебе о Монреале, — под села ко мне и Малышке Клер. Сквонто, Берnard и Малкольм обсуждали завтрашние дела, Пэвэти с улыбкой наблюдала за мужчинами, аккуратно присматриваясь к Малкольму, а мы, как в старые добрые времена, когда наши посиделки в кухне были такими долгожданнами и теплыми, сидели обнявшись, накрывшись шерстяными пледами, и тянули виски, что Берnard привез для Малышки. Мой подарок он так и не показал.

Рано утром я проснулась от разговора шепотом за стенами дома — некоторые углы еще не были промазаны нашим глиняным супер раствором, и слышимость была прекрасной.

— Вы не должны так рано просыпаться, вам нужно восстановить силы, — шептала Маргрет, и я начала понимать в чем дело. Вчерашний вечер всплыл в памяти. Ну и хорошо, его стоило привезти сюда даже ради того, чтобы у нее появился предмет обожания и заботы.

— Чего это не должен? Я отлично выспался, и готов заняться делами. Пока не стоит шуметь здесь, Маргрет, значит, я могу посмотреть огород, — ответил Джейкоб.

— Вы совсем не бережете себя. Идемте, я приготовлю вам завтрак, а потом уже будем думать о делах, — без компромиссов заявила наша обольстительница, и голоса стали удаляться.

Сна больше не было. Я осмотрелась — Малышки, которая спит строго до пяти утра, тоже не было на матрасе. Клер ворочалась, видимо и ее разбудили эти голоса.

— Ну все, мы нашли развлечение для нашей мадам. Спасибо, Клер за этого мужчину. Как же я рада, что все внимание теперь переключится на него, — зевая прошептала Барбара.

— Да, и от меня тоже. По крайней мере, если не помогать, то хоть мешать она больше не станет, — добавила я и мы засмеялись.

— Имейте совесть, прежде чем обсуждать сестру Маргрет за ее спиной! — прошипел голос из дальнего от нас угла.

— Это кто это там еще не в курсе, что монахинь среди нас нет? — присев ответила в сторону голоса Барбара.

— Это я, и вы просто свора завистливых и злых потаскух! — выпалила Аннет, и меня словно облили холодной водой. Она встала и смотрела на нас с такой ненавистью, словно мы только что расстреляли ее мать, и собираемся сделать то же самое с ней.

— Ого, у нас здесь бунт? Ты забыла слова молитвы? Или в тебя вселился дьявол, и говорит с нами твоим ртом? — встала с матраса Барбара, и направилась к девушке, что стояла сейчас посреди комнаты, оперев кулаки в бока.

— Девочки, давайте успокоимся, и пойдем готовить завтрак. У нас много работы, — поднялась я и встала между ними. Я строго посмотрела на Барбару, и она начала одеваться и сворачивать свой матрас. Клер подошла к Аннет, и взяв ее за руку отвела в сторону, к очагу.

Мы с Барбарой, которая продолжала бубнить под нос ругательства, вышли на улицу. И тут она разразилась своим громогласным голосом в сторону дома:

— Какого черта мы оберегаем этих глупых овечек, ищем для них работу по легче? Чтобы потом они обзывали нас потаскухами? Я больше не играю в добрую мамочку, и пусть только одно слово в нашу сторону еще сорвется с ее намоленных губ, я расквашу ее длинный нос!

— Барб, ты же знаешь, что она дура, она и жизни не знает, откуда ей? — успокаивала я девушку. Она всю жизнь прожила под опекой, она даже не знает каким трудом людям приходится заработать себе на хлеб.

— Думаю, пришло самое время это узнать, и если я не увижу ее с пилой или лопатой, спать зимой она будет с козами, — намеренно громко, чтобы слышали девушки в доме, продолжала кричать наша рыжеволосая бестия.

Мы пошли к кухне, где на нас уже с любопытством пялились мужчины и Маргрет, что

одна поставила котлы на огонь. Даже Пэвэти еще не было возле огня — она большими глазами наблюдала за нами в доме, а потом боялась выйти и застать продолжение криков Барб.

Завтракали в полном молчании. Я сидела рядом с Барбарой, а Клер с Аннет. То, что я в начале посчитала банальной ревностью, перерастало в проблему, которая сейчас могла коснуться всех наших дел. Когда Пэвэти с девушками разливали чай, я решилась начать разговор, и решила поговорить при всех, чтобы ни у кого не оставалось вопросов.

— Уважаемая Аннет, раз ты хочешь, чтобы все решилось быстрее, мы хотим услышать все, что тебя не устраивает. Начнем, пожалуй, с Бернарда, — сказала я, и за столом воцарилась такая тишина, что стали слышны лягушки в заводях озера.

— Я? Что случилось? — повернулся ко мне Бернард, потом посмотрел на Аннет.

— Пусть нам расскажет Аннет. Ее что-то не устраивает, и сегодня она решила обозвать девушек. Видимо у нее есть на это веские причины, — посмотрев на нее, сказала я и снова взяла отставленную кружку.

— Я сорвалась, простите меня. Такого больше не повторится, — скромно, как раньше, ответила девушка, и я вновь увидела ту Аннет, что знала раньше.

— Это все? — переспросила ее я.

— Да, простите, просто у меня сегодня была головная боль, и когда проснулась, сорвалась, — она говорила, а у Барбары открывался рот от удивления.

— Нет уж, дорогая, ты нам сейчас расскажешь все, иначе, может проваливать на все четыре стороны, — резко встав, начала Барбара, но ее за руку схватила Маргрет, не понимающая что происходит.

— Девушки, прекратите немедленно. Не позорьте меня перед нашим гостем. Я же ваша наставница, и несую ответственность за то, как вы ведете себя! — с нотой горечи и с первыми всхлипываниями, за которыми последовали слезы, начала Маргрет.

— Никакие они нам не сестры, это падшие женщины, которые взяли имена... — начала было Аннет, но не учла, что Малышка, сидевшая прямо напротив ее, может так резко отреагировать, встав и ладонью толкнув ее прямо в лицо.

Аннет со всего размаха полетела назад за лавку, ее ноги чуть не перевернув стол, на который быстро облокотился Малкольм и Бернард. Девушки визжали, Аннет не понимала еще, что произошло, а Барбара уже обходила стол, чтобы продолжить начатое Малышкой.

Мы с Клер ловили то одну, то другую, пока нам на помощь не пришли мужчины. Сквонто поднял Аннет, и держал ее за талию, потому что она рвалась на встречу своей обидчице, крича в сторону Бернарда:

— Вы разве не видите, что никакая это не Элизабет, в нее вселился дьявол на шхуне! Она уже испустила дух, а потом вдохнула и снова начала дышать. Она смотрела на нас так, словно видит меня впервые, а эти шлюхи, которых должны были повесить еще в Англии, забрали документы наших сестер, что погибли, и притворяются чистыми!

Все вокруг молчали. Мои ноги стали ватными, и я не могла сделать и шагу, чтобы заткнуть ее. Клер тяжело дышала и смотрела на Сквонто, который не отрывал от нее глаз.

— При чем здесь я? — сказал Бернард, державший Малышку? Кто-нибудь, скажите мне, о чем она говорит? — смотрел он на нас поочередно.

— Она сошла с ума, она тронулась, это точно! — быстро проговорила Барбара. В ее глазах была доля страха, потому что Аннет сейчас говорила правду, от которой они все уже отвыкли. Все привыкли считать себя одним племенем, одного поля ягодой. Возврата к

прошлему не должно было быть, мы это обсудили и дали клятву, что ни одна из нас не расскажет о нашей тайне.

Маргрет села прямо на землю и разревелась, Джейкоб присел рядом и обнял ее за плечи, пытаясь успокоить. Пэвэти молча стояла возле костра, и смотрела на Малкольма, который держал Барбару.

— Ты даже не видишь, что в ней дьявол, ты не видишь, Бернард, что она ведет себя не так, как должна вести себя женщина! Она управляет тобой, играет с тобой, — продолжала Аннет, уставившись на Бернарда. — Ты не видишь божественного света, который дает моя любовь к тебе! Она всех околдовала, и мы все обманываем Бога нашего, скрывая этих нечестивец среди чистых и трудолюбивых людей.

Барбара и Малышка, и еще несколько девушек из команды заключенных снова дернулись в сторону Аннет, но Сквонто взяв ее под руку, отвел ее к берегу.

Я присела на край скамьи, и притянула к себе Клер. На ее глазах были слезы. Она безотрывно смотрела в спину удаляющегося индейца, который вел девушку к озеру.

— Жаль, что я не придала значения твоим словам тогда. Сейчас уже ничего не исправить, — пробормотала она.

— Надо было вытряхнуть из нее все сразу, там, в доме. Лежала бы сейчас с опухшим лицом, и ни слова бы не слетело с ее губ, — зло шипела Барб.

— Может ты и права, детка, но уже и правда, поздно, — ответила я и посмотрела на Бернарда. Он не моргая смотрел на нас, а мне было сейчас страшно только за Клер. Я никогда не забуду взгляда, которым одарил ее Сквонто.

День был начат плохо, и продолжился не лучше — все боялись смотреть друг другу в глаза, словно вскрылась какая-то язва, и заразила всех недоверием. Молча убрав со стола, мы ушли в огород, мужчины взяв в помощницы девушек, тоже принялись за работу.

Август был теплым, но он заканчивался, а значит, скоро нас ждали холода, сбор урожая, и проблемы с помывкой. Сквонто сделал три больших деревянных лохани — просто выдолбил из дерева. Малкольму понравилась эта работа, и он заготовил несколько бревен, которые планировал обработать зимой, когда работы будет меньше.

Тыквы заполонили целую поляну, и я даже не представляла где их хранить. Наш чулан вместит только картошку и кукурузу. Для тыквы, скорее всего, потребовался бы огромный сарай, но мы решили, что в сарае, где будут жить козы все же нам придется поставить небольшой очаг, и на перекрытии под крышей мы можем разместить часть урожая.

Мне было страшно, что весь наш труд может просто пропасть, но помня, как хорошо сохранились запасы в Плимуте в яме, мы часть урожая решили все же прикопать в глубокой яме, выстланной ветками и соломой.

— Клер, нужно просто поговорить со Сквонто и рассказать ему все. Он, хоть и индеец, но поумнее всех нас. Думаю, он все поймет, — пыталась я завязать разговор с Клер, но она молча собирала початки кукурузы на ужин, обрывала листья, чтобы принести их козам.

— Нам нужен корм для кур, Элиза. Придется еще раз ехать в Квебек, — отстраненно ответила она.

— Не уходи от разговора, сестренка, выхватила я из ее рук корзину и поставив на пол, взяла ее за руки. — Мы и так многого добились благодаря тебе и твоим знаниям, и Сквонто тоже видит, какая ты необыкновенная.

— Мы обе для них не такие, понимаешь? Мы обе не обыкновенные, и это приводит их к страху. Знаешь же, что, когда что-то не укладывается в их природу понимания, им проще не понять, а назвать это дьяволом. Я боюсь за это. Мы ушли из Плимута, но не сможем уйти от устоев этого мира Элиза. Я начинаю думать о том, что мы зря взяли всех, — грустно ответила мне подруга и присела рядом со мной на траву.

— Это наш форт, и никто не посмеет говорить нам как жить, что делать, и во что верить, дорогая моя. Вот увидишь, я больше не буду доброй овечкой, которая прощает и прощает. У меня закончилось терпение. Я готова сама поговорить со Сквонто, только скажи мне.

— Он до сих пор с ней возле пруда? — посмотрела она на меня с надеждой.

— Нет, Сквонто уже на стройке, а Аннет я не вижу. Зря я не придала серьезности ее выпадам до сегодняшнего утра. И надеялась, что разговор при всех даст понять и остальным, что конкурировать с нами не стоит, потому что мы не вешаемся всем на шею. Бернارد, похоже, винит меня за то, что я озвучила это при всех, но эта моя выходка не позволит ей сделать что-то исподтишка. Теперь она знает, что все в курсе наших с ней несхождений.

— Я согласна, но я не ожидала, что она поднимет эту тему.

— Никто не ожидал, даже ее подруги. Так что, это не коллективный заговор. Это ее личное, — обняв Клер, ответила я, и заметила, что Маргрет ведет Аннет в дом. — Я пойду до дома, а ты не задерживайся, приходи быстрее к костру. Даже если они все разбегутся, у нас есть ты и я, — подмигнула я подруге и отправилась в сторону дома.

Бернард отставил топор и посмотрел на меня с крыши сарая. Он словно ждал, что я сама начну что-то объяснять, но я отвела взгляд и пошла к двери с надеждой, что они там только двое — нам необходимо было разобраться со всем сейчас.

Маргрет подняла на меня глаза, как только я вошла. Она поила Аннет из кружки. Та стучала зубами по деревянному краю, все еще всхлипывая, или расплакалась снова?

— Пора поставить все точки над «и», мои дорогие, — сказала я и села на лавку возле входа. Они сидели в противоположной стороне дома — у очага.

— Ты дьявол в обличие человека, — с трудом сдерживая рыдания ответила мне Аннет, а Маргрет принялась ее гладить по спине, и моргать мне, что не нужно сейчас этого разговора.

— Нет уж, раз день сегодня выдался плохим сразу, то и закроем эту тему сегодня, как бы вы ни хотели иначе, — серьезно сказала я. — Маргрет, пригласи девушек, которых Аннет считает своими сестрами. Мы будем говорить только с девочками из приюта, — посмотрев на Маргрет серьезно, сказала я.

Она сомневалась, но в какой-то момент, видимо поняла, что ничего плохого я сделать ее подопечной не смогу, вышла. Аннет перестала всхлипывать, но выглядела отвратительно: красные глаза, мокрые волосы вокруг лица, пятна на щеках и лбу.

— Я буду говорить с тобой только при всех, Аннет, и можешь не ожидать от меня ничего, что ты вообразила в своей голове, — резко прервала я ее, увидев, что она размыкает губы, выгнутые в гримасе отвращения.

В дом вошла Маргрет с девушками. Они встали у двери, рядом со мной. Это был хорошим знаком, и я расслабилась.

— Девушки, кто из вас считает, что я приношу всем вред? Или может быть кто-то считает, что во мне дьявол? — обратилась я к ним.

— Нет, Элиза, нет, что ты говоришь! Ты заботишься о нас, ты выполнила даже больше, чем обещала нам. У нас есть свой дом и земля, где над нами нет губернатора, или еще кого-то, — быстро высказалась одна из них.

— Вы тоже считаете, что остальные девушки недостойны жить с нами? Хотя, я то знаю, что многие из них попали в тюрьму, защищая свою честь, свой дом.

— Нет, они много работают и ведут себя прилично, — ответила Маргрет, не дожидаясь ответа подопечных.

— Тогда почему эта особа может думать, что ее язык имеет право так беспрепятственно наговаривать, опорочивать людей? Почему она выдала тайну, хранить которую поклялась каждая из вас? Мы не нарушили обещаний данных вам перед дорогой, и больше того, мы взяли вас с собой, хотя, одним нам было бы намного проще. Так почему она, — указала я на Аннет, — может говорить все, что ей заблагорассудится?

— Я сказала правду — ты исчадие ада! — шипела Аннет, начиная улыбаться.

— Исчадие ада только потому, что Бернард выбрал меня? — встала я и направилась к ней, догадываясь понемногу, с чем мы можем иметь дело, но надеясь, что ошиблась.

— Ты ведьма, ты околдовала его, и околдовала всех их! — со смехом кричала Аннет, указывая на сестер.

— Маргрет, вы когда-нибудь замечали за Аннет что-нибудь странное? — спросила я женщину, которая внимательно смотрела на смеющуюся девушку, которая только что рыдала навзрыд.

— Нет, ничего особенного, она была очень тихой — прилежнее всех, и набожнее

остальных. Мне самой было иногда стыдно, что я не уделяю столько времени молитве, сколько уделяет на! — осторожно говорила Маргрет, присаживаясь на скамью рядом с Аннет, не отводя от нее глаз.

Аннет просто смотрела в одну точку, и эта точка была на моем лице. Я осмотрелась, и не заметив никаких инструментов и ножей возле нее, чуть расслабилась, но мозг рисовал картину, как она, резко отпружинив от лавки вцепляется в мою шею руками, ногтями врезается в кожу и хохочет в лицо. Я остановилась и резко качнулась влево.

Скорее всего, мой разум уже просчитал ее поступки и быстро среагировал еще до того, когда я пойму происходящее. Она и правда, прыгнула, но запнулась о выставленную мной ногу и полетела на пол, к ногам своих сестер. Девушки бросились с визгом из дома. Маргрет схватила большой отрез ткани, что выполнял роль занавески и осторожно шла в сторону встающей девушки.

В одну секунду она совершил еще один прыжок на меня, но Маргрет сзади накинула на нее покрывало. Мы замотали его края, стараясь прижать ее руки к телу — спеленать ее, но она билась с такой силой, что казалось, работают топорами. Она стучала о пол не только ногами, но и головой.

В комнату вбежали мужчины, и быстро сообразили, что надо делать. Ее связали и уложили на матрас. Рот пришлось завязать, чтобы не слышать ее криков.

— Мне не казались странными ее разговоры с Богом, но сейчас я понимаю, что это было не так как у остальных людей, — сказала, будто сама себе Маргрет.

— Так вы считаете, что она сошла с ума? — спросил Бернард.

— Да, похоже на то. От любви к тебе, уважаемый Бернард, — ответила я и села рядом с испуганной женщиной, что жила с этим чудовищем годами и не заметила искорку.

В дом забежала Клер, и сразу поняла все. Я заметила, как она поймала взгляд Сквонто, который опустил голову и направился к выходу, проговорив что-то на индейском.

— Пэвэти, что он сказал? — спросила я у девушки, что прибежала вместе с ним.

— Духи нашли это место, и хотят остаться здесь, чтобы есть вашу злобу, — сказала она и вышла. За ней вышел Малкольм.

— Мда, только этого нам не хватало, — пробормотала я. — Клер, расскажи пожалуйста, что следует делать, если у нас нет госпиталя с фамилией Кащенко.

— Сумасшедшие дома есть только в Англии...

— Но их ведь не подсаживают сейчас на седативное и прочие таблетки, правда?

— Ты права, сейчас в моде лечение льдом, током и прочие «милые» пытки, — чуть слышно ответила мне она.

— Мы не имеем права отправить ее в такое место, Клер. Нужно что-то другое. Да, она опасна для нас, но я буду винить себя всю жизнь за то, что отправлю ее туда.

— Мы отвезем ее к моговкам, — сказал вошедший Сквонто, держа в руках веревку. Только там есть тот, кто уговорит духов уйти, иначе здесь умрут все.

Девушки ночью сидели с Аннет, поочередно карауля ее. Мы с Клер, Бернардом и Сквонто. Возле дерева у кухни мы расстелили матрасы.

— Сквонто, а что с Аннет будет у моговков? Ты думаешь, они вылечат ее? — спросила я.

— Они говорят с духами, которые в ее душе. Если ее духи не будут слышать анжина ^[9], за ней будут просто присматривать, — ответил он, стараясь не углубляться в эту тему. Скорее всего, это тайна, которую индейцы неохотно сообщают чужакам.

Сквонто сидел, закрыв глаза. Мне хотелось выяснить что же он думает о словах Аннет, но он был закрыт.

Бернард зачищал ветку от коры, и все его движения были резкими, словно, он хотел на этой ветке выместить всю свою злобу. Клер лежала с закрытыми глазами.

— Все равно это лучше того, что делают с душевнобольными в Англии, — сказала я негромко, и больше сама себе, укладываясь под одеяло. Я приняла решение больше не углубляться понимание настроения окружающих. Захотят спросить — спросят, у меня больше не осталось сил на эту дурацкую эмпатию, что вытягивала из меня силы.

Проснувшись я от плеска весел о воду. Быстро встала, бросила в огонь несколько веток, чтобы стало светлее и пошла к озеру. Было еще темно, озеро стояло в тумане как в молоке. Сложно было разобрать кто в лодке, но там были трое.

— Бернарду тоже пришлось плыть с ними, иначе она не хотела садиться в лодку, — из тумана на меня шел Малкольм, и говорил каким-то извиняющимся тоном.

— Ну, надо, значит надо, они же вернутся сегодня?

— Нет, Сквонто сказал, что их не будет дней пять.

Парень опустил голову и поплелся к костру, где Пэвэти уже ставила над огнем котел. От тумана было сыро, и я только сейчас поняла, что мои плечи замерзли, хоть и были накрыты. Скорее всего, кто-то укрывал нас утром с головой, потому что на нас с Клер, кроме своих, были одеяла Бернарда и Сквонто.

— Ее увезли, — из-под одеяла спросила Клер.

— Да, не вставай пока. Сейчас мы заварим чай. Или иди сразу в дом, иначе простынешь.

— Нет, мне тепло, я полежу еще немного.

— Ты не заболела? — я присела возле нее и просунула руку под одеяло, пощупав лоб. Клер горела. Только этого нам не хватало ля полного счастья.

Это заметила Пэвэти и откинула одеяло:

— Вставай, иди, иди, — приказывала она.

— Я не могу, я хочу спать, — ответила Клер и закрыла глаза.

— Малкольм, подними ее, поставь на ноги, — продолжала командовать девушка.

Юноша поднял Клер, но при попытке отпустить ее, она просто повалилась на пол мешком. Он подхватил ее и смотрел на нас испуганными глазами.

— Неси в дом. Скажи, чтобы ее раздели и положили на сухое, накрыли одеялом, и не давали воды, — спокойно и по-деловому продолжала Пэвэти.

— Я с ней, — уже было бросилась я за ними, но Пэвэти поймала мою руку:

— Нет, ты мне нужна.

— Что с ней? Она простыла? — не унималась я.

— Нет, это духи. Она два дня ничего не ела и не пила, я вижу кто и сколько пьет, и ест — женщины должны следить за этим всегда. Как только кто-то перестает есть, значит духи вошли и места для пищи не осталось. Пока духи не уйдут, человек не может себя носить. Они заставляют его лежать — так им легче забирать его душу.

— Что нам делать, Пэвэти, Сквонто уже далеко, а мы даже не знаем в какую сторону за ними плыть, — я не находила себе места.

— Расскажи мне, почему она была так расстроена? — Пэвэти отливала воду из общего котла в небольшую миску, доставала свои мешочки, и насыпала в кипяток травы из нескольких, потом перемешивала, и закрыв глаза говорила что-то совсем другим, каким-то горловым голосом.

— Она переживала, что Сквонто поверит Аннет, что он подумает, будто она падшая женщина.

— А почему это так важно?

— Важно, что он узнает?

— Да.

— Потому что она любит его, Пэвэти, а он отвернулся от нее.

— Он отвернулся?

— Даже я это вижу. После криков Аннет, он старался не встречаться с ней взглядом, но при чем здесь это, Пэвэти, ей нужен врач, — я поняла, что она отвлекает меня, делая свое питье, но и я поняла, что перестала суетиться, поток моих мыслей занят исключительно поиском причины ее болезни.

— Она так испугалась, что решила не жить, если о ней подумают плохо, Элиза, ее душа решила не жить, а тело быстро слушается своей души.

— Тело, в котором живет душа, не может так быстро ее послушаться, потому что желание есть и пить — основные физиологические потребности, — спорила я с ней, и думала в какую сторону мне бежать, чтобы спасти Клер.

— Вы все неправильно думаете. Это душа носит тело, и может легко оставить его, чтобы взять себе другое тело. Наши шаманы, что живут далеко от племени долгое время голодовки, — путалась она, чтобы объяснить мне суть ее слов. — Потом они получают душу птиц и животных, видят их глазами, бегут их ногами, и ведут их туда, куда хотят.

— Но Клер точно не хотела перейти в тело животного.

— Только ее душа знает, что она хотела, не ты, — ответила мне девушка и подала миску: — надо чтобы она выпила все до капли, потом накрыть ее теплыми одеялами. Закрывать вместе с логовой.

— Хорошо, а что дальше? — ответила я, приняв миску, и наблюдая, как Пэвэти берет палку с привязанным наконечником.

— Ждать, когда ее душа решит остаться в этом теле. Она брезгует его, ей неприятно в нем, — ответила Пэвэти, и ушла к озеру.

— Ты куда направилась?

— Ловить рыбу, нам нужна еда, — спокойно ответила Пэвэти.

— Вот так, это словно происходит не со мной. Что за чертовщина с этой долбанной любовью, с этой припадочной Аннет. Даже Маргрет ведет себя как кошка. На наш форт сбросили с самолета каких-то любовных снадобий? — прокричала я в туман, и повернулась было, чтобы пойти к дому, но наткнулась на Джейкоба:

— Я могу чем-то помочь вам? — смущаясь спросил он.

— Нет, спасибо, но как только рассветет полностью, уляжется туман, вы с Малкольмом можете продолжать вчерашние дела. Сквонто и Бернард увезли Аннет к могавкам. Простите нас за вчерашнее, вы, наверное, и не думали, что попадете в такой сумасшедший дом, — я ответила, и поняла, что вообще забыла о Джейкобе.

Клер раздели, уложили на согретый о камни из костра матрас, застеленный новой тканью, укрыли таким же отрезом, а сверху двумя одеялами. Мне стало не по себе. словно соборовали на смерть. Во все новое. Сестры стояли кружком вокруг, и она, лежащая на полу, выглядела как мертвая.

— Так, девушки, пятеро в кухню готовить завтрак, остальные вместе с Маргрет, затопите печь, двигаем ее ближе к ней, а потом вы выбираете самый веселый псалтырь, какой-нибудь праздничный, и о том, что жизнь сильнее смерти, и начинаем петь его с улыбками, как на Рождество, — разогнала я эти изваяния, и присела с Клер.

Миска была большой, но я нашла большую ложку. Барбара держала ее голову у себя на коленях, нажимала на щеки, размыкая челюсть, и запрокидывала голову каждый раз, когда я выливала в ее рот отвар. Я не знала, что в нем, я не знала, как скоро он поможет, да и поможет ли вообще, но я считала, что это простуда. У нее нет сил, она мерзнет, у нее высокая температура.

Я помнила, что высокую температуру нужно повысить прогреванием, чтобы запустить этот процесс умирания болезни в организме — больше я ничего не знала. Логика эти действия не были лишены.

Печь нагревалась быстро. Как только я закончила поить ее из миски, мы подтащили матрас ближе к огню, подложили с обеих сторон еще два матраса, свернув рулонами, и накрыли ее всеми одеялами, что у нас были. Над ее лицом я оставила лишь простынку. Она, будто, нагревала комнату сильнее чем печь, но через пару часов, открыв простынку очередной раз, я увидела, что по ее лицу скатываются крупные, капли пота, словно она в парилке.

— Ну, слава Богу, она уже не такая горячая, — прошептала я Маргрет. — Идите обедать. Я останусь с ней. Я хотела, чтобы ушли все, мне нужно было поговорить с моей Лилей.

— Помнишь, когда готовились к экзаменам, а мальчишки звали на озеро? И ты тогда мне сказала, что, если сдадим и поступим, у нас этих озёр будет не счесть, а вот если завалим, так и будем чужих приглашений ждать, — вкрадчиво и с улыбкой разговаривала я с Лилей, словно она сидела рядом, приклонив голову на мое плечо.

Лиля ровно дышала, иногда открывала глаза, но тут же снова проваливалась в беспокойный сон. А я болтала и болтала, боясь этой тишины, прислушиваясь к ее неровному дыханию, промакивала бусины пота с лица влажной тряпкой.

— Так вот, сколько еще будет этих Сквонто, а ты должна быть, потому что тебя мне никем не заменить, поняла меня, сестричка? Так что, давай, подружись обратно с этим телом, да и нечего на него грешить — Джози была хорошей девушкой. Это жизнь такая у нее была — невыносимая. А она не хуже тебя. Твоя душа выбрала достойную.

— Иди поешь, я побуду с ней, — в дом неслышно вошла Малышка. Я не знаю, сколько она тут стояла и слышала ли мой монолог, мне было все равно, лишь бы его слышала Лиля.

— Хорошо, пойду, только смотри, чтобы дышала, Пэвэти сказала, что до ночи должна прийти в себя, но только если жить сама захочет, — я говорила девушке о Клер, как о самом дорогом, что у меня есть, а та смотрела на меня внимательно, и не перебивала. — Абигейл, зови меня, если что, я только горячего попью и вернусь.

— Поешь там, с утра так ничего и не ела, если обе рядом ляжете, никому лучше не станет, — тоном заботливой, но строгой матери ответила Малышка и махнула на дверь.

Пэвэти налила мне полую миску горячего, жирного рыбного бульона, который я принялась жадно пить через край. Я вспоминала как мы пару лет назад ездили в очередной поход, где для нас вытаскивали прямо в лодку сети с жирными рыбинами, а потом на берегу рассказывали, как варить «двойную» уху. Сегодняшний бульон был очень похож на тот.

— Сверху, самый жирный я слила. Он вон в том котелке. Травок туда положила, тыкву размяла. Его пить можно. Как проснется, надо чтоб сразу все съела, поест и заснет снова. Дом топите до жары, — убирая посуду после ужина спокойно говорила Пэвэти.

— Присядь со мной, Пэвэти. Ты никогда не говорила кем тебе приходится Сквонто. Ты ведь молодая, почему за ним ходишь? — постучав по лавочке рядом с собой, подозвала я девушку. Она села, взяла кружку и долго отпивала из нее горячее варево с сильно пахнущими травами.

— Мой отец просил Сквонто следить за мной. Он погиб, когда мне было мало лет. Сквонто везде меня брал с собой, а когда уезжал в Англию я жила с женщиной в деревне. Он меня говорить учит, а тут сказал, что с вами я быстрее начну говорить, и правильно. Он говорил, что скоро много здесь будет людей, и они с собой сюда привезут свои законы и правила, — она говорила грустно, протяжно, иногда вспоминая слова, смотрела на меня, чтобы удостовериться — правильно ли она говорит.

— Это правда, скоро здесь будет много людей, но будут и плохие люди, Пэвэти, ты должна знать это.

— Знаю, только все равно, нам ведь некуда уйти, тут наш дом. Сквонто не зло, просто не любит долго на одном месте оставаться. Я и не ожидала, что он останется. Говорил, что его там ждут духи...

— Он должен был умереть там, Пэвэти, если бы вы не ушли с нами.

— Он знал, только нельзя менять что духами уже предрешиено. Вот они и пришли к нам сюда, раз он им не остался.

— Он знал, что умрет?

— Ему сказал вождь, что видит его душу, просил не ходить к вам, потому что боль видел.

— Это не от нас, это от других людей. Но смерть теперь ушла от него?

— Она не оставит все так, значит, других берет вместо него.

— Клер может умереть?

— Если жить не захочет сама.

— Она без Сквонто не захочет, — решила я открыть карты. Мне было интересно — что еще знает эта девочка.

Человеку никто не нужен, только своя душа, Элиза. Остальные люди свободны, и если душа так тянется к другому человеку, значит знала раньше эту душу, до рождения еще, может даже столько жизней назад, сколько не сосчитать.

— И что?

— Если ее душа знала его душу, значит и его тоже знала, ему только вспомнить нужно. Не каждый может так быстро почувствовать, — речь Пэвэти немного замедлилась, и я увидела, куда она смотрит. У дома с Джейкобом стоял Малкольм.

— Он тебе нравится? Значит, твоя душа тоже знала его душу?

— Нет, не так, я не умру без него, значит души встретились впервые. А чтобы до смерти — так бывает редко, вернее почти не бывает. Старейшины говорили об этом, только вот никто не знает такие души. Не бойся, Сквонто вспомнит ее, только может много лет пройти, но он тоже не сможет жить, если потеряет ее.

— Ты говоришь так, как будто он это знает.

— Он не знает, он догадывается. Только долго, у него много мыслей, много дел.

Спали многие сегодня на улице, потому что в доме было жарко. Клер проснулась глубокой ночью. Малышка толкнула меня в бок и пошла к очагу, чтобы погреть приготовленный Пэвэти бульон, а я подползла к ней и посмотрела в ее лицо — ее глаза были такими темными, что мне стало не по себе. Она заметила, наверное, этот мой взгляд, сдвинула брови и спросила:

— Что, совсем плохо выгляжу? Сними с меня эту тяжесть. Мне кажется, что я лежу в котле с горячей водой, а сверху на мне лежит слон.

Ее голос был слабым, но она пыталась шутить, а это значило, что не все потеряно. Это значило, что она вернулась.

— Мне снились экзамены, мне снилось как нас звали купаться на озеро...

— Когда ты спала, я рассказывала тебе об этом, — перебила ее я, видя, что говорить ей тяжело, и удивилась, что она слышала меня. — Нужно выпить весь бульон, в нем лекарство. Я попою тебя из ложки, а твоя работа глотать, хорошо?

— Хорошо, только я не обещаю, что осилю всю эту миску — у нас за поесть главной всегда была ты, — она смеялась, и все больше давала мне надежды.

— Ничего не болит?

— Нет, только жарко и мокро.

— Ну, это ты переживешь, помнится, ты очень любила баню.

— Да, нам стоило бы построить здесь хоть что-то похожее на нее.

— Ну, настоящую мы, боюсь, не осилим, а вот походную — легко. Глины у нас, хоть Голема лепи. Внутри наложим кучу камней, под ними — очаг, и все. По-простому. И попариться там можно будет, и помыться в тепле. А лоханей нам Малкольм навыструживает — ему, по-моему, очень понравилось.

Я говорила и говорила, строила планы, делилась ими с Клер — так мне было спокойнее, так я понимала, что мы живы, и что у нас есть шансы на жизнь.

На улице вдруг начался гомон, я слышала разговоры у реки, потом голоса перекинулись к кухне, и там к ним присоединились голоса Барбары и Маргрет, а потом уже шепот Малкольма возле дома.

Я напряглась, уставившись на дверь. Куча одеял, что лежала сейчас на Клер не давала ей посмотреть туда, и она занервничала, заелозила, одними глазами спрашивая меня: «что там»?

Дверь открылась и в комнату влетел Сквонто. Он быстро окинул взглядом кучу, меня, двух девушек, что дремали у двери, потому что ближе к огню было невыносимо душно.

— Принесите большое корыто, и все уходите отсюда, — крикнул он и показал нам на двери. — Элиза, приготовь чистые простыни и постели у очага три матраса друг на друга.

Мы даже не смели задать ни одного вопроса. Я нашла новые отрезы, что девушки разрезали и подрубили для новых простыней, притащила матрасы, сложила кучей, поверх постелила пару простыней, и еще пару положила рядом.

Девушки принесли деревянное корыто, он указал на котел, что стоял на очаге, и мы вместе перелили его в корыто. Клер смотрела на это все широко открытыми глазами, но не могла сказать ни слова.

— Теперь уходите, — крикнул он, и начал снимать с Клер эту гору одеял. Я вышла, глубоко вдохнув, выдохнув.

Внутри стало тихо и спокойно.

— Ты же не думала, что я тебя брошу, ты же не думала, что мне важны слова? — приговаривая нежно, и в то же время, серьезно, Сквонто скинул с Клер все одеяла. Под мокрой простыней она была без одежды, и автоматом прижала к себе последний, самый тонкий слой пирога, что скрывал ее.

Он, не церемонясь, вместе с простыней, поднял ее и усадил в это корыто. Поливал водой, шептал какие-то незнакомые ей слова, и она даже не поняла в какой момент эта простыня упала на ноги.

Она не отрывала глаз от него, ловила каждый его взгляд на нее, каждую эмоцию, разгадывала, что она значит.

Он насухо вытер ее чистой простыней, уложил в чистую постель, разделся до нага и лег рядом.

— Твоя душа может быть в каком угодно теле, и даже через века она будет искать меня, как и моя душа твою, — шептал он, целуя ее глаза, нос, губы. — Ничего не смогло бы нас с тобой разлучить, и ты уже спасла меня. Неужели ты думала, что я не вижу этого?

— Почему тогда ты молчал, — всхлипывая все сильнее и сильнее спросила его Клер, стараясь как можно ближе прижаться к его груди, уткнуться носом в его шею.

— Нам нельзя было показываться духам. Их зависть убила бы наши души.

— У нас это называют завистью Богов.

— Они нашли нас, значит больше нечего бояться. И мы оба расплатились уже за все. Больше нас не разлучат. Скажи мне свое имя, — тяжело дыша спросил Сквонто.

Бернард остался у могавков с Аннет, иначе она кричала и царапалась, вырывалась, и грозила расцарапать всем глаза. Сквонто решил вернуться в какие-то доли минуты, просто почувствовав, что это необходимо. Сердце колотилось как после быстрого бега, и он боялся опоздать к Клер — он чувствовал, что все дело в ней.

Когда он сошел на берег и увидел всех спящими на берегу, то поспешил в дом. Он не слушал бегущую за ним Пэвэти, боялся, что его страхи окажутся ерундой в сравнении с тем, что будет, если он потеряет Клер.

Это мне рассказала днем Клер, которая вышла в огород к обеду, словно и не лежала вчера с температурой, после которой мало кто выживает.

Женщины молчали, и все разговоры были о делах, о планах. Мы приступали к уборке урожая, а это значило, что теперь почти все время мы должны работать, не разгибая спины. Важно было все убрать до дождей.

Прошло две недели, мы заканчивали с картошкой, оставив тыквы на более поздний срок, и я ловила себя на том, что постоянно смотрю на озеро, но Бернард не возвращался. Сквонто лишь однажды сказал, что он вернется только тогда, когда могавки скажут ему, иначе, они не оставят Аннет у себя.

У меня было ощущение, что это все на руку Аннет, и чем дольше там Бернард, тем сильнее она верит в то, что он остался с ней. Я пыталась гасить эту глупую ревность, но у меня плохо выходило. Я недоумевала — как можно так прикипеть к человеку, который не вызывает особых эмоций, не так сильно притягивает к себе.

В последние дни августа к нам пристали лодки могавков, на одной из них был Бернард, но они пришли еще по другой причине — их люди встретили в Монреале человека, который просил передать Сквонто известие.

— Джейкоб, хозяин твоей фабрики продает станки, недавно пришло письмо из Англии. Мы должны срочно ехать в Монреаль, — сходя с лодки расшифровал слова могавков Бернард.

— Но у нас нет денег, Бернард, — погрузился Джейкоб.

— У нас есть небольшой запас, а еще мы заработаем на сладостях, плюс у нас теперь есть картошка, о которой мало известно в Монреале. Не думаю, что кто-то бросится купить оборудование, применение которому считают бесполезным, — ответила я, чем привлекла внимание Бернарда.

Он долго смотрел на меня внимательно, потом опустил глаза и побрел к дому, на ходу переговариваясь со Сквонто.

«Ну и вали, ни черта не понимаю, что его так изменило, но меня начинало раздражать такое поведение. А с другой стороны, чего я хотела, если сама же и сказала, мол, никакой любви у меня к тебе нет, так что, если хочешь, можешь конечно ждать, но я бы не стала...» — думала я, шагая обратно к огороду. Пусть сами придумывают как им добираться до Монреала, и где найти денег, раз мои предложения кажутся им странными.

Урожай был хорошим. То ли потому что мы ухаживали за овощами и поливали, то ли потому что земли были свежими. Наши склады были полны, и это говорило о том, что за зиму можно не переживать — в лесу много мяса, в закромах овощи, сушеная рыба, грибы и ягоды. Шиповник и малина, которые мы нашли в большом количестве, были хорошим

подспорьем в вопросах витаминизации нашего форта.

Мужчины и Клер, которая теперь всюду сопровождала Сквонто, отправились в Монреаль. Неделю мы готовили безе, чтобы получить хоть какие-то деньги. Благо, продавать его можно было дорого, и рецепт никто и не смог повторить.

Я накопила немного жира от индюшек, и приготовила жареную картошку, которая пришлась по вкусу всем, и теперь при готовке девушки отделяли весь жир от тушей косуль и птицы, чтобы полакомиться новым продуктом.

Хоть дела и шли не плохо — у нас была еда, одежда, инструмент, покупка чего-то дорогого была затруднительна, потому что нужны были деньги. Чтобы купить необходимый станок, нужно было еще пару раз по столько, сколько у меня осталось от участия в боях. И я начинала думать о том, чтобы повторить это.

— Элиза, даже не думай, ведь второй раз тебе может и не повезти, или нарвешься на бандитов, — отмахивалась Клер от моего предложения.

— Но больше вариантов нет, Клер.

— У нас еще есть время, и мы можем хоть неделю прожить там, торгуя безе, закупая продукты в Монреале.

— Не забывай, что нужны лошади, чтобы тянули этот груз, сами вы точно не сможете. Я должна ехать с вами, а вот Малкольму можно остаться здесь с девушками.

— Мы берем его, и берем Малышку, и Барбару, нас будет много, Элиза, но ты здесь будешь полезнее.

— Это даже не обсуждается, Элизабет, — вступил в разговор подошедший на кухню Бернард.

— А ты то чего командуешь? Я и без тебя могу разобраться что мне делать, а что нет, — ответила я зло.

— Я знаю, что можешь, но в этот раз Малкольм будет полезнее там, а ты здесь. Я знаю, что мы можем сделать. Управляющий, что имеет все документы на оборудование, игрок и выпивоха. Он клюнет и на меньшую сумму, а лошадей мы сможем взять в аренду, если не удастся их выкупить, — спокойно отвечал он, наливая чай из горячего чайника.

— Мне ваш план не кажется хорошим, Бернард.

— Но у нас нет другого плана, Элиза. Плот мы построим здесь, и спустим его до Монреала без труда. На нем мы повезем часть урожая на продажу, и за неделю мы продадим его, потому что там мало развиты огороды, а есть хотят все. А еще, там стоят шхуны, что привозят много виски и железа, но не привозят овощи. Моряки с удовольствием берут все, загружая судно в обратный путь.

— Хорошо, делай как знаешь, — отмахнулась я от него, и обратилась к Клер:

— Не забывай о пюре, запеканках, и прочих простых вещах — нужно только дать попробовать, и люди охотнее будут покупать картошку. Продавай ее только дорого, хорошо?

— Хорошо, — ответила Клер и обняла меня. — Вот увидишь, мы все сделаем, и будем спокойны за форт, потому что здесь остаешься ты. Девушки Барбары научены стрелять из мушкетов, и с тобой они смогут реагировать быстрее.

Я снова оставалась одна. Несмотря на то, что нас было много, я была одна. Работы предстояло много, но казалось, что остаюсь здесь в одиночестве, посреди глухого леса, на чужой земле.

Клер цвела. Ее мысли и слова теперь были спокойными, все движения размеренными и точными, она больше не пугала своей невнятностью, перестала быть чрезмерно осторожной

— она доверилась Сквонто, который оберегал ее.

Я, в глубине своей души, боялась, что со временем она отдалится от меня и мне придется остаться одной. От этих мыслей к горлу подходила дурнота, голова начинала кружиться. Мы считали наш прежний мир слишком опасным, слишком хищным, чтобы существовать там поодиночке, но здесь было не лучше.

В первых числах сентября они выдвинулись в Монреаль. Три лодки, плот, загруженный овощами, продуктами в дорогу, веревками и минимумом необходимой одежды. Они должны были купить нужный нам станок, имея только одну треть от всей суммы. Я смотрела на них так, словно никогда больше не увижу, и отгоняла от себя эти мысли.

Барбара и Малышка стали мне лучшими помощницами еще в Плимуте, и я не боялась доверять им, хоть и не могла говорить с ними открыто. Бернард был слишком незнакомым элементом моей жизни, но его терять тоже не могла, потому что где-то в глубине сердца тоска по нему разгоралась все сильнее, особенно в моменты разлуки.

Мы переселились в дом, где мужчины до последнего дня перед отъездом утепляли мансардный этаж — уголок под крышей, который не будет использован под хранилище.

На костре сейчас готовили только если нужно было долго варить, а чай кипятили в очаге дома, чтобы к ночи было теплее. Осень и надвигающаяся зима пугали, наваливалось какое-то отчаяние. Бороться с ними помогала лишь работа. Уборка тыквы оказалась не простым делом, а если учесть, что многие из них с трудом можно было обхватить, уставали мы все как будто работаем на железной дороге в три смены.

В середине сентября, когда я уже было собралась направиться в Монреаль, к нашему берегу пришли индейцы. Мы всегда старались их угостить, развеселить, подолгу сидели с ними, и благодаря Пэвэти узнавали их историю, их предания.

Нам уже были понятны основные предложения, некоторые словосочетания и их мимика. Мы старались говорить на их языке, хотели, чтобы они видели наши старания.

— Они сказали, что наши люди в нескольких часах на лодке. Они везут грузы по воде. Их тащат с берега лошади, — радостно перевела Пэвэти.

— Спроси сколько их? — перебила меня Маргрет, и ее глаза заблестели. Да и каждая из нас, что прожила больше месяца здесь в ожидании вестей, словно ожила. У меня в сердце зажегся огонек, что, набирая обороты, грел меня все сильнее и сильнее.

— Они говорят, что возвращаются все наши люди, — быстро перевела Пэвэти, но мы и так уже поняли их слова.

— Бог услышал наши молитвы, — грохнулась на пол Маргрет, а следом за ней еще несколько девушек. Баб с «падучей» становилось меньше, но, чтобы совсем искоренить это потребуются годы и годы.

Я и еще пятеро девушек из команды Барбары решили не тянуть кота за хвост, и быстро переодевшись, решили идти по берегу, до ночи мы должны были обязательно встретиться с ними. Скорее всего, наша помощь будет не лишней.

Девушки собрали еды, мы упаковали все в наши рюкзаки, и вышли по нашей стороне реки в сторону будущей Канады.

Несмотря на болота, которые приходилось обходить, на валежник, который, скорее всего, нам придется разбирать на обратном пути, мы шли с отличным настроением, а я с огромной радостью от скорой встречи с Клер.

Очень большой плот мы увидели вечером с возвышения, где уже практически заканчивалось озеро. К нему с берега тянулись веревки. Людей мы не видели, но радость от скорой встречи придавала сил идти быстрее, не обращая внимания на усталость.

— Стой, — слышали мы знакомый голос Малкольма из темноты.

— Это мы, Малкольм, это мы, — бросилась я в темноту, откуда раздался голос, и из-за куста вышел наш мальчик, что за это время как будто вытянулся, похудел.

— Что вы здесь делаете? Сквонто услышал треск, и велел проверить, вот он и пошутил надо мной, скорее всего, знал, что это вы, иначе, не расселся бы там спокойно. Идемте, скорее, мы покажем вам все.

— В темноте вы много не покажете, дорогой, — еле успевали мы за ним, но через несколько минут вышли к костру, вокруг которого сидели люди, что были для нас теперь самым дорогим — они стали нашей семьей, нашей опорой, нашими друзьями и нашей единственной надеждой на выживание.

Скорее всего, мы были для них тем же, и это грело еще больше. Клер дремала, положив голову на колени Сквонто, Барбара и Малышка перешептывались, Бернард обсуждал что-то с Джейкобом.

— Я привел к вам несколько лосей, — начал было Малкольм.

— Да, я так и сказал, что там либо лоси, либо наши леди, которых мы слышали еще засветло, — смеялся Сквонто.

— Да ты что, Сквонто, почему ты не сказал, что слышал их? — подскочила Клер, и с разбегу обняла меня.

— Злой у тебя мужчина, дорогая, — язвительно заметила я, и засмеялась, боясь повернуть голову к Бернарду.

— Нет, это не злость, это чтобы вы научились уже ходить по лесу. Вас могли поймать индейцы, которые слышали вас от самого Монреаля, — продолжал смеяться индеец, пока все обнимались и шумно радовались встрече.

— У нас все получилось, Элиза, — услышала я в какофонии голосов слова Бернарда.

— Я очень рада, и рада, что вы все целы и здоровы. С горы мы видели плот. Как вы его притащили против течения? — решила уйти от разговора с Бернардом я.

— Две лошадиные силы и несколько наших, — ответила Элиза.

— Тяжело? — переспросили девушки, что пришли со мной, и сейчас слушали рассказ о пути от Малышки.

— Иногда казалось, что все оторвется, и поплывет обратно в Монреаль, — смеялась Клер, подкидывая дров в огонь, а мы доставали из рюкзаков домашнюю еду.

Мы быстро перекусили, запивая небольшими порциями виски, который несла домой Малышка. Лошади стояли недалеко, а вот привязанный у берега плот, и правда, вызывал уважение к его изобретателям. С факелом мы спустились ближе к реке, и я наконец рассмотрела этот чертов станок, что в разобранном виде выглядел как гора металла.

— Если дело не пойдет, я все это перекую, и у нас будут гвозди еще для десяти или даже пятнадцати домов, — смеялся Малкольм, а я шутя грозила ему кулаком.

— Завтра мы все расскажем, но, если бы не хитрый Бернард, мы не смогли бы купить эту кучу железа, — перед сном сказала мне Клер.

Я легла, и долго притворялась спящей, прежде чем поднять голову, и посмотреть в сторону того места, где спал Бернард. В свете гаснущих углей я встретила с ним глазами, увидела его улыбку и грохнулась обратно, чувствуя себя полной дурой, которую поймали на таком слабохарактерном жесте, что у меня загорело лицо. Но еще сильнее я почувствовала камень, о который ударила головой — на затылке точно будет шишка!

«Какого черта, дура, какого черта я вытаращила на него?» — крутилось в голове, и я корила себя за этот поступок.

— Можно я перелегу сюда? Так тебе будет удобнее подсматривать за мной, иначе, свернешь голову о камень, когда в следующий раз так сильно откинешь ее назад, — прошептал он надо мной, но я лежала, боясь открыть глаза.

— Еще чего. Никто не подсматривал. Просто не спится, — набравшись смелости, и собрав в «кучу» лицо, ответила я и открыла глаза. Он стоял надо мной, держа в руках куцее одеяло и куртку.

Расстелив куртку на земле, а под голову приладив небольшое полено, он улегся лицом ко мне и укрыл плечи:

— Удобно? Могу предложить свое плечо, — указал он на камень под моей головой. — Как ты голову не разбила с такого размаха. Сейчас не болит потому что виски скрасил ощущения, а вот утром может стать хуже. Не отказывайся.

Он подвинулся ближе и вытянул руку, предлагая лечь на нее головой. В течении пары секунд в моей голове пронеслась мысль о том, что я буду лежать к нему слишком близко, но я отмела эти мысли и подвинулась к нему, подтаскивая свой тощий матрас.

— Не переживай, никто не подумает о тебе плохо, потому что я не отменял своего

предложения, и ты все еще можешь считаться моей невестой, если хочешь, — прошептал он в мой затылок и положил вторую руку мне на плечо.

Я напряглась, а потом решила плюнуть на все, потому что именно в эту минуту я поняла — тот огонек, что грел мою душу был не только от Клер. Меня радовало и его возвращение. Я засыпала с мыслями о том, что жизнь очень короткая, а в этих условиях она может пройти и вовсе незаметно.

Мне снились горы, которые мы переходили на пути из Плимута, мне снился Квебек, наш форт, озеро, в котором мы купались все лето, мне снилась какая-то непонятная мне радость, и только под утро я поняла, что я наконец приняла эту жизнь, смирилась или сжилась с мыслью, что моего прошлого больше не будет. Раньше мне снилось только мое прошлое, а если быто точнее — будущее этой земли.

Проснувшись ночью от того, что замерзли руки, я вспомнила, что лежу так близко к Бернарду, что от него моей спине сейчас тепло. Он накинул на нас и свое одеяло, и его спина теперь была не укрыта, но он дышал ровно, не тряся как я. Вот сейчас я могла его рассмотреть без страха.

Повернувшись к нему лицом, я перекинула его одеяло на его спину, а свои руки аккуратно положила между нами. Только начинало светать, и было бы неплохо развести костер, но вставать не хотелось.

Он спал глубоко и совершенно не реагируя на мои движения. мне это показалось странным, ведь человек, если спит один очень долго, чувствует все колебания, что касаются его тела. Я чуть подняла голову — все, кроме Сквонто были здесь. «Видимо, его очередь дежурить» — подумала я, уложила голову обратно на локоть Бернарда, чуть подняв его запястье, чтобы не затекла его рука.

И тут я услышала вдалеке речь. говорили индейцы. Очень приглушенно, горлово, фыркали лошади, перебивая их, но я различала как голос Сквонто, так и еще несколько незнакомых мне голосов.

— Бернард, — прошептала я чуть слышно прямо в ухо мужчине, что лежал рядом, и легонько прикрыла ладонью его рот, чтобы он не крикнул проснувшись.

— Да, я давно слушаю, тихо, Элиза, нам нечего бояться — они говорят спокойно. Джейкоб и Малкольм тоже уже не спят, — ответил он, прижимаясь влажными губами к мочке уха. — Ничего не бойся!

Утром я делала вид, что в общем-то ничего и не произошло, и я не лежала рано утром лицом к лицу с мужчиной, не рассматривала его, когда он, как оказалось, и не спал вовсе. А еще мы ждали, когда Сквонто сам заговорит об утренних гостях, но он молчал.

Сразу после завтрака мужчины впрягли лошадей, чтобы продолжить дорогу. Джейкоб и Барбара вели лошадей. Впереди шли остальные, прокладывая путь.

Это оказалось очень сложной работой — все приходилось делать быстро, чтобы лошади не меняли темпа, иначе, плот относило назад. Привязанные к нему лодки помогали только на плёсах, где гребцы могли легко провести его с воды. Большую же часть времени приходилось тянуть, помогая лошадям в местах, где река была узкой, а течение сильным.

Домой мы пришли только к вечеру. Путь в несколько часов мы преодолевали целый день. Быстро поужинав, поставив и накормив лошадей, все завалились спать, не дожидаясь темна. Теперь все ночевали в доме. По утрам были такие холодные туманы, что, просыпаясь в ознобе, можно было подумать, что тебя облили. Наше лето закончилось.

Сквонто и Клер перебрались на клеть, которую мы называли вторым этажом. Там мы хранили семена, муку, запас пороха. Окно там использовалось бы при необходимости как смотровое — в него был отлично виден выход на озеро.

Охота становилась все лучше. Птица была крупной, подросший молодняк оленей сам становился легкой добычей. Мы вошли в сезон серьезных последних запасов, где каждая ягода, гриб или травка с еще большей любовью откладывалась в хранилище — страх голодной зимы и нападения заставили нас сделать запасы еще и в горах.

Джейкоб и Бернард трудились со станком, привлекая и Малкольма к работе рядом с ними. Сквонто полностью посвятил себя охоте и запасам копченого мяса и рыбы. Все остальные заканчивали со шпукатуркой дома снаружи. Глина хоть и была доступным и простым материалом, особой прочностью с улицы она не отличалась, и мы решили, что небольшие запасы мы будем хранить в сарае на случай, если зимой отвалятся куски.

Стены были хоть и не совсем толстыми, чтобы хорошо хранить тепло, но так мы были защищены от сквозняков. Масло для ламп решили использовать скромно — только на момент подготовки ко сну. Вставали с первым светом, потому что спать ложились очень рано. Вот тебе и принудительный, но естественный распорядок дня!

— Я давно должен был это отдать, Элиза, но все не решался, боясь, что ты скажешь «нет», — вдруг произнес Бернад, оставшись со мной наедине в кухне, что использовалась теперь только для копчения мяса для запасов и запекания на углях для еды.

— Что отдать? — обернулась я к нему, вспоминая, что так давно он говорил мне о каком-то подарке, что привез из Монреаля.

— Вот это, — он протянул мне в раскрытой ладони кольцо. Оно выглядело так, будто было сделано из перекрученной в тонкий канат проволоки, но это было серебро. В аккуратно раздвинутое умелой рукой плетение был вставлен небольшой камень, ценности которого я не приняла значения в первые минуты, так как казался обычной каменной породой.

— Это золото, Элиза. Это не простой камень, но я хочу, чтобы ты носила его не на пальце, а на шее, потому что чужим людям не стоит знать, что у нас есть золото, — посмеялся он.

— Тут совсем мало, чтобы люди начали бы обращать на него внимание, — отшутилась я, примеряя его на палец и удивляясь, как аккуратно смотрится неприметный, совсем не обработанный металл с хорошо протянутым серебром.

— Я должен был сказать тебе раньше, но говорю сейчас, Элиза. Мы теперь на стороне индейцев...

— Как это?

— Помнишь наших гостей в лесу, с которыми говорил Сквонто?

— Да, но уже подзабыла, хотела, чтобы Сквонто сам рассказал все.

— Мы дали клятву, что в случае любого нападения, не важно, французы это будут или англичане, мы останемся на стороне индейцев. А вы, в случае, если с нами что-то случится, должны говорить, что были нашими пленницами, — опустив глаза продолжал Бернард.

— Как это?

— Это не обсуждается. Мы заключили договор с индейцами, и теперь у нас есть информация о металлах, среди которых есть и золото. Мы можем использовать породу, чтобы не покупать железо, можем добывать золото там, где еще не было англичан, но мы поклялись, что не используем их дары против них.

— Клер знает?

— Надеюсь, потому что именно так изначально Сквонто и договорился с могавками...

— С самого первого дня? Это он тебе сказал? Так вот почему они были так гостеприимны. И что, теперь вы обязаны воевать на их стороне? Участвовать вместе с ними в набегах на английские поселения, если вдруг это понадобится? — начинала «закипать» я от такого глупого обмена.

— Нет, мы просто не должны бороться против них, Элиза.

— Почему мы узнаем об этом так поздно?

— Потому что вы женщины, и не должны думать об этом.

— Клянись, что, хотя бы ты будешь обсуждать со мной каждый будущий шаг, Бернард, иначе, мы ничего не сможем изменить, иначе, мы возможно не сможем спастись в сложной ситуации, — смотря ему прямо в глаза шептала я.

— Зачем, Элиза? — удивленно переспросил он.

— Потому что они могут изменить предначертанное, Бернард, — вдруг позади я услышала голос Сквонто. Быстро обернулась, и увидела Клер с ее индейцем. Она была напугана, или же удивлена.

— Да, Бернард, ты можешь не верить, но мы знаем, что будет с этими землями даже через несколько веков. Но ты должен хранить эту тайну, — продолжила за Сквонто Клер. — Я знаю, что Сквонто пришлось договориться с могавками ради нашей безопасности, и по сути, он обещал, что будет стрелять в англичан, но раз только так, он прав, иначе мы умерли бы еще тогда, когда прибыли сюда.

— Откуда вы знаете?

— Они видели будущее, Бернард, и нельзя больше молчать о своих планах. Нам нужно всегда говорить о том, что узнали, что хотим сделать, — спокойно говорил индеец, а лицо Бернарда приобретало выражение неприятия подобной модели.

Неужели он просто против того, чтобы женщины решали их будущее, против того, чтобы советоваться с нами и прислушиваться к нам? Неужели даже индейцы умнее европейцев, и свою гордость воспринимают всегда в правильном русле, а не только вовремя битвы полов?

— Ты расскажешь мне все? — смотрел на меня безотрывно человек, чье кольцо я так и не сняла с пальца, тем самым дав ему понять, что я согласна.

— Да, но только тогда, когда это будет действительно необходимо, Берnard, и если ты мне не доверяешь, я верну твое кольцо, — я потрогала пальцами фактурное украшение и повернула его камнем внутрь ладони.

— Доверяю, Элизабет, только я прошу взаимности, прошу, чтобы и ты мне доверяла.

— Обещаю, — ответила я и протянула ладони навстречу его ладоням.

— Да неужели «горько»? — громко закричала Клер и засмеялась.

— «Горько»? — переспросил Берnard.

— Об этом я расскажу тебе позже...

Начало зимы было красивым и теплым. Снег ложился большими хлопьями, застилая землю, украшая берег озера. В отличие от Плимута, здесь не было пронизывающих ветров, и это радовало. Зимой нас, конечно, могло замести по крышу, кто ее знает, эту территорию, но, озеро большое, и даже небольшой ветер не даст улечься слишком большому слою снега.

Сквонто показал девушкам как из веток можно соорудить снегоступы, которые понадобятся для охоты, и те с радостью перенимали его опыт, готовясь к зимним прогулкам.

Темнело теперь рано, и вся наша жизнь с наступлением темноты концентрировалась в кухне возле очага. И за ужином дом наполнялся каким-то сказочным духом, ощущением полноценной семьи.

Я в такие минуты думала, что в домах, где есть дети, дедушки и бабушки, друзья и хорошие соседи, праздники проходят именно так. Наши разговоры всегда заканчивались раскатами смеха, планы на завтрашний день рисовали дальнейшую картину нашей жизни.

— Когда мне было десять, мы жили на ферме с родителями, далеко от Англии, в деревне, где даже не знали, что в доме может быть чистый пол, — рассказывала о своей жизни девушкам Малышка. — Но все равно, я была счастливее там, чем во времена, когда могла жить в самых хороших гостиницах. Это место напоминает мне мой дом.

— Это теперь наш общий дом, и я рада, что мы все собрались под этой крышей, — продолжала Маргрет, усаживаясь рядом с Джейкобом, угощая его чаем с медом. — Здесь все намного лучше, чем в приходе, правда, девочки?

— Конечно, нас всю зиму кормили гнилыми овощами, и совсем редко мы видели мясо и рыбу, — ответила наставнице одна из сестер. — Да еще и много времени мы проводили в холод на продуваемой всеми ветрами площади, где собирали для приюта милостыню.

— Не надо роптать, детка, Бог давал нам ровно столько, сколько было необходимо, — пыталась приструнить недовольных Маргрет, но уже не так навязчиво. Она стала мягче, женственнее, будто в ней, наконец, починили струны, которые отвечали за это качество. А «настройщик» был не против такого количества внимания — он принимал ее тепло и заботу, отвечал тем же.

Было еще не совсем холодно, и мы продолжали работать на улице — все наше внимание было отдано небольшой стройке места, где мы должны были поставить привезенный станок, а вернее, он уже стоял на полу, а вокруг него строился сарай.

Мы решили не мелочиться, и сразу, там же организовать хорошую кузню. Радости Малкольма не было предела, у него горели глаза по делу, которым он горел. Не зря мы забрали его со шхуны, хоть и считает большинство, что для мальчишки море — предел мечтаний.

У нас был большой дом с мансардным вторым этажом. Первый этаж мы поделили на женскую, мужскую и общую комнату — кухню. У нас была мастерская, объединенная с загоном для лошадей и коз. Куры жили там же.

В мастерской мужчины проводили большинство своего времени — там было теплее, чем на улице работать с деревом и железом. Привезенное Клер приспособление, которое сделали в Монреале по моему чертежу доработал Джейкоб, и теперь у нас была хоть и первобытная ручная, похожая на кофемолку штуковина, но она накручивала обрубки проволоки на длинную.

С первым снегом я вспомнила о походной бане. Шалаш мы строили с Бернардом, и он все никак не мог понять, чего я добиваюсь. За основу я взяла баню из походов, которую мы делали из парниковой пленки — устанавливали в виде шалаша рогатины, внутри складывали из камней очаг, под которым подкапывали ямку для костра, и когда камни прогревались, выносили из очага угли, обтягивали рогатины пленкой.

Всего то и надо было плотно закрыть пленку, плеснуть на камни воды, и вуа-ля, парьтесь как белые люди! Бернард не понимал зачем нужно прогреваться перед тем как начинать мыться:

— Там же можно задохнуться, там не будет воздуха, Элиза, — гундел он, но колотил конструкцию в полтора метра высотой.

— Не задохнешься, я же не задохнулась, — смеялась я, еще больше приводя его в замешательство.

— Где ты этому научилась?

— Потом расскажу, Бернард, я обещаю, что настанет время, и ты все узнаешь.

— Ну хорошо, только я очень надеюсь, что ты сделаешь это раньше того момента, когда я умру в этой вот постройке, — не унимался он со своими страхами.

— Я научу тебя, и ты еще будешь благодарить за эту роскошную процедуру. Особенно после тяжелой работы, — давала я ему надежду на совместное времяпровождение, но пока не представляла — как это может получиться, и понравится ли ей.

По центру мы сложили большой каменный очаг, на который можно было поставить самый большой котел. Внутри могли уместиться человек пять. Если хорошо протопить, наша банька даст фору любому спа-салону, особенно, учитывая выход к озеру.

— Лиственницы летом будут отгораживать постройку от озера, так что и летом здесь можно будет скакать голышом прямо в воду. А зимой я не думаю, что на озере сможет кто-то спрятаться — все как на ладони, — любовалась я видами, и представляла каким станет озеро, скованное льдами.

— Голышом? В ледяную воду? — все сильнее не доверял мне Бернард, но его топор не умолкал.

Мне было не привычно, что обо мне заботится мужчина — Бернард замечал мое настроение, не давал заниматься тяжелым трудом, как и другим девушкам. Он позволял мне стать хоть на чуточку прежней Машей, что могла реализовать любую свою задумку.

Я все больше понимала, что в этом мире у нас бы ничего не вышло без мужчин, и всегда улыбалась, вспоминая девушек, помешанных на крайнем феминизме. Вот бы вас сюда, дорогие вы мои, это самый лучший опыт для тех, кто чрезмерно самодостаточен.

А еще, наша с Клер жизнь стала осмысленной. Если раньше мы жили, стремясь улучшить свою жизнь совсем не необходимыми вещами, знаниями и умениями, то теперь сама жизнь и была целью. Я видела каждую минуту, каждый день жизни, а не ждала пятницы, отпуска, получения денег.

— О чем думаешь? — спросила меня Клер. Она пришла с горячим чаем к нашей будущей бане, пока Бернард отлучился помочь Джейкобу.

— О том, что у меня поменялись ценности, о том, что у меня больше нет глупых стахов.

— Каких, например?

— Страх, что я не успею сама себе доказать, что сильная и умная, страха, что я не заработаю столько, сколько необходимо для комфортной жизни, страха, что не успею всего, — с трудом объясняла я подружке, пытаюсь донести мысли точнее.

— Здесь мы тоже начнем зарабатывать, а то, что ты сильная и умная... — она хохотнула и продолжила: — ты и здесь не перестаешь это доказывать, только вот знай, что может и не за чем. Я это знаю, и люди здесь это знают.

— Не начинай, Клер, а ты?

— Что?

— Что поменялось здесь у тебя?

— Наверно, наоборот, я именно к этому и стремилась в своих поисках, в своих исканиях. Я этого и хотела, только это невозможно было реализовать в прошлом... Вернее, в будущем, — она говорила, а ее глаза горели.

— То есть, ты всегда хотела жить на чердаке с индейцем и мыться у печи в лохани из дерева? — сделала я смешные удивленные глаза, и мы вместе засмеялись.

— Да, именно так, — ответила Клер. — А еще, я хотела, чтобы у нас с тобой была общая семья, поэтому я планировала купить дом и осесть. Мы могли бы как сестры жить под одной крышей, может быть, выйти замуж, родить детей, только вот та жизненная гонка никогда не позволила бы мне быть полностью счастливой.

— Значит, ты не зря прыгнула за борт, спасая меня дуру? — я присела к ней на бревно, и обняла за плечи.

— Не зря. Там без тебя я бы просто не выжила...

— А я не выжила бы без тебя здесь, — перебила ее я.

— Я же говорила, что мы с тобой увидимся даже на «том» свете, так что, думаю, у нас не совсем обычная судьба.

— Я бы даже сказала совсем не обычная, хотя, кто его знает... Куда пропадают люди, которые выходят из дома за хлебом, или выгуливать собаку. Может быть временное пространство напичкано вот такими как мы переселенцами?

— Не умничай, тебе не идет, — хлопнула меня по плечу Клер.

— Нет, я не умничаю, я поймала недавно себя на мысли, что упаси Бог я в какой-то момент проснусь и услышу радио или звонок микроволновки. Ты не боишься?

— Боюсь, Элиза, еще как боюсь, — ответила Клер и прижалась ближе.

— Неужели наши бесстрашные создатели форта в диких землях чего-то боятся? — раздался сзади голос Бернарда, на который мы тут же вместе обернулись. Они со Сквонто стояли улыбаясь.

— Мы боимся, что ты так боишься баню, что специально оттягиваешь ее строительство, — ответила я, встав им навстречу, и боясь, что сейчас он снова начнет свои расспросы.

Прямо перед новым годом нас посетили индейцы. Они привезли очень нужные нам подарки: выделанные шкуры, несколько пар теплых мокасин, и табак. Я выяснила, что табак они привозят из Джеймстауна и соседних плантаций, где работают черные люди. Значит, рабство уже широко распространилось по Америке.

Наши подарки в виде сладостей их радовали больше всего, и мы настойчиво доказывали, что это вредно для зубов, если поглощать их в больших количествах.

Мы уже начали пробы с проволокой, и через неделю потрепанных нервов мы получили обычную еще, стандартную проволоку.

— Элиза, ты представляешь, как поменяется жизнь, представляешь, сколько всего можно сделать даже с простой, не колючей, как ты планируешь! — никак не могла поверить в то, что все наконец получилось, Клер.

— Ну, обычной проволоки сейчас и без нас полно, — ответила я подруге.

— Ага, во всех строительных магазинах... — съязвила Клер.

— Мы должны привезти ее в Квебек еще до весны. По льду это сделать проще.

— У нас разве есть сани и собаки? Представляешь, как не просто тянуть это все на себе! — воспротивилась подруга.

— Согласна, но у нас столько голов, милая, что мы просто обязаны что-то придумать, — настаивала я. — А весной мы должны начать продажи.

— Ну вот, ты снова вернулась в свою сферу, я очень рада, — похлопала меня по спине Клер.

— И я за тебя, милая. Ты словно начала свою настоящую жизнь. Раньше ты жила только в дни, когда у тебя были исследования, когда ты ездила на раскопки и эти твои симпозиумы, а сейчас из этого состоит вся твоя жизнь.

— Да, ты права, и мне вообще не хочется назад. А еще, у меня появилась дополнительная причина, чтобы не возвращаться...

— Да, Сквонто, даже если бы была возможность, он не захотел бы переселиться в будущее, — понимающе ответила я Клер.

— Не только Сквонто, Элиза... У нас будет ребенок, — чуть обеспокоенным голосом ответила подруга.

Я не могла найти ни слова, и эта деталь жизни мне казалась чужой, не касаемой нас. Стараясь не выдать своего удивления и шока я спросила:

— Ты уверена?

— А ты, я вижу, не особо рада? Да, это точно. Два месяца. Сначала были естественные причины так думать, а сейчас добавились явные — я не могу находиться в доме, пока на очаге что-то варят. Думаю, в июле нас станет больше, и меня это страшит не меньше твоего, — с каким-то принятием ситуации ответила мне подруга.

— Как же, конечно рада, сестренка. Только вот... Ты не видела в нашем районе поликлиники и родильного дома?

— Да, меня это тоже страшит, но у нас есть индейцы, и насколько мне известно, у них в это время была нулевая смертность при родах. Единственный вопрос — нужно жить рядом с их повитухой, чтобы весь процесс беременности был правильным. И если она не захочет жить у нас, мне придется жить в индейской деревне, — грустно ответила Клер.

— То есть, вам придется уйти в сторону Плимута? В деревню Сквонто?

— Нет, можно навещать повитуху у могавков, или жить там. Сквонто уже сообщил им. Мне нужно будет хотя бы раз в неделю прийти в их деревню и остаться с ней на ночь.

— Кстати, а как далеко здесь их деревня? Мне даже не приходило в голову спросить об этом.

— Пол дня пешком, но сейчас зима, а в феврале начнутся метели. На это время, возможно, нам придется пожить там. Элиза, я знаю, что тебе не легко оставаться здесь без меня, но это необходимо. Я боюсь за малыша...

— Конечно я понимаю всю необходимость, Клер, перестань. Мне просто будет не хватать наших с тобой бесед, будет не хватать твоего присутствия, но это все ерунда. Я так рада, честно, я счастлива, что у тебя будет настоящая семья и настоящая жизнь, — обняла я подругу, мой голос дрожал, и все мысли скакали с одного на другие вопросы, что возникали в голове логично, с появлением такого важного обстоятельства.

Мы решили отпраздновать новый год. Небольшая сосна украсила угол возле очага, самодельные игрушки, свечи и банты из отрезков красных тканей моментально изменили наш дом, сделав его более уютным.

Все уже знали о положении Клер, и суета вокруг нее становилась все более домашней. Приглашенные на праздник индейцы привезли старую женщину. Морщины на ее лице были больше похожими на складки на тонко выделанной коже, но глаза были живыми и с той хитрецей, что бывают глаза у добрых и счастливых пожилых женщин. Она как будто постоянно испытывала недоверие к внукам, которые говорят, что уже съели завтрак.

— Ее зовут Савэтэ, — познакомил нас с женщиной Сквонто. Пэвэти может помочь в общении с ней, но она сказала, что в этом деле нам не нужны толкователи.

Она сразу подошла к Клер. Рассматривала ее так близко, будто обнюхивала ее лицо, шею и грудь. Аккуратно взяв за руку, она увела ее за шпорку и уложила на матрас. Проверила тонкими пальцами ее шею, подмышки и колени, потом грудь и живот. Она гладила ее словно хотела утешить, а не проверить здоровье.

Я наблюдала за ее манипуляциями и не могла поверить, что такое обследование хоть как то связано с диагностикой беременности. Она проверила ее ноги поглаживаниями и легкими нажатиями на голень, потом заставила повернуться на бок, и сразу велела встать.

— У нее будет сын, — уверенно перевела Пэвэти как только Савэтэ что-то резко сказала и засмеялась.

— Как это можно понять после поглаживаний? — обратилась я к старушке, и Пэвэти несколькими звуками перевела мой вопрос.

— Она говорит, что принимает детей всю свою жизнь, и знает всех людей из нескольких деревень. Теперь она даже знает кто будет первым у пары еще до дня, когда они начинают жить вместе.

Она осталась у нас на несколько дней, и через неделю Сквонто сам увез ее на санях, оставленных индейцами, закутанную в шкуру бурого медведя с головой. Он вернулся через три дня.

— В феврале мы поедем к ней в деревню, и проживем там два месяца, иначе, она не сможет смотреть за Клер, — сказал Сквонто за ужином, и мы обе погрустнели.

— Раз это необходимо, значит так тому и быть, а мы будем молиться за ребенка, который родится первым в нашем новом доме.

Дни и ночи напролет мы с Джейкобом и Бернардом проводили в мастерской, стараясь

сделать намотку проволоки крепче, туже, резы острее. К последним дням февраля Малкольм и Сквонто сделали пару легких саней, в которые можно было впрячься. Мы опробовали их на льду, загрузив в них для эксперимента Маргрет и Малышку.

С санями можно было спокойно идти — они прекрасно скользили по занесенной снегом поверхности. И в ближайший день это стало развлечением для всех — мы катали друг друга, смеялись как дети, разгоняясь до немыслимой скорости, запрыгивая в сани на ходу.

Все покрасневшиеся, счастливые, мы весь вечер паковали проволоку, свежий набор беже и замороженных блинов для нашей с Бернардом поездки в Монреаль. Там мы должны были найти покупателя нашей проволоки.

Его сани мы загрузили мотками килограмм на сто — сто пятьдесят, мои сани небольшим мотком и провизией. Две скрутки матрасов, укрыли все шкурами, в которых и должны были ночевать и отдыхать.

Ранним утром мы выдвинулись, а через пару дней должны были уйти к моговкам Клер и Сквонто. Сани были не длинные, и спать в них можно было только тесно свернувшись клубком. Вечерняя примерка рассмешила всех — мы, как два котенка ростом по два метра пытались плотнее поджать ноги, тесно обнявшись в плетеном из коры коробе длиной чуть больше полутора метров и шириной чуть больше метра.

Сквонто подозвал Клер и показал, что ложиться надо по диагонали, накрывшись с головой шкурами. Мы повторили, и у нас получилось. Да, тело будет затекать, и нам одновременно придется поворачиваться с одного бока на второй, но как сказала Клер, это должно только сблизить нас.

Дорога по льду казалась легкой, и мы шли, разговаривая и смеясь над нашей схожестью с лошадами только несколько часов. Как только на пути начали появляться снежные заносы, сани приходилось тащить с трудом, и к вечеру ноги устали так, что ночевку мы организовали без ужина. Попили горячий отвар, подкинули в костер дров, и завернулись в шкуры.

Усталость лишила нас всякого рода предосторожности и страха, и мы спали, не поворачиваясь на другой бок до самого утра. Я почувствовала, как Бернард встает, но не могла открыть глаза, лишь спряталась от пахнущего морозом воздуха, накрывшись сильнее. Он разбудил меня, когда были готовы каша и чай.

— Устала? — спросил он, ежась под шкурой у костра, что разгорелся ни на шутку, освещая место нашей ночевки. Солнце не спешило подниматься, и было сложно разобрать — вечер это или утро.

— Вчера да. Сейчас я полна сил, и готова идти вперед. Сколько, думаешь, времени займет наша дорога?

— Дней пять, не меньше. Надеюсь, обойдется без приключений, хотя, мне не верится, что с тобой это возможно, — хохотнул Бернард, стараясь быстрее покончить с завтраком и начать сборы.

— Я постараюсь не стать причиной неприятностей, — буркнула я в ответ и посмотрела на горизонт. — Рассвет еще не скоро.

— Мы будем выходить раньше, и останавливаться засветло, иначе, можем просто стать легкой добычей, если будем засыпать как вчера.

— Для кого?

— Ближе к Монреалю на берегах живет много племен индейцев и французы. С одной стороны, это фермеры, а вот с другой, кто знает, вдруг они захотят легкой добычи в виде новой проволоки и плохо говорящей на французском женщины.

— Не дождешься. Мы не сдадимся без боя.

— В этом я уверен, но я не хочу, чтобы мне было стыдно за то, что женщина машет кулаками, защищая мою шкуру, — снова хохотнул он, начав собирать наш нехитрый скарб для перекуса.

Мы быстро скидали все в сани, накрыли шкурами и перевязали. Дорога становилась привычной, единственное, о чем я сейчас мечтала — о хорошей не промокающей обуви. Наши мокасины приходилось сушить вечером у костра, а спать, засунув ноги в мешки из шкур.

На четвертый день дороги на берегах нам начали встречаться небольшие селения. Люди строили здесь фермы, и все ближе продвигались к нашим землям. Пусть пока они еще и не собирались отдаляться от Монреаля и Квебека, но по сравнению с тем, что я видела летом, когда поспешно убиралась из Квебека, освоение берегов реки Святого Лаврентия шло все активнее.

Последние две ночи мы ночевали на фермах, где за небольшую плату нам выделяли место в теплом сарае. Для нас эти ночи были просто подарком, так как здесь, на соломе, лежа недалеко от коз и коров, можно было полноценно отдохнуть, вытянувшись в полный рост.

— Ты бы хотела свою ферму? — перед сном спросил меня Бернард.

— У нас уже почти ферма, — хмыкнула я в ответ.

— Нет, я о другом. Хотела бы стада коров и коз? Лошади...

— Думаю, в нашем форте достаточно много женщин, чтобы заниматься чем угодно, но пока мы начнем с проволоки, сладостей и овощей.

— Хорошо. А я мечтаю о ферме. Мы жили в горах, и у отца были стада коз и коров. Это всегда давало хороший доход, но приходилось трудиться с утра и до ночи.

— Представляю. Так почему ты хочешь ферму, если в детстве она отнимала все твое время?

— Это приходит со временем. Когда я был маленьким, я считал, что уеду при первой же возможности. А уехав, и пробродив всю зиму в лесу, в голоде и холоде, я понял, что такое уверенность в завтрашнем дне. Нам нужны мужчины для защиты форта, нам нужно оружие и инструменты. Я много думал над этим. У нас может быть свой город...

— У нас не может быть своего города. Это территория Англии, правда, это выяснится чуть позже.

— Откуда ты знаешь?

— Позже расскажу.

Мы спали обнявшись, и я воспринимала это больше как дружеские объятия, боясь слишком рано перейти к отношениям, разрыв которых был бы для меня проблемой. Нам предстоит жить в одном месте, и мне хотелось одного — быть полностью уверенной в своем выборе.

Хозяйка фермы — женщина лет сорока, прибывшая сюда с мужем и пятью детьми, с трудом объясняясь с нами, предложила утром завтрак, и мы не отказались.

Дом был срубленным из небольших бревен, изнутри просматривалась крыша, под которой были обустроены палаты — места для сна. Это отличный вариант, так как тепло поднимается кверху. Сарай, в котором мы спали, был второй половиной дома. Хозяйство было большим.

Объясняясь на ломанном французском и помогая жестами, мы выяснили, что летом они ждут приплод, и надеются, что стадо станет больше пятидесяти голов. Приехали сюда они три года назад, и взрослые дети — это единственные их помощники.

Мы рассказали о цели своего пути в Монреаль, но как всегда, соврали, что живем в индейской деревне. Они охали и ахая, не понимая, как мы можем жить с такими дикарями.

Хозяин явно заинтересовался нашей новинкой, и когда мы показали, как она работает, он удивился простоте конструкции и установки такого ограждения на землях. Цена ему тоже понравилась, потому что деревянный забор для выпаса скота — работа на несколько лет.

Он предложил задержаться у них, чтобы встретиться с соседями — фермерами. Ближе к обеду мы сидели за столом с пятью мужчинами, и показывали, как работает наша колючая проволока.

Нам предложили бартер, но мясо и шерсть нас пока не столько интересовали, как деньги, на которые можно было купить все необходимое для развития нашего небольшого пока производства.

Мы сговорились на достаточно большом заказе, который частично будет выплачен деньгами, а частично в виде скота, с чем с радостью согласился Бернард. С этим мы продолжили свой путь в Монреаль.

Ближе к вечеру мы были на месте, сразу нашли дом, в котором нам выделили угол для

ночлега, а рано утром мы отправились в большую по местным меркам лавку со скобяными изделиями, инструментом.

Хозяин сначала удивился нашему новшеству в виде странной проволоки, а когда понял ее назначение, согласился договориться о стоимости для него, если заказ будет большим, и продавать мы ее станем только ему.

Я не хотела останавливаться только на Монреале, но я знала, что основными покупателями будут юг и запад, так как там не так много лесов, чтобы огородить земли под выпас. Пока меня устраивал и этот вариант, и нам все равно нужны были деньги.

Здесь мы тоже заявили, что живем у индейцев, и привезем все сами ранней весной, как только вскрыется река. Мы заключили договор и получили небольшую часть предоплаты. Проволока, что была у нас с собой, перешла в руки покупателя — она нужна была ему как реклама перед самым сезоном.

Да, кто-то начнет повторять за нами, кто-то начнет делать проволоку, но не сейчас, и не в Монреале, так как единственный станок для волочения мы перевезли в наш форт.

— Мы должны попасть в один из городов, что принадлежит Англии, Бернард. Нам нужно получить патент. Это нужно сделать сразу, как растает снег, как только возможно будет выйти. На лошади сколько времени нам понадобится чтобы дойти до Плимута? Оттуда мы сможем отправить письмо в Англию.

— Элиза, одна ты не сможешь охватить все...

— Я не одна, Бернард, нас много. Нужно распределить обязанности, и все пойдет как по маслу. Девочки Маргрет подойдут нам только как исполнители, а вот остальные, они очень самостоятельны. Мы легко сможем оставить Малышку и Малкольма в форте, а Джейкоба и Сквонто отправить с готовой проволокой в Монреаль.

— Ты хочешь, чтобы мы вместе отправились в Плимут?

— А ты против?

— Конечно нет, ты же моя будущая жена, и кто как не я должен сопровождать тебя во всех твоих путешествиях? — высоко подняв бровь ответил человек, который нравился мне все больше и больше.

Я была счастлива, что задуманное нами дело начинает приносить плоды, что уже виден спрос на продукцию, рада была, что Клер под присмотром, а в нашем доме по чуть настраивается быт.

А самым неожиданным был страх проснуться в своей прошлой жизни. Я боялась своих желаний, потому что мне они казались безрассудными и нелогичными, но я поняла, о чем говорила мне Клер — я наконец-то начала жить, хоть эта жизнь и была похожа на выживание.

Обратно мы шли веселее, хоть и пришлось закупить провизию для нас и корм для лошадей. Дорога по воде была куда лучше пешей по льду. В лесах были волки, но подойти к нам они не решались. Бернард плохо спал ночью, боясь подпустить их близко, и тогда я предложила спать по очереди.

Он спал, уложив голову мне на колени, и я больше не видела в нем врага. Нужно было как-то начать разговор о себе, о том, что не все из нас сестры из приюта при монастыре, что мы с Клер знаем чуть больше остальных потому что это преподают в школах будущего, но я боялась его реакции.

Мы вернулись домой через двенадцать дней. Сквонто и Клер уже ушли к могавкам. Малкольм вышел встретить нас, и сообщил, что Аннет могавки вернули на несколько дней, и

потом, если она не передумает, она выйдет замуж за индейца.

Вся радость, которую подарила мне дорога, время, проведенное наедине с Бернардом, испарились как туман. Я не верила в то, что Аннет излечилась, не верила, что она пересмотрела свои мечты и планы.

Я посмотрела на Бернарда и прошептала:

— Я надеюсь, что ты сможешь защитить меня, потому что мои кулаки работают только против тех, кто дерется со мной на равных.

— Я обещаю тебе, Элиза, даже если мне вовсе не придется спать, — ответил Бернард и тяжело вздохнув, передал веревку от моих саней Малкольму.

Аннет держалась особняком, но разговаривала много и с удовольствием — у нее было столько эмоций от жизни у индейцев, что мы терялись. Я не понимала — это другая стадия течения болезни или же ее мозг действительно стал иначе работать. Она строила планы на жизнь в индейской деревушке, радовалась тому, что возможно, в скорости у нее будут дети.

Я пыталась избегать общения с ней, но время от времени мы пересекались. Вела она себя так, будто и не было у нас с ней проблем. Это настораживало, но через пару недель мы расслабились, привыкли к новой Аннет.

Больше месяца оставалось до возвращения Клер. Я не находила себе места, потому что мы никогда так на долго не расставались с подружкой. Бернард терпеливо выслушивал мои опасения, но аргументы, что он приводил успокаивали меня.

В середине марта мы сделали половину нашего заказа по проволоке, и с каждым днем работа шла быстрее и быстрее. Кое-где помогали девушки, но основной труд был на наших троих мужчинах.

В начале апреля вернулась Клер. Она выглядела более чем счастливой и здоровой. Весь вечер мы не могли отойти друг от друга.

— Аннет, если ты не передумала, через неделю за тобой придет твой будущий муж. Что ты решила? — спросил за ужином Сквонто, внимательно наблюдая за ее реакцией, потом обратился к нам: — Когда Аннет жила в деревне, она приняла ухаживания одного из мужчин могавков.

— Нет, я не передумала. Мне нравится жить в их деревне. Там много детей, там у меня будет отдельный дом с мужем, а потом мы поедем в Англию, чтобы священник нас благословил, — совершенно спокойно ответила она и заулыбалась. Сквонто снова обвел нас взглядом и остановился на мне.

Я понимающе помотала головой, давая понять, что да, я все понимаю. Они дали ей то, о чем она мечтала. Только вот не станет ли ей хуже в дальнейшем, не станет ли она проблемой для могавков. Похоже, Сквонто понял мои мысли, улыбнулся и продолжил:

— Твой будущий муж — отличный охотник и воин, и ты сможешь гордиться им. Он говорил со мной, и просил передать тебе, что надеется на твое возвращение.

Мы сделали не горячую баню, и с Клер сидели в клубах теплого пара. Она рассказывала про быт индейцев, о котором могла только читать. Я видела счастье в ее глазах, и когда она смеялась, я видела глаза Лили.

Аннет ушла с индейцами, чему мы были несказанно рады. Ее уход вернул мне спокойный сон. Несколько ночей подряд я просыпалась в липком холодном поту — мне снилось как она подкрадывается ко мне ночью, но Бернард оказывался рядом, будил меня, прижимал к себе и шептал, что все хорошо.

К началу сезона сбора кленового сиропа мы были во всеоружии, но я даже не представляла какой это труд.

Сквонто и Бернард делали небольшие отверстия в стволе, вставляли в него ветку с выдолбленной в ней канавкой, и направляли ее в ведро. Таких деревьев было десять. Остальные двадцать стояли с остальной посудой, которую мы смогли найти дома.

Наш лагерь по добыче этой сладости был в нескольких часах от дома, ближе к горам, и жить приходилось там. Быстро построенный шалаш, накрытый шкурами, был местом для

сна. Круглосуточно приходилось обходить деревья, чтобы сливать чуть сладковатую жидкость в котлы.

Костры в нашем лагере горели пять суток. Мы собрал все сухие деревья на территории больше километра. Тяжелый труд был в радость после зимнего бездействия, и мы надеялись, что кленовый сироп поможет нам в нашем бизнесе с десертами.

Только на первый взгляд он казался ерундовым, потому что безе шли нарасхват. Возможность долго хранить, перевозить, сделали его просто идеальным продуктом для продажи.

Деревянные ведра, выдолбленные из дерева Малкольмом должны были стать тарой для хранения. Сквонто показал, как правильно обжечь их внутри, как отмачивать после обжига, как зачистить и снова обжечь древесину, чтобы она не трескалась от пересыхания.

Через неделю я сходила в наш форт, и мы с Малышкой привели лошадей, чтобы перевезти этот воистину чудесный продукт. Я много слышала о нем, но никогда не пробовала. Уваривался он раз в тридцать, но готовый сироп был настолько сладким и ароматным, что мед мы готовы были отставить в сторону.

В один из дней, когда весь наш большой заказ проволоки был готов, мы решили начать сборы в Монреаль и Плимут. Озеро долго вскрывалось ото льда, и пока дорога к моговам была доступна, Сквонто привез старушку, что должна была прожить вместе последние месяцы беременности своей подопечной.

Мы с Бернардом должны были выехать в Плимут, чтобы оформить наше изобретение — нужно было написать письмо в Англию, приложить к нему пример нашей проволоки, и отправить на первой же шхуне компании. Клер сказала, что сейчас сообщение Плимута с Англией много лучше, и мы надеялись, что вернемся еще до рождения ребенка.

Сквонто и Джейкоб должны были сплавить проволоку по реке, передать заказчикам, получить деньги и вернуться. Малкольм и женщины оставались на хозяйстве, да и начало сезона в огороде близилось, но рук было достаточно.

В середине апреля мы отправились в Плимут. Я и боялась, и очень ждала этого путешествия. Мне казалось, что как только мы с Клер окажемся так далеко друг от друга, что-то случится, и мы потеряемся навсегда, но я заставляла себя думать в ином русле. Жизнь дала нам шанс быть вместе, но ее условия не позволяют быть ежедневно рядом.

— Думаю, в течение этой длинной дороги ты откроешь мне свою тайну, Элиза, — начал Бернард, как только наш форт остался позади.

— Думаю, стоит это сделать тогда, когда мы вернемся, иначе, ты просто бросишь меня еще по пути в Плимут, посчитав сумасшедшей.

— Даже не надейся, я столько лет искал девушку, хоть отдаленно похожую на тебя! И сейчас думаю, что бы могло меня действительно от тебя оттолкнуть, но в голову не приходит ни одного варианта.

— Ты веришь в то, что наши души переселяются?

— Никогда не думал об этом, но увидев, как ты дерешься, могу предположить, что ты была мужчиной в прошлой жизни, — хохотнул Бернард.

— Нет, я была женщиной!

— И ты это помнишь?

— Да, каждый день своей жизни.

— И где же ты жила?

— Вернее спросить в каком времени, Бернард, — начала я издали, поглядывая на его

реакцию.

— Я тебя не понимаю, дорогая. Можно как-то доступнее рассказать?

— Представь, что ты был в будущем, и знаешь, что произойдет через год, через сто или триста лет...

— Ты знаешь, что будет через триста лет?

— И через четыреста, Бернард.

Его глаза стали большими и круглыми. Он долго молчал, пытаясь не напугать меня вопросами, а я искала ответы на случай, если он действительно примет меня за умалишенную.

На одной из остановок на ночь мы скрывались от дождя в наспех сделанном шалаше. Бернард притянул меня к себе, накрыл нас шкурой, и осторожно спросил:

— Ты хочешь сказать, что вы с Клер из будущего?

— Да, Бернард, но в это сложно поверить. Мы жили не в Америке.

— Расскажи мне как вы сюда попали? А самое главное — не потеряешься ли ты? А вдруг вы вернетесь обратно?

— Я не знаю, как это работает, Бернард...

— Ты хочешь попасть обратно?

— Уже нет. Мы с Клер полюбили это место. Оно само выбрало нас, и теперь здесь наш дом. У Клер скоро будет ребенок. Это еще одна привязка.

— Мне сложно в это поверить, но, если это правда, я не переживу потерю.

— Я здесь, и живу одним днем. Конечно, мы стараемся сделать быт лучше, удобнее, мы стремимся к переменам, но никто не знает, что нас ждет.

— Ты боишься привыкнуть ко мне? — серьезно спросил он и прижал меня к себе.

— Боюсь, но, по-моему, это уже произошло, — ответила я и расслабилась, принимая его объятия.

Всю дорогу я рассказывала Бернарду нашу историю. Иногда мне было смешно, потому что никакой логики в моем рассказе не было, и я ставила себя на место мужчины, что внимательно слушал меня. Он иногда задавал вопросы, на которые я старалась детально отвечать, но асом в истории была Клер.

— Значит, вы ушли из Плимута потому что скоро это место станет началом охотой за ведьмами?

— А как бы ты на их месте боролся за самобытность? Я против этого, но нам не под силу бороться с их привычками. Я представляю, как ты видишь нашу историю, и, если честно, мне кажется, ты все еще не веришь мне. А теперь поставь их на свое место. Даже если бы мы держали язык за зубами, все наши новшества казались бы им ересью, созданием дьявола.

— А Джеймстаун?

— Что Джеймстаун? Я не хочу выходить замуж за человека, который держит рабов. Скорее всего, так оно и было бы, попади я туда. А Клер и вовсе...

— Да, когда Аннет начала этот разговор... Я испугался.

— Чего? Женщин, у которых жизнь сложилась не по плану?

— Нет, я считал, что в тюрьмах сидят только отъявленные бандитки, падшие женщины.

— Считать так — твое право. Мы решили избавить женщин от этой истории только потому что большинство мужчин так и считает.

— Элиза, а тебе можно показываться в Плимуте? Ты говоришь, что сейчас шхуны часто заходят туда.

— А чего мне бояться?

— Ты женщина.

— Да, и для этого ты едешь со мной.

— Я не понял тебя.

— Мы обвенчаемся, или как тут это называется... Клер сказала, что получить патент на изобретение женщина еще не может. Ты станешь моим мужем, и мы оформим патент на тебя.

— Подожди, подожди, — его взгляд остановился, он сбавил ход, а потом и вовсе остановился.

— Чего? Нам нужно ехать, не стой, у нас впереди еще не меньше пяти дней дороги, — остановилась я и мне пришлось вернуться к нему.

— Ты станешь моей женой?

— А что еще нам остается? Мы должны зарегистрировать эту проволоку, а других вариантов у нас нет, ну а ты мне по крайней мере не противен. Или ты против? — я поздно вспомнила о том, что так шутить можно было только в той, прошлой жизни.

— Ты выходишь за меня только потому, что нужно оформить на меня патент? Ты так просто говоришь об этом? — он спешился, его голос дрожал, как и руки.

— Нет, Бернард, я выхожу за тебя замуж потому что ты дорог мне, потому что ты сделал мне предложение, потому что я думала только о тебе, когда ты был у моговков с Аннет, — я говорила спокойно, и корила себя за тот расчетливый тон, к которому привыкла в прошлой жизни. С ним нельзя так. Для него вопрос брака — это вопрос семьи.

— Ты сказала не все... — он подошел ко мне и протянул руки, помогая мне сойти с лошади.

— Я люблю тебя, Берnard, я принимаю твоё предложение, потому что ты шел столько километров ко мне, потому что ты будил меня ночью, когда меня мучали кошмары, потому что мне нравится, когда ты меня обнимаешь во сне, — я говорила, и на моих глазах выступали слезы.

— Элиза, это самый счастливый день в моей жизни, — ответил он, обнял меня и оторвав от земли закружил. Такое я видела только в кино, и не могла поверить, что этот человек, родившийся и живший на четыреста лет раньше, ждал именно меня.

— Так говорят в плохих сериалах, Берnard, — смеясь ответила я и поцеловала его в щеку, тесно прижавшись к нему, вдыхая его запах.

— Где? — опешил и остановился он.

— Не выясняй, я говорю много незнакомых для тебя слов. Самое главное — мы нашли друг друга, Берnard. Я хочу попросить тебя лишь об одном — не предавай меня, потому что ты знаешь обо мне все. Твое предательство убьет не только меня, но и Клер, ее ребенка, Сквонто, а может и всех девушек, что прибыли с нами на этой шхуне.

— Клянусь, что никогда не обману тебя, клянусь, Элиза, — он сжимал меня так крепко, что у меня перехватывало дыхание.

— Я верю тебе. Больше мне некому верить, Берnard, из клана Колдеров, — я говорила шепотом, боясь, что меня услышит ветер, и все наше счастье станет лишь иллюзией.

— Ты запомнила мою фамилию? — деланно удивленно спросил Берnard.

— Да, и уже пробовала ею подписаться, жених мой! — ответила я и отгребла ногой прошлогоднюю палую листву, взяла веточку и размашистым подчерком написала «МК».

— Почему «М»? — спросил меня Берnard. Ему нравилось все, и он был счастлив — это было видно по его взгляду на меня, по его улыбке и расправленным плечам. Он наслаждался этим моментом, как и я.

— Меня звали Мария. Я родилась и жила с этим именем, Берnard, но сейчас твоей женой станет Элизабет. Просто, я хочу, чтобы ты знал, что меня зовут Мария, — ответила я и ответила на его поцелуй.

Мы остановились на ночевку раньше, но этот день был значимым в нашей жизни. Я радовалась тому, что нашла в себе илы признать свою любовь, довериться мужчине. Сейчас я как никогда понимала Клер, нашедшую свою жизнь и свою любовь.

Мы мало говорили, мы знакомились как будто видели друг друга впервые, я, открывшаяся ему полностью, он, поверивший мне, мы были одни в этом лесу. Наша поездка была необходимой, и если бы не эта чертова проволока, то ее стоило бы придумать ради этого дня.

Утром мы ловили рыбу, жарили ее на углях, завтракали не торопясь, забывали, что нас ждет дорога.

— Жаль, что у нас нет шампанского, Берnard, это нужно отметить, — пьяная от его поцелуев шептала я, и снова отвечала его ласкам.

В первых числах мая мы прибыли в Новый Плимут, и я не узнала его — вокруг была суэта и движение, совершенно незнакомые люди спешили по только им понятным делам, от берега и обратно спешили повозки и телеги, стучали топоры в разных частях незнакомого уже городка.

Мы шли по главной улице в сторону дома, где жил губернатор. Я рассматривала новых

жителей, детей, которых раньше не видела, Бернард показывал на новые строения. Наш дом, стоявший у леса год назад, оказался уже в самом центре, а склады, которые были частью ограждения форта, теперь были домом, из которого выходили мужчины в мундирах.

— Лишь бы губернатор не поменял к нам своего отношения, — шепнула я Бернарду.

— Не думаю, Элиза, но быть готовым к отходу нужно всегда. Не показывай характера, милая, если что-то пойдет не так, как задумано, мы просто уедем. Не сказав никому.

— Да, ты прав, — ответила я озираясь.

Губернатор принял нас тепло и с радостью, как и раньше. Мы, как и договорились, сказали, что живем у индейцев, что все здоровы и живы, передали подарки от Маргрет и девушек, выпили предложенный им чай.

— Каковы ваши планы? — спросил с нескрываемой улыбкой губернатор.

— Мы хотим, чтобы вы зарегистрировали наш брак, — ответила я не подумав.

— Мы хотим вашего благословения, чтобы стать мужем и женой во Христе, — быстро поправил меня Бернард, и на лицо губернатора вернулась улыбка.

— Я рад за вас, и могу провести таинство уже завтра. Я запишу ваш брак в книгу Нового Плимута. Но, мне кажется, у вас есть еще вопросы? — спросил губернатор.

— Не вопросы, есть дело, которым мы займемся сразу после нашего бракосочетания, — продолжила я. — Скажите, есть ли в Плимуте капитан, что идет от вас в Англию?

— Да, здесь два корабля. Один из них — корабль компании, — лицо его, когда он сказал о компании стало серым.

— Я догадываюсь чего они от вас хотят мистер Бредфорд, и могу дать вам совет, если вы не против, — влезла я, но это решение было историческим. Одно лишь губернатора отдаляло от его принятия — время.

— Да, Элизабет, мне интересно ваше мнение, — чуть наклонив голову, ответил мистер Бредфорд.

— Вы должны объединиться, и семьи с сыновьями, и дочерьми, имеющими свои семьи, должны стать единым целым. Так вы получите земли на каждого члена семьи, но плата будет ниже, как за семью. Оформляйтесь кучнее, и платите свой кредит напрямую — представителям компании, а не заезжим капитанам, что после отплытия от берегов Америки будут разграблены испанцами.

— Откуда вы знаете это, дорогая моя? — удивленно переспросил губернатор.

— Разговоры, мистер Бредфорд. Нужно лишь прислушаться к ним. Напишите письмо в компанию, объясните, что дважды в год отправлять оплату вы не обязаны. Капитаны не принимают груз официально. Они должны поставить своего человека в ваш форт. Только он сможет зарегистрировать груз, оформив обязательства на перевозчика. Иначе, вы еще несколько лет будете платить двойную мзду. Безопасность флота — дело короля, — закончила я свою речь и встала.

— Вы хотели увидеть кого-то, кто направляется в Англию? — переспросил мистер Бредфорд.

— Да, нам нужен человек, что отправит нашу посылку в бюро, где регистрируют новые изобретения, — ответил Бернард.

— Есть человек из компании, с которым у нас сейчас споры, но вам лучше не попадаться ему на глаза, как и солдатам, что сопровождали вас в Америку, Элизабет, — опустив глаза, ответил губернатор. — Но есть капитан, что без проблем доставит вашу посылку в нужное место. Завтра, сразу после службы, где вы станете мужем и женой, Я

представлю вас.

— Благодарю вас, мистер Бредфорд, — чуть наклонилась я, и хотела было выйти, но губернатор продолжил:

— Пожалуй, я поговорю с ним прямо сейчас, и вы переночуете у него на шхуне. Так будет безопаснее. Бернард, у вас есть с собой мужская одежда? — он улыбнулся, и я вспомнила как он был против, когда мы с девушками ходили в брюках.

— Да, конечно. Нам нужно переодеть Элизабет?

— Именно. И не сходить с судна. Солдаты не приходят на службу, и если придется, я обвенчаю вас даже в брюках, — с улыбкой смотря на меня ответил губернатор, и мы через лес направились к берегу.

Мы первым делом направились в сторону леса, туда, где у нас был огород. Меня поразило то, насколько он разросся — он походил теперь больше на колхозное поле. Землю начинали уже готовить к посадкам, но людей здесь не оказалось. Мы прошли по грядкам, что разрабатывали еще мы с девушками и остановились на опушке, скрывшись за кустами.

Я переоделась в мужскую одежду, завязала волосы на затылке, надела кепку Бернарда, и здесь мы решили развести костер, чтобы заварить чая, и перекусить остатками мяса, что везли из дома — можно было больше не экономить.

— Здесь остались наши девушки, но мне кажется, не стоит встречаться с ними, лишние рассказы нам не нужны, — больше себе, чем спутнику проговорила я.

— Да, и я несказанно рад, что губернатор так расположен к нам, — ответил Бернард. — Знаешь, я и капитанам на шхунах не очень доверяю. Знать бы раньше, мы могли бы остановиться в деревне Сквонто, но сейчас туда выходить уже поздно.

— Да и в лесу на окраине не особо хорошо, Бернард. Солдат стало очень много!

— У нас есть документы, но они могут поинтересоваться где наши договоры с компанией. Я слышал разговор на улице, когда мы шли от губернатора.

— Остается шхуна... — недовольно побурчала я.

— Будем надеяться, что губернатор хорошо знает человека, которого рекомендует.

Мы дождались сумерек, когда солнце уже село, но еще было достаточно светло. На берегу было шумно — матросы, которым было слишком рано ложиться спать пили возле пирса, кричали и матерились. Вот в этот момент мы и отправились к постоялому двору. Заплатили за то, что наших лошадок накормят и напоют, привязали, и пошли на берег.

Ночевали мы в трюме на своих матрасах. Время от времени меня накрывало страхом — в памяти всплывали те дни, когда я оказалась в таком вот саркофаге со смертниками. Да, по сути, люди выжили совершенно случайно, и судя по всему, большинство из них только по тому что пили виски и пиво.

Ранним утром мы отправились в церковь, хотя, так ее можно было назвать с большой натяжкой — дом с белеными стенами, куда входило не больше двадцати человек. Там было душно, и полумрак навевал грустные мысли. Полное отсутствие каких-либо регалий, указывающих мне на то, что это «дом Божий». Губернатор начал уже свою проповедь, когда мы с трудом протиснулись сквозь плотные ряды горожан.

Он посмотрел на нас, моргнул и продолжил восхвалять Бога за ту сложную, а порой и вовсе, невыносимую жизнь, что была уготована им здесь. Через два часа, когда я с трудом боролась уже с зевотой, стараясь не разглядывать людей, не привлекать к себе внимания, он закончил, и люди потянулись к выходу. На улицах было тихо. Воскресенье, а это значит, что сегодня на улицах будут толпы праздно шатающихся, и мы таким образом, останемся в относительной безопасности.

Мы дождались, когда все выйдут, и прошли ближе к небольшому закутку, где губернатор сейчас молился один.

Он вышел с расшитой бисером и гладью материей, и велел встать на колени. Когда он положил ее на наши головы, наши с Бернардом глаза встретились. Он с нескрываемой нежностью смотрел на меня, пытаясь своим взглядом дать понять, что это навсегда, что не отпустит меня никуда, не говоря уже о дороге назад.

В этот момент, под бубнёж нашего священника во мне началось что-то новое, что-то, чего раньше я не знала. Отступали мои страхи, мои принципы, что теперь оказались необходимой моделью поведения. Я всегда была защитником, и не представляла, что у меня тоже может быть такой. Я была оберегом для Клер, и если в самом начале ее отношений со Сквонто у меня была ревность, то сейчас я все поняла.

— Теперь вы муж и жена перед Богом, дети мои. Я знал, что ваше упорство многого стоит, и ваш пример достоин стать частью нашей истории...

— Спасибо, губернатор, но нам бы не хотелось, чтобы мужчины из Джеймстауна узнали, что их невесты стали женами другим мужчинам. Слава Богу, они не знали наших имен, иначе, кто знает, как могло все повернуться, встретиться мы с ними.

— Я начал рукопись о нашем пути, о наших достижениях... Я хочу лишь сказать, что вы с Клер останетесь в истории этого города. Когда-нибудь эта история станет известна всем, и вами будут восхищаться, — горделиво рассказывал он, а я знала, что такая книга есть, но в ней не было ни слова о Клер и обо мне. Вот они — изменения, что мы привносим в историю.

— Чего это я разболтался, идемте, идемте ко мне, сейчас к нам присоединиться человек, что обязательно поможет в вашем деле, — поспешно надевая куртку, бубнил непривычно, по-старчески он, хотя лет ему было не больше тридцати пяти.

Наш свадебный обед приготовили две женщины пуританки, что, скорее всего, вели хозяйство у губернатора. Стол был накрыт на четверых, и это успокоило нас, и позволило мне снять куртку, что скрывала грудь, распустить волосы и порадоваться моменту.

Этот новый человек не был посвящен в наш праздник, но с удовольствием пил эль за здоровье и хорошее начало нашего дела. Губернатор многозначительно поднимал кружку, давая понять, что пьет за нас.

— Миссис Колдер, ваш муж поможет развитию животноводства в Америке, если вы продолжите производство этой проволоки, — старался поддерживать разговор человек, ухода которого мы ждали с удовольствием.

Губернатор лично завизировал нашу посылку, мы оплатили труд по доставке, и могли уже собираться в обратную дорогу, но в этот момент в дом губернатора постучали, и вошла знакомая нам всем миссис Джордан — землячка Бернарда.

Ее радостный крик, скорее всего, слышали все соседние дома. Сначала не узнав меня, она выпрашивала его, но поняв, что я теперь тоже принадлежу теплой ее сердцу фамилии, пригласила нас в гости.

Мы артачились, но она не отступала:

— Всего то пару часов, и отпущу вас. Каких-то пара часов, дети мои.

— Хорошо, только на час, чтобы поздороваться с мистером Джорданом, — ответил Бернард, и мы, поблагодарив губернатора, и распрощавшись с человеком от компании, пошли за ней.

— Дорогая, надень свою куртку и кепку, я пришла туда не с визитом вежливости, а затем, чтобы предупредить вас...

— Что случилось? — перебила ее я, натягивая кепку.

— Здесь уже знают о вашем прибытии, и, скорее всего, вас уже разыскивают. Мой муж уже отправился за лошадьми. Он приведет их к тому месту, ну, за вашим огородом, а мы с подругой поднимем шум на берегу, мол матросы что-то украли или прозевали. От нашего крика все солдаты подтянутся туда.

— Спасибо вам, мэм, — повернувшись к ней, тихо сказал мой муж.

— Пока не за что. Эти новые солдаты лишь выполняют приказ. Когда они прибыли сюда, чтобы посадить вас на борт, и отправить-таки в Джеймстаун, вы уже месяц, как ушли, и соответственно, губернатор сказал, мол, вы ушли тайком, и скорее всего, погибли в лесу. Наши мужья подтвердили, что искали вас больше двух недель. Они трусы, и не сунулись дальше границ вампаноагов, но твое появление вызвало интерес. Кто-то громко сказал, что это та девушка, с корабля невест.

— А как же Бетси и Оливия? Они остались здесь, у них родились дети, они замужем. Только это спасло их от указа короля. Но, семьям их мужей теперь придется возмещать стоимость их проезда, — хмыкнув ответила женщина, что при всей своей неуклюжести и полноте, старалась идти быстрее.

— Спасибо. Мы идем в лес и ищем там мистера Джордана, так? — уточнил Бернارد, и осмотрелся.

— Да, и как только вы услышите шум, гам и крики, гоните что есть мочи, спасайтесь. Да благословит вас Бог, — перекрестила нас она с явной одышкой.

— Мисс, я хочу предупредить вас. Скоро жизнь здесь изменится. Я знаю, что вы не истовая пуританка. Это место скоро будет началом казней, началом гонений на ведьм... — начала было я. Мне так хотелось сделать хоть что-то доброе в ответ на ее помощь, но она перебила меня со смсехом:

— Да какая же я ведьма? Я пью скотч и работаю в огороде, пока эти святоши молятся. Я работаю как проклятая, как и вся моя семья.

— Послушайте ее. Это правда. Будьте скромнее, это спасет жизнь вам и вашим детям. Пойте наши песни за закрытой дверью, а на улице почаще вспоминайте о Боге, — серьезно сказал Бернارد, и ее улыбка слетела с лица.

— Думаете?

— Знаем. Это все, что мы можем сделать — рассказать вам и предупредить. Не говорите об этом с ними. Они хорошие люди, но место и время меняет людей. Будьте здоровы, и спасибо еще раз, — сказала я и поцеловала женщину в щеку.

Уже будучи у кромки леса я обернулась — она так и стояла там, прижимая ладонь к месту моего поцелуя.

В лесу мы нашли мистера Джордана, и поблагодарив, забрали лошадей. Купить с собой продукты в дорогу мы не смогли, и теперь стоило полагаться только на то, что мы найдем в лесу. Травы для чая уже можно было собрать, было много молодой крапивы, медуницы, и в низинах рос прекрасный дикий чеснок, который у нас назывался черемшой.

Если Бернарду удастся застрелить в дороге пару птиц, мы вернемся практически не похудев. А дома нас ждал прекрасный кленовый сироп.

Через несколько минут, как наш спаситель распрощался с нами, мы услышали громкие крики, доносящиеся с берега. Люди из форта метнулись туда. Мы из-за деревьев видели, как солдаты, закинув мушкеты за плечо, бежали по направлению криков. В этот момент мы со всей мочи хлестнули своих лошадок, и помчались в сторону дома.

Эти разборки на берегу дадут нам форы всего лишь на пару часов, но эти пара часов могут стать нашим спасением.

Мы не останавливались часа три, выбирая мелколесье, и стараясь не показываться на открытых местностях. Ориентировались мы только по солнцу. Лошади, почуяв волю, бежали с удовольствием, и примерно через три часа мы остановились на привал. Напоили лошадей, набрали воды, прошлись с ними шагом еще минут тридцать, и снова сели в седло.

Только когда село солнце мы нашли место для ночлега, но решили, что в эту ночь мы обойдемся без костра.

— Хорошо, что все обошлось вот так, — говорила я больше сама с собой, нежели с Бернардом. — А я надеялась на то, что мы этим вечером сможем отметить нашу свадьбу.

— Не грусти, мы отметим ее прямо сейчас, — улыбаясь обнял меня муж, достал из сумки бутылку скотча, и сделал удивленное лицо, словно видит ее впервые.

— Когда ты успел? Ты не отходил от меня ни на минуту.

— Видимо это наши спасители решили сделать такой подарок. Думаю, мистер Джордан незаметно засунул ее в мешки, которые я приторочил к седлу, когда мы разговаривали с ним в лесу. А еще, у нас есть прекрасные шотландские пирожки с молодой крапивой и сыром! — он вынул туго свернутый в полотенце бумажный пакет.

Как только он развязал его, запах вырвался наружу и почти лишил меня сознания:

— Бернард, милый, это лучший запах, что я чувствовала за последние пару месяцев, — потянулась я к румяному, ароматному, хоть и мятому угощению.

— Неужели я пахну хуже? — смеялся муж, открывая плотно подогнанную к бутылке бумажную пробку.

— Ну, как сказать... Если бы тебя можно было съесть, я бы сделала это давно, но ты мне больше подходишь по причине крепости рук и быстроты принятия решений. Знаешь... — я перестала жевать, и передала пирожок ему, — я впервые в жизни могу рассчитывать не только на себя, и мне это очень нравится.

— Ну, хорошо, хоть на это я сгодился, а то и кормить меня в общем-то не за что, — смеялся он, жуя вкуснейший сыр с крапивой.

А это ведь идеальное решение для замены шпината или щавеля! Мы собирали крапиву, чтобы зимой пить ее отвар в небольших дозах, а ведь ее можно сушить и больше, а зимой заваривать и использовать не только отвар, но и зелень. Ее можно солить, как и черемшу. Идеи приходили всегда кстати, но сейчас моя задумчивость была прервана кружкой,

которую мне подал Бернард:

— Это наша первая брачная ночь, кстати, и постарайся не напиться в доску, — он смеялся над тем как я часто задышала, когда у меня перехватило дыхание. Напиток был не меньше пятидесяти градусов, как мне показалось.

— Даже не рассчитывай, потому что сегодня у меня праздник — я наконец-то завела себе сильного и доброго мужчину.

— Ну, я не могу похвастаться, что завел себе мягкую и слабую жену, но очень рад, что такой редкий экземпляр достался мне.

Мы выдвинулись в путь, как только встало солнце. Дорогу я не узнавала вовсе, потому что шли мы из Плимута практически наугад, Но Бернард хорошо ориентировался, и шел спокойно. Я рассказывала о том, какой станет Америка и Шотландия, о том, что не станет королей и войн, о том, что рабство, которое только начинает процветать здесь, тоже отменят, но мы с ним не застанем этого.

Очень долго я рассказывала о самолетах и полетах в космос. Когда я замолкала и возвращалась в реальность, мне было не по себе от того, что все это я больше никогда не увижу.

Мы пели песни известных только мне исполнителей, но мне приходилось объяснять, что значат многие слова.

Так мы шли почти месяц, и медовым его назвать было сложно. Я радовалась, что успеваю к моменту, когда у Клер появится малыш, что буду рядом в этот сложный и страшный для меня день, но жизнь распорядилась несколько иначе.

Наш форт мы увидели с высокой горы, спустившись с которой мы попадем в нашу долину у озера. Дом казался игрушечным, а людей было и вовсе не разглядеть, но Бернард увидел лодки — много каноэ индейцев у берега. Никогда они не прибывали к нам в таком количестве, и это могло значить все, что угодно.

Мы должны были разжечь костер на вершине, предупреждая о нашем возвращении, но Бернард не позволил этого сделать — там нас могло ожидать все, что угодно, а зная какие прекрасные охотники индейцы, мы и без него станем для них легкой добычей.

— Ну, я не думаю, что они напали, Бернард, — я спокойно ходила из стороны в сторону, понимая, что незаметно выйти к берегу у нас не выйдет.

— Мы должны спуститься ночью. Если это не могавки, вряд ли Сквонто рассказал, что должны прийти мы. Так у нас будет хоть какой-то шанс больше выяснить.

— Если они нас не поймают раньше.

— Да, но мы обязаны прийти им на помощь.

Мы спускались с гор, ведя лошадей. До ночи мы спустились в низину, и шли, обходя болота. Мы миновали наш лагерь, что организовали для сбора сиропа, значит, через пару часов мы будем на месте.

— Останься здесь с лошадьми. Я проверю и вернусь за тобой, Элизабер.

— Нет, давай привяжем их и пойдем вместе, я не хочу терять тебя в первые дни моего замужества. Мне оно и так чуть не стоило жизни, и еще худшего замужества, нежели с тобой! — встала я в позу, но его взгляд говорил мне о том, что это не обсуждается.

— Миссис Колдер, одна из ваших обязанностей сейчас — слушаться мужа. Если я попаду в беду, ты сможешь хоть что-то придумать, а иначе, мы вместе окажемся в безвыходной ситуации. И хожу я много тише тебя, — ответил он, снимая мокасины, привязывая лошадей.

— Хорошо. Дай мне знать, как можно быстрее, прошу тебя, — я взяла его лицо в ладони, и сама поцеловала. Боялась я теперь не только за Клер — в моем сердце страх стало в три раза больше.

— Если все хорошо, ты увидишь рано утром дым от костра. Когда я пойду встречать тебя, я буду петь твою песню. Договорились?

— Договорились. Я очень жду эту песню, Бернард. Побереги себя, прошу тебя. И Клер... Не оставляй ее в беде, если там беда.

— Клянусь, что Клер будет в порядке, даже ценой моей жизни, — он поцеловал меня и прошептал: — попробуй заснуть. Пара часов ничего не решит. Если я не вернусь к обеду, просто уходи.

Он, ступая как кошка — неслышно и мягко, ушел в темноту. Я сидела, прислушиваясь к ночи, но кроме редких криков сов, шума от падающих веток и копошащихся в листьях мышей вокруг не было ни звука. Мир спал, но мне было страшно даже закрыть глаза. Я боялась услышать выстрелы из мушкетов, крики.

— Элиза, проснись, милая, — осторожно тряс меня за руку Бернард.

— Боже, я заснула, Бернард. Что случилось? Как дела дома? — я схватила его за куртку и трясла, отгоняя остатки сна.

— Все хорошо, детка, не переживай, милая моя. — Прижал меня к себе Бернард. — Там все хорошо, нас ждут и собираются праздновать.

— Все живы и здоровы? А индейцы? Почему их там много?

— Там праздник, Элиза. У Клер и Сквонто вчера родился сын. Это первый человек, родившийся на нашем новом месте. Для индейцев это большой праздник.

— Господи, давай быстрее поедem, прошу тебя, я так хочу домой, — меня начало отпускать, и вдруг появилось столько сил, что я могла бежать домой даже пешком.

К обеду мы вышли к озеру. Берег был уже зеленый, и за этот год все так сильно изменилось! Я вспоминала наш первый день, когда мы впервые пришли сюда. Сейчас это уже было похоже на цивилизацию.

Я поторопилась в дом, где нашла свою подругу с ребенком на руках. В ее глазах были слезы, мы впервые расставались так на долго:

— Боже, как же я боялась, что ты долго не вернешься, а еще сильнее, что больше не увижу тебя! — потянулась она ко мне.

— Все хорошо, видишь, мы снова все вместе, и нас стало больше, милая. Ты такая молодец, — ответила я, принимая на руки маленького члена нашей новой общины.

— Мы назвали его Патаноко, — радостно объявила мне подруга.

— А... Почему так? — старалась не выказать своего изумления ее согласием на странное индейское имя я, но она заметила мое замешательство.

— Это имя много значит для Сквонто, а мне понравилось его значение. Все хорошо, у него будет больше шансов стать счастливым с ним.

— А, по-моему, у него будет больше шансов, имея он английское имя.

— Я тоже так думала в начале, но... он успеет пожить счастливо и с ним, и даже его дети.

— Ну, как говорится, лишь бы тебе нравилось. Ты родила раньше срока?

— Да, это устроила наша индейская повитуха, иначе, она сказала, что у меня могут быть проблемы.

— То есть, они умеют вызвать роды раньше, без препаратов и всего необходимого для обследования?

— Да, она дала мне настой и заставила приседать.

— Боже, хорошо, что меня не было здесь. Я бы не позволила ей этого, — засмеялась я и малыш проснулся. Он скорчил недовольную рожицу, растянул губы, сначала мне показалось, что в улыбке, но закончилось это все криком, на который прибежала Маргрет и девушки.

— Уходи, рано еще его брать на руки. Отдай его матери, — суетилась Маргрет, стараясь выпихнуть меня из дома.

— Нет, нет, он просто проголодался, все будет хорошо. Оставьте ее, я поспала, мне нужно с ней поговорить, — запротестовала Клер, и она оставили нас. Малыш прильнул к груди и заснул через несколько минут снова. Он не казался крошечным — недоношенным.

— Что в Плимуте? У вас все получилось?

— Надеюсь, что наша посылка попадет по адресу, тем более, ее завизировал губернатор, но я хочу еще сказать вот что... Нам закрыта дорога в Плимут, Клер. Всем девушкам нельзя там показываться — король отправил туда солдат не только чтобы наладить порядок и безопасность в поселении, но и за нами.

— Тебя видели?

— Да, и хорошо, что добрые люди помогли нам. Мы улизнули. Нам нужно забыть про Плимут. Они должны считать нас пропавшими без вести. Чтобы никто ничего не заподозрил, он записал наш брак годом назад, якобы мы обвенчались еще тогда, до побега. Так что, можешь поздравить меня, я сейчас миссис Колдер! — с важным видом закончила я свой короткий рассказ.

— О Боже! У нас праздник за праздником! Только вот, надеюсь, что ты стала ею не только для того, чтобы оформить патент на Бернарда?

— Я тоже на это надеюсь, и мало того, я сейчас еще больше нахожусь в заложниках, нежели она, — раздался за спиной смехок Бернарда. Они вошли со Сквонто тихо, боясь разбудить малыша.

— А тебе чего бояться, мужчина, ты получил то, чего хотел, — улыбнулась я мужу.

— Коли я захочу повернуть дело с проволокой по своему, как якобы ее создатель, ты просто прикопаешь меня, и будешь продолжать дело как вдова. — Он обнял меня и прижал к себе, смотря на Клер с малюткой.

— Не думаю, что тебе стоит ожидать легкой смерти за предательство, Бернард. Я знаю ее настолько долго, что могу гарантировать тебе муки вечные, — поддержала наши шутки Клер. Сквонто долго не понимал нашего разговора, пока мы не засмеялись все трое.

В этот день был праздник, и впервые в нашем лагере было так много людей. Сквонто рассказал, что они хорошо продали заказ, приняли много новых, и сейчас, пока наше пребывание здесь было тайной для всех, нам не нужно было платить компаниям, неся значительные расходы и выкраивая крупницы на свое содержание. Мы могли быть уверены, что еще лет десять нас не тронут, а там, мы сможем примкнуть к Англии, или же сорваться с места и держать путь в любое удобное для нас место.

Малышка и Малкольм каждую неделю на лошадях отправлялись в Монреаль, чтобы продать наши десерты — они приносили много денег, как бы странно это не звучало. Чтобы не допустить слежки, они проходили мимо Монреаля в сторону Квебека по другой стороне реки, оставляли там лошадей, доставали припрятанное каноэ, и поднимались обратно к Квебеку.

— Клер, я думаю, нам пора расширяться, — купаясь в озере завяла я беседу. Там была возможность остаться наедине. Мы просто отплывали подальше, ложились на воду и смотрели в безоблачное небо. В эти минуты казалось, что мы в нашем прошлом — в деревне, где проводили почти каждое лето на даче директрисы.

— В какую сторону ты предполагаешь расширяться?

— Думаю, пора заняться актуальными вещами, например, джинсами. Как думаешь? Не рано?

— Не рано, только вот нужно сразу много парусины.

— Я найду, закажу, украду, но добуду. Как и томаты, о которых уже заговорили в Квебеке. Малышка сказала, что люди начали украшать подоконники прекрасными цветами. Я бы не назвала их прекрасными. Они говорят, что плоды растения опасны. Мне кажется это оно!

— Сто процентов. Боже, у нас будет кетчуп! У нас будут соусы к мясу! — блаженно улыбнулась Клер.

— Да, но телевизоров и телефонов у нас не будет, — тоскливо прохныкала я.

— Да и Бог с ними. Думаю, мы множество открытий можем принести в этот мир.

— Ты больше не против плагиата и воровства идей? — удивленно посмотрела на нее я.

— Знаешь, у меня ребенок, и, что-то мне подсказывает, что скоро детей станет в поселении больше...

— В смысле? Ты уже снова собираешься рожать? — я окаменела от ее заявления, но снова старалась держать лицо.

— Нет, что ты, я о тебе.

— Ну, пока мы хотим пожить для себя, — важно заявила я. — Давай к берегу, вон Маргрет машет. Нужно кормить нашего нового индейца, — старалась уйти от темы моего материнства я.

— «Мы»? Думаю, это ты не можешь решиться и боишься, правильно? Вот не верится мне, что Бернард хотел бы пожить для себя, — засмеялась подруга.

— У нас слишком много дел пока, и тогда я не смогу их реализовать...

— Ты говоришь, как менеджер, а здесь иная жизнь. Ребенок может быть с тобой, тебе не надо ездить на встречи, и все такое. Бернард многое может взять на себя.

— В этом и проблема, что он быстренько все возьмет на себя, а меня усадит дома. Я не готова пока к такому повороту, детка. У меня вот джинсы еще не открыты, потом в планах надеть их на женщин, и все такое.

— Ясно, значит, нам придется двигаться на Дикий Запад.

— Ты думаешь?

— Конечно нет. Пока наши дети не подрастут, и мы твердо не станем на ноги, даже и не думай. Так что, чем раньше у тебя появится ребенок, тем раньше он вырастет, и мы продолжим покорение Америки.

Маленький Патанок требовал еды. Маргрет не находила себе места, называя нас бесчувственными к малышу.

Она стала прекрасной бабушкой. Даже не няней, а именно бабушкой, у которой невозможно было отнять ребенка. Она вырастила в своей жизни так много детей, а сама так и не стала матерью. Сейчас же она раскрывалась в полной своей сущности. И мы без нее были как без рук.

Пэвэти научила Клер делать специальную переноску — правильно наматывать ее вокруг тела, чтобы малыш чаще был с мамой, но Маргрет считала, что ему хорошо и у нее на руках. Сейчас, единственное, чего мы боялись, — вырастить избалованного мальчишку, но Сквонто успокоил нас, заявив, что в три года мальчик перейдет под полную опеку отца.

Тот будет учить его охоте и борьбе, он сделает из него следопыта и воина. В нашем случае, каждый должен был как минимум Джеки Чаном, чтобы выжить в этих условиях, и мы поддержали гордого отца.

Вовремя мы вспомнили о джинсах и закупили парусину. Впереди была золотая лихорадка, а мы заранее решили подготовиться к ней, прикупив еще и простенькую заклепочную машинку. Мы шили штаны, небольшие непромокаемые палатки на пару — тройку человек, удобные плащи.

В конце лета мы открыли в Квебеке магазин. Это была большая лавка, куда с удовольствием переехали Маргрет и Джейкоб. Он отлично владел искусством продаж, и у нас не возникло никаких проблем с тем, чтобы оставить там нашу не приспособленную к жизни женщину на его попечении.

Она долго причитала, разрываясь между малышом Патаноко и мужем, коим мы называли его, и долго доказывали, что даже без церкви Бог видит их любовь, и благословляет ее. Осенью они планировали на шхуне совершить небольшое путешествие в английские колонии, чтобы стать мужем и женой перед Богом.

Я рвала волосы на спине, чтобы сделать джинсы модными, и мы придумали с Клер то, что, конечно же, не одобрили мужчины — показать женщинам, как это прекрасно.

— Только давай они будут свободными — похожими на юбку, чтоб не сразу уж шокировать местных баб, — гундела Клер, боясь, что меня засмеют.

— Да, они будут широкими прямо от пояса, детка. Мы даже можем доказать толстушкам их удобство и необходимость, — отлаивалась я.

— Мне кажется, твоя идея — утопия. Кто тебе не дает их носить? Давай будем делать их мужскими, — парировала Клер.

— Да, мужские будут темными, а вот женские... Я видела краситель — у них столько всего синего, что ты даже не представляешь, милая. Женские будут синими. Наши девочки прекрасно шьют, и видит Бог — я снова получу патент, ибо нехрен, — отлаивалась я, кропя над сложной выкройкой. Благо успела сделать первые такие для Маргрет. Она то и станет рекламой плюс сайз, и женщины, что забредут в ее магазинчик, примут к сведению.

— И ты собралась появиться в Квебеке?

— Да, мы с Бернардом выезжаем туда с новой партией, как только все будут готовы. Черт бы подрал этих создателей швейной машины. Ты не знаешь? Может быть уже есть хоть самая простая?

— Я не знаю историю моды, и не могу обещать, что машинка уже есть, но Квебек уже достаточно современный город. Узнаешь там.

— Мда, иначе, скоро у девочек пальцы будут как картофелины. Кстааати, мы повезем с собой картошку, чтобы опробовать продажу чипсов. Джейкоб справляется в магазине прекрасно, а Маргрет может там же открыть небольшую бургерную.

— Бургерную? — удивленно посмотрела на меня Клер.

— Ну да, булочки, котлета, и тайный ингредиент — кетчуп! Мы просто не расскажем что это. Пока они отторгают томаты, мы будем их культивировать в массы в виде соуса к бургерам, к картошке — фри.

— Ты решила полностью занять нишу, которая так любима была тобой?

— Да я за хороший бургер готова убить. Не поверишь, все это, конечно, прекрасно, но кукурузные лепешки одолели.

— Хорошо, так каковы у тебя планы?

— Джинсы, бургеры с картошкой фри и ...

— Кока — кола?

— Нет, Клер. Пока так. Главное — украсть хоть один «цветок» с их подоконника, и начать культивировать. Мне бы хоть одну помидорку на семена. Помнишь, как директриса размножала их с помощью пасынков?

— Я рада, что тебе есть чем заняться, — улыбнулась подруга, которая полностью погрузилась в воспитание ребенка, быт нашего форта, чему я была несказанно рада.

— Я тоже рада, только меня убивают эти расстояния.

— Ты бы хотела жить в Квебеке? — грустно спросила Клер.

— Неет, что ты, меня сейчас ни за какие коврижки не уговоришь жить в каменной комнатухе, а как же баня? Озеро? Картошка, в конце то концов! — важно заявила я.

Мы строили отдельный дом, как и Сквонто. Они были одинаковыми, и к вопросу подошли серьезнее — дома были из бревна. Зиму в дощатом доме, утепленном глиной и соломой мы пережили хорошо, но бревно было серьезнее. Нам снова не хватало мужских рук, но брать абы — кого мы не хотели.

Наша поездка в Квебек имела как успех, так и провал, и я решила не биться головой в ворота как баран, а принять неудачу. Прямо с порога Маргрет встретила меня не объятиями, как я привыкла, а криком. Она проклинала тот позор, что ей пришлось перенести, нося эти «штаны дьявола».

— Маргрет, ну, ничего, это все ерунда. Не пошли, так не пошли. Расскажите как идут дела с проволокой, палатками и мужскими штанами, и пригласи нас уже в дом, — пыталась я успокоить ее выкрики, что привлекли не мало зевак, что рассматривали сейчас мою задницу в джинсах.

— Проволоки нужно раз в десять больше, — вышел из лавки Джейкоб. К нам едут теперь с юга, и предлагают даже менять на табак, что можно продавать французам за дорого — южные колонии принадлежат англичанам, а табак они уже расчухали, — выпуская дым из смешной трубки пробубнил Джейкоб.

— Вы не впустите нас дом? — я начинала уже злиться на эту парочку, когда меня впихнул в дом Бернард.

— Кричи поменьше, иначе здесь сейчас соберется весь Квебек, — шепнул он мне прямо в ухо.

— Они ни черта не понимают, женщины будут еще стоять в очередях за этими штанами, — не могла успокоиться я, заноса баулы с новыми женскими джинсами внутрь. Маргрет, ты добыла той синей краски?

— Добыла, только вот не стоит изводить ее на эту ерунду, не дело барышням ходить в этой дьявольской одежде! — продолжала она бубнить, ставя на огонь ужин и чай.

— Мы просто не там ее рекламируем, — подытожила я, вспоминая районы, где жили женщины с более низкой божественной сущностью. — Бернард, занеси все, что у нас есть, а ты, Маргрет, неси котел побольше, сейчас мы будем творить моду.

Я, бросив все мысли об отдыхе, развела краску в котле, и поставив на огонь, бросила туда все женские штаны. Я не собиралась отступать. Все следили за мной, как за умалишенной. Мои штаны тоже сейчас варились, чтобы утром стать цвета индиго, как я мечтала. Всю ночь я подкидывала дрова, чтобы мои новые штаны просохли к утру.

Утром мы придумали утюг! Кусок железа, разогретый на углях, и схваченный железными щипцами, был уложен на влажные штаны поверх мокрой ткани, мы мучились

часов пять, чтобы таким образом переглядеть все. Потом я мучила Маргрет, используя ее упитанный торс как растяжитель.

К вечеру, как я и планировала, мы стояли с Бернардом в новой одежде перед входом в самый модный кабак. Мы должны были «дать жару». Всю дорогу мы учили с ним вполне отвязную песню на французском, которую меня, в свою очередь, учила петь Клер, чтобы не оплошать.

Выпив пару глотков виски, усердно повиляв задницей в штанах, я затянула песню^[10]:

Дайте мне апартаменты в Ritz — они мне не нужны!
Драгоценности от Chanel — они мне не нужны!
Дайте мне лимузин — что мне с ним делать? Папалапапала!
Предложите мне личный штат — что мне с ним делать?
Замок в Нойшатель — это не для меня.
Предложите мне Эйфелеву башню — что мне с ней делать? Папалапапала!

Я хочу любви, веселья, хорошего настроения!
Ваши деньги не принесут мне радости.
Я хочу прожить жизнь с чистым сердцем. Папалапапала!
Идём со мной, я покажу свою свободу!
Итак, забудьте о всех своих стереотипах,
Добро пожаловать в мою реальность!

Через десять минут эту песню пели все, хоть и не знали, что такое лимузин и Ритц, не знали, что такое Шанель, не знали Эйфелевой башни. Между делом я болтала, что у нас магазинчик на окраине. И на скромные вопросы о моих штанах, говорила, что купить их можно там, но поскольку их очень мало, придется прийти раньше остальных.

Все тридцать штанов — женских и мужских моделей, мы продали до обеда, чем вызвали у Маргрет приступ хохота и непонимания. А уже вечером мы купили всю парусину, что была в Квебеке. Бернард был шокирован не меньше остальных, но делал вид, что все в порядке.

Рано утром, купив дорого куст томата, на котором висели шесть красных плодов, мы направились домой. Сразу после нашего прибытия, в Квебек должны были отправиться Сквонто и Малкольм с проволокой, но через пару часов нас нагнали пара лодок, с которых кричали имя Бернарда. Мне стало немного не по себе, но мы причалили к берегу, держа наготове мушкеты.

Мы тревожно ожидали, когда они причалят, но как только Бернард разглядел лица, он готов был спрыгнуть, и бежать им на встречу. Шестеро мужчин громко кричали ему на встречу, и я поняла, что они хорошо знакомы.

— Как вы здесь оказались? — обнимался он то с одним, то с другим.

— Твое письмо показала нам твоя сестра, и мы решили отправиться за тобой, — зычным, низким голосом ответил здоровяк с пышной бородой. — Но прибыв сюда весной, так и не нашли тебя. Кто-то говорил что ты погиб, кто-то, что ушел жить к индейцам. Мы устроились на работу, и потеряли надежду найти тебя.

— А сейчас? Как вы узнали, что я здесь?

— Нам сказали сегодня утром, что тебя видели в таверне, но ты собирался идти в Монреаль, вот мы и поторопились, и думали уже, что только в Монреале нагоним тебя. Наше почтение, мисс, — он остановил взгляд на мне, присмотревшись, понял, что я не мужчина.

— Это Элизабет, моя жена, — представил нас Бернард. — А эти шумные бородачи — мои кузены.

— О! неужели у тебя столько братьев, — радость моя была не от встречи с родственниками, а скорее, я выдохнула, что это не очередная проблема, кои преследовали нас тут и там.

— Это не все, мэм, там остались подрастать еще человек десять, — хохотнул один из них.

— И каковы ваши планы? — спросил Бернард. Мы все сошли на берег, развели костер и поставили котелок для чая.

— Никаких планов, мы больше четырех месяцев работаем где придется, спим в сараях, мы не знаем французского, и нас дурят все, кому не лень, — ответил здоровяк. Я Конор, мэм.

— Очень рада познакомиться с родственниками мужа, — честно ответила я, рассматривая их, а особенно мое внимание привлекли килты, о которых я столько слышала, но не видела ни разу.

— Значит, не вышло у вас в Америке, — грустно резюмировал Бернард.

— Мне кажется, я знаю, где у них все будет хорошо, — улыбнулась я, понимая, что это лучший вариант для расширения нашего поселения. Эти люди не обтащат нас ночью, не обидят девушек, да и силы их нам будут очень кстати.

— Где? — удивленно, но с надеждой спросил здоровяк.

— У нас. Вам нужно забрать свои вещи, кого-то предупредить? — радостно спросил их Бернард, и все покачали головой.

— Да кого забрать, все что у нас есть, мы носим за плечом, пока тепло ночуем где придется, охотимся, но возле Квебека уже мало зверья, так что, если там, куда вы нас зовете, есть лес или река, мы с радостью будем добывать мясо и пушнину, выделывать, и продавать компании, — ответил еще один — коренастый, видимо, бывший раньше толстячком, но похудевший на местной диете.

— Тогда вы можете отправиться с нами, и мы рады будем видеть вас в нашем поселении, — переглянувшись с Бернардом сказала я.

Я видела, что он хотел этого с самого первого момента, но ждал моей реакции, именно

моего приглашения. Я была рада этой неожиданной встрече, и радовалась, что всю тяжелую работу можно будет поделить между всеми, а то Бернард и Сквонто просто падали без ног каждый вечер после работы с проволокой.

По традиции, мы прибывали к форту осторожно, словно боясь увидеть там что-то плохое, но стоящие на берегу, встречающие нас, сами были больше напуганы двумя незнакомыми лодками, с которых сошли здоровяки.

— Это наш форт, наше поселение, — гордо указал им на берег Бернард.

— Так далеко вы забрались, что никаких товаров не дождешься, — хохотнул Конор. Он был простачком только с виду, или же я плохо понимала, и он действительно был простоват, но то, что он имеет большое доброе сердце было понятно каждому.

— Мы все привозим сами, а еда растет и бродит вокруг нас, так что, ничего особенного мы предложить вам не сможем, и мало того, вам придется построить дом до холодов, — ответила я мужчинам, что внимательно рассматривали людей, встречающих нас. Как бы не начались проблемы, ведь мужчин мы привезли поменьше, чем нужно, но девушки сестры Маргрет были скромными и серьезными. Это точно должно оградить всех от споров.

Малышка и Барбара стояли в первых рядах. А вот если эти останутся с носом, мы не оберемся проблем, хотя, им еще угодить нужно — что попало их не устроит.

Малышка стояла в позе Надюхи из фильма «Любовь и голуби», и я с улыбкой ждала, что она вот-вот скажет: «Это откуда к нам такого дяденьку красивого занесло?», но Клер не было рядом, и мне не с кем было разделить эту шутку, о чем я несказанно жалела.

Пэвэти суетилась с парой сестер у костра, готовя ужин, Малкольм крутился возле нее. Урожай был убран почти весь, торопиться было некуда. Мы везли много парусины для набирающих популярности джинс, и девушкам предстояла работа.

За столом, который пришлось нарастить, чтобы вошли все, Бернард не мог вставить и слова, потому что новые люди могли рассказать обо всех новостях из Англии, и девушки наперебой задавали вопросы, интересовались даже модой, о которой их просветил самый тихий и скромный из братьев — Руперт.

Мы рассказывали, чем мы здесь живем, какие у нас планы, и как дошли до жизни такой. Мы продолжали говорить, что все девушки — воспитанницы Маргрет, и Бернард со Сквонто молчали, как и Малкольм, который знал всю подноготную нашей истории.

Мы весь вечер разговаривали с Клер, что ругала меня с забеганием вперед в истории, но я оборонялась тем, что все мои действия не особо навредят экономике страны. Картофельное пюре с козьим молоком, маслом и солью, допустим, стало любимым блюдом как в нашем поселении, так и в деревнях индейцев. Подумаешь, некий повар не получит мишленовской звезды за его изобретение — с голоду не помрет.

Томаты, которые я всю дорогу оберегала пуще всего, можно было пересадить, потому что горшок был уж очень мал, но мне нужно было дождаться полной спелости хотя бы пары краснеющих плодов. Это было что-то среднее между сортами «сливка» и черри». Мичурин из меня так себе, но нас устроит и этот размер, просто мы возьмем объемами.

Зимой я собиралась нарезать с него пасынков и рассадить по небольшим кадкам — так мы к весне вырастим саженцы черенкованием. Пусть они на здоровье тянутся и хиреют, главное — чтобы выжили, а уж на улице под солнцем они быстро станут тем, чем надо.

Мы с Клер нюхали спеющие плоды, вызывая смех у девушек, которые говорили, мол, пахнет от него противно.

— Это вы не пробовали салат со сметаной, томатами и черемшой, — смеялась Клер. А

уж кетчуп... Вы вскорости мясо без него и вовсе есть не станете.

— Пусть я буду помирать с голоду, но не притронусь к этому плоду, — отвечала Барб.

К началу зимы мужчины достроили дом для Сквонто и Клер, и взялись за наш. Свой они планировали начать в морозы, мол, нет ничего страшного, если они пока проживут в мужской части общего дома. Женщины не возражали, потому что соседи уважительно относились к ним, развлекали рассказами и игрой в шашки по вечерам.

Осенью Малышка опробовала брагу на кукурузе и кленовом сиропе. Перегонный аппарат мы купили в начале зимы, и ей не терпелось организовать свой алкоголь. Я переживала, что мужчины попадут в когти «зеленого змия», но Бернард меня заверил, что ни один из них не позволит себе перепить, или устроить дебош. Алкоголь мы планировали держать на случай болезни и на праздники.

По «последней воде» Бернард и Малкольм отвезли последнюю партию проволоки в Монреаль — там они должны были перегрузить все на плот Джейкоба.

— Передай всем привет от нас с Маргрет, — со своей привычной улыбкой сказал Джейкоб, и продолжил немного смущаясь: — мы обвенчались, и теперь мы настоящие муж и жена.

Бернард рассказал это нам по прибытию. Я была рада искренне за них, ведь такая редкость найти свою половинку, а особенно в их возрасте, и с тараканами Маргрет.

У нас начали складываться пары, но девушкам, похоже, нравилось поиграть в ухаживание, и они не подпускали к себе близко, давая понять, что до весны мужчины должны показать себя.

— Думаю, Конору никуда не деться от Барбары, хоть Малышке он и оказывает внимание, та явно не сдастся, — сидя с малышом у очага, шептала мне Клер.

— Я ставлю на Малышку, — ответила я, и показала на то, как тот поглядывает на нее, когда шутит. — Видишь, ему важна ее реакция, хоть он в этот момент и разговаривает с Барбарой.

— Ну, увидим. Только вот представляешь, что начнется, если Барбара имеет на него глаз?

— Будем надеяться, что разум возьмет верх. Они, выдавшие жизнь в самых темных красках, не станут врагами из-за мужчины. Я вижу, как они дорожат дружбой, — перенося их отношения на нас с Клер.

— Скоро снова встанет лед, — с грустью вдруг сказала Клер.

— А потом снова начнется весна. Твой сын уже будет бегать летом, — попыталась увести беседу в доброе, веселое русло я.

— Да, нам дали лишних десять лет жизни, и нужно радоваться, но я никак не могу избавиться от страха, что все это вдруг прервется.

— Не прервется, это точно. Сложно оказаться снова там — в океане, да и кто знает, может мы погибли тогда, а наши души просто переместились в эти тела. Я думаю, что мы просто находились в определенной точке, и время как-то наложилось.

— Скорее всего, потому что иного объяснения просто нет, — ответила мне Клер и грустно улыбнулась, смотря на спящего сына.

Зима была теперь неизвестностью, и мы со знанием дела вступили в первые холода. Наш отдельный дом был готов, но это лишь на взгляд мужчин. Мы придумывали как его можно обустроить изнутри. Клер предлагала соорудить станок, чтобы была возможность распилить доски тоньше. Пусть это и останется ручной работой, но сделать жесткие направляющие для бревна сейчас было не сложно — у нас была кузня и мужчины.

Хоть у нас теперь и были отдельные дома, все время днем мы проводили в общем доме и в сарае, где делали проволоку, емкости для сиропа — готовились к весеннему сбору с размахом.

Мужчины принялись за строительство своего дома, чтобы больше не стеснять женщин. А весной в наших планах был забор вокруг поселения. Это обезопасит больше детей, что родятся здесь, поскольку, деревянный забор, не оборудованный укреплением и без орудий — так себе защита. А еще, мы хотели дать понять, что это не стихийный лагерь, а настоящий форт.

Ранней весной, когда лед еще стоял, Бернард с Конором вышли в сторону Плимута — нужно было выяснить, пришел ли патент, а заодно — разведать обстановку. Нам нужны были рынки для сбыта проволоки, и через Плимут у них была возможность попасть на юг — шхуны охотно брали попутчиков вдоль побережья, а некоторые капитаны видели прямую выгоду курсировать здесь, не уходя к Англии.

Я провожала его с тревожным сердцем, с каким-то страхом, что больше никогда не увижу. Смотрела на него так внимательно, словно, пытаюсь запомнить черты лица, морщинки и цвет глаз. Мое настроение передалось и ему:

— Элизабет, это не опасная дорога, и у меня нет никаких долгов перед Плимутцами, а уж тем более, перед королем. Я боюсь потерять тебя не только когда уйду далеко, я боюсь ежедневно, что, проснувшись не обнаружу тебя рядом, — он вел себя не так, как всегда. Раньше, когда во мне просыпались страхи, он смеялся, отшучивался и хлопал меня легонько по бедру. И тогда страхи отступали. А сегодня рано утром, когда я встала, чтобы накормить мужчин и проводить их в дорогу, в груди щемило.

— Я знаю, но у меня такое ощущение, что мы можем больше не увидеться, Бернард. Я не понимаю, откуда этот страх, но сердце бьется так сильно, и во рту все пересохло. Мне кажется, что-то подсказывает, что отпускать тебя нельзя. Возьми с собой Сквонто, прошу...

— Нет, пока Сквонто здесь, я уверен, что вы в безопасности, Элиза. А с нами точно ничего не случится, я клянусь тебе. Просто дождись меня, и посматривай на вершину горы. Там мы, как всегда, разведем костер, и перекусив, начнем спуск.

Все вышли проводить путников. Девушки прочли нехитрую молитву, и как только они пропали из вида, жизнь закипела, как и вчера: ранняя уборка у животных, корм, потом мы доили наших трех коз, готовили завтрак и будили мужчин. Но сегодня все уже были на ногах.

Клер старалась не отходить от меня, заметив мое настроение. Она шутила, пела, то и дело передавала мне малыша, у которого резались зубы. Он успокаивал меня, словно показывая, мол, смотри, все реально, вот он я, и ты и моя мама. Жизнь продолжалась, хоть и в сказочном каком-то, не естественном порядке. Через пару дней я успокоилась и посмеялась над собой.

Жизнь текла неспешно, так же, как падал снег — лениво опускаясь на озеро, на лес

вокруг. Я знала, что смотреть на гору рано, но не могла избавиться от привычки, и каждый раз, когда выходила на улицу, упорно смотрела вдаль — на Аппалачи, что вставали сразу за долиной. Благодаря им, у нас не было сильных ветров, леса не высыхали во время жарких летних месяцев, даря нам хорошие урожаи ягод и грибов.

Когда по моим расчётам до возвращения мужа оставалась неделя, лед остался только по краю, но Пэвэти и Малкольм уже закидывали с него сети, принося домой первую в этом сезоне свежую рыбу. Мы лакомились икрой, используя ее везде, где только можно. Особенно вкусными оказались блины с соленой икрой и сливками.

— Я иду показать малышу как Малкольм вытаскивает рыбу, — подала мне сына Клер, одеваясь. Он так смеялся, когда видел ее дома, а за одно, помогу быстро вынимать ее из сети.

— Хорошо, сейчас я тоже оденусь, и догоню вас, — ответила я, заканчивая чистить картошку на обед. Сквонто с мужчинами был на охоте — нужно было запастись мясом, пока не начался брачный сезон — в это время легко можно было подстрелить беременную самку, что стало бы нехорошим знаком для всех нас.

Я смотрела в открытую дверь на горы, в надежде заметить тот долгожданный дымок, говорящий о том, что все хорошо, что мой муж будет здесь через день, и все пойдет по-старому, и я, наконец, смогу уже с полной уверенностью рассказать ему о том, что у нас будет ребенок.

— Сегодня уж слишком тепло, чтобы выходить на лед, — сказала вошедшая в кухню Малышка. Ты там пошустрее выгоняй их со льда, иначе, провалятся и лечи их потом, оттирай алкоголем, которого у нас пока и так не много, — она бурчала всегда, когда мы использовали ее напитки не внутрь.

— Малышка, не причитай, обещаю, что летом мы сообразим емкости побольше, чтобы ты могла заниматься своим скотчем в промышленных масштабах, — шутливо хлопнула я ее по спине.

— Да, на этот раз я не буду дурой, и пойду на сбор сиропа в полном вооружении. Ваши сладости, это конечно хорошо, но наличие дома огненной воды, знаешь ли, греет мою уставшую душу, — хохотнула она, приняв мои обещания. Для нее Малкольм всю зиму выстругивал из распиленных метровых бревен высокие ведра, в которых она должна была хранить свой «отдельный» сироп, а потом ставить брагу для будущего напитка.

Я оделась, и не спеша вышла на улицу. Солнце сегодня и вправду, грело по-весеннему — на небе ни облачка, и мне даже показалось, что я слышу птиц. Я не понимала, откуда во мне появилось столько любви к созерцанию, неспешности и любви ко всему окружающему, скорее всего, это материнский инстинкт, меняющий не только мое тело, но и мое восприятие.

Я снова глянула на гору, и решила не смотреть больше туда, чтобы не расстраиваться. Хотя-бы пару дней, ну, или до вечера, иначе, это уже походило на сумасшествие. Все будет хорошо, и он скоро вернется — шептала я себе, прижимая руку к чуть округлившемуся животу — месяца три, если судить по признакам.

— Элиза, ты не представляешь, сколько здесь рыбы, — кричала Клер. Она выбирала из сети рыбу, а Пэвэти с Малкольмом закидывали другие сети.

— И куда нам столько? — крикнула я в ответ.

Я осмотрелась, и увидела самодельные санки, стоящие на берегу — ребенок, скорее всего, спал, даже не реагируя на стук топоров, что раздавался от строящегося дома —

мужчины достраивали крышу, а это значило, что скоро у нас очередное новоселье.

— Мы будем ее есть, детка, и набираться сил. Там столько икры, что нам пока и мясо не понадобится, — отвечала вошедшая в раж Клер.

— Или наладим производство консервы, но нам нужно уточнить про банки, — смеялась я. — Ты же не в курсе всех этих веяний пищевой промышленности, как и легенькой?

— Ну, нельзя объять необъятного. «Лети сюда, птичка, здесь много вкусенького» — пролепетала Клер мультиязычным голосом.

Я хотела ответить, показав руками «столько?», но в эту секунду, запнувшись о сеть, Клер упала, и словно в замедленной съемке я заметила, как под ней расходится лед, она уходит под него, и обломки смыкаются над ее вскинутой в последнюю секунду рукой. Я закричала и бросилась к полынье. Пэвэти и Малкольм не поняли, что произошло, и смотрели на меня, словно и не видели, что раньше здесь была и она.

От дома кричали и бежали мужчины. Лед уходил от берега метров на пять, и если провалиться под него, сложно пробить его снизу, нужно плыть в сторону середины озера, но подо льдом сориентироваться сложно — паника подступает моментально.

Течения у берега закручивают воду, относя провалившегося в сторону от полыньи. Все это мы знали от Сквонто, повторявшего, наверное, тысячу раз, что каждый, сошедший на лед в это время года, должен привязываться веревкой за талию, и на берегу должен быть человек, что страхует его. И конечно, мы пренебрегли всеми правилами безопасности, которые пишутся кровью.

Я, не думая, сбросила на ходу куртку, обувь, и босиком, поймав край сети, что кинул мне Малкольм, упала в полынью. Последней мыслью перед прыжком была одна — край сети, с которой она упала вот только что ушел под воду, а это значит, что ее не снесло быстро в сторону.

Вода с грубыми обломками льда сомкнулась над моей головой. Я осторожно открыла глаза и увидела только крошево льда и пузырьки воздуха. Глаза заболели, и их пришлось закрыть, наугад щупая свободной рукой, а во второй держа единственную связь с моей жизнью — сети, что с другой стороны держал Малкольм, чуть потянувшись в стороны я почувствовала руками нити.

Это была сеть, в которой запуталась Клер. Я провела рукой снова, но нити никак не давались, и я всего лишь на секунду решила отпустить сеть, на другом конце которой был Малкольм, Бернард, и мой неродившийся ребёнок, чтобы поймать Клер.

Сеть выскользнула, напряжение пропало. Я что есть мочи, поплыла в сторону сети, которую только что чувствовала моя рука, и тут меня как будто кто-то поймал за ногу, и потащил вниз. Воздуха не хватало. Я потянулась к ноге, и почувствовала, что это сеть, но она была тяжелой — в ней на дне лежала Клер.

Нырнув с последними запасами воздуха, я схватила сети, и потянулась выше, где в светлом проеме над головой торчали сети, руки. Но лёгкие обожгло, и рот открылся сам, заполняя их холодными водами озера.

— Не забывайте одеться теплее, ведь погода сегодня решила подарить нам прохладу — на английском, с глупым смешком, давая понять, что всякая погода хороша, вещал мужской баритон. — Вечером на палубу лучше не выходить, а провести время в наших ресторанах. На нижней палубе вас ждет караоке, и вы обязательно получите подарки за участие в нем, если конечно, будете попадать в ноты, — на этот раз мужчина рассмеялся.

Голова была тяжелой, и запахи, которые меня окружали, казались невыносимо лишними, новыми, непривычными. Я быстро открыла глаза, надеясь проснуться. Бернард скорее всего, уже запалил костер, и пора готовиться к встрече, но то что я увидела, было кошмаром: чистая белая палата, большие окна, выходящие на океан, на горизонте, словно огромная огненная черепаха, закат. Это размеренно болтало радио...

Я начала дышать быстрее, и запищали какие-то датчики, я посмотрела на свою левую руку — из нее торчала трубка системы. Я резко повернула голову вправо — там, с широко открытыми глазами, лежала недвижимо Лиля. Не Клер, а Лиля, которую я не видела уже почти три года.

Голова кружилась сильнее, во рту пересохло, и только я хотела сесть, чтобы дотянуться до нее, в палату вбежала девушка — медсестра и мужчина — врач. Он был седым, его белый халат так шел ему, что можно было смотреть и смотреть. Боже, когда закончится этот глупый сон? Когда я очнусь в нашем доме?

И тут я вспомнила о своем животе. Рука потянулась к нему, но он был плоским. Девушка ругала меня на английском, а я не отвечая ей, скидывала одеяло, под которым были не ноги Элизы — тонкие и длиннющие, в садинах от работы. Там были ноги Маши — меня прежней. Они были плотные и твердые как корни какого-то низкорослого, но крепкого кустарника.

Я вспомнила воду, метущиеся во льду сети и руки, тянущиеся оттуда, где был свет. Он добавлял блеска обломкам льда, этому мелкому крошеву, блестящему как миллиард высыпанных в воду бриллиантов.

Я не могла говорить, а глаза наполнились слезами. Девушка не без помощи доктора уложила меня обратно, воткнула в висящий мешок с лекарством шприц, выдавила лекарство и ласково заговорила со мной:

— Вы помните, как оказались за бортом?

— Да, — ответила Лиля, — было странно слышать ее голос, тот Лилькин голос, что я узнала бы и через тысячу лет.

— Почему вы оказались в воде? — медсестра спрашивала именно меня, но Лиля настойчиво говорила и говорила. Хорошо. Хорошо, что она говорит и соображает, потому что в первые минуты я решила было, что она в коме — так неестественен был ее взгляд в потолок.

— Мария упала... Мы выпили слишком много алкоголя на празднике. А я прыгнула ее спасать. Она встала на поручень, но качнулась, и повалилась в воду. Было шумно, и я побоялась, что, если звать на помощь, меня просто не услышат.

— На судне есть датчики, — красивым, каким-то киношным голосом сказал доктор и присел ко мне. — Ваша подруга отлично плавает, в отличие от вас, мисс Мария.

— Миссис, — еле слышно прошептала я.

— Что вы сказали? — наклонился он ко мне. — У вас что-то болит?

— Нет, только голова очень тяжелая.

— Мы поставили слабое снотворное. Утром вы будете в форме. — Доброжелательно и уверенно сказал он, но потом почти в ухо прошептал: — помогите мне, прошу вас. Я не понимаю, почему ваша подруга так несчастна? Вы остались живы обе, вы в порядке, без единой царапины, но она, словно потеряла кого-то в океане.

И тут я поняла почему она отвечала за меня — боялась, что я начну нести бред, и этим самым дам им пищу для размышлений на тему суицида. После такого нас просто привяжут к койкам, оставив так до возвращения на родину. А сейчас у нее закончились силы, и она крепится, чтобы не зареветь при них. Она потеряла в этом чертовом океане мужа, сына, а еще, всю свою жизнь, которая имела для нее смысл.

— Вы знаете, она и дома не сильно разговорчива, она у нас писатель и историк. Иногда, когда обдумывает какой-то сценарий, ходит отрешенная, и даже не реагирует на голос. Это для нее норма, — уже увереннее, и с улыбкой, ответила, отмахнувшись от нее. Лицо было другое — у меня было другое лицо — мне плохо удавалась привычная мимика, я говорила, а нижняя челюсть была чужой — тяжелой, неповоротливой, видимо, этот рот не так искушен английским.

— Отдыхайте, я вижу, что вы идете на поправку, и уже к завтрашнему вечеру станете обычными пассажирами, как и были до...

— Несчастливого случая, — быстро продолжила я.

Они вышли, и Лиля, словно, только этого и ждала, бросилась ко мне. Она села рядом, посмотрела на меня, и с абсолютно сухими глазами сказала:

— Мы должны вернуться, Элиза... Маша... Ты можешь не идти за мной, просто похорони мое тело, прошу, и не плачь по мне, потому что там у меня всё... ты не думай, я люблю тебя, и мне будет безумно тяжело, но там мой сын, я должна дать хоть один шанс Клер.

— Клер, Лиля, милая, но каков шанс, что ты попадешь в то тело? Каков шанс, что ты попадешь в то время снова? Каков шанс, что ты вообще снова попадешь туда?

— Мне не важно, там слишком много всего, чтобы не рискнуть. Ты должна меня понять.

— Я понимаю, Клер, понимаю. Я была беременна, примерно три месяца...

— Ты мне не говорила.

— Да, я хотела сказать тогда, когда вернется Бернард. Может и надо было, тогда бы он не ушел бы в Плимут, или ты не пошла бы на этот чертов лед...

— Медсестра уходит каждые пятнадцать минут. У меня есть эти пятнадцать минут, милая. У нас туалет в палате. Я оставлю дверь туалета чуть открытой, чтобы она подумала, что я там, и дала мне больше времени. А ты просто притворишься спящей, хорошо? Хорошо? — она кричала шепотом, губы кривились, а я смотрела в ее лицо, которого так давно не видела, и понимала как я скучала по ней..

Но ее глаза — они оставались сухими. Я не смогу не спать — лекарство начинало действовать сильнее и сильнее. Она все равно сделает это...

— Медсестра, — крикнула я громко, да так, что Лиля вздрогнула и посмотрела на меня как на оружие, приставленное к ее груди. Вот тут-то ее глаза и наполнились реками слез, вот тут-то она и дала слабину.

— Что случилось? — вошедшая девушка обнаружила Лилю уже лежавшей в своей

кровати, укутанной с головой.

— Я очень прошу вас, принесите мне большую колу, самую большую, какая есть в баре, и хороший гамбургер. Я очень хочу есть. Умоляю вас, — я была такой жалобной, что та засмеялась.

— Хорошо, сейчас я позвоню в ресторан, и схожу, чтобы забрать готовое угощение для нашей выздоравливающей. А ваша подруга? Она будет?

— Нет, она поклонница правильного питания, и эти продукты для нее просто невыносимы, — хохотнула я снова.

Она ушла, а Лиля подскочила и вышла в коридор вслед за сестрой, долго шепталась с ней, та смеялась, и когда она вернулась, ее лицо снова было каменным:

— Она принесет книгу, это книга губернатора Нового Плимута. Ну, ты помнишь, та, что я подарила девушке из соседней каюты. Если в оглавлениях, или в конце книги, ты увидишь хоть строчку об Клер Джениферсон, значит я добралась... Нет, не перебивая меня. Просто отпусти меня.

Медсестра сняла трубку, видимо ей позвонили из ресторана. Она встала, улыбнулась нам через стеклянные двери, а Лиля, чтобы она видела, направилась к туалету. Как только та ушла, она подбежала ко мне и быстро поцеловала.

— Запомни, у нас нет тела, это лишь оболочка. Душа бессмертна, и, если она попадет не туда, я найду как попасть в нужное мне место. Сквонто будет меня ждать, — не дожидаясь моего ответа, она подошла к двери, что вела на точно такой же, как в нашей каюте балкон, открыла его, выбежала, закрыла с другой стороны и быстро вскарабкалась на перекладины. Посмотрела вниз, обернулась и улыбнулась так, словно это был лучший момент ее жизни.

Как только она отвернула голову, я закрыла глаза. Это все случилось так быстро, что мой мозг не успел здраво все оценить. Голова раскалывалась на части, глаза тяжелели, но я как могла боролась со сном, и теми страхами, что разрывали меня.

Медсестра принесла колу и гамбургер, обернулась и вопросительно указала на туалет. Я кивнула.

— Ваша соседка передала книгу по просьбе Лилии. Она очень переживает за вас, сказала, что вы должны ее знать — вы были вместе весь вечер, — прошептала медсестра. Я кивнула, давая понять, что знаю.

Да, та девчонка, что направилась, как и Ляля, к истокам. Что она сказала? Что ее дел высек клятву на камне? Клятву любви к своей жене. Романтично. Я улыбнулась этим мыслям. Лиля оказалась мужественнее меня, хоть всегда и считалось, что я ее опора и я наша сила.

Медсестра ушла, оставив на кровати Лили книгу, а я жадно втягивала холодный напиток через трубочку, пытаясь сложить в голове все, что произошло. Я выпила, наверно, половину огромного бокала, в котором плавал лед. Лед. Как в той полынье, где умирала Клер, Элизабет и мой ребенок.

Я безотрывно смотрела на лед, и мои глаза застилал туман.

— Клер, Клер, очнись, — кричал Сквонто, а из нее лилась и лилась вода. Он давил на ее живот, согнув ее пополам.

Кричал надсадно ребенок, девушки бегали по берегу, не зная, чем помочь. На горе зажегся костер. Малкольм смотрел на гору, потом опустил голову и заплакал как ребенок — навзрыд.

Сделав тяжелый и глубокий вздох Клер закашлялась и открыла глаза. Она хватала воздух ртом, но отталкивала руки Сквонто, что сжимали ее сзади. Схватив его за голое плечо, она развернула его к себе, и поняв, что перед ней стоит он, закричала, рыдая. Тяжело дыша и крича всеми легкими, что горели как огонь. Она вцепилась в него, водя глазами, ища источник крика, и когда увидела своего сына, обмякла и свалилась в руки Сквонто.

«Я не должна говорить, что она была беременной, я не должна говорить ему, и нужно сказать девушкам, чтобы они молчали. А еще, нужно срочно отправиться в Плимут, и говорить с губернатором — он напишет, напишет, а если не получится, я найду как дать знак, как рассказать Маше, что я жива, что я здесь.» — думала Клер, продолжая рыдать. Ни вода, ни убаюкивающие движения, которыми Сквонто пытался ее успокоить, завалив на себя, как младенца, не могли остановить ее всхлипываний.

Она заснула через пол часа. Дыхание даже во сне дрожало, наполняя легкие воздухом, а Сквонто, попросил принести шкуры. Он так и сидел с ней — мокрой, спящей, укутав их этими огромными теплыми шкурами, прямо на земле, на берегу, дожидаясь, когда дыхание ее станет ровным.

Он смотрел на гору, где дым становился все реже и реже. Значит Бернард начал спускаться. Что сказать ему, когда он вернется? Что не уберег его жену, оставил их одних? Сказать, что это он должен был погибнуть, спасая его жену, торопиться, или вовсе, не оставлять их одних? У него не было слов для Бернарда.

Как только дыхание Клер стало ровным, по детски сиплым, он откинул одежи и аккуратно встал. В мокрой одежде она была тяжелее раза в два, но он аккуратно шаг за шагом, нес ее в дом. Ребенок спал там, под присмотром Барбары. Он специально не позволил успокоить его, когда Клер не дышала — она должна была слышать его зов, его крик к ней, и это помогло.

Утром Бернард будет здесь, и нам придется отвезти Элизабет к моговам. Мы разрубим лед, мы увезем ее на лодках, мы пройдем, и, если будет нужно, Сквонто будет ломать лед своим телом, но он доставит ее к шаману.

Элизабет лежала в доме, ее уже переодели. Девушки молились без остановки, сменяя друг друга, чтобы попить, но чаще сидели все. Звук их песни не давал Сквонто забыть о ней ни на минуту. Он не смог сделать все правильно, не смог — вот что стучало у него в голове сейчас каждую секунду, как молоток.

Мужчины ушли встречать Бернарда. Рано утром он ворвался в поселение, спрыгнул с лошади прямо на порог дома, забежал и бросился на колени перед лежавшей женой.

Только чуть слышное ее дыхание говорило о том, что она жива.

— Лодка готова, мы сломали лед у берега, надо идти к моговам, — не здороваясь, ни говоря больше ни слова, Сквонто вошел и сразу вышел, впусив в дом утренний, пахнущий приближающимся теплом, воздух.

Прямо перед ними вперед ушли на лодке мужчины, чтобы ломать лед на берегу индейцев. К обеду они с трудом, но вышли с воды на берег могавков. Их встречал шаман и старуха, что принимала роды у Клер.

На одеяле они занесли ее в большой шатер из коры. В центре горел костер. Сквонто ни словом не обмолвился с шаманом, и тот указал им на выход. Он, пропустив Бернарда вперед, чуть задержался, но вышел следом за ним.

— Что ты сказал ему? — спросил Бернард.

— Я сказал, что она ждет, когда мы позовем ее.

— Я могу это сделать?

— Можешь. Зови, что есть силы, сколько есть в тебе желания видеть ее рядом с собой, зови, иначе, умрет и это тело и ребенок в нем. Она останется там, далеко. Живая, но и мертвая от своей потери, — Сквонто говорил тихо, но так четко и уверенно, что Бернард поверил в каждое его слово.

Клер проснулась после ухода Сквонто, и бросилась кормить сына, но молока не стало, словно, прошло уже не меньше года, как грудь высохла — ни капли. Он кричал и просил есть. Малышка принесла козье молоко, развела его с водой, достала из кармана небольшую стеклянную фляжку из-под виски. Туго намотала ткани, и налив в бутылку молоко, заткнула горлышко.

Забрав у Клер плачущего мальчика, она ткнула ему в рот тряпичную соску, что напилась уже молоком. Придерживая, чтобы она не вылетела вся, держала его голову, настойчиво толкала ее в рот, чтобы малыш понял, что грудь теперь будет выглядеть совершенно по-другому.

Через несколько минут он начал сосать, и напившись, заснул. Клер уложила его, и наконец, произнесла первые слова:

— Элиза... Она ...

— Сквонто и Бернард отвезли ее к могавкам, Сквонто сказал, что ее душа, если захочет, вернется в тело.

— Она жива? — боясь это сказать, боясь дать себе надежду, очень тихо переспросила она.

— Да, только никак не проснется. Она дышит, и глаза ее, даже закрытые, движутся, прямо как во сне. Но руки бессильно падают, если их поднять, и она не отзывается, — всхлипывая, как девочка, ответила Малышка.

— Я посплю. Потом поем, сейчас я ничего не хочу, милая, — ласково посмотрела она на подругу и на миску с бульоном, что та принесла. — Отнеси, я приду сама. Потом.

Та вышла, не спрашивая ни о чем.

Клер должна была остаться одна, должна была подумать, должна была подготовиться ко всему — смерть Элизы, или кто-то чужой, очнувшийся в ее теле, это будет не просто, но малыш, который сопел у нее на руках был тем, за что она заплатила высокую цену.

«Маша в тот момент, когда я решилась на возвращение, еще только пришла в себя, она была в замешательстве, и не могла так быстро принять хоть какое-то решение. Но она поняла Клер, поняла, что для нее важнее. Она не станет ненавидеть меня» — думала женщина, всматриваясь в черты сына.

Она не знала, что лучше — смерть Элизабет — тела, в котором жила Маня, ее Маня, что была всем в той жизни, или же небытие — новая душа, которая может быть станет близкой ей, полюбит Бернарда, и ребенок... Она сказала, что беременна. Может хоть это придаст сил

этому телу.

К вечеру она винила себя за то, что оставила Элизабет там, но у нее не было полной уверенности, что все получится, а жить в той, хорошей, как ей казалось раньше жизни, она больше не хотела. Без Сквонто и сына она была бы тенью себя, а это не принесло бы радости Мане. Пусть, пусть она там, за то я спокойна, что она жива, здорова, у нее все есть, и Бог даст ей ребенка там. И она прочтет в книге, что я смогла вернуться, смогла прожить эту, настоящую жизнь. И умерла четыреста лет назад.

Книга была старой. Год издания был затерт, но первые две цифры «18» были читаемы. Если у Лили все получилось, ее все равно уже нет в живых. А мой ребенок? А Бернард? Глаза стали невыносимо тяжелыми. Вот бы заснуть, и проснуться там, как будто этого и не было. Я боялась заснуть — было ощущение, что я пропускаю нечто важное. Я слышала последние слова Бернарда, когда наше прощание с ним вдруг стало невыносимым, печальным. Я чувствовала?

Что у меня есть здесь? «Ни-че-го» — шепотом проговорила я, и открыла книгу. Посмотрела первые страницы. Я видела ее миллион раз, потому что она была самой важной для Лили. Я знала, что в ней есть закладки, густо исписанные ее нечитаемым, как у врача почерком.

Последние страницы, где губернатор описывает свои надежды я читала, буквально, пальцами придерживая веки. Медсестра дремала в кресле, накинув плед на плечи. За окном стало темно. Свет из коридора мягко падал в палату, но читать было сложно. Я включила ночник, нашла последние строки, и когда глаза наткнулись на искомое, глубоко вздохнула и заплакала от радости за нее и от жалости к себе, к малышу, которого носила, к Бернарду и к той жизни, что теряла.

* * *

Шаман слушал мысли женщины, что лежала перед ним, окуривая ее лицо и тело сладким дымом — он помогал слышать не ушами, видеть не глазами, и чувствовать не кожей. Женщина боялась за ребенка, но ребенок был жив и здоров.

Если она не захочет вернуться, ее можно оставить в деревне — старая Савэтэ будет кормить ее жидкой пережеванной пищей, и ребенок будет жив, а когда настанет срок, она просто заберет ее из этого тела. Она умеет это, и справится еще не раз.

Душа не говорила с ним, и он все глубже искал ее в складках времени. Она боролась со сном, но у нее было тело, она была в здоровом и сильном теле.

Шаман вышел и пригласил Бернарда — просто махнул рукой. Тот встал с бревна, на котором сидел вот уже четыре часа к ряду, стараясь молча говорить с Элизой, словно она рядом, словно слышит его.

Он вошел внутрь, и сразу вдохнул густой, тягучий туман. Он пах болотом, когда осенью часть верхнего слоя — свежего, павшего за лето, начинает гнить — сладко и тошнотворно одновременно. Тот дал ему трубку — длинная полая трубка, с небольшой выемкой, похожей на ложку. Там то и тлела эта трава, но приглядевшись, он увидел там несколько прозрачных камней, похожих на соль.

Судя по движениям шамана, он хотел, чтобы Бернард затянулся этим дымом. Он сделал так как тот велел, и тут же поперхнулся, и пока кашлял, рассматривал лицо своей жены. Глаза начали слезиться, но он продирался сквозь этот песок под веками, смотрел на ее закрытые глаза и губы — верхняя была пухлой, и когда она спала, всегда чуть подворачивалась вверх, обнажая верхний ряд зубов. Сейчас она спала так же, как дома. Словно тронь ее, и она сразу откроет глаза и недовольно забурчит.

Его веки тяжелели, и как только глаза закрылись перестало существовать все, что окружало его: запахи, цвета, дым, боль от возможной потери. Было тепло и тихо. Билось сердце — его или чужое, он не мог разобрать, но понимал одно — Элиза рядом с ним, она слышит его, ждет его слова.

— Элиза, — выдавил он из себя, но голоса своего не услышал.

— Мой ребенок, Бернард, мой ребенок, прошу тебя, прости меня, прости, — услышал он шепот.

— Элизабет, ребенок жив, он цел, вернись к нам, прошу тебя, вернись, попробуй, я протяну тебе руку, а ты держи ее, и мы вместе вернемся в наш дом, и родим наше дитя.

— Бернард... — голос становился тягучим и сонным, словно человек боролся со сном.

— Слушай, слушай меня, вернись, я клянусь тебе, что и здесь мы будем в безопасности, и я подарю тебе столько лет жизни, что все удивятся, — снова неслышно сказал он, понимая, что Элиза все дальше и дальше. И тогда он закричал что есть мочи: — Я умру, если ты не вернешься, ты поняла? Я умру рядом с тобой. Нашего ребенка оставят себе индейцы, и он никогда не узнает настоящей любви, Я умру не выходя отсюда. И ты узнаешь об этом в своем времени, оно не твое, ты там оказалась случайно. Вернись, — он чувствовал, как горит горло, но голоса своего он так и не услышал.

Дым снова вернулся. Запах гниющих болот пах отчаянием и смертью.

* * *

— Я умру, если ты не вернешься, — кричал Бернард, и глаза открылись сами. Глубокая ночь, тишина, сестра спит, не меняя позы. Бернард. Он кричал. Я была уверена, что это мне не снилось.

— К черту, Лиля, ты сильнее и умнее меня, ты не испугалась сделать то, на что я не смогла решиться сразу. Не мало я там оставила, не мало. Будь что будет, — прошептала я, села, откусила от подсохшего гамбургера большой кусок, прожевала, запила выдохшейся колой, еще раз перечитала слова губернатора в книге, и неслышно шмыгнула за стеклянную дверь. За ней бушевал шторм.

Медсестра проснулась от стука — дверь — купе, что вела из палаты на палубу открывалась и закрывалась от порывов ветра. Защелка не была закрытой.

Она подскочила и побежала закрыть. Кровати были пусты. Обе. На подушке лежала книга. Она зачем-то прочла последний абзац на открытой странице:

«Кларисс Джениферсон привнесла огромный вклад в развитие поселения, помогла в обустройстве школ и домов для новых поселенцев с детьми. Англичанка, ставшая женой Сквонто — индейца, что прочно скрепил взаимоотношения европейцев с коренными жителями, сделала больше, чем смогли сделать, присланные королем солдаты».

И только потом она поняла, что в ванной комнате тоже тихо, и побежала к телефону.

* * *

Пахло гадко дымом и почему-то смертью. Я не знала как пахнет смерть, но помнила, что дала название только одному запаху — я знала как пахнет нищета: старыми

слежавшимися тряпками, что хранятся непонятно зачем, сыростью и вскипевшей заваркой.

А этот запах был смертью.

— У меня не получилось, — попробовала прошептать я, и губы тотчас же треснули. Стало сладко и вкус железа обволок рот. Боль заставила поднять к губам руку. Но в тот же момент, рука потянулась к носу, к острым как нож скулам, и резко вниз — к животу. — Боже, Боже, спасибо тебе, Боже.

— Ааа-пааа-рана-ааа, — тянулся звук, не похожий на механический, но и человеческим его было сложно назвать.

Я лежала, оглаживая живот руками. Глаза, если их открыть, сразу начинало резать. Вдруг звук затих, словно его отрезали ножницами. На лоб легла ладонь. Горячая, пахнувшая сильнее, чем воздух в этой непроглядной темноте.

Потом рука потрогала руку, проследила ее движения. К лицу приблизилось что-то. Может чье-то лицо? Где я? Кто это? Страх за ребенка перекрыл все остальные страхи. Это ощущение материнства вернулось вместе с этим длинным и тощим телом.

В жилище, если это было жилище, открылась дверца, или полог, пахнуло чистым холодным воздухом, но попросить оставить ее открытой я не решалась. Вошла фигура, мужчина. Полог или дверь закрылись. Небо в проеме показалось лишь на доли секунды — темное с огромными звездами.

— Где я? — тихо сказала я.

— Ты дома, Элизабет, ты дома, — сказала темнота в углу голосом Сквонто.

— Клер?

— Она тоже дома. Все хорошо. Спи, мне сказали, что ты поспишь, а утром будешь здорова и сильна, как раньше. Для тебя готовят особое блюдо из голов трех бобров.

— Бернард?

— Он спит. Он звал тебя. Он не может сейчас быть рядом, у него не осталось сил. Я буду сидеть здесь до тех пор, пока ты не проснешься.

— Если я засну, я могу проснуться снова там, — испуганно прошептала я.

— Уже нет. Я не позволю, — ответил он, глядя мои волосы. Глаза не открывались из-за дыма. Сон пришел, как только я глотнула жидкости, что приложили к моим губам. Страх отступил. Руки лежали на животе, стараясь услышать ребенка, удостовериться, что с ним все хорошо.

Мы молчали с Бернардом, словно боялись спугнуть какое-то чудо. Мы уже две недели жили дома, но говорили только по необходимости. Мы словно обрели какое-то новое знание, какую-то невидимую глазу, неслышимую уху, неосязаемую струну, и держали ее так крепко, что движение каждого нерва тут же отзывалось на другой ее стороне.

— Идем, идем, — он взял меня за руку. — Закрой глаза.

Я доверилась и закрыла глаза так плотно, что даже солнечный свет не мог пробиться сквозь веки. Я шла за ним, как за тем голосом, который вернул меня сюда, и готова была идти столько, сколько потребуется.

— Открывай, — сказал он и обнял меня сзади, положив руки на округлившийся уже сильно живот.

Я открыла глаза и не смогла сдержать рыдания — я стояла перед огромным камнем, на котором было высечено:

«Я никогда не отпущу тебя, и через века смогу докричаться до тебя и вернуть тебя, ты будь жить долго, и не пожалеешь ни разу о том, что вернулась».

— Ее звали Аня, у нее рыжие волосы, она высокая и тонкая, а еще, она верит в то, что мужчины четыреста лет назад были романтичнее, — прошептала я.

— О ком ты?

— О нашем будущем, с которым я случайно встретилась еще до того, как встретилась с тобой. Я знаю, что еще должна сделать. Мне нужно в Новый Плимут, Бернард.

2021 год.

— Ань, ты точно решила ехать в Америку? — явно раздосадованным голосом спросил в сторону кухни молодой человек. Он был в очках, волосы светлые, раскиданные в разные стороны — без резинки он выглядел нелепо, но мило.

— Да, — голос приближался к гостиной. — Я столько лет искала информацию о своих предках, и только одна ветвь никак не давалась, а она была самой интересной, — в комнату вошла высокая, подтянутая, с красивыми рыжими волосами и тонкими скулами, девушка.

— Жаль, я не смог получить визу, — парень присел на край дивана, опустил голову. Девушка подошла к нему, передала кружку с чаем, и присела рядом:

— Не грусти, я только посмотрю на то место, где они обосновались. Там осталось только одно — камень, на котором мой пра пра и еще не знаю сколько раз прадед высек клятву моей бабушке. Он был родом из Шотландии, а она из Англии. Но она знала русский язык, и ее дневник сейчас хранится в географическом обществе на Аляске. Я изучила фото его страниц наизусть, и у меня есть к ней вопросы...

— Так ты едешь посмотреть на камень? На простой, блин, камень?

— Да, прикоснуться к нему, вдруг я что-то почувствую, — девушка загадочно улыбнулась.

— Это сказки, и ты слишком романтична, — заявил парень, чем очень расстроил девушку.

— Если четыреста лет назад были мужчины, способные на то, чтобы высекать на камне клятву, то мне лучше бы было родиться тогда, — она встала и направилась в кухню, где на столе стоял ноутбук с открытой страницей описания рейса. «Ничего, раз у меня получилось найти эту тропинку к истокам, значит это было не зря», — подумала девушка, и начала собирать чемодан.

После того, как две девушки упали за борт, и их достали, смогли реанимировать, и они даже начали выздоравливать, они снова утонули. Анну привели в палату, в надежде на то, что она заметит что-то необычное.

Книга лежала раскрытой на подушке Лилии. В глаза бросилось одно:

«Кларисс Джениферсон привнесла огромный вклад в развитие поселения, помогла в обустройстве школ и домов для новых поселенцев с детьми. Англичанка, ставшая женой Сквонто — индейца, что прочно скрепил взаимоотношения европейцев с коренными жителями, сделала больше, чем смогли сделать, присланные королем солдаты».

И не могла поверить, ведь этих строк не было ранее. Она читала ее два дня, и завершение книги помнила. Пытаясь отвлечься от трагедии с девушками, она сидела в каюте и читала неотрывно.

А сейчас, уже в фойе, молодой полисмен расспрашивал ее о их поведении, о разговорах о суициде.

— Нет, что вы, нет, они ехали на четырехсотый день Благодарения, а когда их вытащили, они говорили на русском, и меня позвали перевести то, что говорила Мария. Она звала Клер и Бернарда, она говорила, что беременна, что переживает за ребенка, но доктор сказал, что это не так, — Анна говорила, боясь сказать лишнее.

— У вас были общие знакомые, вещи? — спросил разочарованный в сдержанном тоне девушке полицейский.

— Нет, мы познакомились в первый вечер, и проводили вместе время, обсуждая Америку. А еще, я бы хотела забрать книгу... Я... давала ее почитать Лилии.

— Да, конечно, мисс Джонатан, если книга в палате, верните ее девушке.

— Идемте, она там и лежит, вы видели ее, — ответила медсестра, и указала, чтобы Аня пошла за ней.

Книга лежала раскрытой на последней странице, и Анна, задыхаясь от увиденного прочитала новые строки:

«... а также, Элизабет Колдер, помогавшая женщинам, прибывающим на кораблях невест, и запомнившаяся всем женщинам Нового Света своим высказыванием «Каждая Анна должна быть уверена в том, что ее жизнь стоит того, чтобы ее муж высек клятву не только на камне, но и в своем сердце».

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Поухатаны (традиционное написание, правильное поватены, *Powhatan*, *Powatan*, *Powhaten*, *Powhatan Renape*) — название одного из индейских племён штата Виргиния.

Действительный губернатор Нового Плимута с апреля 1621 года. Заступил на должность после смерти первого губернатора Джона Карвера. Был на посту 11 лет, и до его смерти (1657) его избирали на различные должности. В 1650 он опубликовал книгу «Плимутское поселение» — достоверное свидетельство очевидца, один из первых образцов американской историографии.

je ne parle pas français (франц) — я не говорю на французском.

Мэйфлауэрское соглашение, также Мэйфлауэрский договор (англ. Mayflower Compact) — документ, подписанный 11 (21) ноября 1620, по которому т. н. отцы-пилигримы (английские религиозные диссиденты, прибывшие в Северную Америку на барке «Мейфлауэр») договорились с Вирджинской компанией о предоставлении им внутреннего самоуправления.

Гонт — дранки, дощечки с пазами, употр. как кровельный материал.

Выражение одного из героев в фильме «Карты, деньги, два ствола»

Яков VI Король Англии с 24 марта 1603 до 27 марта 1625 (под именем Яков I)

Зелёные горы, Грин-Маунтинс (англ. Green Mountains) — горный хребет в штате Вермонт (США). Является частью Аппалачей.

Анжин — шаман североамериканских индейцев, заклинатель.

Je Veux (певица ZAZ)